

**АСПЕКТЫ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

5

**Материалы грузино-абхазской конференции:
преемственность культур
в контексте государственного строительства**

Адлер, 26-28 августа 2000 г.

Ирвайн
2001

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhazian Conflict

Editors: Paula Garb
Arda Inal-Ipa
Paata Zakareishvili

This publication was made possible by a grant from
The William and Flora Hewlett Foundation.

Copyright © 2001 University of California, Irvine

Social Science Plaza A 3151
Irvine, California 92697-5100
(949) 824-1227
(949) 824-1544 fax

СОДЕРЖАНИЕ

Foreword	4
Предисловие	5
Участники и мотивации	7-29
Рассказы о других встречах	29-51
Зураб Джапуа. Традиционные формы примирения в повествовательном фольклоре абхазов	51-58, 243-266
Марина Барцыц. Из культуры мира в абхазской традиции	58-69
Ираклий Сургуладзе. Возможная роль традиции в урегулировании грузино-абхазского конфликта ..	77-82, 266-279
Аслан Гуажба. Народная дипломатия и ораторство на Кавказе	82-85, 279-296
Тамара Шакрыл. Проблема четкой определенности языка общения официальной и неофициальной дипломатии в процессе урегулирования грузино-абхазского конфликта ...	99-119
Далила Пилия. Становление новой абхазской государственности	120-126, 296-309
Нодар Сарджвеладзе. Вместо доклада	137-144
Георгий Анчабадзе. Грузино-абхазское государство: историческая традиция и перспективы	147-150, 309-324
Нателла Акаба. Межнациональные отношения в условиях перехода к демократии	156-167
Олег Дамениа. Абхазо-грузинский конфликт: проблемы и перспективы урегулирования	185-190, 324-336
Лаша Бакрадзе. Абхазия 1918 года в документах германского МИДа	194-199, 336-342
Георгий Гвахария. Кино и телевидение как «чужое этническое пространство»	208-213
Марина Элбакидзе. Применение психологической модели для описания грузино-абхазского конфликта	216-222
Марина Пагава. Перемещенные	342-359
Summaries	349-359

FOREWORD

This is the fifth volume in a series of publications resulting from dialogues on various aspects of the Georgian-Abkhaz conflict. The project is sponsored by the University of California, Irvine, with funding from The William and Flora Hewlett Foundation. The authors of this volume's articles are academics, journalists and members of nongovernmental organizations on both sides of the conflict.

More than fifty people have participated so far in the eight meetings (or ten – if we count those from a previous project) and numerous parallel meetings. The goal of the project is to promote constructive dialogue among increasingly wider circles of people in the local communities in hopes of contributing to the peace process. We believe that a lasting peace is possible when all sectors of the public are engaged in conversation about the history and causes of the conflict and about mutually acceptable solutions. Therefore these citizen peacebuilding efforts complement the official peace process.

The articles in this volume were presented at a conference held in Adler, August 26-28, 2000. They focus on cultural continuity in the context of statebuilding. The conversations after each presentation were frank and constructive. Their transcripts were edited to avoid repetition and enhance clarity. (After all, the spoken language differs from the written style appropriate for publication.) The editors made no substantive changes to participants' remarks.

The most recent meetings held in Tbilisi, December 8-10, involved diverse sectors of the Georgian public and covered a wide range of topics: perceptions about the roots of the conflict, evaluation of the current situation, economic sanctions against Abkhazia, the issue of responsibility for past events, models of possible relations between the two sides, and prospects for citizen peacebuilding. The resulting publication is currently in press.

We will continue the dialogue process and the series of publications. We welcome your feedback on this and other volumes as we plan future activities. The editors and project coordinators can be reached at the following email addresses: pgarb@uci.edu, paatazak@access.sanet.ge, Abkhazia_NGO@yahoo.com.

The Russian publications are available on the internet at <http://hypatia.ss.uci.edu/gpacs/peacemaking/pubs.html>.

We are grateful to the staffs of the Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development and the Centre for Humanitarian Programmes for their major contributions to the editing and publishing of this volume.

Arda Inal-Ipa, The Centre for Humanitarian Programmes

Paata Zakareishvili, The Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development

Paula Garb, University of California, Irvine, The Center for Global Peace and Conflict Studies

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами пятый выпуск серии публикаций, возникшей в результате продолжающегося диалога о различных аспектах грузино-абхазского конфликта. Спонсор этого проекта – Калифорнийский университет в г. Ирвине, финансируется он Фондом Уильяма и Флоры Хьюлит. Авторы статей этого выпуска – ученые, журналисты и члены неправительственных организаций с обеих сторон конфликта. На сегодняшний день общее число участников наших конференций (всего состоялось уже 8 таких конференций, а с учетом встреч в рамках предыдущего проекта – 10) и множества параллельных встреч превысило 50 человек.

Цель нашего проекта – содействовать конструктивному диалогу все более широких кругов представителей общественности. Мы надеемся, что такой диалог будет способствовать миротворческому процессу. Мы считаем, что прочный мир возможен там, где в обсуждение истории и причин конфликта и поиск взаимоприемлемых решений вовлечены все секторы общественности. Эти гражданские миротворческие инициативы служат дополнением миротворческому процессу, идущему на официальном уровне.

Статьи, включенные в этот выпуск, представляют собой доклады, прочитанные 26-28 августа 2000 г. на конференции в Адлере. Главной темой этих докладов была преемственность культур в контексте государственного строительства. Каждый доклад сопровождался откровенной и конструктивной дискуссией. Во избежание повторов и невнятицы, записи дискуссий были отредактированы – ведь устная речь отличается от письменной, а нам надо было выдержать стиль печатной публикации. Но выступления участников дискуссии воспроизводятся без каких-либо существенных изменений. (К сожалению, нам не удалось восстановить несколько пробелов в магнитофонных записях.)

На последних наших встречах, прошедших 8-10 декабря в Тбилиси с участием представителей самых разных слоев грузинской общественности, обсуждались различные проблемы: представления о корнях конфликта, оценка современной ситуации, сложности процесса урегулирования, экономические санкции, проблема взятия ответственности за произошедшие события, модели возможных взаимоотношений сторон, перспективы гражданского миротворчества.

Материалы этих встреч сейчас находятся в печати.

Мы будем продолжать и диалог, и серию публикаций, и будем рады вашим откликам как на этот, так и на будущие выпуски – они пригодятся для планирования дальнейшей деятельности. Вы можете связаться с редакторами и координаторами проекта по электронной почте – вот их адреса: pgarb@uci.edu, paatazak@access.sanet.ge, Abkhazia_NGO@yahoo.com.

Публикации на русском языке можно найти в Интернете на сайте <http://hyratia.ss.uci.edu/gracs/peacemaking/pubs.html>.

Мы благодарны сотрудникам Кавказского института мира, демократии и развития (Тбилиси) и сухумского Центра гуманитарных программ за их большую помощь при редактировании и издании этого тома.

Арда Инал-Ипа, Центр гуманитарных программ

Паата Закареишвили, Кавказский институт мира, демократии и развития

Пола Гарб, Институт исследований миротворчества и конфликтологии, Калифорнийский университет, Ирвайн

Встреча началась с представления участников.

Паата Закарейшвили. Я представляю Кавказский институт мира, демократии и развития.

Арда Инал-Ипа. Я психолог, работаю в Сухумском доме юношества по программе АМКОР и в Центре гуманитарных программ – неправительственной организации в Абхазии.

Георгий Анчабадзе. Я работаю в Институте истории и этнографии Академии наук Грузии. Но нельзя сказать, что в данный момент я представляю эту организацию – я прибыл сюда как частное лицо, не уведомив руководство нашего института.

Ираклий Сургуладзе. Институт истории и этнографии Грузии. Я, так же, как Анчабадзе, прибыл без программы со стороны института. Но я надеюсь, что наш институт подключится к этой работе.

Мариан Сташевский. Старший политический советник, офис специального представителя Генерального Секретаря ООН в Грузии.

Батал Кобахия. Центр гуманитарных программ, неправительственная благотворительная организация, Республика Абхазия.

Манана Гургулия. Центр гражданской инициативы и человека будущего. Информационное агентство «Абхазпресс».

Далила Пилия. Абхазский государственный университет. Политолог.

Каха Беродзе. Неправительственная организация «Caucasus Links».

Лаша Бакрадзе. Я работаю в немецком культурном центре, но никакой организации здесь и сейчас не представляю.

Гоги Гвахария. Тбилисский корреспондент Радио Свобода. Ведущий авторской программы телекомпании Рустави-2.

Михаил Чачунашвили. Фонд «Открытое общество – Грузия» (Фонд Сороса).

Нодар Сарджвеладзе. Неправительственная организация «Фонд развития человеческих ресурсов». Одновременно работаю в Тбилиском государственном университете.

Марина Барцыц. Работаю в Абхазском институте гуманитарных исследований и представляю неправительственную организацию «Центр кавказских исследований». Этнограф.

Тамара Шакрыл. Никого не представляю. Кошка, которая гуляет сама по себе.

Слава Чирикба. Лейденский университет в Голландии.

Лена Кобахия. Менеджер Сухумского дома юношества.

Марина Элбакидзе. Представляю Кавказский институт мира, демократии и развития.

Аслан Гуажба. Абхазский государственный музей.

Русудан Каличава. Представляю неправительственную организацию – ассоциацию «Атинати» из Зугдиди. Кроме того, я координатор Зугдидского дома юношества.

Паата Майсурадзе. Представляю Тбилисский дом молодежи (программа АМКОР)

Томас Дуайер. Я работаю в международной организации АМКОР.

Кэтрин Дейл. Я работаю у г-на Дитера Бодена, который является специальным представителем Генерального Секретаря ООН и главой миссии ООНовских военных наблюдателей.

Нателла Акаба. Я представляю неправительственную организацию Ассоциация женщин Абхазии.

Олег Дамения. Работаю в Институте экологии горных территорий Российской академии наук. Веду лабораторией в этом институте.

Рейчел Клогг. Я представляю лондонскую неправительственную организацию «Ресурсы примирения».

Алхас Тхагушев. Я представляю сухумский Центр реабилитации АИС. Неправительственная организация.

Фатима Тхагушева. Доброволец Центра реабилитации АИС.

Зураб Джапуа. Абхазский институт гуманитарных исследований. Фольклорист.

Лиана Кварчелия. Офис Добровольцев ООН в Сухуми до 31 августа. После 31 августа – Центр гуманитарных программ.

Пола Гарб. Калифорнийский университет, Ирвайн.

Паата Закарешвили. – Спасибо. Итак, до обеда у нас будет такое мероприятие (мы вчера об этом вкратце говорили): те, кто постоянно участвуют в наших встречах, уже знают, что есть методика, по которой мы хотим определить, насколько эффективно работает

наш проект. Об этой методике и как это надо делать, расскажет Арда. Мы хотим, чтобы вы тоже в этом участвовали.

Арда Инал-Ипа. – Я вчера уже говорила, что эта методика называется «оценка действия». Вы знаете, что в постконфликтных зонах довольно много миротворческих проектов – люди встречаются, обсуждают какие-то сложные проблемы, но очень трудно бывает проследить, есть ли какое-то позитивное движение по какой-то позиции, добиваются ли чего-то люди, которые вкладывают свои силы в эту деятельность. Поэтому мы используем эту методику для того, чтобы время от времени, от встречи к встрече, проговаривать наши цели и ставить общие задачи. Из всех наших конкретных и индивидуальных целей нам предстоит выбрать то, что является общим для всех участников конференции, и потом мы получаем обобщенные цели, которые разделяет каждый участник встречи. Конечно, при этом какие-то уникальные или групповые цели пропадают, но, тем не менее, остается что-то, что объединяет всех нас, что объединяет всех людей, которые все-таки находят время и силы участвовать в данном проекте.

В общем-то, это очень простая методика, потому что нужно ответить... Ну, иногда количество вопросов меняется, но, в основном, это два вопроса.

Какова цель вашего участия в данной конференции и в подобных встречах?

Почему вы участвуете в этой деятельности?

То есть, что вы хотите получить от этой встречи и почему вы участвуете в такой деятельности, в подобном проекте?

Каждый из нас должен ответить на эти два вопроса.

Это необычная конференция – не просто научная конференция, хотя здесь много исследователей, научных сотрудников, это еще и миротворческая встреча, миротворческая конференция. Поэтому, когда мы проговариваем наши цели, когда мы знакомимся с мотивацией друг друга – это уже первый шаг к пониманию того, что стоит за каждым из нас, какие у нас цели, какие мотивы участия в этом миротворческом движении. Это бывает полезно. Например, я знаю, что лично для меня, и для других тоже, когда мы пытаемся проговорить, артикулировать, вербализовать наши цели и мотивы – оказывается, что это не так просто. Вроде бы ясно, понятно, почему я туда

еду, но когда это нужно выразить ясно и понятно для других, что-то становится более ясным, более осозанным для меня самой. Поэтому это полезно и для общения, и для какого-то внутреннего понимания своей мотивации.

Георгий Анчабадзе. – Мотивы, которые движут мной при участии в конференциях подобного рода – это желание способствовать процессу сближения позиций грузинской и абхазской общественности, чтобы, наконец, дойти до такого уровня взаимопонимания, когда спорные вопросы можно будет решать мирно и на взаимоприемлемых условиях. Я думаю, этого достаточно.

Пола Гарб. – Это цель. А почему? Какая мотивация?

Георгий Анчабадзе. – Я считаю, что в этом отношении, в отношении построения мостов доверия между сообществами на неправительственном уровне, проект Калифорнийского университета – наиболее успешно развивающийся.

Паата Закарейшвили. – Наверно, нам лучше пойти по этому кругу, потому что здесь больше людей, которые уже что-то знают...

Хотя здесь нет ничего сложного, но когда вопрос ставят в лоб, в самом деле, очень трудно ответить. Я, наверно, чаще всех отвечаю на такие вопросы, и я всегда затрудняюсь что-то сказать, потому что, во-первых, я повторяюсь. Вначале я очень оптимистически подходил к этому процессу, но, к сожалению, процесс идет не так быстро, как я бы хотел. Поэтому мне часто приходится повторять мои мотивации, цели, которые я ставил уже несколько лет тому назад, и причины – почему я продолжаю участвовать в таких мероприятиях.

Цель нынешней конференции и этого процесса... Я участвую во многих разных встречах, очень много встреч проходит по грузино-абхазскому конфликту – удачных, менее удачных, формальных, неформальных, разного формата, и во многих из них я участвую, и все-таки я считаю, что эта конференция, этот проект, для меня наиболее эффективны. Я считаю, что здесь мы достигли больше всего. Конечно, об успехах трудно говорить, но об определенных достижениях говорить можно. Здесь уже есть какие-то достижения и есть довольно интересный диалог, очень откровенный. Я получаю огромное удовлетворение оттого, что я здесь, например, могу слушать мнения, позиции моих коллег – чаще, может быть, оппонентов, но в любом слу-

чае коллег. И это мои друзья. Здесь я лучше понимаю те проблемы, которые стоят перед Грузией. Я ведь больше всего занимаюсь общественной деятельностью в самой Грузии и хочу реализовывать свои желания в грузинском обществе. Работая с абхазами, мне легче понимать, какие у нас проблемы в Грузии. Вы часто лучше нас показываете те проблемы, которые есть в нашем обществе, где мы на чем-то спотыкаемся. Здесь всегда идет очень откровенный разговор, и поэтому я всегда очень стремлюсь к участию в таких конференциях.

Почему я это делаю? В принципе, я уже ответил: потому что мы в самом деле обогащаем друг друга. Мне кажется, что мое участие в этом диалоге полезно и для моих абхазских коллег. Для меня, например, оно очень полезно. Я считаю, что это происходит взаимно – мы друг друга как-то информируем. Мы часто говорим, что между нами нет обмена информацией, информационный вакуум. Нет не только фактического материала – в Абхазии не знают, что происходит в Грузии, в Грузии не знают, что происходит в Абхазии, — но и что происходит внутри, какие процессы происходят в развитии общества, этого тоже не видно. А это уже не фактологический материал, его невозможно посмотреть, об этом надо побеседовать и почувствовать. И на таких встречах вот это происходит – мы чувствуем, как развивается общество.

Я считаю, что для меня это очень полезно, и я очень много получаю от таких встреч.

Арда Инал-Ипа. – Мы с Рейчел только что посчитали, сколько подобных встреч прошло в рамках программ Калифорнийского университета – оказалось, что это уже восьмая встреча. Я участвую в этой встрече, чтобы этот процесс продолжался. Это восьмая встреча, но это уже третий проект. Каждый раз формат немножко другой, меняется метод работы. И мне хочется, чтобы на этой встрече мы сообща выработали какой-то оптимальный способ работы, чтобы мы работали более продуктивно. Я тоже каждый раз узнаю много нового и от грузинских, и от абхазских участников, и мне будет интересно просто выслушать всех вас. Вот мои цели – отработать методику проекта, выслушать и узнать что-то новое.

Почему я участвую в этой деятельности? Потому что уже, действительно, как сказал Паата, мы видим: очень много накапливается в отношениях между сторонами из-за незнания, из-за неглубокого,

поверхностного понимания друг друга. Я уже говорила, что, когда мы проговариваем свои мотивы, мы начинаем лучше понимать сами себя... И мне кажется, что на этих встречах, когда мы пытаемся объяснить друг другу то, что очень важно и болезненно для каждой из наших сторон, мы сами тоже начинаем глубже понимать, что происходит у нас. Описывая другому, пытаюсь объяснить человеку, который не находится в контексте твоей жизни и твоих проблем, ты сам начинаешь лучше во всем разбираться. Я считаю, что это очень полезно. Это один мой мотив.

А другой... Я считаю, что агрессивным людям объединяться всегда как-то легче, а вот люди доброй воли всегда с трудом находят возможность объединяться. Мне кажется, если с помощью этого проекта мы будем как-то находить людей с общими миротворческими целями и если мы превратимся в такую силу, с которой будут считаться – это было бы большим достижением нашего проекта. Я думаю, что в рамках этой программы происходит поиск таких людей, которые на позитивном пути.

Пола Гарб. – Общая цель этого проекта – и лично я тоже присоединяюсь к этой цели – это трансформировать конфликт, то есть радикально изменить ситуацию в лучшую сторону. Конкретно, на этой конференции хотелось бы искать более эффективных путей. До сих пор мы считали, что работать в этом направлении надо не торопясь. А сейчас, мне кажется, мы уже можем торопиться, то есть мы достигли такого уровня откровенного разговора, который на этой конференции позволит перейти на качественно новый уровень, когда можно будет более конкретно, более подробно, более конструктивно искать какие-то выходы из создавшейся ситуации. И найти возможности передать все, что достигнуто здесь – наше взаимопонимание – более широко, как можно шире распространять эти достижения в своих обществах – в абхазском и грузинском. И очень важно прокладывать больше мостов между официальными и неофициальными процессами. Мне кажется, после этой конференции у нас будут более интересные моменты, которыми можно будет поделиться и с теми людьми, которые занимаются этим на официальном уровне. Я очень рада, что здесь представлены люди из ООН. Это поможет нам быстрее строить эти мосты, чтобы было больше общения и чтобы мы все

работали более целенаправленно, работали быстрее. Вот такие цели: работать конструктивно, быстрее и эффективнее.

Мотивация... Если начать широко, то я как-то с детства была воспитана в семье, где мы считали, что все проблемы можно решать в мире без войны, то есть у меня был очень крепкий антивоенный настрой. И это так и осталось. Мне хочется отработать со своими коллегами действительно общий подход к этому делу – чтобы люди решали все сложные, важные проблемы без оружия, а если уже произошло вот такое, случилась такая беда, то как можно быстрее находили способ восстановления связей, восстановления взаимопонимания.

Мне небезразлична судьба людей в этом регионе, вот почему я не могу этим не заниматься. Вот такая мотивация: у меня просто нет другого выхода.

Лиана Кварчелия. – Как участница восьмой встречи... Седьмой?.. Значит, в восьмой тоже буду участвовать. ...Я, наверно, тоже повторюсь и скажу то, что говорила на прошлых встречах. Мне кажется, что до войны мы упустили много возможностей, чтобы не допустить того, что произошло. И, конечно, сейчас испытываем чувство ответственности за то, что происходит. Тем более, когда ты уже как-то публично высказываешь свои суждения по поводу того, что должно происходить дальше – это чувство ответственности как-то вырастает. И отойти от этого процесса уже сложно. Даже какая-то зависимость уже вырабатывается. Но мне кажется, что есть еще один важный момент. Особенно во время войны, но и после войны (это, наверно, было естественно) мы часто апеллировали ко всем, кроме наших оппонентов, с тем, чтобы нас поняли, нас услышали. И я рада, что в рамках этого процесса у нас есть шанс быть выслушанными и, в общем, понятыми грузинской стороной. Мы часто говорим, что конфликт усугубляется от того, что не знают, к чему мы стремимся, каковы наши опасения, чего мы хотим, наши потребности и т.д. Мне кажется, что в рамках этих встреч такая возможность у нас появляется. И по тем публикациям, которые появляются в результате этих встреч (ну, я надеюсь, результаты этих встреч появляются не только в сборниках, но и в каких-то ваших статьях и интервью), мне кажется, что вот такое понимание есть – где-то в большей степени, где-то в меньшей. Это очень важный результат. До сих пор я как-то больше

говорила о самом процессе: о том, что очень важно, чтобы мы говорили, а не стреляли друг в друга. Но вот сейчас я вижу, что есть и продуктивные результаты. Может быть, они скромные по масштабу своего воздействия на общество, но то, что они есть, дает надежду на то, что это влияние будет как-то распространяться – может быть, медленно, но все-таки распространяться.

Зураб Джапуа. – В работе проекта я участвую впервые, и участвую благодаря первому сборнику проекта. Почему? Потому что, когда я увидел этот сборник, я понял, что такие встречи, такие сборники, такое обсуждение, такой разговор необходимы. Потому что, я думаю, для выхода из конфликтной ситуации необходимо – и тут я ничего оригинального не скажу – именно общение. Нам, может быть, кажется, что мы знаем друг друга достаточно хорошо, но я считаю, что как раз таки это знание здесь очень ограниченное. Такое общение, такие сборники, такие конференции – они очень необходимы. Я понял что-то, что касается традиций народной дипломатии, поскольку я занимаюсь непосредственно этими проблемами, посчитал, что смогу как-то объяснить, написать о народной дипломатии, о традициях, об истоках, то есть написать кое-что, что может дать читателю какие-то знания, что-то объяснить. Вот, в принципе, причины и цели моего участия в данном проекте.

Фатима Тхагушева. – Я тоже в первый раз, и, в принципе, мое присутствие не было запланировано. Но я очень рада, что представилась такая возможность, и я надеюсь услышать очень много интересного и все понять – по крайней мере, постараюсь.

Алхас Тхагушев. – Я здесь впервые. Мне очень интересно все, что здесь происходит. Мне трудно разобраться со своими ощущениями, с тем, что я сейчас чувствую, то есть сложно как-то разложить все это по полочкам. Я знаком с материалами предыдущих сборников, и мне было очень интересно знакомиться с позициями представителей и грузинского, и абхазского обществ. Я с удовольствием здесь присутствую, и я надеюсь, что мое присутствие будет чем-то полезно. Буду рад, если смогу что-либо внести от себя в этот процесс.

Арда Инал-Ипа. – Почему ты вообще решил в нем участвовать?

Алхас Тхагушев. – Я считаю, что это единственно возможный выход из ситуации, в которой мы оказались. Я не вижу альтернативы

общению, я не вижу альтернативы вот этому тяжелому пути, когда мы пытаемся понять друг друга, пытаемся найти какие-то точки соприкосновения. Насколько я знаю, эти люди уже не первый год встречаются – это уже седьмая встреча. И они достигли больших результатов, на мой взгляд.

Рейчел Клогг. – Цель моего присутствия здесь – познакомиться со всеми вами и научиться чему-то для себя. Я с радостью буду вас слушать. Мне интересна и сама методика – поскольку я участвовала в некоторых других проектах, мне очень хочется понаблюдать за методикой и найти какие-то общие приемы.

Очень трудно сказать – какая мотивация. Я, так же, как и Пола, выросла в семье, где был антивоенный настрой (это была семья квакеров). Я думаю, что это очень на меня повлияло. Видимо, где-то на глубоком уровне я хочу разобраться с конфликтами и понять, что такое конфликт и как можно найти пути выхода из него без насилия. Конечно, общение – это очень важно, надо найти какие-то точки соприкосновения. Я довольно часто спрашиваю себя, почему я здесь – у нас ведь дома тоже столько конфликтов (вы, наверно, знаете, что на прошлой неделе в Северной Ирландии опять что-то рухнуло). Очень хочется понять для себя, почему я здесь, а не там. На самом деле, это судьба как-то привела меня сюда. И для меня очень важны те отношения, которые здесь складывались.

Олег Дамения. – Цель моего присутствия здесь – помочь в урегулировании конфликта. Мотивы – разные, как и у многих из вас. Как я уже говорил, я работаю в Институте экологии горных территорий, и мы там разрабатываем модель эко-культурной системы Кавказа. И то, что мы там разрабатываем на академическом уровне, показывает, какие вообще конфликты бывают в природе, какие из них наносят природе наибольший ущерб. Думаю, что нет особой необходимости доказывать здесь, что наибольший ущерб природе наносят конфликты между людьми, сообществами. Должен сказать, что академический подход весьма отчетливо отличается от других подходов, скажем, от политико-правового подхода: он позволяет более широко и глубоко посмотреть на истоки, масштабы, последствия этого конфликта или любого другого конфликта. С другой стороны, участвуя в выполнении этого проекта, я имею возможность апробиро-

вать те исследования, которые я лично провожу в рамках этого института. Вот, пожалуй, все.

Нателла Акаба. – Если говорить о том, как я вижу цели вообще этого проекта, то я являюсь сторонницей именно трансформации конфликта, а не просто его урегулирования, что, на мой взгляд, не дает гарантий как бы долгосрочного мира. Я вижу, что на этих встречах происходит определенная трансформация наших обществ, без чего совершенно невозможна трансформация данного конфликта. Конечно, это крайне болезненный процесс. Наше общество изменяется очень медленно, и не всегда эти изменения носят поступательный характер. К сожалению, бывают и какие-то откаты назад, но, тем не менее, мне кажется, что идет какой-то общий процесс все-таки в позитивном направлении. Данный проект является заметной частью этого процесса. Лично я уже давно участвую в этом проекте, и он уже стал какой-то частью моей жизни. И мне будет грустно, если все это прекратится. Во-первых, во время этих встреч можно восполнить дефицит информации, который существует сегодня в Абхазии – лично для меня это, может быть, самый болезненный дефицит. Я узнаю здесь очень много нового. И, может быть, в какой-то степени я воспринимаю эти встречи как полигон для отработки каких-то новых подходов и идей, без чего, я совершенно убеждена, этот конфликт никогда не сможет уйти в историю.

Кэтрин Дейл. – С вашего разрешения, я отвечу немножко наоборот. Сначала я отвечу на вопрос, почему я приехала. Это не столько из-за доброго приглашения организаторов, сколько по просьбе моего шефа, г-на Дитера Бодена. Он сам, к великому сожалению, не смог принять участия. Он сейчас в отпуске. Но он хотел, чтобы я приехала от его имени и подчеркнула нашу поддержку вашей работы – не только в материально-техническом плане, как часто бывает, но и в более существенном. Как вы знаете, мы с г-ном Боденом работаем, в основном, над мирным процессом на уровне правительства.

Батал Кобахия. – Только вы вдвоем или еще кто-то работает в ООН? (Смех.)

Кэтрин Дейл. – Есть еще многие. В первую очередь, это мой коллега – г-н Сташевский. В этом контексте наша основная цель – это всеобъемлющее политическое урегулирование конфликта. Но мы

сами прекрасно понимаем, что простая бумага сама по себе ничего не решит. Очень нужен какой-то положительный общественный фон. Мне кажется, что это часть нашей с вами общей проблематики. В нашем процессе, вы, наверное, знаете, есть такая часть – меры по укреплению доверия. У нас уже состоялись встречи – сначала в Афинах, потом в Стамбуле, и вроде бы в ближайшее время планируется третья такая встреча, в Ялте. Это на базе заключительного заявления первой Женевской встречи под эгидой ООН, которая состоялась в ноябре 1997 г. Есть такая линия как часть нашего общего процесса.

Цель моего приезда – в первую очередь, поглубже ознакомиться с вашей работой, получше понять, как мы можем ей содействовать и дальше работать вместе.

Томас Дуайер. – Цель моего участия в этой конференции – побольше узнать от вас, получить побольше информации, и я надеюсь, что в будущем это поможет мне лучше понимать подходы и методы, применяемые в трансформации конфликта. Мне также очень интересно ваше мнение о том, как их можно применять потом в реальной жизни. Вторая цель, которая близка к первой – поскольку я работаю директором молодежного проекта, мне было бы интересно узнать, как вы считаете, как все то, что здесь будет сказано, и все, что делалось и делается, может быть реализовано в отношении молодежи. Личная моя мотивация – это то, что я верю в ненасилие и в ненасильственную трансформацию конфликта, это принцип, который я поддерживаю профессионально и лично. Этот подход у меня не только сейчас, на Кавказе, где я работаю, он был у меня и когда я работал на Балканах. Я рассчитываю получить удовлетворение от той информации, которую я от вас получу, и мне хотелось бы многому от вас научиться.

Тага Майсурадзе. – Какова цель моего участия? Как сказал Томас, который является директором нашего проекта, я директор тбилисского Дома молодежи – мы работаем с молодежью, и мы занимаемся трансформацией и различными тренингами по урегулированию конфликта с 1998 г., но среди молодежи. И поэтому мне было очень интересно приехать сюда и посмотреть, что же происходит на другом уровне, что происходит среди взрослых. Чтобы потом мы смогли применить это в работе с детьми, поскольку мы работаем в обла-

сти образования и воспитания. А моя личная цель... Я всегда была очень миролюбивым человеком, и мне неприятно наблюдать, когда... Недавно я читала одну статью Николая Рериха, и там было написано, что ничто не спасет человечество от саморазрушения, только само человечество. И к этому мы сможем прийти через образование и воспитание. Поэтому мне самой было очень интересно познакомиться со всеми вами, поучиться от вас, глубже вникнуть в эту проблему и в дальнейшем применить ее к молодежи.

Русудан Каличава. – Я новый участник этой конференции, и я хочу поблагодарить ее организаторов, которые пригласили меня сюда. По-моему, такие встречи очень важны и очень нужны на человеческом уровне. Честно говоря, для меня было очень интересно увидеться с моими друзьями и коллегами из сухумского Дома юношества – с Ардой и с Леной, а также познакомиться с новыми неправительственными организациями, которые работают в Абхазии, чтобы в будущем общаться с ними.

Аслан Гуажба. – Как говорит абхазская мудрость, нестранствовавший подобен неродившемуся. Я здесь уже третий раз, и я вижу, что этот проект, как хорошая зимняя яблоня, уже дает кое-какие плоды. Дело в том, что обычное право, методы народной дипломатии – это именно то, о чем мы говорим последние два года. Неудобно мне, конечно, об этом говорить, но с моей легкой руки уже защитили две диссертации. Потом я вижу, как с той и с другой стороны мы познаем друг друга. Это самое главное. Я думаю, что будут хорошие результаты.

Марина Элбакидзе. – Цель моего участия – как-то содействовать трансформации этого конфликта. Может, это будет какое-нибудь исследование, совместный проект или общение с другой абхазской группой. Может быть, завтра (хоть я на это и не надеюсь) на политическом уровне этот конфликт разрешится – говорят, в каждом обществе есть какой-то механизм саморегуляции, и на этом уровне все как-то разрешится. Я в это не очень верю, но если даже это так, наше общение, я думаю, этому поможет. В любом конфликте, какой бы он ни был – на семейном, на личностном уровне или на уровне вот таких больших групп людей, обществ – надо просто поговорить, дать друг другу возможность прямо сказать, как думает одна сторона и как думает другая. И мы такими встречами даем друг другу возмож-

ность поговорить и узнать друг друга. Я думаю, что если это и не разрешит конфликта, то хотя бы поможет тому, чтобы предотвратить еще одну войну.

Лена Кобахия. – Я тоже, наверно, не исключение. Я тоже впервые участвую в подобной встрече. Я очень много слышала об этом проекте и очень благодарна за то, что имею возможность в нем участвовать. Сам факт, что все больше и больше новых людей участвуют в этом проекте, мне кажется, говорит сам за себя, говорит об успехе проекта. Потому что чем шире круг людей, желающих понять, услышать друг друга, тем лучше. Собственно, это и мотивация, и цель моего участия здесь – я думаю, что эти два вопроса как-то слиты.

Вячеслав Чирикба. – Я согласен с Леной, с Паатой, с Рейчел: мне тоже очень трудно разделить мотивацию и цели, когда все это так переплетено. Мне будет очень трудно сидеть и думать: где мотивация, а где цель. Я просто скажу, что меня сюда привело – это любезное приглашение участвовать в этой конференции. По специальности я кавказовед, и мне очень интересно не только прошлое народа или языка, но и его современное существование. Кроме того, я уже давно участвую в таких встречах. Сначала они были более политическими. Вот эта конференция уже менее политизированная, и очень интересно наблюдать, фиксировать изменения в грузинском и абхазском обществах, которые сначала жили как бы общей судьбой, но потом разделились. И очень интересно, как они в таком разделенном состоянии развиваются. Я считаю, что такие встречи очень важны, потому что, хотя это громкие слова, это, в принципе – инвестиция в мир. Мы инвестируем в мир. Когда люди знают друг друга, то уже легче найти общий язык.

Я уверен, что войны, которая была между нами, можно было избежать, на сто процентов уверен. Не было диалога, не было контакта, не было желания понять друг друга. Вот сейчас желание, кажется, есть. Я очень рад это наблюдать. Я знаю, одна из мотиваций была общаться с коллегами и обмениваться идеями. Я считаю, что чем больше сегментов нашего общества будет общаться, вести диалог, тем труднее будет ястребам с той и с другой стороны обосновать новую войну. Я приветствую конференцию и считаю, что очень счастлив, что я здесь участвую.

Тамара Шакрыл. – У меня нет никакой цели. Я здесь потому, что это мой образ жизни. За свою долгую жизнь я полвека была в гуще нетерпимости к несправедливости. За это время я успела побывать и в диссидентах, и в безработных, и т.д.

Моя нетерпимость к несправедливости пусть вам не покажется абхазским этноцентризмом. Здесь у меня есть свидетель, который может подтвердить мои слова, которые я сказала на встрече с Патиашвили, бывшим секретарем ЦК Грузии. Когда у нас несколько изменились отношения, они приехали в Абхазию всем Центральным комитетом и имели встречу с абхазской интеллигенцией. И я произнесла клятву, которую я никогда до этого не произносила – и после этого тоже – что если бы в тот момент абхазы были на положении грузин, а грузины в положении абхазов, то я сказала бы своим братьям: «Нет, мои дорогие братья. Я с вами не пойду. Я с грузинами, потому что они правы. Это право каждого народа на свою независимость и распоряжение собственной судьбой». Вот почему я сегодня с вами. Спасибо за внимание.

Марина Барцыц. – Цель у меня неоригинальная, как и у большинства – цель информационная и коммуникационная. Как все здесь говорили, больше знания – значит, больше понимания, а значит, меньше страха и, возможно, больше мира.

Почему я здесь? Дело в том, что мне этот проект очень симпатичен своей научностью. Особенно меня заинтересовало название сегодняшней конференции. Дело в том, что я участвую не первый раз, и мне показалось, что это новый этап этих встреч. Потому что мы, наконец, начинаем говорить о будущем. Мне кажется, что появляется свет в конце тоннеля и мы немножко освободились от прошлого и, может быть, даже от настоящего.

Нодар Сарджвеладзе. – Когда мы проводим эту процедуру, я часто ловлю себя на мысли, что во время слушания хочу для себя сформулировать свою позицию и раздвоен: с одной стороны – слушаю, с другой стороны – хочу сформулировать, что бы я сказал. Потом я в своем уме откладываю это – я считаю, что надо думать и говорить в тот момент, когда придет твой черед.

Поэтому я хочу здесь и сейчас сформулировать, какова моя цель и почему я здесь. В последние годы я занимаюсь психосоциальной реоби-

литацией беженцев, сейчас занимаюсь проблемой чеченских беженцев, и жизнь приучила меня жить с людьми, у которых очень много душевных ран, очень много боли. И я пришел к выводу, что ни одна из сторон не сможет залечить свои раны в одиночку. И что путь к выздоровлению лежит через диалоги и общение, то есть диалоговое общение как бы вылечивает общество. Поэтому цель моего присутствия и вообще цель подобных наших встреч я вижу в диалоговом общении между сторонами, которое является как бы не целью, а средством для выздоровления больных обществ, которыми являются Грузия и Абхазия.

Это с одной стороны. С другой стороны, есть еще какая-то личная цель участия в этом процессе. И, наверно, это даже мотивация. Она заключается в следующем. Когда я в первый раз ехал на нашу встречу, у меня была более четкая позиция, четкая цель – как сделать тот или иной проект. И действительно, мы проделали какую-то работу, какие-то исследования. Теперь я на такой стадии, когда у меня какой-то кризис: я не знаю, чем заниматься дальше. Я решил сейчас, это как бы моя личная мотивация – на основе нашего сегодняшнего общения поставить для себя цель для моей будущей деятельности в плане продолжения этого проекта. Почему? Я абсолютно согласен с Нателлой, что не дай Бог, если этот проект закончится. Потому что, с одной стороны, мы как бы привязались к этому проекту, с другой стороны, сложилась какая-то общность чувств, общность идей, сложились какие-то межличностные отношения, очень для меня ценные. Если не вложить свою инвестицию в этот проект, то, наверно, проект прекратится. Если мы уйдем с этой конференции с какими-то конкретными целями, то я способствовал бы продвижению этого очень ценного для меня проекта. Вот такова моя мотивация. Может быть, я говорил немного сумбурно.

Михаил Чачхунашвили. – Основная цель моего визита совпадает с целью проекта – трансформировать существующий конфликт. Кроме того, меня очень интересует, как работают неправительственные организации в Абхазии. Я ведь больше знаком с грузинскими неправительственными организациями. Еще одна цель – познакомиться с активными людьми, у которых есть интересные идеи.

А мотивация, видимо, в том, что я тоже считаю, что могу внести вклад в трансформацию конфликта.

Гоги Гвахария. – Я тоже впервые на такой конференции. В первую очередь, я хотел познакомиться, пообщаться с людьми, которых я всегда воспринимал как своих соотечественников, а меня, к сожалению, лишили возможности с ними общаться. Поскольку я уже четвертый год готовлю телепередачу, в которой, помимо всего, исследуются психологические аспекты национальных конфликтов, и поскольку эта передача как-то выражает общественное мнение Грузии, я решил поделиться опытом и рассказать вам об этой передаче.

Лаша Бакрадзе. – Я тоже впервые участвую в такой конференции. Я всегда скептически относился, и до сих пор так отношусь, к этим вещам, но все-таки мне тоже очень интересно, как это все происходит. Мне, главным образом, интересно познакомиться с абхазами, с которыми, к сожалению, последнее время нет никаких контактов, потому что и в грузинском, и в абхазском обществах очень много предубеждений. И я хотел бы поговорить и получить информацию из первых рук, а не через те информационные средства, которыми мы до сих пор пользуемся. Я надеюсь, что такие встречи, если они будут проходить часто и побольше людей будет принимать в них участие, все-таки что-то дают. Если люди будут знакомы друг с другом, я думаю, это поможет не в трансформации, как сейчас часто говорится (а мне это слово очень не нравится), а в решении конфликта.

Каха Беродзе. – Я хочу выразить благодарность г-же Гарб за приглашение. Я не являюсь участником этого проекта, но я представитель международной организации, у которой тоже одна из целей – заниматься мирным урегулированием этого конфликта, и мне очень интересно увидеть и перенять ваш опыт и тот механизм, который заложен в этом проекте. Это для меня очень полезно. Я мог бы и поделиться опытом моей организации в этом деле.

Я буду говорить о личной мотивации. В принципе, чего я хочу? Почему я в этом процессе вообще? У меня нет готового продукта, чтобы вот положить на стол и сказать, что именно так можно урегулировать конфликт. Но я вижу смысл моей деятельности в том, чтобы помочь людям дойти до такой кондиции в психологическом плане, чтобы они избавились от стереотипов, избавились от наработок той боли, которую испытали оба общества из-за той войны. И беседовали бы уже с холодным рассудком и теплым сердцем, конструк-

тивно разговаривали о том, как решить этот конфликт. Если мы не избавимся от стереотипов, от образа врага, то невозможно ни о чем говорить. Спасибо.

Далила Пилия. – Я тоже участвую в первый раз. Хотелось бы выразить огромную благодарность за приглашение и возможность принять участие. Я очень сожалела, что, когда создавалась программа, меня не было в Абхазии, но в последний год я уже имела возможность следить за деятельностью вашей группы и вашими работами. Я должна сказать, что они представляют очень непростой интерес для студенческой молодежи. Поскольку я работаю с ними очень часто, я рекомендую ваши работы, которые они с удовольствием читают. Конечно, восприятие неоднозначное, но вместе с тем, я очень рада, что в ваших работах прослеживаются какие-то позитивные результаты. И я это тоже ощущаю в работе со студенческой молодежью. Я думаю, что это одна из основных целей, почему создана данная программа и почему я хотела бы принимать в ней участие. Кроме того, я уверена, что преодоление трудностей сближает народы. А становление государственности, трансформация постконфликтной государственности, проблема, которой я занимаюсь – она является проблемой для всех постсоветских государств, в особенности, постконфликтных. Я уверена, что мы найдем много общих проблем, о разрешении которых у нас будут общие представления. В этом плане я бы очень хотела в дальнейшем сотрудничать с вашей программой, если будет такая возможность. И я не могу не сказать, что я выросла в большой многонациональной семье – в моей семье более пяти национальностей – и вот эта национальная толерантность с детства была для нас характерна. Естественно, я пытаюсь в этом духе воспитывать и свою студенческую молодежь. И ваша программа, ваша деятельность – это альтернатива радикально-агрессивной деятельности средств массовой информации (к сожалению, с обеих сторон). Поэтому я бы очень хотела, для себя и для группы, пожелать дальнейшего продолжения. Я думаю, что она несет идею, которая материализуется. Еще раз очень благодарна за то, что принимаю участие. И еще я очень благодарна за то, что я визуально знакомлюсь с авторами, с которыми уже знакома пофамильно, чьи работы я часто цитирую и сама читаю с удовольствием.

Манана Гургулия. – Мне импонирует цель проекта – трансформация конфликта. Думаю, что в полномасштабном урегулировании грузино-абхазского конфликта заинтересованы мы все, но это сложный, длительный и многоуровневый процесс. И мне представляется недостаточным участие в нем только политиков верхних эшелонов власти. Этот процесс может оказаться продуктивным и содержательным, если в нем будут участвовать представители самых разных слоев населения, в том числе и представители НПО и научной общественности. Данный проект позволяет, на мой взгляд, достаточно продуктивно участвовать в этом процессе представителям неправительственных организаций, научных кругов и средств массовой информации оппонировавших друг другу сторон. У нас есть много что сказать друг другу, и мы очень многое хотим услышать друг от друга, и этот проект дает нам такую возможность. Так что за счет уважаемого нами американского налогоплательщика мы удовлетворяем свой познавательный интерес (это, конечно, шутка). Я не первый раз участвую в подобной встрече. Здесь очень много людей, с которыми мне приятно увидеться. С кем-то я познакомилась сегодня, и надеюсь, что наши встречи будут продуктивными, с кем-то я уже давно знакома. Мы сотрудничаем, общаемся, дискутируем, и я считаю, что для меня это очень полезно – мне нужно приезжать на такого рода встречи, чувствовать свою необходимость, в том числе и у себя в обществе.

Батал Кобахия. – Когда медведя спросили, любит ли он мед, он заплакал. Я сейчас тоже в таком состоянии. Я не представляю себе, что я мог бы не участвовать в этом процессе. Последние семь лет я участвовал в различных встречах, процессах, которые так или иначе способствовали трансформации конфликта, и это не всегда двусторонние встречи. Раньше встречи были очень тяжелыми, а сейчас стали какими-то подозрительно спокойными и доброжелательными. Иногда я как-то нервничаю по этому поводу и выпускаю немного яда, проверяя себя. Процессов очень много. Я думаю, что достаточно много сделано для того, чтобы это разделенное общество, в котором мы живем – я имею в виду не только абхазов и грузин, я имею в виду вообще постсоветское пространство, потому что мне, в принципе, нравилось, что я жил в стране, где очень много народов, где друг к другу ездили, друг

друга видели... У каких-то народов, мне казалось, не очень хорошие традиции, непонятные мне, но это не вызывало у меня какого-то ужасного состояния. Ну, не нравится, и все. К сожалению, эти различия, которые раньше воспринимались совершенно спокойно, в последнее время выносятся на первый план, из-за этого люди воюют, убивают, а мне хотелось бы, чтобы этого не было.

Что касается данного проекта – почему я в нем участвую? Я считаю, что этот проект сумел за три года найти свою линию, свою стратегию. Потому что очень многие проекты – многосторонние и двусторонние, в которых я участвовал – были кальками каких-то не до конца понятных дел, то есть не было четко поставленной цели. Здесь мы больше обсуждаем, больше разговариваем. Тут редко услышишь безапелляционную точку зрения, когда человек говорит, что нужно только так и никак не иначе. Тут мы прислушиваемся друг к другу, к различным точкам зрения, и спокойно их воспринимаем. Даже меня иногда. Я ценю людей, которые спокойно воспринимают, потому что мы все немножко нервные.

Почему я участвую именно в этом проекте? Потому что мне это интересно, потому что любая такая встреча не проходит бесследно, во всяком случае для меня. Потому что, когда я возвращаюсь к себе, в свое сообщество – это дает мне импульс для деятельности. Я работаю со студентами, с различными НПО, то есть, у меня достаточно большой круг людей, которым я могу передать обсуждавшуюся здесь информацию. А в том, что эта информация будет не очень исковеркана, сомневаться не приходится, потому что у меня есть очень хорошие коллеги, которые прокорректируют, если что не так.

Если в 1994 году в нашем обществе слова на букву «г» не употреблялись, слова «Грузия», «грузины» вызывали бурю негативных эмоций, просто опасно было говорить на эти темы – то сегодня совершенно спокойно говорится о возможном диалоге, о возможном сотрудничестве, о каких-то возможных взаимоотношениях. И мы тоже перешли этот рубеж. Я считаю, что, может, мы немножко добились, но добиться и того, что есть, за эти шесть лет – тоже хорошо. Когда пять лет назад мы работали с детьми, один ребенок просто боялся нам сказать свою национальность. Он, правда, через час сказал, что он грузин. Сказал, и ему стало как-то легче.

Я думаю, что если за пять-шесть лет мы можем сказать о своих интересах и о своих позициях, и нам станет спокойно, и другой тоже воспринимает это спокойно – вот это будет хорошо. Я считаю, что на самом деле этот процесс идет быстро. Мне это нравится. Еще мне нравится, что в этот раз я без доклада.

Ираклий Сургуладзе. – Первым долгом я хочу поблагодарить за приглашение. Много лет я не имел никакого отношения к таким процессам и никакого участия не принимал. Но это приглашение вызвало большое любопытство и интерес. Много говорят о таких встречах. Я тоже читаю, кое-что знаю, но никогда сам не видел и не знаю, как они проходят, как протекают и какие результаты ожидаются. Человек моего возраста, который много видел и знает достаточно много людей с одной и с другой стороны, так приятно удивлен, что тут есть среда, которая работает именно в том направлении, в котором мне очень хотелось бы развиваться самому, и пожелал бы всему обществу развиваться в этом отношении.

Первый мой стимул был – ознакомиться со средой. Но дальше я вам скажу, почему это меня притянуло. Я тут вижу наших людей, людей одного класса, одних интересов. Класса не в марксистском понимании, а в личном. Они не составляют большинства ни в каком обществе. Это образованные люди, у них солидное гуманитарное образование и гуманная душа. Для них война и силовые решения не являются доминантными в оценках. И как раз эту часть общества следует поддерживать и развивать. По-моему, здесь такое и происходит.

Еще такое положение. Я не знаю, насколько оно известно в международной науке. Это различие между политикой, которая ведется правительствами, и реальными потребностями народов, которые они возглавляют и, к сожалению, представляют. Проблема соответствия того или иного правительства своему народу. Я приведу такой маленький пример, когда один путешественник приехал в 1905 г. в Трансвааль и увидел какого-то пожилого человека в ветхой шляпе, под дождем, в грязных сапогах, и люди с большим уважением обращались к нему и приветствовали его, а когда он спросил, кто это такой, ему сказали, что это президент Крюгер. То есть, я имею в виду, что президент должен быть похож на свой народ. Следовательно, все

правительство в какой-то мере должно отражать интересы, общий облик народа. Я не вижу ни в постсоветском пространстве, ни в моем личном опыте, чтобы наши правительства были похожи на нас. Они коренным образом отличаются от нас. Я не буду сейчас приводить какие-то скрытые цифры, просто воспользуюсь заявлениями нашего телевидения и прессы и заявлениями нашего правительства, что в стране на 75 процентов процветает коррупция – эта страна не может говорить о честности, об объективности политики, экономики и т.д. Не знаю, чего достигло наше правительство и что они делают. Мое положение такое: народная политика – она не должна дублировать правительственную политику. Если мы ведем какую-то народную линию политики, то мы должны быть другими. Народы не создавали конфликта ни с одной, ни с другой стороны, это проявление каких-то интересов. Их еще надо понять, уточнить, увидеть в исторической динамике, сопоставить с теми моментами традиционной формы жизни, которая имела место на данной территории. И после этого здесь можно будет договориться о многих вещах.

По-моему, наша среда, представленная здесь, наиболее подходящая и способная объективно ставить вопросы. Мое недоверие к правительствам не является каким-то коэффициентом цивилизованности. Наиболее цивилизованные народы имеют наиболее соответствующее правительство. Частные интересы в правительстве, личности, из которых состоит правительство, очень сильно дают о себе знать в маргинальных обществах, где все это на зародышевом уровне.

И мы сейчас только начинаем двигаться. И поэтому в данный момент нам лучше помогать друг другу. Когда человек неустойчиво стоит на ногах, лучше помогать друг другу, чем мешать. Потому что от этого никто ничего не выиграет. Тем более, что у нас очень большие традиции совместной общей жизни. Когда в семье что-то происходит, нельзя не признать тот факт, что такая семья существовала, плохая она была или хорошая. Ни муж, ни жена, ни сын не являются той органичной составной частью целого, которая не может отделиться, но они никогда не смогут забыть друг о друге и не придавать значения существованию друг друга. Вот поэтому нам следует о многом подумать. Многих из вас я знаю. Я знаю ваших родителей, они мои коллеги, когда-то мы сотрудничали. И очень приятно, что и в

будущем эти встречи будут повторяться. Никто нас не уберет с этой земли, мы всегда будем рядом. И это надо учитывать. Когда я говорю «рядом», я имею в виду рядом чисто механически. В семье тоже люди находятся рядом. Я ничего конкретного не имею в виду и ни к чему не призываю, и не убеждаю никого и ни в чем. Единственное, что я хочу – насколько это возможно, добраться до целесообразного, самого оптимального. Признаться, я сам плохо разбираюсь. Я не буду говорить, что я кое-что знаю.

Вот что меня привело сюда. Большое спасибо за внимание.

Багал Кобахия. – Почему я смеюсь? Потому что здесь говорят, что президент должен быть похож на свой народ. Мы, видимо, хороших президентов нигде не видели, но Далила говорит, что найдем... *(Смех.)* Поэтому мы и смеялись.

Миша Мирзиашвили. – Неправительственная организация «Студия Ре», которую я представляю, делает телепрограммы, телепередачи, и мы думаем, что этим способствуем развитию гражданского общества. Потому что эти программы пропагандируют саму идею неправительственных организаций и идею общественной дискуссии об общественно важных проблемах.

Моя мотивация участия в этом процессе – желание содействовать обсуждению проблемы, которая в нашем обществе считается очень важной – абхазской проблемы. Тут много говорилось о том, как важна гражданская дипломатия. Есть и некоторые скептики (фамилий называть не буду). Одна из задач гражданской дипломатии мне видится в том, что эта группа, которая работает здесь, должна доводить до своего общества ту информацию, которую она здесь получает. Мне бы хотелось способствовать этому процессу – донесению информации о том, что здесь происходит, до моего общества. Я хочу поблагодарить организаторов, г-жу Полу Гарб – она не устает давать мне такой шанс.

Паата Закарейшвили. – Большое спасибо. Мы очень аккуратно работаем. Обычно у нас представление участников занимало больше времени, поэтому мы собирались поработать до двух часов. А получилось так, что мы сэкономили время еще для одной темы. Вчера мы говорили, что обсуждение того, что происходило между нашими встречами, переносится на воскресенье. Очень важно рассказать

об этом прямо сейчас, это будет как раз органическое продолжение рассказа о том, чего мы ожидаем, какие у нас цели и какие мотивы. Сразу после небольшого перерыва все участники этого проекта смогут рассказать о том, что было проделано, в каких проектах вы участвовали. И не только участники нашего проекта, но и наши гости. Многие из нас участвовали в самых разных мероприятиях, которые хорошо было бы обсудить прямо сейчас – это хорошо покажет тем, кто участвует впервые, чем мы занимаемся.

* * *

Паата Закарейшвили. – Это непосредственно не касается нашего проекта, но на личностном уровне касается нас всех: недавно произошла большая трагедия, которая задела нас всех. Это трагическая гибель нашего друга, г-на Зураба Ачба. Она потрясла как Абхазию (я очень хорошо знаю, какие там были события), так и Грузию. Его смерть потрясла всех – не только тех, кто знал его лично, но и тех, кто о нем только слышал. Мы не можем этого не отметить. Непосредственно нас это, может быть, не касается, но его дух, его мысли всегда были с нами. Мы были как бы в одной лодке. Эта рана еще очень открытая, и очень трудно об этом говорить на эмоциональном уровне. Я хочу предложить вам почтить его память стоя.

(Все встают.)

Арда Инал-Ипа. – Давайте обсудим такое предложение. Один сборник мы посвятили Мартину Шумеру – он тоже очень вдохновлял наши встречи. Зураб Ачба не сотрудничал с нами так тесно, но мы знаем, что, как сказал Паата, он был одним из тех, кто пытался мирным путем выйти из этой тяжелой послевоенной ситуации. И может быть, если вы согласны, мы посвятили бы его памяти сборник, который будет опубликован по материалам конференции?¹

Паата Закарейшвили. – Я думаю, что если нет возражений, то так и сделаем. Это очень хорошая идея.

Продолжим дальше нашу работу. У нас в самом деле были очень важные встречи. В некоторых я участвовал, о некоторых слышал.

---

¹ Вышедший вскоре после этой конференции 4-й сборник был посвящен памяти Зураба Ачбы. *(Прим. ред.)*

Интересные встречи происходили и в Абхазии, и в Грузии, в Австрии, в Германии, в Калифорнии; было и много других встреч, о которых вы, может быть, тоже знаете. Было бы хорошо посмотреть, как развивается то, что мы называем неформальной дипломатией, или неофициальной народной дипломатией, то есть как мы реализовываем наши мысли, мировоззрение. Одна из самых главных целей нашего проекта – реализация нашей философии, нашего мировоззрения в общественной жизни. Мы должны постоянно показывать наши достижения, показывать и наши ошибки. Мы должны показывать всем, чего мы достигли и чего не можем достигнуть. Я сам участвовал в нескольких встречах, и другие участники нашей конференции тоже. Может быть, все по очереди коротко расскажут о том, в каких встречах они принимали участие.

Я, например, участвовал в шляйнингской встрече. До этого была очень интересная встреча в Калифорнии, где организатором встречи от Калифорнийского университета была Пола Гарб. Пола была вдохновительницей той встречи, и было бы неплохо, если бы о ней нам рассказали вы, Пола. Мы с Ардой тоже участвовали, мы бы тоже потом рассказали. Расскажите, что это была за идея? Была ли она реализована?

Пола Гарб. – Мы пригласили участников из восьми разных точек, где происходят конфликты. Начали с таких давних конфликтов, как Израиль и Палестина, Северная Ирландия, где более или менее достигнут какой-то договор. До мира там еще далеко, но все-таки они прошли какой-то очень длительный путь. После этого мы рассматривали кипрский конфликт, который тоже длится очень долго, и никакого договора нет. Затем мы обсудили уже постсоветские конфликты – конфликты на Кавказе и в Приднестровье, а затем перешли на более свежий конфликт в Косово. Такой была география и эволюция вопросов. Мы сосредоточивали внимание не на политических вопросах урегулирования, а на вопросах народной дипломатии, то есть народного движения за мир, во всех этих конфликтах, чтобы сравнить эти процессы с грузино-абхазскими процессами. Конечно, для меня было полезно изучать и сравнивать эти разные конфликты, чтобы наша работа пошла лучше, чтобы мы могли поскорее узнать, какой опыт накоплен у людей, которые занимаются этим дольше, чем мы. И поэтому мы пригласили практиков и ученых, то есть, чтобы

эти люди совмещали в себе два качества. В основном, это были люди вроде нас, которые пытаются что-то улучшить у себя дома – аналитики, журналисты, ученые, которые могут анализировать свои поступки и движение в целом. Мы просили их ответить на три конкретных вопроса, поэтому при рассмотрении каждого конфликта разговор шел об одном и том же, чтобы ответы можно было сравнивать. Мы просили, чтобы люди заранее готовили свои доклады. А те, кто не написали доклады, заранее подготовили тезисы, так что это были не какие-то сумбурные речи. Мы хотели узнать у них, как этот процесс народной дипломатии повлиял на разные слои общества, то есть на политиков, на народ, на все слои, заинтересованные в конфликте, затронутые конфликтом или участвующие в конфликте. Второй вопрос – это отношение между процессом народной дипломатии и официальной политикой, взаимосвязь между этими двумя процессами. Третий вопрос был о путях распространения информации о народной дипломатии в этих обществах. Конечно, все эти вопросы взаимосвязаны, и мы пытались очень четко отвечать на каждый из них.

Для меня самым ярким выводом из всех этих конфликтов было то, что встреча людей, независимо от того, давний этот конфликт или еще горячий (как, например, в Косово), очень быстро трансформирует самих этих людей: результат получается сразу – во всяком случае, на личностном уровне, на уровне межличностных отношений. Но другой вывод – печальный вывод, которого можно было ожидать – был тот, что очень трудно проследить связь между народной дипломатией и какими-то изменениями в конфликте. Процессы идут очень медленно, и эти пути очень трудно нащупать. Зато мы увидели, что никто не сомневается в том, что заниматься этим надо. И что удивительно: мы подобрали людей по тому принципу, что они являются заметными фигурами в этих конфликтах, а не по каким-то личностным качествам – мы не могли знать их личных качеств – и когда мы все собрались, у всех оказались какие-то родственные души. Интересно было увидеть – и это сразу же бросилось в глаза – степень заинтересованности этих людей, видно было, что тут есть душевная предрасположенность, что они не могут этим не заниматься. Это было характерно для всех участников. Поэтому это была очень приятная конференция, и в эмоциональном плане тоже. Было видно и то, что

каждый участник знает свой конфликт очень хорошо, а боль других и причины этой боли может представить только в общих чертах. Понадобились даже карты, потому что некоторые даже не представляли географию других конфликтов. Был интересный момент после выступления Арды и Пааты, когда представительница турецкого Кипра встала и говорит, что до того, как приехала сюда, она даже не знала, где находится Абхазия на карте, и о самом конфликте тоже почти ничего не знала; послушав Арду, она поняла, что у них очень много общего: они тоже путешествуют с очень большими проблемами, у них тоже блокада, у них тоже нет возможности общаться через демаркационную линию. Меня всегда удивляет – но и не удивляет – то, что каждый замыкается в своем конфликте. Они не стараются, у них нет времени или сил смотреть как-то шире и видеть, что происходит у других. Поэтому для меня это было очень важное мероприятие – взглянуть на все это как бы с птичьего полета. Был сделан очень важный вывод, и может быть, Арда об этом расскажет больше. Для нас очень хорошими были примеры палестинский и ирландский, то есть, как эти движения начинаются на таком же этапе, как у нас, как отдельные люди, рискуя многим, готовы встречаться друг с другом, и как это потом становится большим движением, как в Палестине. Здесь мы этого пока не достигли, но, видимо, такие этапы есть. Например, в Палестине закон запрещал израильтянам встречаться с арабами, но они находили какие-то способы, возможности, не нарушая закона, обходить этот закон и как-то общаться друг с другом. А потом это стало мощным политическим движением за мир.

Остался еще один большой вопрос. Имеет ли значение для народной дипломатии наличие в стране каких-то демократических традиций, как в Израиле, в Ирландии? Имеет ли больше успехов такое движение там, где есть какая-то законодательная база, где есть гражданское общество? Или авторитарность государства не имеет значения? Мы еще не закончили анализа всех событий, и мне хотелось бы верить, что больших различий нет, что в любом обществе, даже в авторитарном, народ все равно сможет – если он мобилизован и если у него есть лидеры – сможет создать условия, при которых можно идти вперед и развить мощное движение, с которым власти обязаны считаться.

Арда Инал-Ипа. – Пола много рассказала. А я просто расскажу о своих впечатлениях. Действительно, люди были очень интересные, и, хотя все они были миротворцами, из того, что они рассказывали о своей деятельности, мы поняли, что многие из них неоднократно рисковали своими жизнями – иногда даже больше, чем некоторые генералы, которые планируют военные операции. Действительно, это люди большого гражданского мужества. Что еще очень интересно, каждый из них считает свой конфликт неразрешимым. Они приводили какие-то примеры, анекдоты о том, что, например, карабахский конфликт останется на века или именно ирландский конфликт совершенно неразрешим. Они не видят какого-то близкого решения, и, тем не менее, они не собираются отступить, прекращать свою деятельность. Мне показалось, что степень успеха такой деятельности зависит от того, в какой степени эти шаги, проекты, вся эта деятельность, планируются в тех самых странах, регионах, где произошел конфликт. Так, например, на Кипре эта деятельность, на мой взгляд, все-таки привносится извне, инициаторы этих миротворческих акций и проектов приезжают извне. Там за эти 25-30 лет они, киприоты, прошли и уже сами ведут бесконечное количество тренингов по конфликтологии. Они, наверно, знают назубок теорию конфликтов – она развивается вместе с ними. И тем не менее, жизнь их абсолютно не изменилась. Правда, у них установились какие-то личные контакты с представителями другой стороны, но дальше этого не идет. Мне кажется, что это одна из тупиковых ситуаций. Конечно, в личном плане они очень много получили от этих тренингов, но влияния на реальную ситуацию и на общество нет. Противоположный пример – это Израиль и Палестина. Люди, которые там занимаются гражданским миротворчеством, сами планируют свои действия, сами ставят себе цели, сами ищут средства. Видно, что эти люди – политики. Мне показалось, что те, кто пытаются заниматься миротворчеством и говорят, что не хотят заниматься политикой, что они далеки от политики, что они сугубо гражданские люди – они не достигают каких-то видимых результатов, так я увидела по результатам этой конференции. А представители Израиля и Палестины говорят, что они не официальные политики, но они реально занимаются политикой. Они рассказали о многих случаях, когда кто-то находился в трудной ситу-

ации или нуждался в какой-то поддержке и они, невзирая на опасность и осуждение своего сообщества, оказывали эту поддержку и понимание. Они демонстрировали, что они видят, насколько важную деятельность ведет их партнер с другой стороны, несмотря на то, что у них с ним были принципиальные различия в политических позициях. Сознание того, что они участники одного миротворческого процесса, помогало им поддерживать друг друга в каких-то ситуациях, которые не были прямо, непосредственно связаны с их миротворческой деятельностью. Это создавало такую атмосферу доверия, которая помогала им продвигаться через трудные препятствия дальше. На ирвайнской конференции были две женщины, – одна со стороны Израиля, другая со стороны Палестины, — которые пишут совместные статьи, причем доверие настолько большое, что они вместе обсуждают содержание, но пишет одна из них, а выступает, может быть, другая. При этом совершенно очевидно, что и та, и другая являются патриотками своей стороны. Меня очень вдохновил их пример, и мне хотелось бы и дальше продолжать контакты с этими людьми, узнавать об их деятельности, что-то перенимать.

Паата Закарейшвили. – Я очень коротко скажу, потому что я сегодня и так много выступаю. Я потом еще отдельно должен рассказать о последней встрече в Шляйнинге – это была очень важная встреча.

А пока об ирвайнской встрече. Я всегда избегаю многосторонних встреч, где присутствуют участники разных конфликтов и у всех складывается впечатление, что для того, чтобы хорошо показать свою сторону, времени мало, и поэтому никто друг друга не слушает и все говорят только о себе. После таких встреч я ухожу неудовлетворенным – времени там очень мало, а когда у людей не хватает времени, чтобы выразить свою мысль, они становятся агрессивными. А когда времени много, человеку не нужно быть агрессивным и он более спокойно излагает свои мысли. Если бы у нас были бы вот такие ограничения во времени, то я уверен, что наши встречи проходили бы совсем по-другому. На многосторонних встречах, где представлены несколько конфликтов и, в свою очередь, по два представителя от каждого из них, все стараются сказать что-то весомое. Но как раз этого не было в Ирвайне, потому что там повестка дня была составлена по-другому. Мы говорили не о своих конфликтах, а говорили о

нашем участии в трансформации конфликта: о том, чем занимаются неофициальные миротворцы, с какими проблемами они сталкиваются. И вдруг мы все превратились в одно целое. И оказалось, есть только две стороны: миротворческая сторона, которая хочет положительно воздействовать на разрешение конфликта, и другая сторона, которая этого не хочет, которая мешает. Все участники, которые там были, оказались по одну сторону баррикад – это все те, кто хотят мирным способом устранить острые углы. Мы прекрасно понимали, что конфликта мы решить не можем, но мы можем *подготовить политиков* к решению конфликта: наша активность заставляет их быть более внимательными, более оперативными, более мобилизованными. Если бы не мы, то политики позволяли бы себе очень многое – врать, говорить, что народ не готов, что противник неуступчивый, ставит какие-то невероятные условия. И там я убедился, что наша деятельность важна: мы можем подстегивать политиков и даже зажигать под ними огонь, чтобы пошевеливались, даже бегали. Наша деятельность, наша активность – не искусственная. В каждом конфликте, когда он заходит в тупик, находятся люди, которым это не нравится, которых не устраивает тупик. Они сами стараются выходить из этого тупика, если те, кто обязан этим заниматься, отчего-то запызаивают.

Вот мое самое главное впечатление. Раньше я в таких встречах не участвовал. И это тот случай, когда многосторонняя встреча была для меня очень полезной.

Пола Гарб. – Можно, я еще добавлю несколько моментов? Что было очень убедительно показано по Северной Ирландии, – и, по моему, это относится и к нашему процессу – это то, что политики Северной Ирландии очень долго вообще не имели контактов и не обсуждали никаких вариантов, а гражданское общество обсуждало. И когда начался политический процесс, сами лидеры не знали, на что готова другая сторона, и тогда в процессе стало участвовать гражданское общество: пригласили людей из разных организаций, и гражданское общество стало играть большую роль на этом этапе – они подсказывали, что приемлемо, что неприемлемо для другой стороны. Я считаю, что мы тоже можем играть такую роль в этом процессе. А из палестинского процесса было важно то, что обе участницы –

и израильтянка, и палестинка – постоянно говорили о больших вопросах истории, что без них ни шагу не пойдешь вперед. И только через такую боль они достигли прогресса – и в межличностных отношениях, и в политическом движении. Они работали много лет и только сейчас достигли какого-то взаимопонимания. Но они считают, что настоящее примирение и оздоровление придут только после того, как будет достигнут договор. Они считают, что самая трудная работа у них еще впереди. Вот это тоже для меня было интересно. Очень долго нужно подготавливать почву для того, чтобы жить вместе. И это время для них еще не настало, они к нему еще идут. Конечно, это адский путь, но обойти эти этапы невозможно.

Паата Закарейшвили. – До двух часов осталось мало времени. Мы постараемся очень коротко рассказать о всех наших мероприятиях. Постараемся уложиться в полчаса, и еще полчаса оставим на вопросы. Я хочу попросить г-жу Нателлу рассказать о встрече в Бонне, которая была очень интересной.

Нателла Акаба. – Это был семинар в пригороде Бонна, организованный Фондом мира и развития Германии, Бергхоф-центром и Католическим социальным институтом. И все это проходило в здании Католического социального института. Это было в конце июня – в первых числах июля. Из тех, кто здесь присутствует, там были Паата, Лиана, Вячеслав, я, Миша и Пола. С грузинской и абхазской стороны в большинстве были представители неправительственных организаций. Но с абхазской стороны были и официальные лица – на уровне помощника президента Абхазии, заместителя министра и депутата парламента. Уровень самого семинара был довольно высоким. Там были бывшие депутаты бундестага, был такой известный человек, как Дитер Шперлинг. Это человек, который очень вовлечен в кавказские проблемы. Были люди из министерства обороны Германии, из министерства иностранных дел, представители натовских структур (естественно, это были не первые и не вторые лица, а средний уровень). Г-н Боден, специальный представитель Генерального Секретаря ООН в зоне грузино-абхазского конфликта, сделал довольно основательный доклад. Никаких решений, резолюций, там принято не было. Были разговоры хорошо информированных людей о том, как достичь урегулирования грузино-абхазского конфликта че-

рез интеграцию Южного Кавказа. И, кроме того, был представлен проект документа, который назывался «Пакт стабильности для Южного Кавказа», разработанный Брюссельским центром европейских политических исследований. Этот документ был распространен заранее, он циркулировал, но надо признать, что в Абхазии до этой конференции с ним не были знакомы, и сейчас тоже все еще не очень знакомы. Там речь идет о каких-то конкретных моделях, которые могли бы, по мнению авторов доклада, способствовать урегулированию конфликта и установлению стабильности на Южном Кавказе. Но этот документ вызвал неоднозначную реакцию участников. Звучали такие мнения, что вряд ли европейские налогоплательщики захотят тратить такие огромные средства, которые нужны для того, чтобы реализовать этот план. Это нечто подобное тому, что было на Балканах. И этот документ копирует пакт стабильности для Балкан. Но было мнение, что для Кавказа это не вполне приемлемо. Все это было на уровне идей и дискуссий.

Кроме всего прочего, выступали представители Абхазии и Грузии. От Грузии выступали Паата Закарейшвили и Гия Нодия, от Абхазии – Лиана Кварчелия и Абесалом Лепсяя, представитель Института гуманитарных исследований. Вот то, что я могу сказать в общих чертах. Может быть, кто-то дополнит.

Вячеслав Чирикба. – Это была интересная конференция, и опять же, мне интересно сравнивать разные конференции. Эта была более политизированная конференция, чем сейчас.

Сравнивая брюссельскую конференцию, которую спонсировал Европейский Союз, некоторые спонсоры выражали даже некоторое раздражение, что вот, уже прошли две конференции, выпущены две книжки, а конфликт еще не разрешен. *(Смех.)* Я, конечно, понимаю их разочарование, но если кто-то идет на конференцию с целью увидеть на этой конференции разрешение конфликта, то его ждет глубокое разочарование. К сожалению, конфликт между Абхазией и Грузией, хоть и является свежим конфликтом, имеет все шансы стать конфликтом затяжным. Хотя года три назад я сам был более оптимистичен. Однако развитие событий и внутри этих государств – Грузии и Абхазии, и в их отношениях между собой, и внешнеполитический контекст – все привело к тому, что конфликт стал похож на кипр-

кий. Многие с этим не согласны, но я считаю, что мы имеем очень хороший аналог, довольно-таки точный аналог кипрского конфликта. Абхазия является аналогом Северного Кипра. По многим параметрам там очень похожие позиции: и исходные условия, и перемещение населения, и блокада, и вмешательство других стран, и т.д. и т.п., и замороженность конфликта. Наш конфликт, в принципе, уже заморожен, и есть много предпосылок к тому, что такая ситуация продолжится и в будущем. Потому что ничего не изменилось в расстановке сил между тремя участниками – Грузией, Абхазией и Россией. Ничего не изменилось, равновесие сохранено, хотя оно несколько шаткое. Поэтому ожидать того, что на конференции произойдет разрешение конфликта – это, конечно, мягко говоря, утопия. Конференция в Бонне была очень реалистичной конференцией, которая не ставила себе такие-то глобальные задачи, а наоборот, собрала релевантных участников со всех секторов общества – и правительственного сектора, и неправительственного, и очень большое участие, конечно, приняли европейские структуры, в основном, немецкие, германские, что даже было интересно: впервые Германия проявила такой интерес к конфликту между Абхазией и Грузией. И мне было интересно следить, как вообще в Европе и, в частности, в Германии, растет понимание проблем и позиций сторон. Раньше этого просто не было. Я уже давно занимался лоббированием нашей позиции, и вот, первой реакцией германских дипломатов было, что они даже смеялись над тем, что Абхазия или абхазские представители могут говорить с германскими представителями. Теперь, конечно, этого уже нет, эти стереотипы, предрассудки уже разрушены. Очень было интересно наблюдать за выступлениями германских представителей – бывшего депутата парламента Шперлинга и других, которые отлично понимали и роль ООН в этом конфликте, которая очень амбивалентна – пытается быть посредником, а, тем не менее, представляет только одну сторону. И роль России тоже очень амбивалентна. Вот это понимание растет, и это очень отрадный процесс.

Последнее, что я хотел сказать: очень важно вовлекать вот в такие конференции как можно больше участников, то есть не так, чтобы постоянно одни и те же люди встречались, пили кофе и вели между собой дружественные беседы. Нужно из разных слоев общества

просто вырывать куски этого общества и сталкивать их на таких конференциях, потому что даже отъявленные ястребы, оказавшись лицом друг к другу, явно принимают и другую манеру разговора, и лексику, и меняются на глазах. Вот это очень характерно, поэтому я обращаюсь к организаторам этой конференции с призывом привлекать каждый раз новых людей, чтобы все это как-то перемешивалось и люди общались. Спасибо.

Нателла Акаба. – Предыдущая конференция была вообще по Кавказу, а эта называлась «Кавказ между кризисом и развитием на примере грузино-абхазского конфликта». А как называлась предыдущая, я точно не помню.

Батал Кобахия. – Уже второй год работает Рабочая группа по предупреждению и разрешению конфликтов. В июле этого года была заключительная Женевская конференция по перемещенным лицам, миграциям и т.д., в будущем она трансформируется в некоторую другую систему. Там произошли две знаменательные вещи. Первая – это то, что на ней присутствовал я, то есть представитель НПО из непризнанного государства. Потому что Женева пять лет уже приглашает, но проблема моего статуса не определена. Как я могу участвовать? Я ведь представитель непризнанного государства. Была очень большая война, в которой участвовали Паата Закарейшвили и Геворк Погосян в рамках Субрегиональной конференции по беженцам. Еще с Пицунды они старались, чтобы наши представители попали на эту конференцию. Позиция наша была такова. Там два уровня – это правительство, президенты и министры различных стран СНГ, а также представители гражданского общества. В свое время нами была выработана позиция, еще в 1996 г., что мы должны как-то отличаться от своих правителей – хотя бы тем, что, невзирая на статусы, на территориальные целостности, рассматривать себя как часть единого, общего гражданского пространства. В этом смысле я впервые был в Женеве и принимал участие. Правда, я представлял Англию, Интернэшнл Алерт. Там получилось как со статусом Абхазии: «де-юре, де-факто». Все знают, что я представитель неправительственной организации из Абхазии, но официально я был зарегистрирован как «Интернэшнл Алерт (Англия)». На этой конференции было много рабочих групп, но я об этом не буду говорить. Но очень важно, и я хочу,

чтобы вы об этом знали, что было такое предложение – собрать все кавказские неправительственные организации, участвующим в различных рабочих группах, вместе для обсуждения программы действий на будущее. Ну, мы собрались, обсудили, поговорили, обмозговали и родилась идея проекта, которая заключается в том, чтобы созвать конференцию неправительственных организаций Кавказа. Критерии отбора участников для этой конференции следующие. Первое – чтобы эти неправительственные организации, представляющие Кавказ, работали в области предупреждения и разрешения конфликта, с проблемами перемещенных лиц, беженцами, миграцией. Приглашаются также люди, работающие по содействию развития, становления гражданского общества. Поскольку неправительственных организаций на Кавказе очень много – около... в общем, больше, чем население Абхазии, скажем так (*смех в зале*) — нынешнее, я имею в виду – мы думали, что участвовать в конференции должны организации-лидеры, которые имеют достаточно большой актив работы в своих регионах. А также обязательный критерий – поскольку Кавказ – это зона конфликта и фактически все в той или иной степени участвуют в том или ином конфликте – неправительственные организации, работающие в области построения мер доверия. Сразу были найдены деньги – 25 тысяч долларов. Пока предложили, что это будет происходить в Тбилиси, вроде бы в сентябре или октябре. Но я не думаю, что мы так быстро соберемся, потому что еще проект толком не написан. Я думаю, что многие из вас будут заинтересованы. Более подробная информация об этом поступит позднее.

Второе, что я хотел сказать. В Кисловодске четыре месяца назад собрался Кавказский форум, который является сейчас одной из групп по предотвращению и разрешению конфликтов, и там было принято решение о формировании инициативной группы из 18-ти человек. И мы решили, что она не будет расширяться, потому что это группа людей, которые способствовали созданию этой организации. Но сам Форум открыт для многих неправительственных организаций. В него всегда могут входить как те, которые живут на Кавказе, так и международные неправительственные организации, которые работают на Кавказе. Мы приняли решение о ротации столицы Форума. Около двух лет практически она была в Нальчике, а с мая месяца этого года

центр сделали в Тбилиси. Это было предложение абхазской стороны (Паата не даст мне соврать). Но, мы думаем (не думаем, а так оно и будет), через год столица КФ опять будет на Северном Кавказе, но город пока точно не определяли. Условно это Владикавказ. Потом следующий год опять на Южном Кавказе. Все это для чего? Чтобы на местах в регионе работал секретариат Кавказского форума, устанавливал какие-то связи с одной и с другой стороны, чтобы Форум больше работал с обществом, с людьми на местах. Представители Кавказского форума сейчас находятся здесь. Чем отличается Кавказский форум? Это тоже был проект по построению мер доверия между грузинами и абхазами, в котором партнерами были Георгий Хуцишвили (его институт) и Манана Гургулия (Фонд гражданской инициативы), в котором участвовали различные НПО. В дальнейшем он перерос в идею Кавказского форума. Сейчас это независимое движение. Чем оно отличается от данного проекта? Паата говорит, что ему больше нравятся двусторонние встречи, а мне многосторонние, потому что там я вынужден отстаивать свою позицию в более жестких условиях. Тут все-таки более толерантная ситуация, то есть Паата себе чего-то не позволит, я не позволю, Михаил тут что-то хочет сказать, но боится обидеть. Там ситуация, когда много сторон, много конфликтов и происходит различная идентификация. У меня, например, всегда возникает проблема с азербайджанцами. Видимо, они идентифицируют проблему Абхазии с Карабахом, и это очень важно. То есть очень важно обсуждать какие-то проблемы в такой ситуации, потому что если ты сможешь убедить очень многих в какой-то вещи, в какой-то позиции – то это говорит о том, что она все-таки чего-то стоит, и ее можно внедрять и в двухстороннем процессе.

Чем он отличается? Тем, что он, в основном, нацелен на практические меры – гуманитарные и миротворческие. За два с половиной года существования Кавказского форума были такие акции, как съезд экс-комбатантов. А сейчас мы будем собирать экс-комбатантов другого уровня, более однородного (тогда были различного уровня). Была миссия в Карачаево-Черкесию. Мы повезли и черкесам, и карачаевцам оценку ситуации, которую сделали, когда были в Кисловодске. Она им очень понравилась. Это, конечно, замечательно, потому что и те, и другие приняли нашу оценку существующего конфликта. И та

и другая сторона выразили свое согласие и желание работать с нами, с Кавказским форумом. Мы планировали работу с молодежью, с лидерами на местах. И, наверно, мы ее осуществим. Очень важная миссия была в Дагестане. Это был образовательный проект, в котором участвовали я и Геворк Тер-Габриэлян. Многие люди после этого семинара стали участвовать и в Женевском процессе, и в Кавказском форуме. Была миссия доставки гуманитарной помощи из Абхазии в Ингушетию. Это стало возможным благодаря поддержке Кавказского форума. Миссия была в своем роде уникальной, потому что даже Датский совет по беженцам, который работает по Северному Кавказу, был вынужден констатировать, что фактически по беженцам на Северном Кавказе, кроме них, никто не работает. И мы очень рады, что эта миссия была спланирована нашим Центром гуманитарных программ, Центром кавказских исследований, Ассоциацией женщин Абхазии. Мы вместе ее осуществили.

И последняя миссия, которая закончилась два дня назад: организация оздоровительного лагеря для детей-беженцев из Ингушетии и Чечни. Деньги на этот лагерь были выделены Женевской рабочей группой по разрешению и предотвращению конфликтов, Центром миротворчества из Москвы (Дом квакеров), абхазскими НПО и структурами. Были привезены пятьдесят детей, и для них была составлена очень большая программа. Это был многосторонний лагерь. В ней участвовали «Женщины Дона» (Россия), а также ингушская и чеченская организации, очень много организаций из Абхазии. Я приношу свою благодарность Паате. Потому что, когда в определенный момент обсуждался вопрос, является ли это миротворческой или гуманитарной акцией, он сказал, что лагерь, в котором принимает участие очень много различных организаций из различных регионов и стран – безусловно, миротворческий. Еще было несколько акций – были различные образовательные акции. Все.

В Женеве произошла еще одна удивительная вещь. Еще в прошлом году азербайджанская делегация чуть не устроила скандал, озвучивая такую идею – мысль о необходимости учитывать мнение всех сторон конфликта на форумах такого рода. Но так получилось, что Эльдар Зейналов предложил идею, а озвучил ее Георгий Хуцишвили. Впервые за пять лет на Женевской конференции было озвучено,

что для того, чтобы усилия Женевской конференции действительно имели какую-то базу и могли дойти до всех, в процессе должны участвовать представители неправительственных организаций из непризнанных государств из регионов конфликтов. Я считаю, что вот это для нас очень важно. Теперь на уровне неправительственных организаций такое согласие по сотрудничеству у нас временно есть. Конечно, на уровне правительств это нереально. Поэтому и мой статус там был весьма двусмысленный. Во всяком случае, эта мысль была озвучена – впервые за пять лет, если не считать того письма, которое три года тому назад рассылал от моего имени Паата; но когда ту же точку зрения выразила вся Рабочая группа – это уже совсем другое дело.

Паата Закарейшвили. – Спасибо большое. Еще я хочу добавить, что в Тбилиси потом прошла очень интересная встреча пяти грузинских неправительственных организаций, которые работают по разрешению грузино-абхазского конфликта, с «Caucasus Links» (они и были организаторами). Там были и участники нашего проекта. Каха, если можно, коротко... А потом я расскажу про Шляйнинг, где тоже была довольно интересная встреча.

Каха Беродзе. – Встреча была первого июня. Тут есть несколько человек, которые в ней участвовали – в частности, Миша, г-н Анчабадзе, Сарджвеладзе Нодар, г-н Михаил Чачхунашвили, Марина Элбакидзе. Это была как бы попытка собрать вместе всех представителей тех организаций или просто людей, которые вовлечены в процесс народной дипломатии с грузинской стороны. Как родилась эта идея? Вообще, эта встреча называлась «Роль народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского конфликта». Эта идея родилась, потому что, по моему личному опыту и по опыту организации, мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда на этих двусторонних встречах подаются какие-то надежды, но когда мы возвращаемся домой, там уже нет такой активной работы, и я постоянно слышу, что общество не готово, общество не поймет, и это тормозит получение тех результатов, которые мы ожидаем от этих двусторонних встреч. Поэтому мы хотели как бы спровоцировать активность и мобилизацию интеллектуальных и человеческих ресурсов, чтобы на месте пропагандировать мирное разрешение этого конфликта и привлекать те

новые силы, те новые головы, которые смогли бы помочь в этом деле и как бы выйти за рамки того узкого круга, в котором циркулирует весь этот процесс. У этой встречи была еще и другая сторона: поскольку наша организация работает с вынужденно переселенными лицами из Абхазии, там были и представители беженцев. Тут я хочу немножко отойти от темы и сказать, что, на мой взгляд, это очень большая проблема, что представительство беженцев не очень развито. Они не организованы так, чтобы люди имели доступ к реальным представителям этой общественной группы, а не к той легитимной власти, которую я, например, не считаю своим представителем. Это была как бы попытка, чтобы на первый план вышли те здравомыслящие люди и те интеллектуальные силы, которые уже реально мыслят и реально переоценили происшедшие события. Такие люди там тоже имеются, могут вас уверить. На этой встрече мы попытались проанализировать ближайшее прошлое – какие мероприятия были проведены, кто где участвовал, какой у нас есть результат, есть ли вообще результат, какие перспективы. Получилась очень интересная дискуссия в неформальной обстановке за круглым столом. Возникла масса вопросов. Может быть, сами участники что-нибудь добавят?

Михаил Мирзиашвили. – Я хочу подтвердить то, что сказал Каха – это была очень интересная встреча. Для меня эта встреча показала, какой большой спектр тех организаций или групп, которые занимаются этим конфликтом. Эта встреча дала им всем возможность обменяться информацией, обменяться своими позициями. Это была первая большая встреча, и мне показалось, в ней было что-то незаконченное. Мне показалось, что люди хотят сказать еще что-то, хотят высказаться. Но, к сожалению, эта встреча была только на один день. Вот что я хотел рассказать об этой встрече: встреча была очень нужная, там были люди, которые верят в гражданскую дипломатию, но не видят, о чем можно говорить на таких встречах – они как бы что-то декларируют, но не знают почему; и были люди, которые не верят во встречи такого рода. Мы об этом потом говорили с Кахой, и у нас сложилось впечатление, что встреча подтолкнула всех этих людей на действия.

Я хотел бы вспомнить еще об одной встрече. Это была встреча неправительственных организаций Грузии, которые занимаются кон-

фликтом и его урегулированием, и представителями властей, которые занимаются тем же. Это так называемая легитимная власть, это министр по особым делам, министр без портфеля, который тоже должен заниматься этим делом. Для меня эта встреча была интересна тем, что власти подчеркнуто декларировали, что они уважают и понимают важную роль неправительственных организаций в такого рода деятельности. С другой стороны, они получили упрек от неправительственных организаций – в том, что позиция властей не очень четкая и (это говорилось как бы в шутку) это мешает неправительственным организациям их критиковать. То есть, из-за их нечеткой позиции неясно, чего они хотят, и поэтому их в принципе сложно критиковать.

Георгий Анчабадзе. – В Грузии этим летом было три такие встречи. Первая встреча была в Тбилиси (та, о которой говорил Каха Беродзе). Вторая, о которой сейчас сказал Миша, прошла в Ликани (это в Боржоми). Она была трехдневной. Ее устроил Центр демократического развития и урегулирования конфликтов. А третья встреча была в окрестностях Тбилиси, в Табахмеле (организатор – Хельсинкская гражданская ассамблея). Это были довольно многолюдные собрания. Очень много оказалось организаций в Тбилиси, – неправительственных, «полуправительственных», – которые занимаются или хотят заниматься грузино-абхазским урегулированием, грузино-абхазской проблемой. На этих встречах были представители только грузинской стороны. В этих встречах (особенно во второй и третьей) участвовали и официальные представители. Интересно, что там были представлены четкие сторонники двух разных путей урегулирования этой проблемы – те, кто декларируют поиск мирных путей, и те, кто говорят, что конфликт может быть решен и вооруженным путем. Для меня на этих встречах самым интересным были споры на эту тему за круглым столом. Вторую точку зрения особенно отстаивают представители властных структур Абхазской Автономной Республики, функционирующих в Тбилиси, и некоторые, примыкающие к ним в той или иной степени, неправительственные организации. У нас с ними были, я бы так сказал, очень значимые разговоры.

Паата Закарейшвили. – Я чувствую, что аудитория очень устала. У нас осталось мало времени. Я сделаю краткую презентацию

насчет Шляйнинга, потом будет обсуждение, а там будет видно – хотите вы еще поработать или хотите отдохнуть.

Я оставил Шляйнинг напоследок, потому что Шляйнинг – результат именно нашей деятельности, не только нашей программы, но и нашей деятельности вообще, то есть неправительственных, неофициальных контактов. Наши контакты спровоцировали неформальные контакты политиков, что и было одной из наших целей. Для меня главная цель – проецировать наши успехи и достижения на публику, а через публику – на политиков, чтобы политики не могли спекулировать публикой, что они что-то делают, а публика не готова. Прямая цель – это работа на публику, а косвенная, тоже очень важная цель – непосредственно влиять на политиков, показать им, что у нас есть какие-то достижения. Они должны знать об этом, пользоваться этим и тоже что-то делать. Наши друзья, такие, как Пола Гарб и другие, заинтересованные в справедливом и достойном разрешении грузино-абхазского конфликта, тоже увидели в нашей деятельности какую-то пользу и предложили нашим политикам, которые участвуют в разрешении конфликта – или непосредственно не участвуют, но на политику влияют – как в Грузии, так и в Абхазии, наладить такие же неформальные связи между политиками второго звена – теми, кто готовят решения для первого звена. Я сам очень долго работал в официальных структурах и знаю, насколько первые лица не готовы, не знают, полностью не владеют информацией по разным причинам: у них нет времени, нет литературы, и т.д., и т.п. *(Смех.)* Поэтому очень много зависит от второго звена – как и что они готовят, что предлагают, они и должны быть более информированными. И мы хотим, чтобы за это дело хотя бы отвечали те люди, которые могут сказать, что они читали, они знают, они разговаривали, общались и поэтому у них есть такое или такое предложение. И вот уже во второй раз в местечке Шляйнинг (многие из нас побывали в этом местечке) состоялась встреча официальных представителей «без галстуков» – официальных людей в неофициальной обстановке. Они, так же, как и мы, ведут довольно откровенный разговор, обсуждают все проблемы, которые есть в их в обществах, и информируют друг друга. Это очень важно, и все довольны. Я сам участник всех этих процессов. Я вижу, как изменяются сами эти люди. Они сами подчеркивают, на-

сколько важна была для них эта встреча. Я сейчас пустил по кругу материалы этой встречи, и вы сможете их читать хоть целый день. Вам это будет интересно. О формате говорить не буду, там это лучше отражено. Самое главное, что у всех участников есть желание продолжать эту встречу. Батони Миша был участником первой шляйнингской встречи. Он мог бы потом в двух словах что-нибудь добавить. Следующая встреча состоится скоро, в ноябре, не в Шляйнинге, а в Германии, но этот процесс все равно будет называться «шляйнингским».

Я хочу назвать организаторов, чтобы поблагодарить их заочно, так как их здесь нет (хотя Джонатан скоро приедет). Это «Ресурсы примирения» – английская неправительственная организация, которую представляет Джонатан Коэн. Второй организатор – немецкий Бергхоф-центр под руководством Норберта Ропертса. Этому процессу очень активно помогают австрийское и немецкое правительства и еще многие фонды. Я рад, что есть много организаций, людей, которые заинтересованы в том, чтобы этот формат развивался тоже.

Вот очень короткая информация о Шляйнинге. Сам процесс – очень интересный, и если после ознакомления с этими материалами у вас возникнут вопросы, я могу рассказать о нем более детально. Батони Михаил, вы не хотели бы тоже рассказать что-нибудь о Шляйнинге?

Миша Чачунашвили. – Я бы хотел коснуться тех сложностей, которые существуют на *переговорах высшего уровня*. Я думаю, что эти процессы достигли такого уровня – я имею в виду эти рабочие группы и существующие проекты – что было бы неплохо иногда касаться хоть каких-то вопросов. Что я имею в виду? Вынудить правительства, чтобы они были более открытыми и прозрачными при обсуждении существующих проблем. Конечно, результаты, которые достигаются в работе неправительственных дипломатов, должны быть прозрачными, но прозрачными должны быть и проблемы. Надо требовать со стороны государства, со стороны правителей, чтобы об этих проблемах говорилось открыто. Потому что очень часто мы не знаем, что является основной проблемой. Не анализируя этих результатов, невозможно встречаться на высшем уровне. Не анализируя этих проблем, невозможно развивать и народную дипломатию. То есть,

надо знать, чем можно помочь, каким процессам можно помогать, какие новые ситуации могут возникнуть во время этих переговоров. Это мое мнение.

Паата Закарейшвили. – Батони Михаил фактически уже начал дискуссию. Так что мы завершаем презентацию. Если есть вопросы или комментарии, я с большим удовольствием отвечу.

Арда Инал-Ипа. – Возник вопрос к батони Михаилу насчет Сороса.

Паата Закарейшвили. – Насколько вы, батоню Михаил, готовы сейчас отвечать? Я знаю, что у вас сейчас идут какие-то переговоры. Вы хотели бы что-нибудь сказать?

Михаил Чачхунашвили. – Вы имеете в виду поездку в Сухуми и ее результаты? Ну что я могу сейчас сказать – в течение нескольких месяцев мы ведем переговоры насчет того, насколько Фонд Сороса может заработать в Абхазии, и сейчас уже идут переговоры по поводу открытия сухумского отделения Фонда Сороса. Уже определяется структура его работы. Решения будет принимать исполнительный совет, который будет избран в Сухуми, в Абхазии, то есть, сами будут принимать решения в рамках тех программ, о которых договоримся. Будет свой бюджет. Сейчас идет работа, чтобы составить уже устав, который не будет противоречить абхазскому законодательству – и грузинскому тоже, потому что между нами будут развиваться отношения. Есть готовность выделить на следующий год на эти программы минимум 100 тысяч долларов. Вся деятельность будет вестись открыто. Я могу перечислить программы, которые определены на данном этапе. Процесс этот еще не завершен, и более детально ответить я не смогу, но пока что это – образование, наука, культура, современное искусство, программа развития абхазского языка (эта программа, конечно, будет составной частью образовательной программы и будет подразумевать создание учебников на абхазском языке для абхазских школ), содействие развитию неправительственного сектора в Абхазии и, скорее всего, программа развития Интернета. Это для начала. Я думаю, что наш фонд будет согласен уже до конца этого года обустроить офис для такого фонда. Это будет сделано не за счет бюджета сухумских программ, и я надеюсь, что мы сможем успешно продвигать программы и проекты. То есть, у абхазских не-

правительственных организаций будет возможность обращаться прямо к своему фонду, который будет принимать решение – кому дать грант, а кому нет. Вот такое краткое сообщение я могу сегодня сделать.

Паата Закарейшвили. – Большое спасибо. У нас осталось пятнадцать минут.

Арда Инал-Ипа. – У Рейчел есть небольшое сообщение о встрече журналистов.

Рейчел Клогг. – Я вкратце расскажу о том, что в июне в Сухуме состоялась встреча грузинских и абхазских журналистов. Это было под эгидой офиса ООН и офиса ОБСЭ по правам человека, и в начале встречи на ней присутствовал г-н Боден. Это была первая двусторонняя встреча, и ее цель была – обговорить возможности увеличения обмена информацией между сторонами. Мы говорили о многих разных возможных проектах. Один из них, кажется, довольно скоро начнется: там присутствовали два журналиста из Кавказской и Центральноазиатской службы Би-Би-Си, и эти два сотрудника – один из Сухуми, другой из Тбилиси – решили создать совместный проект, чтобы вместе побыть неделю в Сухуми, неделю в Тбилиси и создать совместные передачи. Еще не все решено, но, кажется, проект довольно скоро начнется. И будет передача – и в Грузии, и, одновременно, в Абхазии. И, наверно, в ноябре будет еще одна встреча этих журналистов – в Тбилиси, и, может быть, на ней будут и другие участники. Думаю, подробностей сейчас рассказывать не стоит, но если у вас есть какие-то вопросы, я отвечу.

Паата Закарейшвили. – У нас на вопросы осталось десять минут. Мы можем перенести вопросы и обсуждение на потом, на после обеда, или же можем постараться уложиться в десять минут. Как вы желаете?.. Явно чувствуется, что люди хотят отдохнуть. Если нет вопросов или комментариев, тогда...

Манана Гургулия. – У меня есть предложение по поводу Шляйнинга и того, что было на этой встрече. Меня очень заинтересовало то, что ты тут сказал, Паата. Может быть, на следующей встрече вы поговорите с абхазской стороной, чтобы она тоже была несколько более откровенна по поводу своих поездок в Шляйнинг и как-то информировала и нас о том, что там происходит? Потому что информа-

цию о Шляйнинге делаю я, человек, который там не был. Причем, делаю из сухой информации. Точно так же и о журналистской встрече, потому что она была организована исключительно официальными структурами. (Кстати, была еще одна встреча журналистов, в Москве. Там были грузинские, абхазские и осетинские журналисты.) О встречах, на которых я присутствую, я активно говорю. Если на встречах присутствуют те представители абхазской стороны, которые сейчас здесь, они всегда пытаются рассказать поподробнее всем, кому только можно. Более того, чтобы поактивнее распространять эту информацию, мы иногда просим моих коллег-журналистов взять у нас интервью.

Батал Кобахия. – Вот будет у нас Фонд Сороса, и дело пойдет.

Лиана Кварчелия. – Как у нового координатора программы с абхазской стороны, у Мананы будет возможность побывать на следующей встрече в Шляйнинге и осветить ее.

Паата Закарейшвили. – Есть ли еще какие-то выступления, пожелания, вопросы?

Батал Кобахия. – Вот вы, Михаил, сказали, что это будет сухумское отделение Сороса. Отделение какого фонда?

Михаил Чачхунашвили. – Это не фиксируется как отделение какого-то из фондов Сороса. Что касается финансов, ответственным за то, чтобы дать эти финансы, будет наш фонд. То есть, на первом этапе это будут те финансы, которые идут из нашего бюджета. Если, конечно, фонд согласится. (Я говорю вам предварительные результаты.) С Нью-Йорком тоже будут вестись переговоры, но в первую очередь на это должен согласиться исполнительный совет фонда Сороса в Грузии. В дальнейшем это будет развиваться, то есть будут затребованы дополнительные средства непосредственно для Сухумского отделения. Это предварительное название. Грузинский фонд Сороса ведь называется Фонд «Открытое общество – Грузия». Здесь предложили такое название, и я согласился. Звучит так...

Батал Кобахия. – Сухумское отделение Фонда Сороса?

Михаил Чачхунашвили. – Да, это будет звучать так. Но отчет по тем финансам, которые будут предоставлены с нашей стороны, конечно, будет поступать параллельно к нам и в Нью-Йорк. То есть будет максимальная автономия.

В мире существует 31 Фонд Сороса. В бывшем Советском Союзе – 14.

Батал Кобахия. – Наш будет пятнадцатый?

Михаил Чачхунашвили. – Цифру я пока не называю. Таких фондов, как ваш, пока нет. Переговоры будут вестись. Мы будем сами вести переговоры с Нью-Йорком.

Реплика. Будет четырнадцать с половиной. *(Смех.)*

Батал Кобахия. – Я понимаю вашу язвительность. Вообще, мы тоже в некотором роде способствовали тому, чтобы это состоялось. Пару лет назад мы обсуждали в Тбилиси эту возможность, и тогда это было фантастикой.

Михаил Чачхунашвили. – Но тогда сам фонд только-только образовался.

Батал Кобахия. – Хорошо, что вы это понимаете. Мы тоже понимаем, но нам бы хотелось быть в курсе, потому что я не думаю, что наши идеи помешали Фонду Сороса работать в Абхазии. Я думаю, что открыть можно все. Но хорошо, если там будет хорошая структура – мобильная, оперативно реагирующая.

Михаил Чачхунашвили. – Все решения насчет финансирования проектов будут принимать у вас. Никто не будет вмешиваться в решение – кого фондировать, а кого нет. Это, по-моему, очень важно. По крайней мере, такого до сих пор нигде в сети Сороса не было.

Паата Закарейшвили. – Спасибо. На этом мы завершаем нашу первую сессию.

Зураб Джапуа

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ ПРИМИРЕНИЯ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ АБХАЗОВ

(Полный текст доклада см. на стр. 243)

Никто еще, кажется, не выводил традиционные формы примирения непосредственно из разностадийных и разножанровых фольклорных произведений. При изучении обычного права абхазов этот фольклорный пласт пока еще остается вне поля зрения исследователей.

Между тем, абхазский фольклор доносит до нас весьма интересную картину, которая может раскрыть неизведанные формы и возможности народной дипломатии. «Фольклорные модели обладают поразительной живучестью и стойкостью, они живут тысячелетия, и истоки их уходят, как правило, в глубокую архаику, в тайники тех ступеней общественного сознания и практики, которые принято называть примитивными» (цитата из Абаева). В этом смысле фольклорные мотивы и сюжеты существенно дополняют не столь многочисленные источники, описывающие обычное право абхазов, поскольку они с присущей им устойчивостью сохраняют самые древние, исконные формы национального менталитета.

Более того, в фольклоре народная дипломатия отражается не просто эпизодично, а в сюжетном развитии, в фабульной, событийной цепи, и, главное, в нем ощущается само отношение народа к различным формам традиционного примирения. Существенно и то, что, по специфике фольклора, народ хранит в своей памяти не всякие факты, а именно те события, которые поразили его своей необычностью.

Разумеется, к фольклорным данным нельзя относиться как к сугубо историческим письменным источникам. Фольклорный реализм – особый реализм и, в силу специфических черт своей поэтики, отличается от исторической действительности. По В. Проппу, несмотря на то, что фольклор порожден действительностью, историческая основа фольклорных жанров различна. Есть два вида жанров: в одних историческая действительность отражена в общих чертах, в других она изображается совершенно конкретно, в них описываются исторические события и персонажи. Для первых (к которым относятся нартский эпос и отчасти героико-исторические сказания) характерно такое эпическое условное время, которое воспринималось либо как изначальное время сотворения и упорядочения мира, либо как историческое, поэтически сконструированное, действительно существовавшее. Вторые (в частности, героико-исторические сказания и устные рассказы) отражают историческое время, которое характеризуется преодолением концепции эпического времени, установкой на описание событий в конкретно-эмпирических формах.

Тем более важно выяснить, как изображаются традиционные формы примирения в повествованиях столь разных фольклорных

формаций и в чем заключается историко-культурная неодинаковость, изменяемость подобных изображений.

Итак, читателю предлагаются тексты (точнее, образцы текстов) в качестве примеров, чтобы выявить основные естественные формы примирения у абхазов не путем абстрактных умозрений, а путем наглядного показа вербальных форм традиционной культуры.

Выясняется, что тема народной дипломатии находит широкое воплощение в повествовательной традиции абхазов, в ее архаических и более поздних пластах. Конкретно она представлена в трех жанрах: в героико-архаическом нартском эпосе, героико-исторических сказаниях и в устных рассказах.

Очень характерно, что тема традиционного примирения проходит сквозь призму героико-архаических и героико-исторических произведений – ведущих жанров абхазского фольклора. Героическая тематика, как установлено, является лейтмотивом почти всей абхазской словесности. В ее основе – непрерывная борьба абхазов с различными противниками на протяжении всей своей истории. Разумеется, народ, прошедший такой героико-исторический, эпический путь, не мог не выработать своего воинского этикета и собственных механизмов миротворчества.

Так, отобранные мною тексты выстраивают следующий ряд традиционных форм примирения или принуждения к миру.

Первая форма – традиционное средство примирения – магическая сила слова («адоуца» по-абхазски). Это одна из самых древних мифоэпических форм примирения. Она засвидетельствована в контексте архаического нартского эпоса. Мать нарттов – Сатаней Гуаца, слова которой сбывались с помощью заклинания, кладет конец непримиримой вражде между Сасрыкуей и братьями нарттами, останавливает поединок Нарджхьюу и Хуажарпыса. Величественный женский образ кавказской эпической традиции – могущественная чародейка, Сатаней Гуаца, предстает в данных сюжетах в роли магического медиатора. Что весьма существенно, сказания эти относятся к древнему слою эпической архаики. Отсюда можно предположить, что у древнего абхазского народа корни традиционного института примирения глубоко архаичны и восходят ко времени зарождения первоначального ядра нартского эпоса, к рубежу III-II тысячелетий

до н. э. Историческое развитие магии слова, слова-заклинания, уже в стадильно позднем историческом сказании дает более реалистичную форму народной дипломатии. Это *речь оратора*. Кстати сказанное слово абхазы сравнивали с золотом, и оно всегда сохраняет свою магическую силу. Удачно выстроенная речь оратора сама по себе подводила враждующих сторон к примирению. О магическом действии слова, об ораторском мастерстве абхазов свидетельствуют и наличие в их устной традиции целого ряда устойчивых словосочетаний, пословиц и поговорок. Например, «человека успокаивает слово», «язык человека – лекарство».

Вторая форма традиционного примирения у абхазов – это хлеб-соль («ачеи-ыка»). По одному сюжету генеалогических преданий, абхазы, оказавшиеся в опасной ситуации, спаслись с помощью хлеба-соли: по совету ясновидящей старухи, они рассыпали вокруг себя муку и соль, которые не смог переступить конь преследователя. Далее последовали угощения и примирение. Хлеб-соль, словно неприступная крепость, защищает людей. Вспомним абхазские пословицы: «каменная ограда вокруг Абхазии – это хлеб-соль», «хлеб-соль абхаза никто не переступал», «нет ничего такого, что бы ни выкупили хлеб-соль», «хлеб-соль может соблазнить и самого Бога».

Третья форма традиционного примирения – молочное родство, «акыкацхара», прикосание к материнской груди. Этот обряд служил весьма эффективным способом принуждения к миру. В представленных текстах данный мотив фигурирует в четырех местах: в нартском эпосе, героико-архаических сказаниях и в устном рассказе. По нартскому сказанию, народ, возбужденный до предела, обращается к всемогущей Сатаней-Гуаца с просьбой остановить жаркий поединок Нарджхьоу и Хуажарпыса. Женщина могла защитить даже чужого убийцу, если он случайно или сознательно оказался у нее в доме, заставив противников коснуться губами ее груди. По традиционным нормам поведения, уважающий себя абхаз не мог отказать от предложенной ему материнской груди, от молочного родства. Хотя знал, что это означает усмирение. Иногда, когда враждовали представители двух народов, противной стороне предлагалось поцеловать грудь не одной, а нескольких матерей. Об исконности обычая прикосания к материнской груди свидетельствует его распространенность в эпи-

ческой и сказочной традициях не только абхазов, но и близкородственных народов – абазин и адыгов. Своеобразным вариантом обычая молочного родства, «акыкацхара», выступает другой способ примирения – разделение материнского молока «агупхыхш абжацара», когда мать с грудным ребенком кормила своим молоком другого, чужого грудного ребенка. Такая форма молочного родства считалась священным и весьма надежным средством. Она могла положить конец как личным, так и массовым межплеменным распрям.

Четвертая форма традиционного примирения – это воспитание, усыновление, «ашапахупха», буквально – «воспитанный за цену крови». Медиаторы с помощью царя и других мудрецов брали (иногда похищали) сына пострадавших и отдавали противнику на воспитание. Впоследствии мотив заключения родственного союза редуцируется, встречается уже без самого обряда. Враждующие вступают в братские отношения по просьбе пострадавшей стороны. Или же по совету мудреца представитель одной из конфликтующих сторон брал в жены сестру противника, и это приводило к примирению. Если убийство происходило не умышленно, а случайно, или по вине убитого, то зачастую по решению мудрого отца последнего, либо по желанию самого раненого, убийцу усыновляли пострадавшие родители. Так абхазы даже в самых критических ситуациях следовали логике правды и справедливости. Ибо несчастье, «амашыр», считалось очень опасным явлением в судьбе человека.

Пятая форма традиционного примирения – это траур, скорбь. Этот очень эффективный способ умиловления разгневанного свидетелемствован в нартском сказании и устном рассказе абхазов. Чтобы искупить свою вину, жена Нарджхью (нартского героя) в сопровождении мудрецов пришла к своему разгневанному мужу с распущенными волосами, босая, и муж помиловал ее. По этому сказанию, этиология обычая распускания волос («ахцъртлара») и хождения босой («ашапхтра») на похоронах связывается с женой Нарджхью. Типологическую параллель данному древнему мотиву мы находим и в других древних мифологиях, например, в аккадской. В другом тексте описывается имитация погребения со всей его атрибутикой: облачение в траур, выставление гроба, отращивание волос, скорбь с обнаженной головой и босым и т.п. Этот мотив траура восходит к

предыдущей традиционной форме примирения – воспитание, усыновление. Т.е. имитировались похороны не просто убитого, а как бы воспитанника («ахупха») – те, кто имитировали траур, как бы давали знать другой стороне конфликта, что они были бы готовы взять на воспитание ими же убитого человека. Поэтому, можно сказать, их тоже постигло страшное, ни с чем не сравнимое горе. А это сильный аргумент для противников примирения. В этот же контекст вписывается и другая разновидность примирения – посещение могилы («анышынтра атаара», буквально – стать гостем могилы убитого или родственников пострадавших).

Следующая, **шестая форма** традиционного примирения – плата за кровь, «ашапса». Обычай этот является одним из важнейших средств примирения. Он связан и с мотивом воспитанника. По данным фольклора, ценой крови могла быть насильственная передача воинов одной стороны конфликта другой (по-видимому, это первоначальная форма платы за кровь, как в нартском сказании), а также предоставление пострадавшей или непримиримой стороне животных: лошадей, быков, коров и т.п. Часто в контаминации с данной формой народной дипломатии фигурирует и другой фактор примирения – подача обиженному ляжки быка за цену крови («ашьапсамаху»). Сравните в нартском сказании слова похитителя Гунды Прекрасной: «это ляжка быка, ляжка за цену крови, ашапсамаху».

Седьмая форма традиционного примирения – героическое, рыцарское поведение медиатора («абжаказа»). Оно само по себе могло остановить кровопролитие. Здесь важным фактором примирения становится степень известности, авторитета посредника между противоборствующими сторонами. Вероятно, с этим связан и другой атрибут воинской этики: медиаторы заставляли противников сложить оружие («абджараштатара»), сдать пострадавшей стороне.

И, наконец, **восьмая форма** традиционного примирения – это счастливая случайность. Иной раз эта счастливая случайность зависела от уважительного отношения к своему врагу, решающим фактором примирения могли быть остроумие женщины и т.д. Здесь особенно отчетливо проявляются возможности использования психологического состояния конфликтующих (традиционные психологические приемы примирения).

Итак, ряд образцов повествовательного фольклора показывает, что корни народной дипломатии абхазов уходят в глубокую эпическую архаику, хотя очевидна и связь традиционных форм примирения с классическим патриархальным обычаем кровной мести. Число традиционных форм примирения строго не ограничено. Оно варьирует и зависит от многих факторов: времени и обстоятельств конфликта, психологического настроения противников, авторитета медиаторов и т.д. Особый интерес представляет инверсия традиционных форм примирения, которые в медиаторской практике очень часто контаминируют, соотносятся между собой. Некоторые формы примирения строятся по формуле антитезы: состояние вражды заменяется родством. Дело завершалось не просто примирением враждующих, а заключением между ними родственных связей. А среди родственников кровная месть исключалась. Обращает на себя внимание уважительное отношение виновника к мстителю и его родственникам. Именно поэтому, а не из-за страха, виновник становился абреком, уходил в лес, переселялся как бы в иной мир, вел отчужденный, скитальческий образ жизни. Примечательно еще одно обстоятельство. Согласно преданиям, роль женщины-матери в абхазской народной дипломатии поистине велика. Почти во всех выделенных формах примирения наряду с мужчинами медиаторами выступают и женщины-медиаторы. В представленных текстах в роли медиаторов фигурируют мудрые старейшины, женщины и мужчины, герои и государи. Отсюда можно полагать, что медиаторство, главным образом, ассоциировалось с мудростью и ораторскими способностями старейшин, героев и царей. В этом смысле любопытно народное предание о медиаторских способностях Дмитрия Гулиа, просветителя и основоположника абхазской литературы: «Нашу деревню часто посещал Дрмит Гулиа; если люди ссорились, он их сразу мирил», – говорит сказитель.

В заключение хочу отметить, что одна из форм трансмиссии постоянно обновляющейся фольклорной культуры состоит в обращении к ней для постижения живой сути национальных традиций, для связывания поколений непрерывной нитью народной памяти, для переключки времен и эпох. И в современном, небезопасном мире в связи с урегулированием локальных вооруженных конфликтов резко

повысилось внимание к национальным, вековым, духовным, нравственным ценностям народной дипломатии, ибо, по словам Галины Старовойтовой, «законодательство, и в частности, международное право, не всегда соответствуют естественному праву, которое основывается на простом чувстве справедливости». Опыт абхазской традиционной дипломатии, официально отрешенный во время советской тоталитарной системы, доходит до нас, далеких потомков, посредством живой народной памяти, в виде устного историко-этнологического наследия. Изучение традиционного института примирения дает возможность непосредственно ощутить менталитет народа, без которого, кажется, просто невозможно договориться и окончательно выйти из напряженной ситуации, тем более, когда речь идет о войне. Таким образом, думается, что выделенные традиционные формы примирения могут оказаться сегодня чрезвычайно важным контекстом для политического диалога конфликтующих сторон, так как обращение к старине, осознание прошлого, необходимы для сохранения и упрочения самой современности.

Арда Инал-Ипа. – Мы будем обсуждать оба доклада вместе, и поэтому сейчас предоставляем слово Марине Барцыц.

Марина Барцыц,

Центр кавказских исследований

ИЗ КУЛЬТУРЫ МИРА В АБХАЗСКОЙ ТРАДИЦИИ

Проблемы войны и мира занимали умы человечества во все времена. Война и конфликт – это интересно и увлекательно, но что мы знаем о мире, много ли мы знаем о мире, интересно ли нам думать и говорить об этом? Любой конфликт имеет два пути развития: вооруженный – войны или кровной мести, как бывало на Кавказе, и второй путь – путь ненасильственный. Как бы там ни было, рано или поздно, краткосрочный ли, долгосрочный, но мир неизбежен.

Абхазская пословица гласит: не ходите далеко за лекарством, оно может оказаться под окном собственного дома. Общеизвестна истина о воинственности кавказской культуры. Здесь до начала XX века каж-

дый имел право – и был обязан – защищать свою жизнь и имущество от любого посягательства, беречь личное достоинство, честь своей семьи, рода, воевать за народ (не только мальчиков, но и девочек учили защищать себя). Здесь с детства учат принимать вызов, не уклоняться от агрессии, не убежать. Поэтому на Кавказе всегда так легко развязать войну. Одним из столпов нашей культуры, наряду с такими базовыми ценностями, как гостеприимство и уважение к старшим, был институт кровной мести. Это была социализированная форма агрессии, то есть общество давало на нее добро, но, с другой стороны, угроза кровной мести сама по себе являлась тормозящим фактором.²

Возникает вопрос, как такая высокомилитаризованная культура (поголовно вооруженные люди), воинственная, с воинскими идеалами, не уничтожила себя, как не истребили друг друга многочисленные (на сравнительно небольшой территории) воинственные народы? Но, как писал Ф. Гельдерлин, «где есть опасность, там возникает и спасительное».

Высокая этикетность кавказской культуры – это оборотная сторона ее воинственности.

Как ни покажется парадоксальным, но в воинской культуре заложено стремление к снижению агрессии и ее упорядочению. Поэтому кавказская культура мира и ненасилия требует пристального внимания.

Кавказ относится к коллективистскому типу культур, где внутренняя сила немногочисленных народов и государств была в солидарности. Моральный кодекс носил подлинно коллективный характер. Здесь высшей ценностью было благосостояние общины. Абхазская, кавказская культура относится к типу культур с сильными переговорными традициями в обществе. Здесь есть специальные культурные нормы, которые работают на сохранение и поддержание мира. Тут надо различать внутреннюю и внешнюю стратегии. Внутри коллектива – это стремление к гармонии и согласованности действий. Здесь гасят конфликты увещаниями, шутками, смехом. (Кстати, известный этнолог Конрад Лоренц подчеркивал, что, смех эволюционно сформировался из переориентированного агрессивного жеста.) Убивший же своего

---

² М. М. Барцыц, Выход из конфликта в традиционном правосознании абхазов. Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Ирвайн, 1999, с.32.

оказывается изгоем, неприкасаемым – “амахагя” (высшее преступление, равнозначное измене Родине). Внешняя стратегия, конечно, другая – как я уже говорила, здесь всегда принимают вызов.

Кавказоведы отмечают, что здесь «и сегодня сохраняется традиционное правовое сознание, и в основе адыгской (абхазо-адыгской. – МБ) жизни продолжает лежать принцип примирения, который способствует созданию атмосферы и общего мнения, направленного на сохранение миролюбивых отношений».³

Инструменты экономии агрессии

В традиционном абхазском обществе, там, где это не касалось удовлетворения базовых потребностей, были собственные инструменты экономии агрессии. Это, во-первых, культура ненасильственного разрешения конфликтных ситуаций: институт посредничества, примирительные комиссии, переговоры, четко разработанные процедуры примирения, а также институты гостеприимства и искусственного родства, тоже работавшие на мир. Во-вторых, это обучение с раннего детства нормам этикета, речевого и поведенческого, дипломатичности. Детей с раннего детства учат владеть эмоциями, не нарушать этикета, т.е. не провоцировать физического и психического насилия. Мальчиков воспитывали сильными, ловкими, способными защитить себя, честь сестры, рода, поскольку слабый провоцирует насилие. При этом им внушали недопустимость насилия по отношению к женщинам, детям, старикам. Система воспитания девочек направлена на то, чтобы воспитывать их неконфликтными, очень терпеливыми, дипломатичными, потому что женщина сама считается конфликтогеном (как часто говорят абхазы, две самые конфликтогенные вещи – земля и женщина). Хотя при этом девочек учили уменью постоять за себя и даже владеть оружием. И наконец, здесь очень четко разработаны правила поведения во время конфликтов и войн.

Итак, агрессивное поведение человека сдерживается культурными моделями. Культура мира четко прослеживается в моделях взаимоотношений: мужчины – женщины, взрослые – дети, старшие –

---

³ И. Л. Бабич, Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990 гг.). М., 1999, с. 203.

младшие. Особо хочется остановиться на воспитании детей, поскольку ненасильственные социальные взаимоотношения закладываются еще с раннего детства.

Система воспитания

Жизненная философия абхазов гласит: «Человек – это цель, им не рождаются, им становятся». Жизненный путь – это нелегкий путь в гору. К пятидесяти годам будет ясно, состоялся ли человек.

С раннего детства детей стараются воспитывать с минимумом стресса, то есть маленьких детей не наказывают, на них не кричат, если они капризничают, их стараются отвлечь, переключить внимание. К трем-четырем годам их мягко приучают слушаться взрослых («пока не вырос выше колена»). Детские психологи считают, что это тот возраст, когда происходит становление личности, закладываются основы взаимоотношений с людьми и миром,. Итак, до 5-6 лет не может быть никаких наказаний, потому что, как говорят абхазы, ребенок еще не понимает, т.е. нельзя его наказывать, если он не понимает.

Самый ответственный период в социализации личности ребенка – от 7 до 12 лет (в старые времена этот этап мог начинаться уже в 6 лет – мальчиков отдавали на воспитание аталкам в 6 лет). В этот период, к 12-ти годам, ребенок должен уже четко усвоить основы этикета, он должен уметь себя вести, уметь делать почти все. Он уже кое-что понимает, он усваивает систему ценностей собственной культуры (хотя не настолько совершенно, чтобы водить его в общественные места, собрания, свадьбы, похороны, пока ему не исполнится 17-18 лет).

Все, с кем я говорила (об этом и в книге Пола Гарб написано), во всяком случае, большинство из них говорит, что не помнит рукоприкладства со стороны родителей, не знают наказания; такое если и случалось, то бывало один раз, где-то в возрасте 10-ти – 12-ти лет, но они это запомнили на всю жизнь и считают, что это было правильно. Как правило, это было наказание за антисоциальные поступки – или воровство, или оскорбление старшего. При этом право наказания, как право на жизнь ребенка, принадлежит только отцу – на ребенка жаловались не матери, а отцу. (В крайнем случае, наказать мог дяди, но не сосед и не чужой человек – хотя замечание мог сделать любой взрослый.) Чаще используется угроза наказания (пожаловаться отцу), чем

само наказание. «Алаба уауы даадзадзом, абз ауп» – «Не палкой, а языком воспитывается человек», – гласит абхазская пословица. Если все-таки приходилось наказывать, это было непрестижно, означало, что родители не умеют воспитывать; это считалось позором и для ребенка, давало повод для насмешек со стороны сверстников за то, что довел отца до рукоприкладства. С другой стороны, по кавказскому этикету, взрослые должны были брать под защиту в первую очередь не своих детей, а чужих – детей родственников, соседей.

Русский исследователь Н.М. Альбов писал: «Телесных наказаний, не только розог, но и более невинных, вроде щелчков, дранья за волосы и т.п., при воспитании совершенно не практикуется, т.к. они вообще гнушаются телесных наказаний и тем более позорным считается применение их к существам беззащитным и притом столь дорогим для них, как дети... В свою очередь дети платят родителям почтительностью и послушанием».⁴

Чтобы не навредить духу ребенка, родители старались обходиться без грубого нажима, без постоянных придирок и указаний. Если ребенок и помогал родителям, он должен был чувствовать, что делает это по собственному желанию, чтобы заслужить похвалу, хорошее отношение. Воспитывали опосредовано, то есть притчами, рассказами, положительными примерами и т.д.

В процессе ненасильственного воспитания были важны постоянные подкрепления положительной самооценки ребенка, в результате чего он приобретал внутреннюю силу, уверенность в себе. Старшие постоянно демонстрируют свое уважение к ребенку. Перед трехлетним ребенком старики встают, за детей пьют стоя (*ахацгылара*), дети слышали слова благодарности и благословения за любую мелкую услугу. Не физическое наказание, а «отсутствие похвалы уже считается сильным наказанием», пишет Пола Гарб.⁵

Детей воспитывали уважающими других и при этом знающими, что и они заслуживают ответного уважения.⁶ В результате социализации личности усваивалась этика межличностных отношений, внимательность, чуткость, уважительное отношение к человеку, по-

---

⁴ Н. М. Альбов, Этнографические наблюдения в Абхазии. Живая старина, 1893, вып. III.

⁵ Пола Гарб, Долгожители. М., 1986, с.60.

⁶ Там же, с.65.

чение к старшим, чувство долга перед родителями, уважение к общественному мнению.

В кавказской культуре самая большая ценность – человеческое достоинство, поэтому взрослые старались не унижать ребенка, не разрушать самоуважения. Дети должны были вырасти с достаточным чувством собственного достоинства; приученные быть сдержанными в проявлениях своих эмоций и чувств, контролирующими собственные поступки и умеющими за них отвечать. Они должны были владеть этикетными нормами поведения. Этнопсихологи отмечают, что здесь культивируют сдержанное публичное поведение.

Модели воспитания девочек и мальчиков в традиционной культуре, конечно, отличались. К мальчикам были более требовательны. Кроме всего прочего, их обучали боевым искусствам, постоянной готовности отразить любое насилие. В них воспитывали смелость, уверенность в собственных силах, хладнокровие, выдержку. Они должны были контролировать свой страх, поскольку трусость и страх сами по себе являются источником напряженности и агрессии.

Девочки тоже не должны были позволять подвергнуть себя насилию, их тоже обучали умению постоять за себя, даже стрельбе, но здесь делался больший акцент на другие качества: женщина должна быть мягкой, сдержанной, скромной, неконфликтной, не провоцировать конфликт, самой не стать его причиной. Мир в доме считается заслугой женщины, для чего она должна обладать высокими коммуникативными навыками.

Но коммуникативным навыкам обучали и мальчиков: навыкам вербального общения, ораторскому искусству, речевому этикету, этикету поведенческому. Учили корректному, почтительному, ненасильственному поведению. Учили не обижаться на шутки, быть остроумными, отвечать на шутки шуткой, если не затрагивалась честь, не переносить агрессию на физический уровень.

Этикет

Как известно, ценности и моральные установки общества реализуются в этикете. Весь абхазский этикет, и кавказский этикет в целом, – это воинский этикет, но это прежде всего этикет рыцарский. Мы наблюдаем постоянную демонстрацию почтения, это, в ос-

новном, жесты покорности, умиротворения. Со стороны может показаться, что мы заискиваем или все время демонстрируем свою покорность, и не только по отношению к старшим (в абхазском обществе традиционно возрастная стратификация важнее социальной). Вежливость, обходительность, учтивость, взаимная предупредительность – вот основные требования к воспитанному человеку (*ансуара, ауаюра*). Каждый был обязан соблюдать эти правила и ждать от других подобного же отношения к себе.

Этикет выравнивал силы. Считается, что каждый достоин уважения; унижая другого, унижаешь человека в себе. Благодаря этикету в сильной позиции оказывался старик, слабая женщина и т.д., поскольку социальная и половозрастная иерархия вообще предполагает защиту слабого.

Этикетом регламентировались и позы ненасилия. Ряд поз считались недопустимыми, как у себя дома, так и на людях: нельзя разговаривать с руками в карманах, сидеть развалившись или закинув ногу за ногу, нельзя указывать пальцем, в разговоре надо соблюдать почтительную дистанцию и т.п. Требовалась сдержанность в проявлении эмоций, как на словах, так и в жестикуляции, позах. Конфликт, убийство и последующая кровная месть могли разгореться даже из-за приветствия. Абхазский этнограф Ш.Д. Инал-Ипа пишет: «Не приветствовать соответствующим образом или не ответить на приветствие считается верхом невоспитанности и даже оскорблением. Бывали нередки случаи, когда сознательное и высокомерное нарушение общепринятых правил в отношении приветствий приводило к сильным конфликтным ситуациям».⁷

Ненасилие в общении – речевой этикет

Важность вербального ненасилия подтверждается представлением абхазов о том, что и вербальное насилие равноценно физическому (о словесном оскорблении говорят «получил удар палкой» – а это худшее из физических оскорблений).

Считается некрасивым, непозволительным плохо отзываться (*ацэга хэра*) ни о своих перед чужими, ни о чужом, который мог оказаться родственником одного из присутствующих, обязанного зас-

---

⁷ Ш. Д. Инал-Ипа, Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984, с.142.

тупиться за честь оскорбленного. Такое же отрицательное отношение к сплетням (*ухэан-схэан*): сплетник рискует прослыть поджигателем и доносчиком.

Абхазская (общекавказская) пословица гласит: “Сабельная рана заживает, кинжальная рана заживает, а рана, нанесенная языком, не заживает”. Убийственным считалось публичное словесное оскорбление (высказывания, порочащие честь и достоинство, оскорбления чести, подобные тем, что мы слышим сегодня на некоторых заседаниях Парламента и читаем в газетах, по старым меркам должны могут быть смыты только кровью).

Хотя в абхазском языке принято обращаться на “ты”, есть масса сопровождающих формул почтительного обращения, возвышающих собеседника, демонстрирующих покорность (“*ухацкы*”, “*уххь згеит*”, “*уапхьа сыпсааит*”).

Любую критику, чтобы она была воспринята правильно, полагалось предварять и завершать похвалой, воздерживаясь от публичной критики, где только возможно.

С детства приучали терпимо относиться к чужому мнению. И спорить нужно было уметь.

– Прежде всего, спорящий должен уметь выслушать своего оппонента, дать ему высказаться. Оскорбительные реплики с места недопустимы. Нельзя перебивать говорящего, а если такое случилось, то просили разрешения и извинялись («*уажэа хьыла ипыскоит*»).

– Внимательно выслушав говорящего и дождавшись окончания речи, надо выдержать паузу и переспросить, *завершил ли он, все ли он сказал*, и только после утвердительного ответа начать говорить самому.

– В своей ответной речи принято цитировать предыдущие выступления, демонстрируя тем самым полноценное слушание и восприятие всего, что было сказано другими. Оппонент должен был подчеркивать, что не навязывает своей точки зрения, поскольку он не истина в последней инстанции («*сиашамзар калоит, зегь здыруа икада*»).

– Следует избегать назидательного тона, назидательных словосочетаний, могущих вызвать протест. Неэтично говорить “*Вы знаете!*”, в таких случаях принято поправляться: “*Вы знаете это лучше меня!*” “*Что я могу сказать из того, что вы не знаете?*” “*Чему я могу вас научить?*” и т.д., и т.п. Даже за слово “*но*” иногда извиняются (*аха-гунамдзароуп*).

– Ораторское искусство предполагало завершение любой речи формулой извинения за то, что утомил длинной речью (*ажэа шэа-сыршыт*), и благословением слушателей.

В целом, в общении не должно ощущаться никакого давления и намек на угрозу. К сожалению, этого не скажешь о современных грузино-абхазских отношениях, где постоянно присутствует психологическое давление и вербальное насилие.

Разведение сил – еще не разрешение конфликта, конфликт продолжается. Незримое насилие присутствует и сегодня в современной грузинской прессе с угрозами реванша. А ведь абхазы все время помнят, что за вербальной фазой психологического насилия неминуемо следует переход к физическим средствам насилия. (Абхазская интеллигенция давно подметила закономерную связь между публикацией в Грузии книг по вопросам истории Абхазии и последующими событиями. Если книга П. Ингорква (1954 г.) была попыткой оправдания результатов переселенческой политики (Абхазпереселенстрой), то многочисленные статьи и книга Т. Лордкипанидзе предвещали очередной виток напряженности, за книгой Н. Ломоури последовали гальские события 1998 г. В 1999 г. вышел в свет новый сборник статей с фальсификацией истории Абхазии, видимо, как и предыдущие издания, преследующий цель идеологического обоснования дальнейшей агрессии.)

Если люди боятся друг друга, тут не приходится говорить о понимании и доверии. Угрозы не могут вести к доверию, а наоборот, окончательно разрушают отношения, стимулируя ответное давление, вызывая агрессивное-оборонительное поведение: оборонительный рефлекс – самый сильный из всех: как отмечают физиологи, он угасает последним из всех безусловных рефлексов (позже полового и пищевого).

Правила ведения войны

Нормы поведения существуют не только в мирное время, война тоже должна вестись по определенным правилам, согласно кавказскому воинскому кодексу, с соблюдением свода неписаных норм.

Здесь в рамках морали, традиции и обычаев развивались и поддерживались механизмы, ограничивающие применение силовых методов разрешения противоречий.

В отличие от Запада, который культурологи относят к «культуре вины», Кавказ относится к «культуре стыда» (в этом он близок Востоку). Здесь можно и убить, главное: как убить?⁸ – соблюдая неписанные правила. Абхазская поговорка гласит: «Врага убей по совести».

Итак, если конфликта избежать не удалось, это не освобождало от соблюдения определенных правил (ср. с международным гуманитарным правом): стыдно убивать парламентариев, женщин, детей, плененных, существовали нормы обращения с ранеными и пленными, с трупами врагов, и т.д. и т.п.

Институт *кровной мести* на Кавказе (своего рода маленькая война) тоже предполагал нормы и правила поведения кровников, направленные на упорядочение насилия, если уж оно оказалось неизбежным:

– формы мести были ограничены: не вешали, не поджигали дома и т.п.;

– кровная месть не распространялась на женщин и детей, хотя бывало, что они и сами участвовали в мести;

– предусматривались временные и локальные ограничения (например, запрещалось убивать на собраниях, свадьбах и т.д., на территории святилищ). “В общественных местах враги остаются в границах вежливости и даже оказывают нередко друг другу разные услуги,” – писал Ш.Д. Инал-Ипа;⁹

– порицалось вероломство (убийство из-за угла, из засады, без предупреждения, не окликнув);

– нельзя убивать безоружного, спящего, раздетого, купающегося и т.п.;

– над трупом не только не издевались, но обязаны были привести его в порядок и сообщить родственникам, где он лежит;

– важно чем и как убит человек; как правило, для мести выбиралось настоящее оружие, холодное или огнестрельное, чтобы пролилась кровь: убить человека палкой («как собаку») – это двойное убийство;

– и самое главное: закон гостеприимства не знает исключений – он распространяется и на кровных врагов.

---

⁸ С. А. Арутюнов, из лекции. Институт этнологии РАН, Москва, 1994.

⁹ Ш. Д. Инал-Ипа, Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984, с.176.

Несоблюдение норм усугубляет конфликт, ведет к новому витку агрессии. За войной рано или поздно следует мир, и установление мира облегчается, если соблюдались нормы и правила войны – чем меньше было вероломства, чем больше благородных и красивых поступков, тем легче заключить мир.

Во время грузино-абхазской войны (Паата, наверно, знает) обмен пленными происходил, в основном, следующим образом – один абхаз на троих грузин. Но были случаи, когда в обмен на живых выдавали неостывшие трупы пленных абхазов, убитых за десять минут до обмена. Такие вещи очень болезненны, они не забываются, и несоблюдение этих норм затрудняет в будущем установление мирных отношений.

Культурная преемственность

Любая культура лежит на пересечении двух коммуникативных линий. Информация передается во времени по диахронии – из прошлого в настоящее и будущее, и в пространстве – в синхронии. В период колонизации затрудняется передача информации из прошлого, происходит разрыв – исторический, традиционный, культурный. При этом, в основном, работают синхронные, пространственные связи, усиливаются инновации, трансформации. В некоторых случаях инновации, перейдя определенный «порог», становятся деструктивными, разрушительными. В других случаях принятые нормы просто не работают, превращаясь в «мертвую букву закона». На Кавказе мы имели случаи, когда последние сто лет культура в основном развивалась в синхронии.

Декolonизация и ретрадиционализация взаимосвязаны. Повышенный интерес к прошлому в таких случаях объясняется попыткой провести модернизацию общества на базе собственной культуры и истории, от которой были отторгнуты.

В Абхазии сегодня идет процесс становления государственности, встает вопрос культурной преемственности, в том числе и нормативной, встают задачи реформации законодательства, перехода к национальной правовой системе. И ничего удивительного в нашем интересе к традиционной культуре, культуре мира, традиционному праву. Как это бывает в подобных случаях, будучи свободными, мы не свободны от «колониального образа мыслей»; наша национальная

правовая системы моделируется на базе уже известной системы бывшей метрополии, мы «импортируем» правовые воззрения. Но нам нужно учитывать и базовые ценности собственной культуры, от которых мы не можем отказаться (скажем, при принятии законодательных актов по вопросам семейного права, смертной казни и т.д.).

Может быть, кто-то так и не считает, но Кавказ – это не Запад и не Восток. Кавказ – это Кавказ. При строительстве государства, становлении национально-правовой системы, наша культура, система ценностей, должны быть задействованы. При переписывании законодательных актов (чем мы занимаемся сегодня) нужно “*вписывать*” и что-то свое, а если серьезно, учитывать традиционное правосознание. Слово «ментальность» – не ругательство, не атавизм, оно все равно работает, игнорируем мы его или нет.

Арда Инал-Ипа. – Когда у нас идет блок докладов, то иногда получается так, что мы обсуждаем только последний. Поэтому прошу, если сейчас возникли вопросы к Марине, Зурабу, то записывайте, чтоб не забыть и потом обсудить не только последний, но все доклады.

Паата Закарейшвили. – Здесь была ссылка на меня – о том, что Паата должен что-то помнить. Я в самом деле участвовал во время войны в переговорах, и в обмене военнопленными, и освобождении заложников, передаче трупов. Я официально занимался этим делом, и очень многое проходило через меня. Очень много ходило легенд, как с одной, так и с другой стороны, что кто-то там передал только что расстрелянных людей. С грузинской стороны были такие легенды, и с абхазской стороны очень часто слышал. Я лично ни разу, говорю абсолютно искренне, не был свидетелем таких событий. Один раз был свидетелем события в очамчирской зоне, где-то 1 марта 1993 г., когда грузины договорились, батальон с батальоном, об обмене военнопленных и попросили меня прийти и обменять. Когда я пришел, чтобы взять абхазских военнопленных, они были уже расстреляны. Такое было. Мы передали информацию абхазской стороне о том, что этих людей нет в живых, и тогда абхазы расстреляли тех грузин, которые были у них. Это где я действительно сам присутствовал.

Марина Барцыз. – Нет-нет, я просто сказала, что вы участвовали и знаете, что такие вещи бывали. Я, например, знаю, что 5-го января семь человек...

Паата Закарейшвили. – Да, январские события тоже были, я знаю эту информацию.

Марина Барцыц. – Т.е. такие факты имели место...

Паата Закарейшвили. – Не столько факты, сколько легенды, было очень много слухов. По январским событиям даже международные организации попросили сделать экспертизу этих трупов, чтобы выяснить, когда погибли эти люди, но, к сожалению, экспертизы не произошло. Поэтому трудно говорить. Я сам участвовал в передаче тех трупов в январе и видел эти трупы, по крайней мере, за три дня до передачи. А что было до того, я не знаю. Поэтому, поскольку ссылка была на меня, хочу сказать, что сам при таких событиях не присутствовал, хотя, может быть, они и случались.

Реплика. Наверно, лучше после каждого выступления вести маленькую дискуссию, чем потом обсуждать весь блок докладов.

Арда Инал-Ипа. – Если все согласны, пожалуйста. Но мы тогда не обсудили доклад Зураба Джапуа.

Реплика. – Конечно, интереснее прослушать доклад и сразу приступить к обсуждению, но это чревато тем, что обсуждение затянется. Надо установить регламент и на обсуждение. Давайте отведем 10 минут на вопросы и ответы, а если не уложимся, то оставим время, чтобы потом вернуться к той теме после всех докладов.

Арда Инал-Ипа. – Хорошо, тогда 10 минут на вопросы по первым двум докладам.

Лаша Бакрадзе. – Это касается и грузинского общества, и абхазского: наши общества очень закрыты. Когда говорят о каких-то традициях, то получается (в представлении, например, иностранца), что такая традиция существует только у абхазов или только у грузин. Вы ни слова не сказали, что такие же традиции, о которых вы рассказывали, почти все есть у грузин. Особенно абхазские и мегрельские традиции, я думаю, близки друг к другу. Все время подчеркивать, что это специфически абхазское или только северокавказское, и выделять эту особую особенность, неправильно. То, что вы рассказали, нам было знакомо из грузинской традиции.

Зураб Джапуа. – В данном случае я говорил об абхазской традиции конкретно и проводил параллели не только из кавказской тради-

ции, но и других древних культур, но за неимением времени не стал все это уточнять.

Лаша Бакрадзе. – И в Грузии тоже очень часто бывает, когда что-то рассказывают и потом это так выглядит, как будто такое бывает только в Грузии. Это отчасти оттого, что мы мало знаем о других.

Ираклий Сургуладзе. – У меня к вам маленький вопрос. Усыновление — это как происходит, на равном социальном уровне или сверху вниз? Как считается – человек, который берет на воспитание, тот стоит ниже, морально хотя бы?

Зураб Джапуа. – Нет, здесь речь идет о другом. Ситуация конфликтная, и пострадавшая сторона должна согласиться на воспитание.

Ираклий Сургуладзе. – Это как наказание или как извинение?

Зураб Джапуа. – Естественно, это совершалось по просьбе провинившейся стороны с целью выхода из конфликта.

Ираклий Сургуладзе. – Значит, он на всю жизнь ставит себя в ущемленное положение? Меня это и интересовало. Потому что у многих народов, когда человек, может быть, вышестоящий в социальном отношении, приходит и говорит: я буду воспитывать твоего ребенка, то он хочет этим что-то компенсировать, он ставит себя чуть-чуть ниже.

Зураб Джапуа. – По абхазским материалам, которые я использовал, это не считалось каким-то ущемлением.

Михаил Мирзиашвили. – Вы упомянули традиции, и меня интересует: насколько они сильны и реальны сегодня? Я не помню, кто привел пример: у грузин есть традиция делать вино, но часто бывает, что они добавляют в него сахар или воду, что уже тоже вошло в традицию. Так что сейчас традиция – старое виноделие или разбавление водой? Извините за шутку, но меня интересно узнать: то, что было перечислено, как бы кодекс, это действует сегодня или это было в прошлом, а сейчас все по-другому?

Зураб Джапуа. – Вопрос существенный и очень уместный. Я говорил о том, как это было, но использовать эти традиционные формы примирения, думаю, можно – конечно, надо подумать, в какой форме и как. Не полностью, не целиком, не копировать (это невозможно), но знать о том, что были такие прекрасные обычаи.

Марина Барцыц. – Мне понравилось Мишино сравнение с вином. К сожалению, очень часто мне сложно сказать, что является тра-

дицией. Часто оказывается, что работающая традиция является советской традицией, а все, о чем мы тут говорим, еще не архетип, но действует на уровне мотивации. Конечно, многое работает сегодня очень четко – система воспитания, этикет. Кровная месть – нет. Много не работает, но что-то работает, что-то меньше. Даже самое забытое влияет на уровне мотивации на поступки людей. А вообще пример хороший.

Батал Кобахия. – Я хотел бы прокомментировать вопрос-замечание Лаши по поводу уникальности тех или иных традиционных норм. Наверно, очень интересно получилось, что на всех этих встречах абхазы часто возвращаются к историческому прошлому – соответственно, много докладов этнографических, фольклорных либо с привлечением примеров из прошлого. А грузины в своих выступлениях всегда ориентируются на современную ситуацию.

Я хотел бы, чтобы вы отметили, что здесь не говорилось об уникальности абхазской культуры, что она не имеет параллелей с культурами других народов – в особенности, с соседним грузинским народом. Как раз таки практика показывает, что международное гуманитарное право формировалось из совокупности как общих, так и уникальных представлений обычного права европейских народов, которые имели опыт длительного сотрудничества, но при этом и часто воювали между собой. И я согласен с Лашей, что сегодня мы, может быть, плохо знаем примеры из грузинского обычного права. (Хотя лет десять назад мы это знали лучше, потому что было больше ученых, которые изучали грузинский фольклор и традиции, а в абхазской культуре это изучалось гораздо меньше.) Нам было бы интересно, чтобы грузинские участники тоже привели какие-то примеры из обычного грузинского права, имеющие параллели, аналогии, в абхазском, чтобы и абхазы, и грузины могли почувствовать, что это не только личные понятия участников встречи, наши личные представления, тогда бы у нас страх ушел. Если я знаю, что что-то, важное для меня, для вас тоже очень важно, я бы ориентировался на то, что грузин может понять меня, абхаза. В случае неуверенности в том, что он меня поймет и моя культура меня защитит, я становлюсь агрессивным.

Я хотел бы задать вопрос Марине, Зурабу и третьему докладчику. Мы изучаем абхазо-грузинский конфликт, то, что произошло се-

годня. Как мы можем использовать тот накопленный исторический опыт, о котором вы говорите? Руслан всегда любит приводить пример, когда убыхи и абхазы поменялись сыновьями, чтобы помириться. Разумеется, сегодня это абсурд, никто своими детьми меняться не будет, и очень трудно представить, что грузины и абхазы по сто детей туда и сюда отдадут. Но, тем не менее, вы часто приводите такого рода архаичные примеры, такие героические, романтические (у меня даже слезы на глаза наворачиваются). Но насколько это применимо к разрешению абхазо-грузинского конфликта, переживаемого сегодня нами? Насколько эти модели, о которых вы говорите, мы можем использовать, преломить в современном контексте? Интересно ли это? Нужно ли нам это? Я не фольклорист, не этнограф, надо ли мне это слушать? Как я могу это использовать в обыденной жизни? Сами вы являлись ли свидетелями того, как то, что вы изучали, то есть те древние традиционные нормы, работали бы сегодня в нашем сознании? Был ли у вас проведен социологический опрос общественного мнения по данной тематике? Как это работает сегодня, в современном контексте, особенно в реальной абхазо-грузинской войне, и в постконфликтной ситуации? У вас есть такой опыт?

Марина Барцыц. – Я, наверно, не смогла сказать, но моей целью было показать, действует это или не действует. Я все это выводила на современность. По крайней мере, я попыталась сказать, что, если бы мы соблюдали нормы, правила поведения во время войны, нам было бы легче и быстрее примириться. Международное гуманитарное право – оно даже более упрощенное, чем наше кавказское. А что касается второго вопроса, я сегодня часто опрашиваю молодых людей, участвовавших в войне, и они говорят о том, что они это соблюдали. Когда они рассказывают мне случаи, я спрашиваю, почему они это делали, и они отвечают, что знают, что так надо. Я спрашиваю, читали ли они это в книгах, знали ли о Женевских конвенциях – нет, говорят, но так надо было поступать, нас с детства так учили, такие были предания, притчи и т.д.

Олег Дамения. – У меня два вопроса: первый к первому докладчику, второй – ко второму. Вы говорили об институте примирения, существовавшем у абхазов, по фольклорным материалам, но в этих материалах, по существу и в основном, речь идет о миниконф-

ликтах, которые, естественно, возникают в любом обществе. Есть ли соответствующий фольклорный материал либо у абхазов, либо у других народов Кавказа, где речь идет о конфликтах между общинами, этносами или народами? Что по этому поводу фольклор говорит вообще? И второй вопрос: Марина, доклад ваш, несомненно, очень интересный, как и предыдущие – они воспроизводят и реконструируют ту культуру, которая была в прошлом, какие-то фрагменты прошлой нашей культуры. Мне хотелось бы услышать, как вы понимаете и описываете современную культуру абхазов или грузин, или вообще кавказскую культуру. Что это за культура, как вы ее понимаете, как можете истолковать? Что за модель той социальной культуры, в условиях которой мы с вами живем и пытаемся осмыслить этот конфликт, и более того, даже урегулировать его?

Зураб Джапуа. – Есть фольклорные сказания о конфликтах между общинами, этносами, есть такие примеры, и немало, я просто не приводил их из-за отсутствия времени. Например, как абхазы и зихи мирились, и с другими этносами. Есть даже карачаевцы, сваны и цабальцы. В сборнике они будут опубликованы. Они входят в мой доклад, просто я их не приводил, чтобы не заняло много времени.

Ираклий Сургуладзе. – Мне кажется, что мы очень увлеклись частными примерами, а надо искать какой-то социальный рецепт, какую-то общесоциальную основу, на каком общественном понимании все это зиждется. Скажем, я тоже могу привести прекрасный пример Шалвы Денисовича Инал-Ипа из книги Константинэ Гамсахурдиа – это знаменитый эпизод примирения абхаза Эмухвари и Чолохашвили. Такие примеры если мы будем считать, сам Бог знает, куда нас это заведет. Потому что это единичные примеры, конкретные сюжеты, которые очень любят рассказывать. Но какая их социальная цена? Что все это значит в данной плоскости? Что это может нам дать в данный момент? По-моему, если мы в этом смысле немного подумаем, будет неплохо. Наверно, у вас все это есть, но, к сожалению, в данных условиях вы не смогли это показать из-за ограничений во времени.

Зураб Джапуа – Да, вы правильно говорите, что таких примеров очень много можно приводить. Но я бы не сказал, что они не имеют такого значения. Как раз таки я говорил об этом в докладе, что в памяти народной сохраняются именно очень необычные явле-

ния. По фольклорным сюжетам есть записи полевые, архивные, паспортизируются все тексты, откуда берутся, есть собственные записи, есть научные. Т.е. это не просто частное явление, которое переходило из уст в уста, все это проверено традицией. Например, в нартском эпосе есть мотивы народной дипломатии, мотивы традиционного примирения, магии слова. Я считаю, что это не случайное явление, это говорит о том, что народная дипломатия имеет древние истоки (в данном случае я имею в виду абхазские традиции).

Марина Барцыц. – Я отвечу на вопрос Олега Несторовича Дамения: «Как вы понимаете и описываете современную культуру?». Для меня это такой гибрид, очень эклектичный, очень синкретичный, но в целом можно говорить о том, что Кавказ сохраняет свое лицо. Я приводила схему, чтобы показать, что, будучи колонией, мы были слишком долго оторгнуты от собственной истории и культуры, и, может быть, нам будет сложно провести модернизацию, подобно Японии эпохи Мэйдзи, на базе собственной истории и культуры. Но мы должны к этому стремиться, поскольку мы все-таки Кавказ и туда (в Запад) не вписываемся, нам надо остаться собой.

Гоги Гвахария. – Я согласен с Олегом Несторовичем и хочу выразить сомнение, нужно ли нам обсуждать проблемы этнопсихологии. Я напоминаю, что конференция посвящена грузино-абхазскому конфликту. Если мы будем говорить об этнопсихологии... Наверно, лучше говорить о наших общих чертах, о том, что нас связывает, а не о том, что нас разъединяет, потому что некоторые фразы Марины мне напомнили статьи грузинских националистов, которые тоже пишут об особой ментальности Грузии, и в этих статьях тоже есть ностальгия по прошлому и традициям. По-моему, говорить сейчас об этом очень опасно. Тем более, что в докладе Марины были обобщения довольно-таки опасные. Например, я могу задать такой вопрос: Марина говорила, что на Кавказе детей не наказывают. А швейцарцы или монголы детей наказывают? Что это за особенная характерная черта, например, абхазов или грузин? Я думаю, что в других докладах не стоит делать таких обобщений, потому что наши народы находятся в конфликтной ситуации и это обострит проблему.

Лаша Бакрадзе. – Я тоже обращаюсь к Марине. Мы слишком радужными иногда видим наши традиции. Я не думаю, что тради-

ции имеют какое-то действие на сегодняшний день, к сожалению. Может быть, кое-кто и помнит о чем-нибудь, но надо признать, что с обеих сторон в этой войне было очень много вероломства. И для меня более интересно, почему происходило такое вероломство, чем то, как было бы хорошо, если бы все шло по традиции, и как бы мы тогда могли бы лучше друг с другом говорить. Если мы будем говорить о вероломстве грузин и абхазов, то, по-моему, больше будем знать друг о друге и о том, как реально шла эта война и как можно урегулировать этот конфликт.

Далила Пилия. – Я думаю, без учета национальной психологии и национального характера народная дипломатия, наверно, будет страдать, поскольку надо знать оппонента: каков его менталитет, какие у него устоявшиеся традиции. В связи с этим хочу обратить внимание на прозвучавший тезис о том, что традиции абхазов и мегрелов очень близки. В деятельности народной дипломатии этот тезис, наверно, не очень одобрительно будет воспринят со стороны абхазов. Не потому, что какие-то претензии к народу. Мегрелы, мы знаем по тысячелетнему соседству – один из древнейших народов Кавказа, с самобытной историей и культурой. В силу территориальной общей границы у нас очень много взаимопереплетений, кровного родства и схожести бытовой культуры, но мы достаточно хорошо отличаемся менталитетом народа, духом народа, и в народной дипломатии это надо обязательно учитывать.

Гоги Гвахария. – Можно говорить, конечно, о различиях и характерных чертах, но я еще раз повторяю: когда мы так обобщаем, нужно задуматься, насколько это характерно именно для нас. Это и Лаша сказал, и я повторяю. Почему это не характерно для монголов или швейцарцев? Обобщения всегда очень опасны.

Тамара Шакрыл. – Я хотела бы спросить: кого-нибудь это оскорбит, если я скажу, что абхазский язык уникальный? Не оскорбит? Тогда почему вы так отнеслись к традициям? Есть какие-то вещи уникальные. Об этом и говорили те, кто выступали. Что-то есть, конечно, общее, это безусловно. Но есть и что-то отличающее нас всех друг от друга. Кстати говоря, любой язык есть средство общения, но все они разные. Не все, но, во всяком случае, разные – по семьям, по группам и т.д., и никого это не должно удивлять или оскорблять. Раз-

нообразии мира – это самое большое богатство, которое человечество приобрело, и мы должны это учитывать. А что касается ностальгии по прошлому – ой как глубоко это должно сидеть в нас. Демократия, к которой мы рвемся сейчас, на Кавказе какая была? Действительно демократия. Я думаю, древние греки могли бы позавидовать Кавказу. Ведь Кавказ почти не знал закрепощения. Когда абхазам объявили, что крестьяне свободны, они не поняли, о чем идет речь. Они спросили: «Что значит свободны, мы разве не были свободными?» – «Отныне вы не крепостные», – сказали им. «Ах, мы? Вы смели думать, что мы крепостные?». Из-за этого произошла война, можете себе представить. Разве не надо об этом помнить, разве не надо это идеализировать? Разве не нужно хорошо изучить эту историю и постараться взять оттуда самое лучшее? Неважно, что это кажется прошлым. Это далеко не прошлое, это прерванное настоящее. И мне кажется, нам надо быть терпимее к тем вещам, которые нам непонятны, и стараться вникать в них глубже.

Ираклий Сургуладзе

ВОЗМОЖНАЯ РОЛЬ ТРАДИЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА

(Полный текст доклада см. на стр. 266)

Первым долгом я хочу сообщить вам, что, не зная обязательной формы доклада для нынешнего собрания, я решил, что посмотрю, что будет, и в записанном виде представлю позже. Я обдумал проблему динамики традиции с тем, чтобы увидеть ее в каком-то историческом движении, в каком-то развитии, самосовершенствовании. Все это я постараюсь оторвать от конкретных примеров, эти примеры есть у меня в большом количестве. Но сейчас меня больше интересует традиция как механизм, чем, скажем, какое-либо конкретное частное явление, которое характерно для абхазов или грузин и т.д. Вообще, я считаю (и не только я, а многие), что возникновение традиции – это дело непрерывное. Она зарождается в одной форме и продолжает существовать в течение всей истории человечества. Мне

приходилось браться именно за такие формы человеческих культур, которые свойственны только человеку. Скажем, погребение. Значит, уже существует человек. Где бы это не происходило, из живых существ, живущих на земле, только человек умеет заниматься этим, т.е. часть своего трудового опыта жизнеобеспечения он выделяет для того, чтобы выкопать яму и изолировать покойника. Но он это делает не только, чтобы избавиться от него, наоборот, это является амбивалентным или даже очень многослойным и многоформным явлением, ибо тут содержится целая концепция, огромное представление о загробном мире, об обязанности живого человека к мертвому, о собственной смерти. К великому сожалению, я в свое время у своих абхазских коллег не узнал, существует ли такой же обычай, который засвидетельствован у грузин-горцев, и не только у горцев, когда человек сам справляет по себе тризну. Изучен ли такой факт у абхазских этнографов? Я, к сожалению, таких материалов не встречал. Может быть, я их случайно пропустил. Это очень интересно, потому что это и есть забота живого человека о своей загробной жизни. Это подготовка, и большая часть жизни в свое время уходила как раз на эти труды, они очень много времени отдавали этому. И большинство археологических кладов содержат то, что человек послал до своего прибытия на тот свет. Это частный вопрос, об этом спорить и не надо, потому что это доказано. Меня интересует общая модель поведения наших кавказских народов, и не только кавказских. Этот пример меня интересует в том смысле, что он очень древний. Происхождение государства – это, конечно, гораздо более позднее явление. И эти люди, которые выработали обычай еще в эпоху энеолита, их не потеряли. С своими принципами они пришли и в современную культуру. Т.е. традиция движется, все время обновляется. Скажем, абхазский миф об оживлении животных – это известно. Такие же представления засвидетельствованы и у грузин, и на Северном Кавказе, и в других многих местах. С помощью кожи и костей, бог охоты оживляет животное, и только это животное является добычей охотника. Такое животное, которого само божество охоты, или пастух диких животных, не убило, человек не видит. И поэтому в абхазских формулах часто встречается: «дай нам то, что ты ел и пил». Это повторяется во многих случаях. Оживление с помощью шкуры (кожи) и костей. Кожа и

кости являются жизненным минимумом, из которого возникает живое. Между прочим, в грузинском языке сохранилось выражение «остались кожа да кости» — это не особенность грузинского, это во многих языках так. Например, в немецкой культуре бог, который оживляет своих козлов, и у гиндукушских народов то же самое. Вся эта общность доказывает, что эти традиции когда-то были созданы в относительно сжатой ойкумене, которая потом разрослась. И эти люди по сей день пользуются этими общими традициями. В свое время наличие этих общепонятных, рациональных элементов всегда помогало взаимопроникновению культур. Оно заставляло людей легче понимать друг друга. Т.е. представления о хорошем и плохом, о добре и зле, и пр., все это было разработано уже на мифологическом уровне в относительно узком кругу ойкумены народов и языков, еще в раннеземледельческий период. Потом эти народы разошлись и взяли с собой аналогичные представления, которые почему-то сейчас рассматриваются как взятые у одного народа другим. Ничего подобного не было — все это из общегоклада, который в свое время был создан. Я хотел бы обратить внимание на эти общие моменты, потому что именно они помогали нам всегда в отношениях. Когда изучаешь, скажем, раннеземледельческие представления, то находишь сходные моменты у германцев, грузин, где-то в Индии, и удивляешься, как так получилось, что эти люди владеют какими-то общими, встречными ценностями. Именно потому, что эти ценности вырабатывались сообща! И сейчас современная культура, язык, понимание друг друга зиждутся именно на таких общих ценностях. Когда я еще был молодым, известный этнограф Алексей Иванович Робакидзе устраивал встречу абхазских этнографов с грузинскими, тбилисскими, и они разбирали вопросы грузино-абхазских параллелей. Я тогда сказал: «О чем вы говорите? Если вы не найдете параллелей, это как раз и будет открытием. Эти народы испокон веков жили в одном регионе, выработали один хозяйственный тип, один строительный комплекс — в общем, колоссальное количество совпадений; естественно, что как раз эти совпадения и есть то общее, выработанное этими народами». Но если мы отдельно пройдемся по обычаям, там тоже найдем значительную общность. А кажется, что некоторые различия социального характера все-таки существуют, некоторые обычаи од-

ной и той же конструкции на разных социальных уровнях выглядят по-разному, аксессуары разные. То же самое «оживление», когда кавказские божества охоты оживляют дикое животное, а в греческой мифологии боги оживляют Пелопса. Если у нас деревянная лопатка (то есть плечевая кость) вставляется взамен настоящей кости, то там это заменяется слоновой костью, и белую отметину пелопиды носили как отличительный родовой знак. Так что на разных уровнях эти традиционные и мифологические мотивы повторяются, но самое важное, хорошее и плохое, вырабатывается на сакральном фоне. Если человек вошел в миф, или сагу, или эдду, если человека запоминают, героя запоминают, если его поступок выходит за рамки обычного, надо думать, что это сакрально оправдано, на его поступки есть сакральная санкция, и эти санкции как раз и закрепляются в идеале той или иной общины. И вот в наши современные дни, когда сакральность уходит, и ее не стало уже, и она не работает, все это превратилось в общие моральные ценности. Очень трудно, суммировав моральные ценности одной какой-нибудь группы, сравнивать их с разными группами. Будет много нюансов именно на уровне социального развития. В остальном, тематические идеи формируются и трансформируются диахронически. Диахрония как раз и отвечает за эту трансформацию истории. Естественно, когда говорят, что нет человека, который равнялся бы себе в каждую, любую историческую эпоху, вот это и дает нам объяснение, что я, живя, скажем, в бронзовом веке, реализовал бы свою личность совершенно по другим параметрам. Каждый помнит прекрасную сцену, когда Одиссей возвращается домой, а его жена поощряет женихов, чтобы они принесли как можно больше подарков, и Одиссей говорит: какая она умная и домовитая женщина. Но с нашей точки зрения это элементарное вымогательство, а в те времена, раз она заставила этих женихов уйти домой и вернуться с богатствами и подарить их... Таких примеров колоссальное количество.

Мы знаем, как все это формировалось, какие были общие ценности и как мы дошли до сегодняшнего дня. И то, что сегодня происходит – это не историческая логика. Я не вижу в этом никакой логики. Может быть, я плохо это обосновал, но постараюсь лучше написать. Я не вижу исторической логики, необходимости того, что произошло. И конечно, если я буду говорить и доказывать вам, что я са-

мый высокий, самый красивый, самый умный, самый хороший, вам это в конце концов надоест. В конце концов вы скажете: «Иди и посмотри в зеркало, на кого ты похож». Пойду и увижу в зеркале то, что я хочу видеть. Наши встречи принуждают нас к тому, чтобы мы посмотрели именно в зеркало истории, кто мы есть на самом деле. Мы что, враги? Кровные враги? Зачем нам примиряться? А зачем было враждовать? И неужели в современном образованном мире, тем более – Южный Кавказ, наша часть, во всяком случае, претендует на образованность, и нынешняя аудитория тому свидетель. Я завидую вашей образованности, вашим знаниям, когда слушаю молодое поколение, и я думаю, что этот вопрос совершенно свободно можно доказать и разрешить на уровне доказательств. Но есть нечто, которое не повинуется нашим рассуждениям. Что-то такое происходит, что лежит не в поле нашей досягаемости. Есть нечто такое, надо определить что именно, что противопоставляет нас друг другу. Все эти различия, которые есть между нами – неужели все это достаточный повод для кровопролития? В историческом развитии я не вижу ничего подобного, что предопределяло бы вот эту ситуацию. Значит, какая-то геополитическая ситуация, какие-то столкновения, которые выше нас, сильнее нас, наверно, толкают нас к этому. Надо заявить о наших собственных интересах. Надо же понять, что проиграна война или выиграна – это весьма условное дело. Я вам скажу: если операция важна, то еще более важный момент – послеоперационный период. Я многих покойников знаю, которые хорошо перенесли операцию, но после операции не было нормальной реабилитации, и они... Германия и Япония были разгромлены, а Россия победила – смотрите, пожалуйста! Так что, нам самое главное – не разрушаться, а как-нибудь найти возможность лучше понять друг друга. Со мной вместе, скажем, абхазские ребята учились на одном курсе, десять человек. Один из них, которого вы близко знаете – Жора Амичба, профессор. Известный, хороший человек. Мы вместе выросли, вместе постарели, и я не понимаю, как с той стороны Жора будет стоять за Энгуром, отсюда я, и будем друг в друга стрелять? Я не знаю, что за правда такая, которой мы достигнем этим путем. Я не понимаю, потому что все традиции, формы хозяйства, историческая жизнь... Я вспоминал пример Шалвы Денисовича из романа Гамсахурдиа. Гру-

зины и абхазы... Да какое феодальное общество в мире когда-нибудь существовало без войны? Феодальные междоусобицы всем известны, это всегда было, но это не значит, что народы воевали. Я считаю как раз свойством народной дипломатии то, что не надо дублировать правительство. Не надо подчеркивать те моменты конфликта, которые подчеркивает правительство, потому что это преемственное правительство, у нас еще нет правительства, независимого от старого. Ни у нас, ни у вас, ни вообще в постсоветском пространстве нет таких правительств – все они коммунисты, бывшие секретари ЦК, секретари райкомов и неплохо себя чувствуют. Поэтому мы должны найти нечто другое. Это мое глубочайшее убеждение.

Арда Инал-Ипа. – Давайте мы продолжим тот порядок, который сложился: два доклада, затем обсуждение. Поэтому сейчас мы прослушаем доклад Руслана Гожбы (Аслана Гуажбы), а потом, помимо вопросов именно ему и комментариев к его докладу, вернемся ко всем четырем докладам, которые прослушали сегодня.

Аслан Гуажба

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ОРАТОРСТВО НА КАВКАЗЕ

(Полный текст доклада см. на стр. 279)

Мое сообщение продолжает два предыдущие доклада и немного перекликается с ними. Я надеюсь, все сидящие здесь бывали в Абхазии, все знают наши застольные традиции, этикет. Но немногие, наверное, задумывались, почему это происходит. Вроде все элементарно, все лежит на поверхности, а посмотришь глубже, окажется, корни очень глубокие, как у дикого барбариса. У него очень глубокий корень, но он очень полезен от желтухи, и, чтобы выкопать его, нужно несколько метров копать, а само дерево маленькое.

Первый тост абхазы поднимают, чтобы всевышний ниспослал нам... буквально: «ниспошли нам тепло твоих глаз». **Второй тост** за те высшие силы, которые покровительствуют людям. **А третий тост** – за народ, не конкретно за абхазский народ, а за все народы мира. И при всех вариациях звучит традиционная формула: «Боже, сохрани

все народы от вражды, пусть они живут в мире, общаются, любят друг друга и т.д.». А почему это происходит? Я не буду сейчас говорить о традициях застолья, они на Кавказе, особенно на Западном Кавказе, в Грузии, Мегрелии, очень традиционны. Но часто я был свидетелем того, что люди удивляются: почему вы не пьете конкретно за абхазов? На это я и хочу ответить в этом сообщении, тут очень много примеров, фактов.

Есть одно абхазское выражение: «человека человеческим делает человечность». Приведу конкретный пример. Во второй половине XIX в., вы знаете, было изгнание народов Западного Кавказа, в том числе, абхазов. На первых порах им было очень трудно выжить на чужбине, и тем абхамам, которые проживали, скажем, в Турции, помогали их родственники, однофамильцы и просто абхазы. Есть такой род Атрышба, в котором было четыре брата генерала, один даже был маршалом. Они приезжали к своим братьям, односельчанам, и чем могли, помогали – и физически, и морально, и т.д. Естественно, их усаживали за стол, а во главе стола сажали седобородого казака, который попал в плен еще в Абхазии. Он считался рангом ниже на социальном уровне, но его сажали во главе стола, потом уже садился маршал, генерал и т.д. Турки этого не могли понять: как это невольник садится за один стол с маршалом, перед которым вся Турция дрожит? А истина проста: те традиции, на которых был воспитан наш народ, на которых мы были воспитаны и хотим воспитать будущие поколения, в человеке прежде всего видели человека.

И еще мне очень понравилось выражение молодого абхаза из Турции, Декира Чкуа. Он в своей статье по абхазскому этикету (апсуара – это не этикет, это гораздо выше) пишет: «Апсуара нет альтернативы». Он говорит: «Апсуара ставит превыше всего человека, а не его идею и религию, в этом ее наивысшая демократия». Вот откуда у нас веротерпимость, вот почему возможно, что муж мусульманин, а жена христианка, или наоборот. Мы всегда стараемся видеть в человеке человека. Я могу привести массу примеров из XIX в., из постсоветского времени.

Случаи, о которых говорил Зураб – их не идеализировали, на них воспитывали людей. Что такое родина? Это моя семья, мои друзья, моя школа. Место, где похоронены мои родители, мой дед, прадед, т.е. та среда, в которой я общался, и что я видел. Очень хорошо Марина сказала, я сейчас вспомнил – один только раз в жизни меня

отец наказал, я заслуживал большего наказания, но этого я больше в жизни не делал. Нас воспитывали, используя иносказания. То притчу расскажут, то предание. На этом мы воспитывались. Нас воспитывала не школа. В школе мы учились считать, писать и т.д., а тому, как вести себя, нас учила наша среда, наша родина.

Мы говорим о кавказской культуре, у нее очень глубокие корни. Кто-то сказал, что Кавказ – это не Восток и не Европа. Всем известно о существовании мамлюкского государства, сейчас говорят, что оно тысячу лет существовало, и в арабских странах, и здесь, и в преданиях. Например, в XVII в. при дворе султана возник «стиль абазы», т.е. весь султанский двор (а Османская империя располагалась тогда на трех материках), вся высшая знать османского двора подражала этикету абхазов, умению себя вести, владению оружием и т.д. Почему это происходило? Значит, кавказская культура была. Иначе этого не объяснить.

Есть и такой пример. После окончания Кавказской войны двор царя в торжественных случаях стал надевать черкески, кавказскую одежду, и это считалось самой идеальной

формой одежды. Дело в том, что на Кавказе столкнулись в XIX в. две культуры – буржуазная культура и военизированная рыцарская культура.

Здесь мы очень много говорим о сходстве, но есть и очень много различий. Я хочу подчеркнуть, наверно, немногие знают здесь (кроме абхазов), что у абхазов почти нет любовных лирических песен. Практически нет. Если и есть, то те, которые родились в XX в. Две-три песни, может быть. Это говорит, что времена были совершенно иные, культура была совершенно иная, она была очень военизированной. Когда рождался сын, значило – родился воин, защитник родины. Исходя из этих традиций, воспитывали будущие поколения.

Я нашел очень много вариантов примирения и хочу привести один пример, который я не встречал в литературе. Он очень оригинальный, и я хочу, чтобы вы меня правильно поняли. Два очень мощных, сильных клана повздорили между собой, между ними пролилась кровь. Что только не пытались делать, но никак их примирить не могли. Есть такая пословица у абхазов: «Жанаа что взял, не выпустит». Жанаа, как мне сказали, был аубла, т.е. всевидящий. И вот что он сделал. На широкой равнине он поставил один клан с одной сто-

роны, другой клан с другой. Вбил алабашу, одну алабашу здесь, другую там, но на расстоянии человеческого голоса. На одну алабашу надел бурку, на другую тоже, потом накинул башлык и начал разговаривать с ними. Тишина мертвая, все слушают. И он говорил с утра до позднего вечера, и примирил два манекена. Потом обратился к кланам: «Видите, манекены друг друга поняли, а вы что, не можете примириться?». Так их и примирили. Таких примеров очень много.

Например, в Кабарде был известный мудрец Жабаги Казаноко, он воспитывался у абхазов до 15 лет. Как он примирил кабардинцев. Кабарда разделилась на две части. Должна была начаться война. Он со своими людьми пришел во двор к главе войска, стали перед ним, громко оплакивая его. Князь, глава войска, в недоумении, что случилось. А они плачут. Что случилось? Они отвечают, что только мертвый мог начать войну между ними. И война прекратилась.

Иногда в таких случаях враждующие стороны разводили на очень большое расстояние, чтобы не было слышно голосов, между ними ходили конные, чтобы те и другие не слышали, о чем говорят, при этом были свидетели с той и другой стороны. И вот, они могли ходить между противоборствующими сторонами в течение суток, двух суток, и в конце концов добивались примирения.

Мне очень понравилось то, что Арда написала о земле. По этому поводу приведу конкретный факт из своей жизни. Там, где живут мои предки, 220-230 лет ориентировочно, 7 поколений...

(Пробел в записи – перемотка пленки.)

Мне очень понравилась в «Кавказском акценте» статья «Друг. Наши ошибки в Абхазии», там выступал старик абхаз, и он очень четко и тонко выразил отношение к земле. Разбил все на четыре категории, но сейчас я не хочу занимать ваше время. Надеюсь, вы ее прочтете и проанализируете. Здесь у меня приводится письмо конца XIX в. Это письмо Георгия Дмитриевича Чачба к Георгию Михайловичу Чачба. «Природа стремится к симметрии, а человеческое общество к равенству, и пока не будет социального или национального равенства, не будет мира». Потом он подчеркивает, что «без подлинного равенства не бывает подлинного мира; неравными людей делают законы, законы должны быть для всех одинаковыми». Этим я хочу закончить свое выступление.

Тамара Шакрыл (*вопрос не слышен*)

(*Пробел в записи.*)

Аслан Гуажба. – ...и притом, как Тамара Платоновна говорит, есть такая причина, многодетность: у них 7-8-9 детей, а у нас 3. Ради Бога, поделимся, какие проблемы. В Багмаране жил мой зять Харазия был (он уже умер), у них было 18 гектаров земли и лес. Председатель колхоза приходил к нему и говорил: «Руфет, нужен лес», тот говорил: «Пожалуйста, пришли завтра 5-10 человек, можете забрать». Только так, а по-другому невозможно было.

Вопрос. – Это в каком районе?

Аслан Гуажба. – Гульрипшский район. И по всей Абхазии так было. Еще один пример хочу привести. Недавно, после войны, в одной деревне поселился человек, дом которого сожгли. Там было родовое кладбище. У него умер отец, нужно было похоронить. Он пришел и спросил: можно ли моего отца на вашем кладбище похоронить? Ему ответили: можно, какой разговор. Они уже будут считаться родственниками.

Нодар Сарджвеладзе. – Я хотел бы коснуться механизмов примирения. Дело в том, что каждый этнос имеет в багаже своей национальной культуры какой-то опыт примирения и, видимо, он имеет опору не только в традициях и реальных фактах, но, скорее всего, в ценностях и ориентациях самого этноса. Например, существует грузинская баллада, поэма о юноше и тигре. Там юноша борется с тигром, и они друг друга убивают, потом мать оплакивает этого юношу и затем думает о том, что, возможно, мать тигра больше страдает и надо пойти к ней, чтобы выразить соболезнование. Конечно же, в этой поэме нет реального, фактологического материала, здесь, скорее всего, указывается на ту мотивацию людей, к которой они стремились. Поэтому, видимо, во многих материалах, которые прекрасно изложили Зураб, Марина и Руслан, в этих традициях есть не пласт реальных событий, а, скорее всего, это стремление народа к тому, что так должно быть. Они служили не только для того, чтобы повторить это реально, а как ориентиры, по которым надо воспитывать людей, чтобы это стало нормативом. Исходя из всех этих размышлений, можно поставить один простой вопрос. Любое человеческое поведение является целесообразным, оно должно чему-то способствовать, адаптации к чему-то – к природе, к социуму, к кризисным си-

туациям и т.д. Если задаться таким вопросом: чему служит примирение? Если абхазский этнос настолько толерантен, если эти материалы, которые вы изложили, служат традиционными ценностными ориентирами, тогда возникает вопрос, в чем смысл всего этого. Чему это служило? Служило тому, что абхазскому этносу, в количественном отношении не такому уж обширному, надо было выжить, или чему-то другому? Т.е. я ставлю себе вопрос, в чем механизм, какова смысловая основа всего этого, которая бы определяла, что надо быть толерантным, надо мириться. Что за всем этим стоит? Я считаю, если эти материалы будут служить ответу на этот вопрос, тогда можно выйти на объяснение не только кавказского феномена, как говорила Марина, но можно понять механизмы существования и смыслообразовательные моменты вообще человека на свете. Потому что подобные фольклорные материалы есть у многих наций, и задача такова: когда существует война или мир, Толстой напишет какое-то произведение, где поставит вопрос – а в чем смысл всего этого, в том числе и примирения? Поэтому мы должны задуматься не только о том, чтобы искать этнографический материал, но, наверно, и задавать вопрос о смысле: в чем он заключался – в выживании, развитии? Интересно получить ответы на эти вопросы. Я не думаю, что вы должны ответить на них сейчас.

Марина Барцыц. – Это философская проблема – выживание...

Нодар Сарджвеладзе. – Я ставил вопрос не для того, чтобы вы ответили, это вопрос к размышлению.

Алхас Тхагушев. – Я хотел бы прокомментировать выступление Лаши по поводу войны, когда вы говорили о событиях, которые имели место. Действительно, это все было, и с обеих сторон, и, к сожалению, этот факт нам приходится признавать. Я могу говорить только о собственном опыте, не могу сказать за весь период войны, но я согласен с тем, что, действительно, присутствовало что-то, о чем говорила Марина – действительно, какой-то стержень был. И когда кто-то переходил эту грань, то его осуждали. Я не думаю, что грузинская и абхазская армии были настолько дисциплинированы, что этих людей куда-то отсылали, но все-таки вероломство если присутствовало, оно осуждалось. Это факт. Может быть, поэтому нам сегодня легче, чем в других зонах. Я немного общался с другими людьми, например, из Карабаха, там все намного сложнее, как мне кажется.

Гия Анчабадзе. – Когда фактологический материал докладов показывает какие-то эпические предания, кому-то покажется, что он мало связан с современностью, мало перекликается с современными проблемами. Я не согласен с таким мнением, потому что эти предания, сказания, глубоко, подспудно, заложены в сознание. Может, мы и не живем по тем канонам, которые содержатся в наших преданиях, но все-таки это всегда себя в чем-то проявляет. Скажем, христианство, тот комплекс поведения, который изложен в библии, десять заповедей. Ведь никогда не жили строго по этим правилам – ни во время Моисея, ни во время Христа, ни потом. Но мы часто говорим, что христианство сформировало народы европейского культурного типа и продолжает более или менее определять их менталитет. То же самое можно сказать и об абхазском менталитете. Сказать, что абхазы живут точно так, как это было отражено в сегодняшних докладах, это неверно. И в XIX в. так не жили и, надо полагать, в более отдаленные времена тоже. Мы знаем из истории Абхазии, что там были и предатели, и вероломство, и т.п. Но то, что народ выкристаллизовал именно такие ценности и нормы поведения – это о чем-то говорит, и сегодня оно где-то проявляется. Конечно, тут было сказано, что это не только абхазские обычаи, такие предания есть и у других народов, в частности, у грузин. В отношении грузин я все-таки не совсем согласен. Грузины, безусловно, относятся по своему культурному типу к кавказским народам (ведь не все народы, живущие на Кавказе, по культуре являются собственно кавказцами; в частности, из трех больших народов Южного Кавказа – грузин, армян и азербайджанцев – только грузины относятся к этому культурному типу). Грузинская культура более мозаичная, более многосторонняя, чем, скажем, абхазская культура. И если говорить, что такие же отношения были и у грузин, то это можно говорить, в первую очередь, о горских грузинских этнографических группах: сванах, хевсурах, тушинах и т.д. Но если брать грузинскую культуру в целом, то горская культура играет в ней второстепенную роль, а в культуре равнинных грузинских этнографических групп, которые и в численном, и в социально-историческом отношении являются ведущими среди грузин, это все-таки представлено гораздо меньше, чем у абхазов. Тут было сказано, что из всех грузинских субэтнических групп этнографически наиболее близки к

абхазам мегрелы, но по менталитету, я не этнограф, но полагаю, что абхазы более близки к горским грузинским группам, не только к сванам, но и к тем, кто и не граничат непосредственно с абхазами. Так что эти общие моменты и происходят именно из кавказской горской культуры. Точно никто не скажет, так ли это было с древнейших времен – где-то зародилось и потом в равнинной Грузии постепенно сошло на нет, или может, это возникло столетиями позже в горско-кавказской среде, где наслоились друг на друга пережитки военной демократии и раннего феодализма, но это уже другой вопрос. Все-таки думаю, что для грузинского слушателя сегодняшние доклады были полезны и должны быть интересны, потому что дают нам возможность как-то понять менталитет абхазов. Хотя они не во всем переключались с темой того проекта, вокруг которого мы здесь собрались.

Лиана Кварчелия. – Я прокомментирую полемику, которая возникла в связи с докладами Зураба и Марины. Мне кажется, что в этой полемике проявились две тенденции. С абхазской стороны внимание сфокусировано на прошлом, традициях и уникальности. А со стороны грузинских коллег – призыв к большему сосредоточению на общих моментах, общегражданских, и некий скептицизм в отношении того, насколько эти традиции работают сегодня, насколько они могут помочь и какое отношение имеют к современному грузино-абхазскому конфликту. Мне кажется, это не столько отражение ориентированности на разные ценности: с одной стороны, национализм, с другой – стремление к демократии, гражданским ценностям. (Хотя это тоже имеет, конечно, место. Ни одно государство, ни грузинское, ни абхазское, никакое другое, не избежало этого национализма, поскольку национальные идеи имеют наиболее сильный объединительный потенциал.) Эта полемика отражает и суть конфликта, и суть опасений, которые имеются у абхазской стороны. Заключаются они в том, что абхазы, считая эти традиции и этот кодекс поведения ядром своей идентичности, ощущают угрозу своей идентичности, поэтому для них это так актуально. И пока такая угроза будет существовать, всегда будут сдерживающие моменты в поиске общих моментов в процессах интеграции не только с грузинами, а в более широком контексте. Это будет сдерживающим моментом и внутри абхазского общества тоже, в смысле развития общегражданских цен-

ностей. Я еще раз повторяю, что пока будет существовать угроза этой идентичности, эта тема всегда будет актуальной.

Олег Дамения. – Такие исторические экскурсы мне представляются вполне естественными. Во-первых, потому что они дают возможность лучше понять, что мы собой сегодня представляем, какие процессы идут и в каком направлении протекают. Другое дело, если наши докладчики будут формулировать, как история преломляется в нашей жизни и как она то ли помогает, то ли мешает, где помогает и где мешает, и т.д. Если критически переосмыслить пройденные нами этапы истории, думаю, это принесет нам, несомненно, большую пользу. Здесь возник вопрос, почему абхазские товарищи больше тяготеют к истории, нежели грузинские коллеги. Я хотел бы ответить следующим образом. После развала Союза и после войны Абхазия, оказавшись в блокаде, весьма остро ощущает потребность в самоидентификации. Абхазское общество ищет жизненные ресурсы, не только материальные, но и духовные. Оно не может черпать их откуда-то извне, оно должно найти в самом себе потребность установления самодостаточности. Именно поэтому мне представляется, что подобного рода переосмысление всей абхазской культуры и духовных ценностей, всей этничности, сегодня находится в глубочайшем кризисе. Мы находимся в кризисе не только в политическом или экономическом, но и в плане идентичности. Потому что сегодня нам не так-то просто. Иной может сказать: «Я абхаз», но какой смысл он в это вкладывает, что он имеет в виду, членораздельно, вразумительно объяснить не может. Это очень серьезный и сложный вопрос. А между тем, Марина правильно говорила в своем докладе, что в условиях нашей исторической эволюции естественная связь времен прервалась, и те ценности, тот социальный мир, та социальная система, в условиях которой все это формировалось, по существу, разрушены. И не только у абхазов. Я все больше и больше склоняюсь к тому, что вся кавказская культура, по существу, разрушена. И разрушилась она не сегодня, а еще раньше. Во время Кавказской войны, а может быть, еще раньше. Сегодня мы, кавказские народы, живем другими стандартами и другими ценностями, и эти стандарты мы черпаем из техногенной цивилизации. Другое дело, что мы, естественно, отождествляем себя с кавказцами, с точки зрения самосознания, и не смешиваем ни с западными

ми народами, ни с восточными. Но наше сознание и бытие, на мой взгляд, амбивалентны, т.е. у нашего самосознания нет реальной социальной базы. База некавказская, а самосознание кавказское.

Здесь также говорилось о том, что кавказская культура не западная и не восточная. Да. Но, однако же, мы не только на Западе или на Востоке, но даже на Кавказе пока еще не смогли расшифровать и истолковать кавказский социокультурный архетип. Т.е. кавказоведение этого не дает, а фольклорный материал, может быть, и дает, но для этого необходимо вооружиться соответствующей адекватной методикой. К великому сожалению, вся эта мысленная и духовная работа кавказской культуры или кавказского интеллектуального потенциала не проделана и не задействована.

Батони Нодар поставил тут очень серьезный вопрос, и я хотел бы тоже откликнуться. Вот, когда говорят о своеобразии, самобытности кавказской культуры – я использую эти термины, хотя есть, конечно, и другие – скажем, кавказская цивилизация, видимо, это понятие имеет право на существование, его тоже можно использовать... Я хотел бы сказать о том, что когда характеризуют специфику кавказского социокультурного феномена, как правило, подчеркивают кавказское этнообразие. На уровне экологии и биологии специалисты говорят о биоразнообразии Кавказа, причем, это биоразнообразие наиболее рельефно и показательно представлено именно на Западном Кавказе. Когда мы говорим о этнообразии в условиях горного ландшафта, просматриваются интересные и уникальные реалии. А какие именно? Скажем, такое количество этносов, какое представлено на Кавказе, в других географических ландшафтах встречаются реже. И интересно здесь то, что на Кавказе не только много этносов, но и что этнокультурные границы и экологические границы, как правило, совпадают. Т.е. каждый этнос занимает отведенную ему экологическую нишу. Важно еще и то, что этнос на протяжении веков, а то и тысячелетий, ведет себя в соответствии с законами антропогеоценоза, т.е. этнос на каком-то уровне осознает, что экологическая ниша обладает определенными жизненными ресурсами, и этот этнос не разрушает экологические ресурсы, потому что там тоже существует какая-то определенная закономерность: если этнос съедает более 60-ти процентов этих ресурсов, то последние

биологически лишаются возможности восстановления. И потому, кстати говоря, кавказские этносы, как правило, немногочисленны. Все они малочисленны, потому что они строят свою жизнь в условиях горного ландшафта, в условиях того, что им позволяет экологическая ниша. Они не нарушают законов природы. И та легенда, о которой вы говорили, батона Нодар, как раз свидетельствует о том, что человек строит свои действия в соответствии с законами той природной среды, в условиях которой он живет. И еще один важный момент: когда этносы сосуществуют, особенно, когда малочисленные этносы сосуществуют на протяжении веков в условиях равнинного ландшафта, они, как правило, смешиваются. Одни этносы поглощают другие, одни ассимилируются, другие размножаются. На Кавказе этого нет. На протяжении тысячелетий эти этносы не смешивались. В равнинных условиях евразийского региона они смешивались сплошь и рядом, а на Кавказе нет. Смешение стало происходить в последние столетия, а до этого каждый этнос в рамках своей экологической ниши, и своих этнокультурных границах, был доминирующим этносом. Кавказские этносы общались, но не смешивались. Это чрезвычайно важный фактор, который во многом объясняется условиями, еще раз повторяю, горного ландшафта. Теперь о том, когда вы говорили о смысле: почему кавказские народы себя так вели. Мы беседовали с Мишей. На самом деле есть явления кавказской культуры, которые вразумительно мы пока объяснить не можем. Например, на Кавказе существовал институт кровной мести. Убийца и тот, кто должен отомстить, встретились в лесу. Завязалась смертельная схватка. У одного выпал кинжал из рук, что делает другой? Отступает, чтобы предоставить тому возможность поднять кинжал. Возникает вопрос, почему он так поступает. Ведь его задача – убить. Тем более, они встретились в лесу, и никто этого не видит. И на Кавказе вообще нет института надзирательства. Нет прокуратуры. А почему тогда? Если они вдвоем, один отомстил бы за себя и убил убийцу, так род или община узнали бы, и никто бы его не осуждал. Но он этого не делает. Факт, естественно, многозначительный. И истолковать его можно следующим образом – кстати, об этом пишет и английский путешественник XIX века Джеймс Белл: что нужно человеку в обществе? Нужно благополучие и безопасность. Для этого европейцы со-

ждали государство и соответствующие государственные структуры, которые призваны обеспечивать благополучие и безопасность общества. На Кавказе, он подчеркивает, ничего этого нет. Нет прокуратуры, милиции. Они сами регулируют все вопросы, сами решают. Более того (что чрезвычайно важно, на мой взгляд), англичанин заметил, что они сами определяют границы своей свободы. Может, я цитирую недословно, но смысл такой. Т.е. на Кавказе мы имели общество, где закон соблюдается самими гражданами этого общества. Чтобы следить за тем, как граждане общества соблюдают эти законы, нет соответствующей какой-либо структуры, как на Западе или на Востоке. Здесь сами люди соблюдают, поэтому мститель дает противнику возможность поднять кинжал.

Уникальная кавказская культура, на мой взгляд, сегодня разрушена. Мы имеем дело только с фрагментами, обломками этой культуры, и причем, случилось так, что в конечном итоге не только здесь, на Кавказе, но и даже наша диаспора, в первую очередь, оказалась в такой социальной среде, где она составляет численное меньшинство. Скажем, в Турции, Сирии, Иордании, Америке или где бы еще они ни жили. Они везде составляют меньшинство. Но не только там. Кавказские народы даже у себя во многих местах стали составлять численные меньшинства. И та структура, которая была создана исторически, этноразнообразие и взаимодействие, и горизонтальные взаимоотношения... На всем протяжении истории мы видим, что кавказские народы взаимодействуют на каких-то горизонтальных началах. Нет здесь вертикального взаимоотношения.

Пола Гарб. – Очень хочется все-таки вставить свое слово, как этнографу, западному человеку и конфликтологу. Конечно, когда речь идет о разрешении таких этнических конфликтов, где идентичность играет очень важную роль, фактор культуры признается очень важным фактором. Я много раз говорила, что мы все в плену советского образования, где этнос и культура рассматриваются как нечто, всегда тождественное самим себе, всегда равное самим себе. Есть нечто монолитное в этом понятии об этносе, о культуре. И если мы видим в культуре только объект, всегда тождественный самому себе, мне кажется, это не помогает нам определить, как на самом деле фактор культуры может нам помочь в разрешении конфликта как один из

многочисленных факторов происхождения конфликта и его разрешения. Вот этот подход, когда мы говорим о культуре как о таком объекте, недостаточно полезен. И я призываю нас думать о культуре как о процессе. Каждый раз, когда я слышу о «деформации культуры», о какой бы культуре ни шла речь, это режет ухо. Как будто какая-то культура существует в замороженной форме, т.е. если она застывший объект, то это настоящая культура, а то, что со временем происходило, уже не настоящее. Что я имею в виду, когда мы говорим о культуре как о процессе? В этом веке советская власть влияла на развитие всех культур на этой территории, в прошлом веке – царская власть, до этого – еще что-то, и т.д., и т.д., и т.д. История и культура все время в развитии. Давайте подумаем о том, как она развивается и какие происходят изменения. Какое чисто историческое знание может свидетельствовать о состоянии культуры, о том, что было по достоверным источникам в середине XIX в., или что было 20 лет назад по достоверным устным источникам? Я считаю, что тот метод сбора материала, который использует Марина, достаточно достоверный. Она собирает информацию, разговаривает с людьми. Когда слышишь достаточное количество людей и они говорят об одном и том же, уже можно сделать какой-то вывод. Может быть, это не социологическое исследование и ему не хватает статистической достоверности, но, все-таки, какие-то выводы можно делать. Но нужно помнить, что даже абхазская культура не монолитная. И говорить, что все так делают или никто так не делает, тоже не поможет нам найти те моменты, которые действительно стоят между грузинами и абхазами – этот культурный фактор, влияющий на разрешение конфликта. Нам надо стараться видеть больше нюансов и больше рассказывать об этих нюансах. Мне кажется, это поможет, и я очень рада, что мы на этом пути, что этот разговор идет. Вот главные моменты, которые я хотела подчеркнуть.

Ираклий Сургуладзе. – Фактически я не вижу никакой разницы между позициями. Речь идет только об акцентах. Наши коллеги из Абхазии ставят акценты на традиционность культуры и на сохранившиеся традиционные формы, тогда как мне бы хотелось, в данный момент, чтобы мы подошли к одному знаменателю – что все это является социальной маркировкой. Это характерно для определенного положения того или иного общества. Наступает момент, когда

обычаям – скажем, грузинским и аналогичным абхазским, которые действительно приводят в восторг – хочешь не хочешь, приходится сесть на большой корабль и плыть сообща. Например, Фенимор Купер в 1820 г. приехал в Америку, и положительными героями он делает не своих англичан, ирландцев, а именно Чингачгука или Оцеолу и т.д. А почему? Потому что самые дорогие моменты человеческого морального кодекса уже разработали во время военной демократии: это рыцарство, терпимость, нежадность, потому что товара еще нет, товарного производства не существует. Человек живет ради продвижения собственной личности по пути сакральности. Только сакральный мир является положительным, только он дает санкцию. Это как шахматная игра, в которой, если мы будем расхватывать фигуры, игра не получится. Но существуют строгие правила, которые не дают возможность возвыситься до виртуозности. Эти социальные гарантии и акценты со временем уходят, к сожалению. Вы, батона Олег, говорили о неслиянии кавказских этносов, факт очевидный, но, однако же, эти природные условия, которые предопределили это неслияние, которое относительно мешало культурному сближению, они тоже являются социальной маркировкой. Возьмем Францию, там есть и Прованс, и Иль-де-Франс, и Бретань, и Аквитания и т.д. Эти совершенно незаметные барьерчики – как скрытый узор под ковром. Это осталось в организме Франции, но они же создали великий французский народ. Возьмем тех же самых русских. Сколько их было во времена князя Игоря – какие-то древляне, поляне, кривичи, ильменские славяне, не знаю, Тьмутаракань, и не сочтешь их, сколько было. Но они все же добрались до Москвы и создали одну единую большую русскую национальность. То, что мы этого не создали, а создали гораздо более отдаленные друг от друга народы, чем грузины и абхазы, мегрелы, сваны, кахетинцы, имеретинцы...

Батал Кобахия. – Кто более отдаленные, чем абхазы и грузины?

Ираклий Сургуладзе. – Многие племена...

(Перемотка пленки – пропуск в запись)

...с ними хлеб-соль, и, кроме денег, их верность и сотрудничество зиждилось и основывалось именно на хлебе-соли, на традиционности. Но, к сожалению, это все уходит, и я хочу продолжить в какой-то мере мысль Пола, что все эти трансформации, как бы мы

об этом не сожалели, необходимы. Мы не устоим – ни Грузия, ни Абхазия, никто. Сейчас к Кавказу подходит большой мир. Кавказ до сих пор был как-то изолирован. Сейчас открываются двери, идет другой мир, другие отношения, другие коммуникации, другие глобальные интересы. И конечно, нам придется войти в этот мир с собственными ценностями. Если мы устоим, если будем как японцы – будем использовать технократическую культуру, но не забудем себя и сохраним свой собственный облик, это будет героизм. Это, наверно, и есть задача наших кавказских народов, а не война между собой.

Паата Закарейшвили. – У меня сложилось впечатление, что если из этих разговоров убрать слово «Абхазия» и везде употреблять «Грузия», переместиться в Тбилиси, то у нас точно такие споры давно уже идут на любом уровне, на уровне прессы, телевидения. Эти споры бывают довольно острыми, беспощадными, не такими корректными, какие мы здесь ведем. Там большинство людей позволяет себе спорить: они считают, что Грузия уникальна, что там все уникальное, что мы не должны это утратить, что снаружи идет какая-то страшная сила, которая уничтожит всю нашу культуру. Но есть еще и меньшинство, и надеюсь, оно будет увеличиваться. Себя я тоже считаю в этом меньшинстве. Я считаю, что уникальность Грузии в том и заключается, что чем больше у нас общего и чем больше совместимости, тем ярче наша уникальность. Если наша программа совместима с другой программой, как говорят компьютерщики, значит, это на самом деле уникальная культура, значит, она способна принимать все передовое, значит, это состоявшаяся нация. Наша историчность заключается в том, что мы нашли возможность общаться с другими людьми и культурами, мы совместимы, и в этом наша уникальность. Если при каждом контакте мы будем бояться, что с нами что-то случится, значит, мы несостоявшийся народ. Это один из главных моих тезисов, когда я участвую в этом споре. Это спор не между разными народами, разными культурами, это происходит в одной культуре, одном обществе, в одном городе, одном университете. Так что то, что я вижу здесь, это продолжение такой дискуссии. Для меня здесь нет дискуссии между двумя народами или двумя культурами, есть дискуссия о том, в какую сторону и каким темпом идти. Это очень важный фактор. В Грузии, безусловно, очень муссируется цель – воз-

вращение в Абхазию, это одна из главных целей. И я говорю, что, если это возвращение состоится, мы все хотим, чтобы оно состоялось, но оно должно быть достойным, чтобы все были довольны. Но для этого мы должны измениться, мы, грузины, должны стать другими, мы должны стать более привлекательными для абхазов, и даже если мы станем привлекательнее и будет вероятность возвращения в Абхазию, абхазы тоже должны быть уже другими. Многие их тех, кто уехали из Абхазии, считают, что должны вернуться именно в ту Абхазию, из которой они уехали, но мир между этими двумя народами может быть только в том случае, если мы создадим наше общество совсем на других основах и платформах. Олег Несторович сказал превосходную фразу – о том, что кавказские войны разрушили кавказскую культуру. Гениальная фраза. На самом деле это значит, что наша культура не разрушилась, а от изоляционизма перешла к универсальному. Т.е. мир пришел к нам, а не мы пошли в мир, не мы начали искать те ценности, которые объединят всемирную культуру. Два гиганта, два циклопа, Турция и Россия, начали разбираться в своих делах уже на нашей территории. Они взломали и разрушили многие наши старые ценности, подобно огромному стихийному явлению, как ураган, который уничтожает все старые деревья и потом позволяет быстрее расти новым деревьям. Т.е. невозможно вернуться к ситуации до Кавказской войны, потому что мир совсем другой, и сейчас в мире происходят еще более глобальные процессы, чем кавказская война между Турцией и Россией. Если мы не будем способными устоять перед глобализацией, когда мы, например, знаем о том, что происходит сейчас на дне Баренцева моря, если мы не окунемся в эти процессы, то нам будет очень тяжело устоять с помощью только наших традиций перед этим огромным холодным океаном, скажем так. Мне очень приятно, что фактически между нами не различия культур и народов, а разница во взглядах на то, как лучше строить наше общество. А в отношении земли я скажу в другой раз.

Гоги Гвахария. – Я хочу ответить Лиане. Вы, наверно, меня неправильно поняли. Конечно, очень интересно было слушать Марину, я и слушал ее с большим удовольствием, но сказал, что я думаю, что сегодня об этом говорить не стоит. Вы, наверно, читаете грузинские газеты, где очень многие грузинские политики пишут, что аб-

хазская культура сегодня потеряла идентичность, что она русифицирована и т.д. У меня было такое впечатление, как будто Марина и другие думают, что эти грузины – мы, т.е. что это мы пишем. И нам как бы объясняли: у нас есть своя идентичность. Мы это знаем. Лиана сказала, что грузины уже не ощущают угрозу своей идентичности, в отличие от абхазов, я так это понял. Здесь сидят не те грузины – к сожалению, это большинство старой грузинской интеллигенции – которые до сих пор в панике и истерике пишут об этой угрозе. Конечно, об идентичности говорить нужно, но я еще раз напоминаю, что мы говорим об общих ценностях, потому что ситуация конфликтная. Здесь задали вопрос о языке. Язык существует, и, конечно, язык уникален, но язык тоже развивается, и мы должны говорить, по-моему, в первую очередь о будущем, не о прошлом. Это мое мнение.

Лиана Кварчелия. – Я не говорила, что, в отличие от абхазов, грузины не ощущают угрозу идентичности, я говорила только об абхазах. Но я сказала, что и Грузии не чужд был национализм – тоже как способ (может быть, не лучший, но известный способ) утвердить свою идентичность.

Манана Гургулия. – Сегодня мы действительно прослушали очень интересные доклады. Мне хотелось бы внести маленькое предложение или замечание. Мне показалось, что культура (и обычай как важный элемент культуры) представлена, как некий идеализированный объект. Это имеет право на существование, это хорошо. Но было бы интересно представить, как этот идеализированный объект трансформировался на сегодняшний день, насколько эти обычаи применимы сегодня, как они работают сегодня, как способствуют урегулированию тех конфликтов, которые возникают в сегодняшнем мире, и не обязательно только грузино-абхазского. А так, безусловно, все, что говорили, очень интересно и познавательно.

Марина Барцыц. – Мне было интересно ваше обсуждение, особенно критические замечания, хотя они касались не только меня. В нашей аудитории возник вопрос о целесообразности обсуждения проблем этнопсихологии. Абхазо-грузинский конфликт, если очень коротко, это конфликт не только политический, но и этнический. И более того – это конфликт ценностей. Я еще раз для себя поняла, что у нас конфликт на уровне ценностей, а ценности примирить сложнее, а за-

частую и невозможно. И сегодня в начале конференции было сказано о том, что, видимо, наш конфликт будет одним из не очень быстро разрешимых. Так вот, на пути разрешения этого конфликта нам нужно будет говорить о вещах очень больших, неприятных, а также о вещах нас объединяющих, в настоящем, прошлом или будущем, и, может быть, только тогда мы придем, в конце концов, каждый к своей цели.

Тамара Шакрыл

Абхазский институт гуманитарных исследований

ПРОБЛЕМА ЧЕТКОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ЯЗЫКА ОБЩЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ И НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПРОЦЕССЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА

Только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства... Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее материалом справедливости, является регулирующей нормой политического общения.

Аристотель, Политика.

Распад советско-российской империи в связи с деятельностью трех славянских республик СССР по инициативе Ельцина, преследовавшего цель не столько разрушения империалистических устоев названного государства, сколько обустройство личных интересов собственной власти, привел к тому, что все народы, населявшие СССР, воспряли духом в надежде на установление всеобщей солидарности всех крепощенных тоталитарным режимом республик без исключения.

Отстаивавшие и до этого независимость т.н. автономные республики, не имевшие статуса союзных республик, чувствовавшие неискренность правителей, стали обращаться к соперничавшим между собой за власть Горбачеву и Ельцину с вопросом, на самом ли

деле им будет дозволено воспользоваться своим естественным человеческим правом управлять своей республикой и судьбой. На что Горбачев и Ельцин недвусмысленно наперебой отвечали положительно, подогревая интересы малочисленных народов на подлинную свободу личности не на словах, а на самом деле. Ведь не может быть свободным человек, сколько бы хитроумно-лицемерных законов не принимать о свободе личности: представитель закрепощенного народа не может стать человеком не закрепощенным. А опыта в этом им было не занимать. «Дарованная» им советским режимом *автономия* означает: «Автономия... греч. *самоуправление*. В СССР каждая автономная республика, ... входящая в состав союзной республики, осуществляет государственную власть *в пределах, определяемых при ее участии высшими органами власти союзной республики*». (Лехина И.В., Петров Ф.Н., Словарь иностр. слов, М., 1954, с. 18)

Нетрудно заметить, что подлинной автономией в приведенной выдержке и не пахнет. Власть автономной республики кончается там, где начинается предел, определяемый высшими органами власти союзной республики.

Любопытно, что на бумаге, которая терпит все, в конституцию автономных республик при этом была включена статья о *праве нации на самоопределение вплоть до отделения*. Однако это нисколько не помешало правительству СССР депортировать народы, выселять их из собственных государств – «автономных» республик. То есть, термин «автономия» оказался всего-навсего ширмой, не обеспечивающей нации никакой реальной защитой от сильных мира сего.

Измученные длившимся столетиями бесправием народы и теперь почувствовали какой-то подвох в обещаниях Ельцина и Горбачева и вновь и вновь обращались к ним с вопросом, действительно ли могут учредить у себя вожделенный суверенитет. На что правители, домогавшиеся их расположения и поддержки в борьбе за власть, наперебой предлагали, говоря словами Ельцина, установить себе столько суверенитета, сколько они смогут «проглотить». И начался, как зло подшучивали некоторые российские журналисты, «парад суверенитетов». При этом злопыхатели не задумывались над тем, что та же Россия, точнее, Ельцин ухватился за эту идею, стремясь выско-

бодить себя и Россию из-под власти Горбачева, тем самым возглавив это злополучное «парадное шествие».

Разбежались все союзные республики по своим отечествам, не забыв при этом прихватить с собой автономные республики.

Однако суверенитет нужен был, пожалуй, больше всего автономиям, хотя и союзным республикам он не мешал. Но им, собственно, никто и не препятствовал в учреждении искомого статуса, хотя и проскальзывал принцип «не подходи так близко, но не отходи так далеко».

Так что же означает суверенитет в своем конкретном, безоговорочном значении, к которому устремились представители всех великих, а тем более, и малых народов Союза? Почему он оказался столь привлекательным для всех народов империи? Имели же малочисленные народы право на автономию. Так что же их не устраивало?

Начнем с толкования термина. Термин «суверенитет» возник еще в XVI в. во Франции и был введен Ж. Боденом. Он означает *«независимость и самостоятельность во внутренних и внешних делах государства от власти какого-либо другого государства. Основой суверенитета является право нации на самоопределение»*. (Энциклопедический словарь, т. 2, М., 1964, с. 460).

Чем же отличается «суверенитет» от «автономии»?

На первый взгляд, эти термины идентичны. Разница лишь в том, что «автономия» греческого происхождения, а «суверенитет» – французского. Однако термин «автономия» был настолько искажен советским законодательством, что начало положения об автономности республик и его окончание противоречили друг другу, законодателями нарушался закон последовательного логического мышления, т.е. в словаре объясняется, что «автономия» обозначает самоуправление, а последующий текст перечеркивает это его основное значение, поскольку утверждает, что автономная республика *«осуществляет государственную власть в пределах, определяемых органом власти союзной республики»*, хотя и при ее (автономии) участии.

Показательно, что никто так и не осмелился поставить вопрос об искажении, фальсификации дефиниции термина «автономия», что является фактически преступлением, предусмотренным рядом статей Уголовного Кодекса (Юрид. сл., М., 1953 г., с. 456). Оно и понятно: годы были не те.

Привлекательность термина «суверенитет» состояла в том, что ему еще не успели придать подобного толкования. И поверили автономии басням о перестройке и подлинной демократизации России.

На то были некоторые, скажем так, незначительные основания. Сошлемся на высказывание Ельцина по поводу решения вопроса о суверенитете Татарстана: «Мы будем действовать не путем *нажима и угроз* (?!), а путем *переговоров, дав на суверенитет безусловное согласие*». Пусть сама республика решает, в каких пределах она реально сможет осуществлять свою самостоятельность...» (цитата из статьи В. Вишневого «Суверенитет. Какой?» Комсомольская правда, 1990 г.).

Казалось бы, термин определен яснее ясного, дана его четкая дефиниция, что еще раз подтверждается продолжением приведенной статьи из ЭС, гласящей, что «принцип суверенитета – основной и общепризнанный принцип международного права, получивший юридическое закрепление в уставе ООН...». Однако, когда такая республика, как Ичкерия (Чечня), попыталась воспользоваться подлинным, непротиворечивым значением термина «суверенитет», отказавшись от извращенно толкуемого термина «автономия», статус которого не устраивал чеченский народ, то Москва, скажем так, воспротивилась этому, забыв о том, что сама же предлагала, чтобы «сама республика» решала, «в каких пределах она реально сможет осуществлять свою самостоятельность...».

Здесь уместно дополнить прерванную выше цитату из ЭС ее продолжением, в котором отмечается, что «однако он (закон о статусе) нарушается империалистическими государствами в отношении колониальных, экономически слаборазвитых и малых стран».

Возникает вопрос: почему ООН, международная организация, допускает нарушение своих законов своими же подписантами? И не это ли положение привело к тому, что термины «суверенитет» и другие перестали служить своему прямому назначению – быть орудием адекватного, аутентичного отражения реальной действительности? И как странно, двусмысленно, если не сказать извращенно, звучат заявления бывших автономий России, учреждающих у себя «суверенитет в составе России».

Совершенно очевидно, что, утратив свое первоначальное значение, термин «суверенитет» становится орудием не адекватного ото-

бражения реального положения, а ширмой, завуалированной формой закрепощения бывших автономий, заменяющей одну вывеску на равнозначную, но звучащую иначе.

Термин «суверенитет» стал предметом манипуляций: империи используют его в извращенном значении, а закрепощенные империями малочисленные и маломощные (в смысле владения ядерным и т.п. оружием) народы вынуждены использовать термин в его извращенно-половинчатом содержании, как означающий хоть что-то от суверенности – лучше, чем ничего – дабы сохранить себя в меру возможности, представляемой законом, и не исчезнуть совсем как этнос.

Подобное положение вещей приводит к тому, что такие малочисленные народы, как абхазы, не имеющие возможности воспользоваться подлинным значением термина «суверенитет», стоят под угрозой полного исчезновения, и это нисколько не волнует ни ООН, ни почти все мировое сообщество: они никем почти не признаны, тогда как такие государства, как Россия, Грузия и др., были признаны сразу. От кого спасалась Россия, кроме как от собственного тоталитаризма, волюнтаризма и всяких прочих «измов» – да еще завладев созданным усилиями всех народов СССР мощнейшим ядерным и другими видами оружия, с помощью которого она расправляется с теми народами, которые добиваются своих естественных прав – права распоряжаться своей собственной жизнью, права на самоуправление, чтобы уберечь свой народ от полного исчезновения?

При всем том нельзя не признать, что российский «суверенитет» оказал услугу отдельным народам, что возмещает в некотором роде утрату подлинного значения термина. К примеру, в связи с суверенитетом России, способствовавшей распаду СССР, стали суверенными в подлинном смысле слова Грузия, Азербайджан и другие союзные республики. Однако дальше этого дело не пошло. Нельзя не прийти к выводу, что Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) учреждалась ООН в пользу империалистических государств и в защиту их империалистических устремлений. Т.е. положение «Основной суверенитета является право нации на самоопределение» повисает в воздухе и на определенном уровне прекращает свою функциональную насыщенность в смысле дефинициального наполнения термина, что и используется некоторыми государствами.

Любопытно, что в юридическом словаре, в статье «Декларация прав человека (1948)», отмечается, что «американский блок ООН ... провел формально юридический документ, не гарантирующий осуществления провозглашенных прав и призванный служить целям обмана масс и маскировки бесправного положения трудящихся...». В ней отмечается, что эта декларация «не предусматривает права нации на самоопределение и игнорирует государственный суверенитет, что является выражением реакционизма...».

Любопытно и то, что «агрессивный курс внешней политики США и других колониальных держав, их стремление закабалить народы других стран, вызвали резкий протест и возмущение общественности... в... 1952 г., после настойчивой борьбы делегации СССР (А судьи кто!? Хоть и говорят абхазы: «Праведна речь юродивого») против американско-английских колонизаторов комиссия приняла проект статьи о праве народов и наций на самоопределение...» (Юридический словарь, М., 1953, с. 152).

Любопытнее всего, что в СССР это право было декларировано в конституциях всех, даже автономных, республик. Однако воспользоваться этим правом не позволялось никому. Все изложенное выше является неопровержимым свидетельством того, что указанные обстоятельства явились причиной того, что обсуждаемый термин превратился в орудие закрепощения малочисленных народов. Логика подобных «законов» сводится к тому, что неавтономные республики имеют право на суверенитет, т.е. на автономность в подлинном, адекватном смысле термина, а автономные – на зависимость от неавтономных, т.е. союзных.

Алогичность, абсурдность подобных «законов» не волнует законодателей, плодящих подобные «шедевры». А тем временем более сильные государства используют это положение при определении своих «прав» и запрещают это другим, в захвате территорий которых они заинтересованы. Именно это обстоятельство явилось причиной грузино-абхазской войны.

Это противоречие настолько очевидно, что государства, заинтересованные в захвате не своих территорий, начинают привлекать различные новые, так сказать, положения, которые якобы позволяют осуществлять угодные им деяния на основании «закона», в частно-

сти, такие, как «территориальная целостность», окончательно запутывая тем самым уже весьма основательно запутанный вопрос, превращая его в туго затянутый узел.

Между тем, ни один словарь – ни политический, ни энциклопедический, ни юридический – не включает в свой состав термина искомого понятия, несмотря на то, что он является одним из основных, фундаментальных, и от его строгой определенности зависит ряд судьбоносных положений договаривающихся сторон и взаимосогласованного решения связанных с ним проблем. Такое положение дел порождает претензии некоторых политологов на попытки заполнения дефинициального вакуума.

Если обратиться к абхазо-грузинским отношениям, то, согласно статье Г. Нодия, понятие территориальной целостности Грузии берет свое начало от Георгия Мерчуле, грузинского агиографа середины X в., которая звучала следующим образом: «Грузия состоит из тех просторных земель, где церковная служба ведется и все молитвы произносятся на грузинском» (Нодия Г., «Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства». Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998, с. 22).

Зададимся вопросом, насколько такой аргумент состоятелен. В частности, если обратиться к его применимости по отношению к так называемой целостности России, то ряд народов, входящих в Российскую Федерацию, не является единоверцами россиян. Ни о какой службе на русском языке в их религиозных заведениях не может быть и речи. Следовательно, об универсальности подобного аргумента и говорить не приходится.

Поясняя вышеприведенное положение, Г. Нодия далее пишет: «Средневековое абхазское царство было частью грузинского культурно-политического пространства. В отличие от грузин у абхазов, не было своего алфавита, и грузинский язык был языком абхазской аристократии... *Когда Грузия разделялась на княжества поменьше, культурные связи между элитами сохранялись.* Это историческое прошлое сформировало у грузин достаточно стойкое представление, что Абхазия является законной частью Грузии, несмотря на то, что абхазы этнически не родственны грузинам» (ук. соч., с. 23).

Как явствует из приведенной цитаты, вторым «аргументом» является обыденное представление грузинских обывателей, не подтвер-

ждаемое ни строгой логичностью суждений, ни нормами нравственности и морали.

Ведь использование грузинского алфавита и языка абхазской элитой – не свидетельство того, что весь абхазский народ был включен в «грузинское культурно-политическое» пространство. Этот факт не исключает и того, что та же абхазская элита пользовалась и латинским, и русским алфавитом, и европейскими языками. Во всяком случае, известно, что абхазская элита (вероятно, как и грузинская) в свое время имела тесные культурно-политические сношения с различными государствами. Мало того, ведь известно, что сама грузинская письменность – плод деятельности армянского просветителя Маштоца, а шедевр грузинской литературы «Витязь в тигровой шкуре» Шоты Руставели написан на персидском языке и лишь впоследствии переведен на грузинский. Но это не стало ни аргументом, ни правом на претензии этих государств на их территориальную целостность как с Грузией, так и с Абхазией. И, естественно, что подобное представление об «аргументе» на какую-либо целостность с Грузией в массовом сознании абхазов не могло сформироваться и не сформировалось. Ведь грузинский язык и культура, как и другие языки и культуры, был достоянием мизерной части абхазов. Подавляющее большинство, составлявшее, вероятно, не менее, если не более, 99 %, до середины 30-х годов не имело отношение ни к письменности, ни к языку, ни к культуре грузин. Ведь известно, что, говоря словами Олега Дамения, в созданных абхазами и грузинами «культурах зашифровано... мало информации друг о друге... Об абхазском нартском эпосе грузины мало что знают, как ... и абхазы – о грузинском эпосе «Амираниани». И... зачем надо было абхазскому народу создавать свой собственный этнокультурный мир, если исторические абхазы всегда жили в грузинской культурной среде..., почему... они не стали носителями этой... (грузинской – *Т. Ш.*) культуры?» (Дамения Олег, «Абхазо-грузинский конфликт: проблемы и перспективы урегулирования». Аспекты абхазо-грузинского конфликта, 2, с. 98). Поэтому вполне понятно, что в сознании абхазского народа Грузия являлась и является соседним государством, он (абхазский народ) не мог даже предполагать о существовании подобных притязаний, которые вынашивались его соседями.

Этот факт подтверждается и самими грузинскими исследователями. В частности, в статье Торнике Гордадзе отмечено, что «подавляющее большинство абхазов не говорило по-грузински и не считало себя грузинами» (Гордадзе Торнике, «Морально-идеологические препятствия к урегулированию грузино-абхазского конфликта». Аспекты абхазо-грузинского конфликта, 2. Материалы грузино-абхазской конференции. Конобеево (Московская область), август 1999, с. 58).

Кстати, если опираться на этот аргумент, то на Абхазию, скорее всего, могла претендовать Россия, язык и письменность которой после завоевания ею Кавказа довольно широко распространился в Абхазии и использовался не только элитой. Не потому ли во время войны, когда Грузия – фактически, с помощью России – вошла в Сухум, а дальше не смогла сдвинуться с места, получая решительный отпор при всех попытках, между Россией и Грузией обговаривался раздел Абхазии, т.н. кипрский вариант, согласно которому, начиная от Сухума до границы с Грузией, т.е. до реки Ингур, Абхазия отводилась Грузии, а граничащая с Россией часть отходила к России?

И здесь не может не возникнуть вопрос: а в этом случае не нарушалась так называемая территориальная целостность Грузии и неприкосновенность границ России, передвигавшейся вглубь Абхазии? Почему не задавались этим вопросом ни одна из сторон? Не потому ли, что основным аргументом «закона» о территориальной целостности государств является безнравственное, аморальное положение: «У сильного всегда бессильный виноват»?

И еще: если быть последовательным приверженцем этого «аргумента», то Грузия, высвобожденная из-под власти Персии, участвовавшая в российской акции покорения Кавказа, праздновавшая вместе с ней мнимую победу (геноцид народов – варварство, а не победа), тем более является частью России, как составляющая с ней единое культурно-политическое пространство.

Возникает вопрос: задумываются ли приверженцы подобных «законов» об их несостоятельности? В самом деле, они либо не могут уловить алогичности подобных положений, либо надеются на то, что представители малочисленных народов не владеют приемами последовательного, непротиворечивого логического мышления. Кстати, этот вывод подтверждается высказыванием Торнике Гордадзе о том,

что «война заменила... все позитивные черты, которые грузины традиционно приписывали абхазам (мужество, честность, вежливость), на крайне негативные стереотипы (*неразвитость, кровожадность* и т.п.)» (там же, с. 52). Ведь в ошибочности последнего они могли убедиться в процессе переговоров по различным публикациям. Сошлемся на одну из них: «Во всех резолюциях Совета Безопасности ООН по Грузии/Абхазии, характерных своим односторонним грузинским подходом, характерных своим жестким языком по отношению к Абхазии и ритуалистически повторяемыми требованиями уважения территориальной целостности и суверенитета Республики Грузии, отсутствует один очень важный элемент, – пишет В. Чирикба. – В этих резолюциях нет ни одного слова, которое бы отражало озабоченность об абхазской стороне в конфликте и законном и неотъемлемом праве абхазского народа на самоопределение. Право на самоопределение остается актуальной проблемой для международного сообщества, к которой ООН и ОБСЕ не могут или, скорее, *не желают адекватно подойти*, хотя этот принцип заложен в Уставе ООН (в его 1-ой статье), *первенство отдается, однако, конкурирующему принципу территориальной целостности и нерушимости государственных границ*» (Чирикба В., «Грузино-абхазский конфликт: в поисках путей выхода». Грузины и абхазы. Путь к примирению, с. 68). И еще: в своем выступлении на конференции Лиана Кварчелия дает убедительный анализ тяжелых последствий, порождаемых несовершенством международных положений. «То, что двойные стандарты являются неотъемлемой частью международной политики, знают все, – пишет автор. – Те, кто оказывается в эпицентре пересекающихся интересов крупных держав, испытывают на себе последствия манипулирования международными принципами. Нарушение прав человека или же коллективных прав, включая право целых народов, могут происходить на трех уровнях... На международном уровне эти нарушения проявляются либо в том, что некоторые права признаются лишь за определенными народами, либо в том, что совершаемые определенными государствами преступления не только не пресекаются, но и не осуждаются, а в ряде случаев, наоборот, используются для свержения неугодных режимов, как правило, под прикрытием лозунгов в защиту прав человека, демократии и даже

глобальной безопасности... Конъюнктурные интересы международной политики диктуют необходимость выборочно использовать те или иные принципы международного права... В результате на локальном уровне в отсутствие сдерживающих механизмов, коими должны быть международные инструменты, происходят грубые нарушения норм международного права. Намеренное игнорирование международным сообществом преступлений, совершаемых определенными режимами в отношении как отдельных граждан, так и целых народов, фактически является поощрением подобных нарушений. Сказанное в полной мере относится к грузино-абхазскому конфликту и роли международного сообщества на разных этапах этого конфликта». (Кварчелия Лиана, «Абхазия: два столетия необъявленной войны». Материалы конференции, созданной по инициативе Национальной комиссии по правам человека РА 22.07.99)

Попутно заметим, что в приведенной цитате мы вновь сталкиваемся с термином, не имеющим своего четкого определения: это термин «самоопределение». Казалось бы, значение термина настолько прозрачно и ясно, что нет надобности снабжать его толкованием. Однако эта самоочевидность просматривается не всеми. Об этом свидетельствуют многочисленные язвительные упреки в адрес республик, провозглашающих себя независимыми, за «самопровозглашение».

Хотелось бы спросить этих политиков и журналистов: а кто, как не самоопределяющиеся народы, должны провозглашать их независимость? Ведь не государства же, которые покушаются на их право на самоопределение, поднесут им эту декларацию «на блюдечке с голубой каемочкой». Разве не российский, грузинский и другие народы самопровозгласили свой суверенитет, который они признают? Так может, эти народы – представители голубой крови, а мы – серой или какой-то еще другой?

Возвращаясь к аргументации, приведенной Г. Нодия, опирающейся на существование в сознании грузин представления об Абхазии как части Грузии, нельзя не задуматься над вопросом: как могли грузины сохранить в своем сознании мерчулиевские, почти десятивековой давности представления, если за это время они сами побывали в XVII в. в составе Персии в качестве ее части, тогда как Абхазия была независимым государством?

Правда, можно сослаться на времена возрождения этих идей Чавчавадзе и др., после того, как Россия вытаскала Грузию из-под ига Персидского царства. Однако и этот период не ближе советского, когда Абхазия, хоть и ненадолго, но была независимой от Грузии и даже России, куда она входила до революции.

Очевидно, что возрождение этих идей получило поддержку грузинского шовинизма, внедряемого в массовое сознание посредством публикаций, агитации и пропаганды псевдонаучных измышлений типа произведений Бердзенишвили и др. т.н. ученых, подкрепляемого и практическими мероприятиями грузинского правительства, такими, как массовое заселение Абхазии грузинами, замена исконных топонимов грузинскими и многое другое. И, конечно же, все это формировало определенное, потребное грузинскому шовинизму, убеждение в массовом сознании грузин.

Однако, как бы усердно не втолковывалась в массовое сознание абхазов эта идеология, она никак не смогла укорениться и восприниматься ими как адекватная.

Вот мероприятия, проводившиеся в Абхазии грузинскими властями при попустительстве Сталина: в 1931 г. Абхазия понижена в статусе, включена в состав Грузии без согласия самого народа, отравлен Берией глава правительства Абхазии Лакоба, начинаются массовые аресты абхазов, Абхазия в массовом порядке заселяется грузинами – и не только свободные земли, но и участки абхазов, которые делятся поровну между хозяевами и переселенцами; в годы войны абхазы лишаются и тех небольших клочков земли, благодаря которым спасали свои семьи от голода, абхазские школы реорганизуются в грузинские, абхазский язык и литература изъяты из учебного плана. Грузинский язык объявляется государственным, уцелевшая от репрессии и войны абхазская интеллигенция становится безработной, так как не владеет грузинским государственным языком, и многое другое. Известен даже такой случай, как умерщвление новорожденных абхазов мужского пола в гудаутском роддоме главврачом грузинской национальности Схулухия, который в 50-х годах был осужден за это преступление.

Возникает вопрос: могли ли такие обстоятельства сформировать в массовом сознании абхазов представление, идентичное тому, которое было характерно для массового сознания грузин?

Напротив, самоочевидная объективная реальность не могла не выработать в сознании абхазов аргумент о бедственном, опасном, пагубном для их существования положении, о необходимости независимости от Грузии. И лучшими агитаторами в пользу этого решения оказались деяния представителей шовинистической части грузинской нации и их последователей.

И здесь возникает вопрос, а что потеряла бы Грузия оттого, что она отказалась бы от своих необоснованных притязаний на Абхазию?

Конечно, мы понимаем, что в этом случае она не могла бы «непосредственно, минуя власти в Абхазии, контролировать 83% ее экономического потенциала» (Ачба З., Перешагнув этнические рамки, «Нужная Газета»), как она это делала, т.е. обирать Абхазию. Допустим, это ущемляло бы ее *национальные интересы* (?!). Ведь мы часто слышим этот термин от государственных мужей, когда складываются конфликтные ситуации. Но ни один словарь не дает толкования и этого термина. Неужели присвоение чужого добра признано международным правом как закономерное явление?!

Допустим, что да! Что присвоение не своих доходов, не своей территории, не своего добра и т. п. являются защитой национально-го интереса.

Но ведь национальными интересами наделены и те, кого избирают, кого лишают жизненно необходимых условий. Почему в этом случае приоритет отдается тем, кто грабит, а не тому, кого грабят? И не лучше ли иметь сто друзей, чем сто рублей, не наживать в своем соседе кровного врага, паразитируя за счет него, защищая свои империалистические устремления с оружием в руках?

Самым главным выводом из событий, происходивших в Абхазии, явилось для абхазов то, что аргументом для защиты и выживания всего народа может быть только право распоряжаться своей собственной территорией, иначе – быть хозяевами собственного Отечества, собственного государства, своей судьбы. Без этого народ в целом обречен на исчезновение, почему они отчаянно и сражались против завоевателей. Об этом свидетельствует и высказывание Гии Нодия, пишущего, что «хотя абхазская сторона объективно находилась в худшем положении, особенно в начале войны, она проявила большую твердость... Абхазы вели войну за сохранение своего физичес-

кого существования, и это было основой для сильнейшей консолидации всех сил» (Нодия Г., ук. соч., с. 50). И в этом плане как нельзя лучше мобилизовала абхазов сама грузинская захватническая политика, стремление убедить абхазов и все мировое сообщество, что абхазы являются лишь *нацменьшинством* в своем собственном Отечестве, якобы являющемся частью Грузии.

Между тем абхазы никогда не были *нацменьшинством* в Грузии, несмотря на то, что Грузия упорно стремилась навязать абхамам этот статус при условии их пребывания в составе Грузии: то абхамам предлагалась широкая автономия, то какие-то другие «одолжения», в которых абхазы, никогда не занимавшие грузинских территорий, вовсе не нуждались. Фактически «за честь» согласия стать гражданами Грузии абхазы лишались своей независимости и своего Отечества, попадая в полную кабалу Грузии, и должны были бы позволить считать себя *нацменьшинством*.

Надо отметить, что этой путанице в переговорах с абхамами способствует все та же неразбериха со значениями терминов.

Термин «*нацменьшинство*» является одним из них. Дефиницию этого термина, как и всех вышеназванных, ни в одном словаре, включая и политический, найти невозможно. Это, безусловно, способствует тому, что в политической литературе он используется произвольно, что и провоцирует его неточное, двусмысленное восприятие.

Сошлемся на примеры: «В силу своей малочисленности *титульная нация, абхазы, по существу, является национальным меньшинством на своей исторической родине*» – пишет Н. Венедиктова (Венедиктова Н. О положении национальных меньшинств в Абхазии. «Нужная газета», Сухум, 2000, №1). Заметим, что начало и конец фразы противоречат друг другу.

И еще: «Абхазы – не единственное, и даже не самое большое *этническое меньшинство* в Грузии. В момент падения Советского Союза в Грузии было больше армян, азербайджанцев, русских, ... чем абхазов». (Нодия Гия. «Взгляд из Грузии». Accord, вып. 7. Проблема суверенитета. Грузино-абхазский процесс мирного урегулирования. 1999, с. 29-30).

Если перефразировать приведенную цитату Н. Венедиктовой, заменив некоторые слова их синонимами, получится, что «титульная нация», т.е. коренное население, по существу становится *нацмень-*

шинством, т.е. некоренным, что практически невозможно. То же противоречие повторяется во второй цитате.

Абхазы, в каком бы количестве они не были представлены в Абхазии, в своем Отечестве не могут быть нацменьшинством, т.е. пришедшей нацией. Ведь не случайно в старину т.н. нацменьшинства именовались *инородцами или пришельцами*. Так, например, в словаре В. Даля в статье «Иной» дано пояснение «*Инородец и инородка – уроженец другого, чужого племени или рода*», а в статье «Приходить» к словам «прихожий и пришлый» дается пояснение: «пришедший откуда-то, чужой, сторонний» (Даль В., Толковый словарь, т. II, М., 1981, с. 46; т. III, М., 1982, с. 456).

Еще в пору моей юности эти выражения имели широкое употребление. Однако они почему-то стали считаться оскорбительными, и, очевидно, цензура не допускала их в литературу. Вместо них в обиходной речи все чаще использовалось слово «нацменьшинство» с недостаточно определенным значением. Однако его синонимы не совсем были стерты из памяти говорящих.

Вместе с тем, очевидно, что в их забвении были заинтересованы некоторые люди. В частности, определенные группы политиков в Грузии используют это по отношению к абхазам. Пользуясь этой недостаточной определенностью, грузинские шовинистически настроенные ученые и политики стремятся внушить всему миру, что абхазы в собственном Отечестве составляют 17% от всего населения.

Именно в этом заключается сложность для абхазов и грузин в решении вопроса о том, чья территория, на которой расположена Республика Абхазия – тех, чью численность искусственно увеличили, кто, будучи нацменьшинством, стали численным большинством, или меньшинства, которое является автохтонным, коренным народом. Авторы подобных рассуждений не могут уловить того факта, что подлинным атрибутом, определяющим этот термин в качестве дефиниции, является не численное превосходство представителей одного народа над другим, а автохтонность одного из них. Ведь не могут же стать многочисленными гостями владельцами не своего дома оттого, что они составляют большинство по отношению к хозяевам. А лишение народа его законного права на самоопределение и само-

управление может сделать этот народ закрепощенным, но не может сделать его пришлым – т.е. нацменьшинством.

Вместе с тем, примечательно, что некоторым псевдоученым удается уловить несурзность этого «аргумента». Последние стремятся обосновать свои притязания тем, что абхазы – якобы пришлый народ. Но «аргументы» подобного рода рассчитаны только на простаков и совершенно не сведущих в истории обывателей. Об этом свидетельствуют и высказывания некоторых самих грузинских ученых. Сошлемся на одно из них: «...Создание мифа о том, что абхазы поздно заселились, что они гости – это попытка создать в Грузии такое же отношение к абхазам, какое существует по отношению к джавахетским армянам, квемокартлийским азербайджанцам. Те, кто обращается к истории, хотят, чтобы абхазов рассматривали в ранге нацменьшинств, хотят превратить историю в определенный политический инструмент по отношению к абхазам» (Бердзенишвили Давид. Аспекты грузино-абхазского конфликта, 3. Стенограммы грузино-абхазских встреч и телепередач по абхазской проблеме. Декабрь 1999. Ирвайн, 2000, с. 43).

Любопытно, что эти и подобные «аргументы», что якобы Абхазия – грузинская земля, достаточно легко рассыпаются при, казалось бы, довольно простом, но именно этим и мудрым, рассуждением автора следующих строк: «...Что может означать... формулировка – восстановление территориальной целостности Грузии? Только то, что с грузинской точки зрения, Грузия имеет законное право на абхазскую территорию, а территория Абхазии – это лишь часть территории Грузии. Говоря иначе, абхазская земля – это грузинская земля, или еще четче: *земля абхазов – это земля грузин...* Как могут относиться к такой постановке вопроса абхазы? Известно, что *многие родовые сообщества веками, а возможно и тысячелетиями живут в одних и тех же местностях. И даже внутри деревень все жители знают, что такие-то холмы, например, принадлежат представителям такого-то абхазского рода, которые их обрабатывают, а эта долина – другому роду, представители которого также возделывают ее сотнями лет.* В свою очередь, территория всего села принадлежала определенной сельской общине – эшерцам, кутольцам, например, а группы сел – субэтнической общности, например, абжуйцам, бзыбцам и т.д., а вся Абхазия – соответственно народу Абхазии. Грузин-

ская точка зрения еще как-то может примириться с первой частью этой последовательности, *но завершающее заключение по-грузински звучит совершенно иначе: «а вся земля Абхазии принадлежит Грузии»*. Получается *какая-то логическая прерванность*», – заключает свои рассуждения автор, со свойственной ей корректностью, чтобы не сказать: «попирая все нормы последовательности логического мышления» (Инал-Ипа Арда, «Вопрос о земле и другие вопросы абхазо-грузинского урегулирования»). Аспекты абхазо-грузинского конфликта, 2, с.120).

Таким образом, пока будет существовать эта неразбериха с терминами, пока они не получат своего четкого, недвусмысленного, однозначного определения, т.е. не будут снабжены своим четким дефиниенсом, кривотолки, случайные или преднамеренные, будут неизбежны. И это, безусловно, будет способствовать еще большему запутыванию существа дела, и препятствовать взаимопониманию и разрешению обсуждаемых проблем на переговорах.

Самоочевидный для абхазов вопрос об их автохтонности, из которой вытекает их право на собственную территорию, безусловно, понятен и их оппонентам. Однако вожаемая территория Абхазии толкает политиков на дополнительную аргументацию в пользу утверждения о том, что якобы Абхазия – это Грузия.

Сошлемся на один из источников: «Для грузинского национализма, – пишет Г. Нодия в цитированной выше статье, – *нехарактерны имперско-экспансионистские амбиции*. Однако с абхазской точки зрения, это совсем не так: в глазах абхазов Грузия – это империя, стремящаяся завоевать «чужие страны» (например, Абхазию). В одном из своих интервью выдающийся русский демократ Андрей Сахаров назвал Грузию «малой империей». Эта строчка неизменно цитируется в большинстве абхазских и российских отчетов о конфликте. Разумеется, если каждое государство с мультиэтничным населением называть «империей», это определение будет применимо и к Грузии (правда, тогда останется мало государств, которые империями не являются)».

Заметим, что автор, преднамеренно или случайно, подменяет одни аргументы другими. А именно: понятие имперской системы не может быть определено мультиэтничностью или «моноэтничностью» и тем, мало или много таких государств.

И вообще, трудно понять, кем использовался подобный аргумент, ведь не Сахаровым же и даже не абхазами. Вопрос в том, какую политическую мораль исповедует мультиэтническое государство и какова его политическая система. Никому и в голову не придет называть империей государство федеративного устройства, объединяющее *на равных правах* несколько республик. Именно то, что единое государство СССР не смогло или не считало нужным не быть империалистическим, побуждало Грузию и другие республики так настойчиво стремиться к выходу из такого союза. Главное здесь, на наш взгляд, в том, чтобы одно государство и его бюрократический аппарат не навязывали и не диктовали другим государствам свои условия, не паразитировали за счет их труда и ресурсов, подчиняя себе эти государства, не распространяли насильно свою юрисдикцию на их государства.

Но вернемся к прерванной цитате Г. Нодия и продолжим ее: «Если определить как империю государства, национальный проект которого основывается на идее завоевания и экспансии (что мне кажется более осмысленным и соответствующим традиционному пониманию этого слова), тогда Грузия вряд ли попадет в эту категорию. В новое время национальный проект ориентирован на модель национального государства, которую можно выразить формулой: «мы ничего не хотим сверх того, что *нам принадлежит по праву*»; но то, что наше, мы не отдадим. *Абхазия – это Грузия, поскольку она всегда была частью Грузии, когда та была объединена*». (Нодия Г., ук. соч., с. 26).

Хотя приведенный аргумент и не страдает особой убедительностью, но допустим, что с ним можно было бы согласиться. Однако обратимся к историческим фактам, в частности, к карте Европы 1648 г.; в ней отчетливо отражено, что Абхазское царство, простирающееся до Крымского полуострова, с востока занимает пространство, граничащее с Персией. Сама Грузия, собственно Картли, находится в это время в пределах Персии, а другие, так сказать, грузинские племена и их территории являются частью Абхазского царства, а не Абхазия – частью грузинского.

Безусловно, были времена, когда Грузия путем кровавой и бескровной оккупации пыталась присвоить территорию Абхазии, что дает основание судить о ней как об империи. Однако это ей удавалось не всегда – абхазы любой ценой восстанавливали свою независимость от

пришельцев. Да и вообще, грузины изначально не имели никакого отношения к территории Кавказа, о чем писали самые известные ученые. Сошлемся на одного из них: «Кавказ не является первоначальной родиной для грузин и не следует искать здесь ранние остатки их культуры», – пишет И. А. Джавахишвили (цит. по статье Бганба В. М. «К вопросу о происхождении и этноязыковой принадлежности некоторых этнонимов древнего восточного Причерноморья». *Абхазоведение. Язык, фольклор, литература.* Вып. 1, Сухум, 2000, с. 46).

Изложенные выше обстоятельства дают основание абхазам не сомневаться в том, что Абхазия никогда не была исконной территорией грузин и не являлась частью грузинского государства. Естественно, для них открытым остается вопрос: какая логически последовательная аргументация позволяет сделать вывод, что Абхазия – это Грузия, Абхазия – часть Грузии? Ведь не случайно, что даже в период советского режима Абхазия была суверенной – Автономной Республикой, хоть и на бумаге. Т.е. фактически понятие «автономия» было трансформировано, во искажение подлинного его содержания; но ведь и союзные республики в действительности являлись автономными, в советском смысле автономности, как находящиеся под диктатом центра. Таким образом, и сама Грузия, входившая в единое государство СССР, была частью *целостного Союза*. Однако это не остановило Грузию при отделении от целого – СССР. Чем аргументирует Грузия свое право на этот шаг, если считает такой же шаг для Абхазии преступным, экстремистским, сепаратистским и т.п.?

А самое важное, что в самих материалах по международному праву нигде нет четкого определения этих терминов – неизвестно, какая универсальная строгая дефиниция определяет их. Мало того, высокие международные инстанции при конфликтных ситуациях придают приоритетное значение этому так называемому закону, невзирая на то, что положения, связанные с утверждениями, характеризующими этими терминами, противоречат наиболее важным законам – таким, как права народов, способствуя их закреплению государствами, к которым их привязывают в силу двойственности содержания самих законов, по принципу «закон – что дышло, куда повернул, туда и вышло», вместо того, чтобы снять противоречия и придать приоритет главнейшему принципу – защите прав челове-

ка, которые не могут быть защищены, если не защищено право народа, представителем которого он окажется, поскольку, говоря словами Спенсера, «никто не может называться свободным, пока не свободны все». Показательно, что противоречащее адекватному использованию права народов на самоопределение положение о территориальной целостности – детище ооновских законодателей. До этого функционировал нормальный закон, согласно которому, по словам В. И. Ленина, «право на самоопределение... означает решение вопроса именно не центральным парламентом, а парламентом, сеймом, референдумом отделяющегося меньшинства. Когда Норвегия отделялась (в 1905 г.) от Швеции, решала это одна Норвегия (которая вдвое меньше Швеции)» (Ленин В.И., собр. соч., изд. IV, т. XIX, М., с. 491).

И как еще можно определять государства, устанавливающие и использующие подобные принципы, как не империями? Как же еще можно назвать войну 1992-93 гг., затеянную Грузией против абхазов, поощряемую властями Грузии? Чем еще можно назвать изложенное выше, что проделывалось грузинским шовинизмом по отношению к абхазам? Если называть вещи своими именами, то другого термина, более адекватного, чем «агрессия», «экспансия», «империалистические устремления», найти невозможно.

Изложенные выше положения, кажущиеся на первый взгляд обстоятельствами не столь значительными, на самом деле являются весьма существенными факторами, требующими своего разрешения как для объективного анализа и познания самого положения вещей, так и для взаимопонимания участников диалога.

Как пишет Н.И. Кондаков, «лица, начинающие обсуждения какого-либо вопроса, должны, говорил Аристотель, сначала прийти к соглашению относительно употребляемых понятий, чтобы собеседники понимали под ними одно и то же в процессе всего рассуждения. Аристотелю же принадлежит заслуга открытия третьего принципа логики – *закона исключенного третьего*, согласно которому две противоречащие мысли об одном и том же предмете, взятом в одном и том же отношении и в одно и то же время, не могут быть вместе не только истинными, но и ложными» (Кондаков Н.И., Логический словарь. М., 1971, с. 527).

Известно, что язык является не только средством коммуникации, но и мышления. Как справедливо отмечается академиком П.В. Копниным, «современная научная теория (включая, безусловно, и политологию – *Т.Ш.*) – это язык, т.е. совокупность средств, используемых для построения и выражения мыслей...». Автор подчеркивает важность вскрытия формальной структуры теории как языка, анализа входящих в нее знаков, терминов, установления ее предложений: «За языком научной теории скрывается система знания, необходимая человеку для овладения явлениями, процессами, объективной реальности, и чтобы ответить на вопрос, что это за система знаний, каково ее объективное содержание, нужно истолкование, интерпретация не только отдельных терминов предложений теории, но и всего языка ее в целом» (Копнин П.В., Природа суждения и формы выражения его в языке. Мышление и язык. М., 1957, с. 199).

Как отмечается в Логическом словаре, «термин... – слово или словосочетание, являющееся точным названием строго определенного понятия науки, техники и др.». В статье подчеркивается «необходимость различать научное и обыденное значение того или иного термина... Одним из главных качеств научного термина должна быть устойчивая однозначность» (Кондаков Н.И., Логический словарь. М., 1971, с. 518). Иначе говоря, если термин перестает отражать строго научное содержание, становясь обыденным выражением, он перестает быть и орудием строгого, точного, логически последовательного познания и определения реальной действительности, т.е. перестает служить своему назначению. Следовательно, не подлежит сомнению, что подлинный термин – это инструмент, посредством которого субъект мысли и общения достигает адекватного, детерминированного объективной реальностью определения обсуждаемых проблем и однозначного их толкования и понимания, без чего не может состояться ни взаимопонимание, ни договоренность участников диалога. Ответственность за все это лежит не столько на пользователях, сколько на учредителях логически непоследовательных, противоречивых, безответственно составленных законов на недостаточно отработанном в плане науки политическом языке.

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ АБХАЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

(Полный текст доклада см. на стр. 296)

Прежде чем я начну излагать основные моменты моего доклада, уважаемые коллеги, я хотела бы обратить ваше внимание на следующее. Зачем абхазам государство? Зачем на протяжении тысячелетий, ценой жизни лучших сынов, защищали абхазы свою государственность? Сохранение государственности для абхазов означает сохранение собственного народа. В этом абсолютно убеждено все население. Сохранение собственного государства означает сохранение и преемственной передачи образа жизни народа, означает гарантию безопасности. В данном докладе я попытаюсь, с политологической точки зрения, рассмотреть процесс становления новой государственности. И еще я хотела бы обратить ваше внимание на тот момент, что в докладе я не буду касаться тех позитивных моментов, которые имеются в становлении новой государственности. В силу того, что времени очень мало, я не буду задерживать ваше внимание и на теоретических обоснованиях и аргументах.

Итак, процесс становления новой абхазской государственности. Концепция развития современной абхазской государственности возникает сравнительно недавно, с принятием Декларации о государственном суверенитете Абхазии и Конституции в 1994 г. Анализ этого документа позволяет нам выделить следующие государствообразующие принципы. *Первый*: Абхазия – суверенное государство. *Второй*: Абхазия – демократическое правовое государство. *Третий*: Абхазия – социальное государство (в политологической науке социальное государство с конца 50-х годов рассматривается как этап процесса становления демократического государства). *Четвертый*: Абхазия – светское государство, все конфессии в Абхазии самостоятельны и отделены от государства, все имеют право на свободу вероисповедания. *Пятый*: полнота осуществления власти в Абхазии предоставляется ее президенту, который является главой государства. Как известно, важнейшим признаком государства является государственный суверенитет. Носителем суверенитета верховной власти в Республике Абхазия является ее на-

род, граждане Республики Абхазия, говорится в Конституции. В Абхазии налицо все государствообразующие атрибуты, которые были приняты еще до вооруженного конфликта предыдущим парламентом: государственный флаг, гимн, герб и т.д. Территория государства Абхазии определена достаточно устойчиво. Это та территория, которая сложилась за последние столетия, и она не создает каких-то проблем во взаимоотношениях между Грузией и Абхазией.

Хотя на сегодняшний день Абхазия располагает всеми необходимыми формальными признаками суверенитета, в содержательном плане существование суверенной Абхазии подвергается испытаниям как со стороны внутренних политических институтов, так и со стороны Грузии, которая, конечно, не признает суверенитета республики. В современной Абхазии среди ее населения, к сожалению, распространено еще ошибочное представление, что с завоеванием независимости это системное качество гарантируется само собой. Проблема новой абхазской государственности как раз и состоит в том, что формального провозглашения суверенитета недостаточно, он не только должен постоянно наполняться усилиями по защите от новой угрозы военной экспансии, но, прежде всего, это повседневный, титанический труд по созданию стабильной экономики и дееспособных органов исполнительной, представительной и судебной властей.

В моей работе дается теоретическое определение того, что такое *правовое государство*, *демократическое государство* и каковы принципы становления этого государства. В государстве, где заявлено о строительстве правового общества, ответственность высших должностных лиц государства должна стать необходимостью, а президент страны несет конституционную ответственность (как известно, это самостоятельный вид юридической ответственности) за правовое состояние общества. Ответственность мы рассматриваем как один из основных социальных институтов современного общества, не вдаваясь в подробности о том, что собой представляет деятельность правительства и президента. С легкой руки СМИ появилось такое выражение, как «безответственное государство». В настоящее время в Абхазии существует два мнения по поводу строительства и формирования правового государства. Согласно одному из них, создание правового государства – недостижимая, совершенно абстрактная

цель, поэтому не следует даже ставить ее перед собой. В прошлом, настоящем и будущем, утверждают сторонники этой позиции, все будут решать сила обычая и личные взаимоотношения. Фактор права никогда не одолеет фактора народной молвы и фактора человеческих отношений, поскольку в современной Абхазии нормы гражданского права действуют слабо, а их исполнение не гарантирует правовой защиты. Значительная часть населения Абхазии еще не верит в возможность создания правового государства. Другое мнение, другая позиция считает, что достижение правового государства является делом, не требующим никаких особых усилий, и вполне возможно уже в настоящее время, коль созданы и функционируют формальные институты права. Эту позицию разделяет большинство чиновников, которые формально создали фасад, видимость своей якобы приверженности правовым нормам. Эта категория считает, что можно и далее строить правовое государство путем законотворчества, созданием указов и изданием многочисленных инструкций. В разрыве между этими позициями мы видим основное, если не фундаментальное препятствие созданию новой государственности и абхазского государства как такового.

Следующий государствообразующий принцип, которому уделено в докладе большое внимание – это *социальное государство*. Здесь речь идет о формировании гражданского общества и создании экономически стабильного общества. К сожалению, жесткая блокада и постконфликтная ситуация порождают очень много негативного, что тормозит становление вышеназванных институтов. Безработица, крайне низкая заработная плата, нерегулируемый рост цен вызвали вынужденную миграцию огромного количества людей из Абхазии. Такое состояние общества, хотя и вызвано постконфликтной ситуацией, свидетельствует о том, что государство, по сути, самоустранилось от ответственности за состояние дел в республике и переложило всю вину за происходящее на грузино-абхазскую войну.

В разработке концепции государственной политики сосуществования всех этносов огромное внимание нужно уделять программе деятельности полиэтнического общества: формирование чувства безопасности каждого этноса – это будущая возможность стабильности нашего общества. Работа с различными национальными общинами,

на наш взгляд, должна строиться через лидеров. На квотно-консенсусной основе нужно привлекать все этносы к формированию новой государственности, к участию в деятельности политических институтов в обществе. В странах с развитым гражданским обществом государство выполняет функцию как бы ночного сторожа, который необходим только когда обществу бывает очень тяжело. К сожалению, в становящихся на ноги новых государствах мы очень часто сталкиваемся с государством – оно без конца регламентирует нашу жизнь, создает какие-то препятствия, вечно реконструируется, т.е. наши взаимоотношения с государственностью никак ни складываются. На становление новой государственности, несомненно, оказывает влияние и такое явление, как родимые пятна прошлого: государство не способно адекватно оценить и воспринять такие явления, как инакомыслие, формирование оппозиции, политический плюрализм и т.д. Власть воспринимает все это очень болезненно. Например, не так давно в Абхазии через референдум, волевым путем, общественности была навязана сменяемость судей, тем самым ограничилась независимость судебных органов. Все это не способствует повышению роли гражданского общества в жизни людей, а значит, формированию правового социального государства. Гражданское общество в Абхазии зиждется, в основном, на традиционной культуре народа, основанной на обычном праве. Общество саморегулируется, контролируется благодаря таким почитаемым социальным институтам, как институт *ансуара*, институт *аламыс*, которые через тысячелетия пронесли нравственный принцип абхазского народа. К сожалению, государство со своими институтами оказалось оторванным от народа, оно не смогло использовать прекрасные национальные особенности в строительстве правового демократического государства. Опыт строительства нового абхазского государства показывает, что по менталитету абхазы – государствообразующий народ. Традиционная культура народа вписывается в требования современных политических систем, однако власть крайне слабо внедряет цивилизованные методы строительства государства.

Новое абхазское государство в своем основном законе провозглашает свободу совести и вероисповедания. Несмотря на то, что абхазы – древнейший христианский народ, религия не являлась особо связую-

щим фактором абхазского народа, хотя религиозный фактор очень сильно обыгрывался в дни противостояния. То мы выглядели исламистами, да еще и фундаменталистского толка... В действительности наши соотечественники, проживающие за рубежом, исповедуют ислам, но религия в жизни абхазов, я еще раз хочу обратить на это внимание, не выступала и не выступает особо связующим фактором. Ибо всех абхазов объединяло и объединяет не вероисповедание, не определенное социальное положение, не знание родного языка и т.д. – связующим фактором для абхазов является принадлежность к абхазскому этносу, или, как принято говорить у нас, «абхазство», *ансуара*, это один из главных феноменов, объединяющих абхазов, где бы они ни проживали.

Как известно, война нас вынудила сфокусировать всю власть в одних руках. В принципе, для войны это закономерно, но по инерции такое положение продолжалось и после войны, а с принятием Конституции его логическим завершением стало утверждение института президентства. Президент – лидер, харизма, олицетворение победы, неиссякаемый авторитет в обществе, но в мирное время в его руках, естественно, сосредоточилась огромная авторитарная власть. С одной стороны, было бы неплохо, если бы в мирное время эта власть, вся полнота власти послужила бы консолидирующим фактором и фактором стабильности. Но, с другой стороны, такое положение как раз устраивает государственных чиновников, представителей различных ветвей власти, которые самоустранились от ответственности за государственные дела, заявив: «Нам ничего не позволено, за все отвечает президент». Такая постановка вопроса устраивает госчиновников, которые при сложившейся системе безраздельного господства единого центра власти вполне благополучно реализовывают свои личные интересы. Появление суперпрезидентской власти в Абхазии можно объяснить следующими явлениями, о которых я уже частично говорила: неразвитость гражданского общества, отсутствие сильных политических партий, общественно-политических движений, правового общества и т.д. При таком раскладе политических сил доминирующую роль играет президент, его клан, семья, пытающиеся за кулисами событий использовать свое влияние на легитимную власть. Такое состояние общества характерно, к большому сожалению, абсолютно для всех постсоветских, постсоциалистических государств, и, в особенно-

сти, для постконфликтных государств. В развитых демократических государствах центральное место отводится парламенту как органу, который способен продвигать процесс формирования плюрализма мнений различных групп, партий. Институт парламентаризма для Абхазии – это новое явление, но вместе с тем, он вписывается в менталитет абхазского народа, поскольку исторически любое судьбоносное решение, любая реформа апробировалась владетельным князем через совет старейшин, через народные собрания, сходы. Я думаю, что спецификой управления древнеабхазской государственности является то, что здесь, несмотря на сословную иерархию, любой крестьянин, умеющий доказать свою правоту, аргументировать свою позицию, мог наложить вето на решение царя, заявив: «Дорогой царь, ты неправ», и это воспринималось как закономерность. Когда я сравниваю президентскую форму правления с парламентской, мне импонирует последняя, поскольку я считаю, что коллективный разум был исторически закономерен для нашего общества. Потому, наверно, нас часто обвиняют в чрезмерной приверженности к советской действительности, но некоторые механизмы внутреннего управления, типа местных советов, вписывались в жизнь именно в силу коллективности решения вопросов. Положительную роль, которую играет парламент в нашей действительности, к сожалению, ограничена действием политических институтов – особенно институтом власти, институтом президентства. Законотворческая деятельность парламента очень ограничена, она ограничивается утверждением принятых решений, указов, чтобы придать им легитимный характер. Несмотря на позитивную роль парламента и огромное желание политических элит совершенствоваться и осваивать демократическую культуру, в наших условиях это будет крайне сложно. Этот процесс учебы будет длительным, долгим, он будет проходить болезненно, он болезненно идет во всех постконфликтных государствах. Я думаю, что этот процесс нужно воспринимать спокойно, хотя нам хотелось бы видеть сиюминутные результаты. Если взять стабильный европейский уровень развитости политического управления, то надо помнить, что они ведь шли к этому 5-7 столетий, тому свидетельство – история политической мысли.

Завершая свой доклад, я бы хотела еще раз просить вас простить меня за то, что я не привожу позитивного материала, имеющего мес-

то в нашей действительности, и теоретических рассуждений, подтверждающих мои высказывания. И хотелось бы – хотя это адресовано не в этот зал, а, скорее, политическим институтам власти нашего государства – чтобы опыт становления таких государств, как Германия, Япония, несмотря на количественно-пространственное различие, показал, какая же национальная идеология их объединила: это, прежде всего, добросовестный труд, упорный, честный труд, и защищенность, гарантия безопасности. Вот чего хотелось бы пожелать себе и своей становящейся государственности.

Рейчел Клогг. – Вчера здесь обсуждался вопрос об абхазской идентичности, о возрождении традиций. Мне интересно: насколько это возрождение согласуется с процессом создания абхазского государства? Мне кажется, там есть какое-то несоответствие. Если будет создано абхазское государство, то какое там будет отношение к национальным меньшинствам и насколько оно связано с определением идентичности и национальной идеологии?

Далила Пилия. – Я вижу, здесь два вопроса. Насколько традиционная культура вписывается в становление новой государственности? Я об этом говорила в докладе, и еще хочу сказать, что здесь нет противостояния. А с теоретической точки зрения, любое государство и его механизм давно определены в истории политической мысли, но любое государство, если в его основе не лежит его национальная особенность, будет аморфным государством и не сможет существовать.

Вторая часть вопроса – полиэтничность абхазского общества. Несомненно, это должно быть отражено в становлении новой государственности, и этому вопросу уделяется самое пристальное и большое внимание, потому что, к сожалению, история государственности, и советской тоже, шла на фоне противостояния грузино-абхазских отношений, а другие этносы оставались как бы в тени. Разработка программы полиэтничного существования, миростроительства Абхазии, на наш взгляд, должна строиться с учетом интересов всех этносов Абхазии. Более того, я считаю, язык каждого крупного этноса Абхазии должен иметь статус свободного развития, официального развития. Мне бы хотелось, чтобы на квотно-консенсусной основе строилось и политическое участие этих этносов в государстве, а работу с национальными общинами, для большей координации деятельности, стро-

ить через лидеров национальных общин. Такая постановка вопроса, когда гарантируется безопасность и самосохранение любого этноса, даст возможность этим этносам считать себя истинными гражданами республики, и национальные особенности строительства абхазской государственности не будут довлеть над ними.

Ираклий Сургуладзе. – Вы говорили, что объединяющим фактором является «абхазство», что религии не принадлежит объединяющая роль. Меня интересует, чем определяется «абхазство». Какой фактор его определяет? Как абхаз может узнать другого абхаза, который входит в состав «абхазства», если этого не определяет религия? Потому что, по опыту религиозности, братья во Христе или в исламе – это всегда определялось. Другой вопрос такой. Вы изложили довольно интересный типовой план современного демократического развития. Все государства привержены именно таким проектам государственного строительства. Насколько вы чувствуете потенциал? Для этого же не только желание нужно? Чтобы не получилось так, что в раю можно жить только после смерти (есть такая мрачная поговорка). Насколько реально все это? Эта проблема касается всех, не только вас, в данный момент и нас. Какие ресурсы вы видите для осуществления этих очень важных проблем?

Далила Пилия. – Начну с первого вопроса: почему объединяющим фактором является принадлежность к апсуара? Как определяется апсуара? Я боюсь дать исчерпывающий ответ и взять на себя такую ответственность, поскольку присутствующий здесь Олег Несторович очень давно занимается этой проблемой, а мы пользуемся его работой. Феномен апсуара, на мой взгляд – это общеполитологический, социальный, нравственный феномен, объединяющий народ: независимо от знания родного языка, независимо от принадлежности к конфессии, люди сохраняют абхазское самосознание, самоидентичность – их объединяет апсуара. Раскрытие этого вопроса – это огромная проблема, тут огромный пласт философских, культурных, социальных, экономических факторов.

Ираклий Сургуладзе. – Насколько это закрытая система? Туда вступают или нет?

Далила Пилия. – Наши соотечественники в Турции говорят, что они с большим удовольствием наблюдают, как действует процесс апсуара. Это уважение, уважение в семье...

Ираклий Сургуладзе. – Это система действий, а вот, скажем, человек, который не принадлежит к абхазскому племени...

Далила Пилия. – Если он очень хочет – конечно. Система открытая. Более того, я знаю огромное количество людей, которые хотят изучить феномен апсуара. Что же их объединяет? Многие этнографы, абсолютно далекие от абхазской действительности, занимаются его изучением, чтобы понять суть народа.

Ираклий Сургуладзе. – Меня это тоже интересует, и, может быть, когда-нибудь я этим займусь, но сейчас меня интересует другое: какие шансы?..

Пилия Далила – Желание. Никому не отказано быть в пределах апсуара, с большим удовольствием всех принимаем. Более того, думаю (Пола Гарб не даст соврать), что людей, которые изучают феномен апсуара, абхазы принимают очень радушно. Я знаю огромное количество специалистов, которые приезжали в старые добрые времена в Абхазию – абхазы и сейчас считают их родными и близкими, потому что это совершенно открытый институт. Любой желающий – если он это примет, а в нем очень много сложностей, не только чисто этических, но и философских воззрений – любой может присоединиться, абхазов будет больше.

Георгий Анчабадзе. – Процесс смешения происходит во всех этносах, ассимиляция всегда происходит.

Михаил Мирзиашвили – Вы сказали, что строительство гражданского общества будет проходить по принципу квот, будут налажены отношения с лидерами этнических общин. С другой стороны, есть декларированная конституция Абхазии, которая по принципам не очень отличается от других демократических конституций. Квоты не помешают? Например, если я, грузин, буду выражать свое мнение через моего этнического лидера, а не прямо как гражданин Абхазии – это не мешает созданию гражданского общества? Это пока желание или это уже делается – принцип квот и т.д.?

Далила Пилия. – Что касается квотирования, то нас очень ругают, особенно за предвыборные парламентские выборы. Я думаю, все демократичное имеет право на существование, если две или три стороны, участвующие в этих процессах, приходят к соглашению и оно их устраивает. Квотное начало в политических процессах таких поли-

этнических государств, как Канада, Бельгия, считается приемлемым. И если речь идет о становлении новой государственности, то семь лет для становления для такой нестабильной постконфликтной Абхазии, конечно, очень мало по сравнению с европейскими странами – я говорила о 5-ти, 7-ми столетиях, это большая разница. Но когда речь идет о первых шагах становления государственности, конечно, предоставление национальным общинам самочувствия гражданственности данного государства и построение работы через лидеров национальных общин – это, я думаю, для удобства, а не для того, чтобы ограничить действия, деятельность самих этносов. Мне кажется, это вписывается в строительство новой государственности. Самое главное – гарантия равенства прав, свободы и безопасности для всех этносов. И, конечно, самосохранения, сохранения своей культуры, своей истории – это в первую очередь. Народ, который боится потерять себя, хватается за соломинку, и исход чаще всего бывает плачевный.

Михаил Мирзиашвили. – В продолжение этой темы. «Абхазов объединяет принадлежность к абхазам». Во-первых, подразумевает ли это создание какого-то письменного документа, национальной хартии, хартии национальной идеологии? А во-вторых, если этим определяется абхаз, то возникает вопрос о земле. Я слышал, отношение к земле такое: есть роды, у которых есть земля, а другой человек приходит и берет эту землю как бы в долг, во временное пользование, но когда у рода возникнет потребность, то этот человек должен уступить. Такая система реально и будет в будущем? Как это будет работать? Например, армянин, который живет в Абхазии – как он может передать землю в наследство? Или он не может передать землю в наследство? Или земля будет принадлежать только абхазам?

Далила Пилия. – Мне очень нравится изречение древних: «Земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает». Но на деле сложилось так, что сегодня каждый знает, что если представители определенной фамилии стали сугубыми горожанами, то их земельные угодья продолжают оставаться за ними... Более того, даже при советской власти вам разрешалось получить земельный участок там, где проживали ваши предки. Но это не означает, что вы абсолютный хозяин этой земли (я знаю это из собственной практики нашей семьи, я слышала это с детства): на этой территории проживают и другие фами-

лии, другие люди. Но все это решается по доброй воле, а не государственной казной. Более того, знаю и такой факт: когда создавались цитрусовые угодья Абхазии, многие семьи категорически запретили использовать свои земли под плантации, мотивируя тем, что это их традиционная, фамильная земля и близко подходит к дому. Закон и государство на это соглашались. Т.е. это обычное право, которое имеет силу закона. Государство учитывает национальный менталитет в этой области, оно не вмешивается. Еще раз хочу сказать, что это не означает, что «это мое и никому не дам». Такое исключено. При желании люди всегда находят общий язык.

Гоги Гвахария. – «По менталитету абхазы – государствообразующий народ». (Я лично не так уж уверен, что сегодняшние грузины – государствообразующий народ.) Можете вы объяснить, что такое «по менталитету»? Во-вторых, в сегодняшней Абхазии живут, например, армяне (и не только армяне), они тоже государствообразующий народ «по менталитету», ведь вы вместе должны строить государство?

Тамара Шакрыл. – Может быть, это вопрос риторический, но если бы в Абхазии не было абхазов, могла ли существовать Абхазская Республика?

Далила Пилия. – Место, где мы сидим, называется Русская Ривьера, и именно отсюда я хочу начать. Мы прекрасно знаем, что это земля убыхов. Нет народа – нет государства. Может сохраниться язык при отсутствии народа, но я не знаю ни одного государства, где отсутствует государствообразующий народ. В данном случае земля, где мы сейчас сидим, стала относиться к русскому государству. Убыхов нет, нет и убыхского княжества, а если бы они не исчезли, то, скорее всего, образовалось бы государство.

Михаил Чачхунашвили. – В продолжение предыдущих вопросов: какая роль в процессе становления государственности на данном этапе отводится беженцам, которые находятся за пределами Абхазии?

Далила Пилия. – Я начну с последнего вопроса – г-на Михаила. О проблеме беженцев и разрешении этой проблемы говорится в четырехстороннем соглашении, и мое глубокое убеждение – возвращение беженцев должно обязательно строиться вот с учетом этих документов. Да, я считаю что все, кто не причастен к войне, должны жить там, где они жили раньше. Процесс их возвращения обговорен четы-

рехсторонним соглашением, и проблема должна быть разрешена на основании этого документа. Они, так же как и все этносы, должны на равных условиях участвовать в строительстве новой государственности.

Багал Кобахия. – Демократическое государство, в принципе, предполагает, что все имеют право на возвращение. Если он преступник, его надо осудить по законам того государства, в которое он возвращается. Но право на возвращение четырехстороннее соглашение разрешает не всем. Как вот это состыковывается, что, с одной стороны, вы согласны вот с этим постановлением, по которому они в какой-то своей части все-таки не должны возвращаться, а с другой стороны, вы все-таки хотите построить демократическое государство на базе неcodифицированного *ансуара*?

Далила Пилия. – К сожалению, я вынуждена начать с того, что мы нередко воспринимаем демократические процессы, происходящие в обществе, как средство делать то, чего нам хочется. Демократия должна быть связана с абсолютно безукоризненным исполнением законов. И поэтому строить демократическое правовое государство – это значит строить именно диктатуру закона, и на этой основе строить государство. Это с одной стороны. С другой стороны, возвращение беженцев – это не означает абсолютное возвращение. Еще раз возвращаясь к этому соглашению, я хотела бы обратить ваше внимание, что правовой механизм возвращения есть, он разработан. А что касается тех конкретных людей, которые не имеют права, то есть закон, есть два государства, которые должны разрешить их проблему. У преступников нет национальности, и они должны получить свое по закону. А что касается того, как совместить строительство государственности и *ансуара*, по-моему, ни одно государство не заявило о том, что строит диктаторское государства, все декларируют строительство правового государства, демократического государства, но как эта демократия проявляется потом на практике – это уже другое дело. Любое государство существует в истории. Я не хочу сейчас общепринятые лекционные материалы преподносить, вы это все лучше меня знаете, но ни одно государство не строится без учета национальных особенностей, поскольку это будет аморфное государство. Народ не примет те законы, те нормы, которые противоречат его духу,

его ментальности. А у нас, как известно, это психологи и теоретики определяют, что существует национальный характер, существует менталитет народа. Государство должно строиться с учетом *апсуара*, но не на этой основе. Мы не строим этническое государство, мы строим государство народов Абхазии.

Зураб Джапуа. – «Одна часть общества согласна с таким вариантом, другая часть с другим вариантом». А вот на каком материале базируется ваши соображения?

Далила Пилия. – Вы знаете, я вынуждена была очень быстро-быстро говорить. Речь не идет о двух вариантах строительства государства, речь идет о мнении, существующем по отношению к строительству правового, демократического государства, и скептическом отношении определенной части населения к строительству правового государства в силу того, что традиции, обычаи, кровно-родственные связи – все это, несомненно, играет определенную роль, и нам видно, насколько это используется властью. Я не располагаю конкретными социологическими исследованиями. Я думаю, достаточно иметь уши да глаза, чтоб видеть что собой представляет наша действительность. А другой вариант – на самом деле, я думаю, это тоже нам видно: государство создало определенный фасад, видимость государственности, у нас абсолютно такие же государственные механизмы, структуры, как у стомиллионного народа, но другое дело, как они действуют. Я не приводила сплетен, я не располагаю абсолютно никакими слухами. Это мой собственный анализ политических процессов в Абхазии. Я думаю, я как исследователь имею право на собственное исследование происходящего.

Тамара Шакрыл. – Как это совмещается с национальными традициями? Вы прекрасно знаете, что в Абхазии не было смертной казни и что традиционно человек, нарушивший устои не только всего государства, то есть всей Абхазии, но родового какого-нибудь принципа, изгонялся, лишался права носить фамилию. Люди, которые ушли отсюда, потому что они воевали, являются нарушителями очень серьезных устоев государства. Как это совместится – традиционные устои и вот те законы, которые вы сейчас осветили?

Далила Пилия. – Когда мы говорим о традиционной культуре в основе государства, я абсолютно уверена – это не только моя уверен-

ность, так оно и есть в теории – что государство должно основываться, базироваться на законах, на конституции. И поэтому все те традиции, обычаи, которые имеют право на существование – несомненно, они очень важны, но... Вот фамильные сходы у нас очень приняты в последнее время. Я, например, считаю, что любой преступник, когда мы изгоняем его из нашего общества, куда бы он не ушел, он остается участником определенного социума, или общества. И поэтому, я считаю, его надо судить по законам государства. Судебные органы очень хорошо квалифицируют такие явления, и я думаю – это не только мое личное убеждение – они должны отвечать за содеянное по закону государства. Только по закону государства.

Тамара Шакрыл. – Но традиции – тоже законы государства, это обычное право.

Далила Пилия. – Несомненно, но в данном случае мы живем не по законам обычного права. Обычное право должно помогать государственному праву. Оно является основой наших государственных законов.

Михаил Мирзиашвили. – Вы сказали, что при строительстве абхазского государства будет учитываться то, что там живет очень много этносов и, как бы для развития этих этносов, их языки получают определенный статус. Это делается или это как бы в будущем будет делаться? У меня вот такой вопрос: есть понятие так называемых этнических школ, они действуют сейчас или их нет?

Гоги Гвахария. — Я напоминаю название вашего доклада: «Проблема четкой определенности языка общения». Я должен заранее извиниться, но насколько четко определенной вы считаете вашу фразу: вы сравнили грузинское население Абхазии с гостями, вы говорили о большинстве и сказали, что в дома много гостей, но это не значит, что они хозяева. Прошу вас, объясните, что за гости?

Тамара Шакрыл. – Обыкновенные. У человека свадьба, те, кто пришел в гости, являются гостями, но не хозяевами.

Гоги Гвахария. — То есть грузинское население Абхазии – это гости, все абсолютно?

Тамара Шакрыл. – Безусловно. Это не их отечество, это их родина. Оттого, что грузин родился в Париже, Франция не станет Грузией, а Сухум тем более.

Тага Майсурадзе. – У меня вопрос о совете старейшин. Вот вы упомянули, что на протяжении веков совет старейшин играл очень важную роль в жизни Абхазии. Насколько он функционирует сейчас, и на сколько мудрость стариков влияет на политическую жизнь страны?

Далила Пилия. – Не только у абхазского народа, я знаю, у многих народов Кавказа старейшины играют очень важную роль не только в обыденной жизни, но и в государственных делах. Эти советы играли когда-то решающую роль в решении судьбоносных государственных вопросов – в решении проблем реформ, в решении проблем войны и мира. Естественно, они трансформируются, и, соответственно, их роль претерпевает и взлеты, и падения. Эти институты сегодня существуют в Абхазии, но должна заметить, что они не играют столь большой роли, какую играли, скажем, в XVIII – XIX веках, хотя формально все это соблюдается. Но вместе с тем они, конечно, имеют решающий голос в решении многих проблем, в разрешении конфликтов. К их мнению прислушиваются и государственные органы, и народ. Но какой-то большой политической роли этих советов старейшин в становлении государственности, к сожалению, не наблюдается, большой роли им не отводится. Нельзя эмоционально рассуждать о таких проблемах, хорошо это или плохо. В определенной ситуации, для данного конкретного исторического времени, они, по всей вероятности, могут играть очень большую, решающую роль, но сегодня уповать на решения этих советов, когда формируется государство нового типа, государство, которое приняло за образец государство европейской культуры, их роль должна быть вспомогательной, но не решающей. Но, конечно, они должны быть.

Вячеслав Чирикба. – Не знаю, насколько это входит в тематику вашего доклада, но вот никакое государство не существует в вакууме. Всегда есть соседние государства. Как вы видите взаимоотношения вот Абхазии как суверенного демократического государства с Грузией и Россией?

Далила Пилия. – В данном докладе я этих проблем не затрагивала, поскольку речь идет о становлении государственности с учетом *внутренних* государствообразующих принципов. Но и в перспективе, и в настоящее время строительство абхазской государственности без учета геополитических интересов и взаимоотношений Абха-

зии с Грузией и Россией, я думаю, невозможно. Поскольку, помимо географической близости с этими государствами, много и политического и экономического, что соединяет наши государства. Если очень коротко, Абхазия ни в кой мере не вправе строить свое государство без учета взаимодействия с соседними государствами.

Багал Кобахия. – Тут возник вопрос о религии. Вот ты говорила, что таким как бы интегрирующим началом для становления абхазской государственности может быть «абхазство» как морально-этический кодекс, но он, кстати, тоже не кодифицирован на сегодняшний день, он только как бы в устной форме сложился. Мне кажется, что, в принципе, складывается впечатление, что абхазы нерелигиозны: хотя есть православные, но есть и мусульмане, но все это нечетко. Мне кажется, что абхазы как раз отличаются очень высокой степенью религиозности, и абхазская религия, хотя ее называют языческой, на самом деле является монотеистической религией, просто она объединяет очень небольшой круг людей, только абхазов, и она не является, может быть, мировой религией, но на сегодняшний день, по моему представлению, именно вот отношение к религии и является связующим звеном, и, может быть, в том, что мы не растворились в другой среде, даже не этот кодекс *ансуара* имеет значение, но отношение к религии. Это тоже очень важный фактор, но когда тебя спросили, религия ли объединяющее начало, ты говоришь – нет, именно *ансуара*.

Далила Пилия. – Конечно, абхазы – древнейший христианский народ. Когда я говорила, что религия – не столь связующий феномен в абхазской действительности, я имела в виду христианскую культуру и религию. Я ни в коей мере не затрагивала традиционную нашу религию, может, и о ней надо говорить, но в контексте данного доклада я совершенно не трогаю эту проблему. Несомненно, она играет очень большую роль, но если говорить о язычестве, оно является прарелигией для всех народов, не только для абхазов. Другое дело, в какой степени оно сегодня сохраняется.

Руслан Гуажба. – Здесь говорили о конституции и обычном праве. Исходя из реальной ситуации, я говорю то, что знаю, обычное право играет очень большую роль – больше, чем закон. Сотни фактов могу привести, исходя из личного опыта.

Далила Пилия. – Я бы хотела, чтобы абхазское государство строилось не *на* обычном праве, а *с учетом* обычного права, чтобы государственное право преваляло.

Нагелла Акаба. – Во-первых, я хотела поблагодарить Далилу за ее доклад, потому что фактически это первая попытка как бы обрисовать какие-то контуры того самого абхазского государства, о котором мы говорим уже семь лет, но самом деле, к сожалению, как-то не очень глубоко задумываемся над тем, какое это будет государство. Конечно, очень многое из того, что сказала Далила, лично у меня тоже вызывает определенные вопросы, и не со всем я согласна, но надо учесть, что это ее личное мнение, и она имеет совершенно полное право на такое мнение. Тем не менее, я хотела бы по двум вопросам как бы сделать свое добавление. Г-н Миша сказал о том, какова будет роль грузинских беженцев в строительстве абхазской государственности. Мне кажется, это чрезвычайно важный вопрос. И мы не имеем права его игнорировать. Но если быть реалистами, то можно сказать, что сегодня у нас пока нет ответа на этот вопрос, потому что мы не знаем насколько, те люди, принадлежащие к грузинскому этносу, которые сейчас находятся вне Абхазии, насколько они готовы воспринять идею абхазского государства, и те опросы, которые Нодар Сарджвеладзе проводит, и другие, они, конечно, дают очень малоутешительную картину: мы видим, что эти люди видят Абхазию, в которую они возвратятся, только под грузинской юрисдикцией. Это как бы пока не дает оснований для того, чтобы видеть какую-то их роль. Может быть, они пока не очень хорошо понимают, что может им предложить Абхазия. Так что это, наверно, должен быть процесс с таким встречным движением. Я совершенно согласна, что мы обязаны думать над этим, если мы действительно хотим строить демократическое, правовое государство. И второй момент: по поводу *ансугара* и других традиционных институтов. Это, конечно, очень важно для абхазского самосознания, но надо признать, что война нанесла страшный удар по этим институтам. Говорить сейчас о совете старейшин – это просто, наверно, немного обманывать себя. Это мое личное мнение: никакой реальной роли сегодня этот институт, по-моему, не играет, потому что старейшины сегодня не могут сказать веского слова тем, кто прошел войну – это молодежь, которая воевала, которая

видела страшные вещи. Нереально, чтобы сегодня они прислушались к мнению какого-то пожилого человека. Происходит ломка, происходят определенные процессы, которые мы пока еще, может быть, не очень хорошо осознаем. Война – это, конечно, не самое лучшее время для сохранения каких-то традиционных институтов.

Нодар Сарджвеладзе (вместо доклада).

Я не могу сказать, что сейчас я сделаю доклад. Я, скорее, хочу поразмышлять о некоторых проблемах совместно с вами. У меня нет готового текста в том смысле, что я буду докладывать по каким-то уже обдуманым тезисам. На самом деле, я хотел бы в процессе проговаривания каких-то моментов сам выяснить кое-какие позиции. Поэтому, наверно, мое выступление (это, наверно, скорее выступление, нежели доклад) будет иметь, возможно, не совсем обычную форму – в том смысле, что в какой-то момент я приглашу на дискуссию Олега Несторовича и Ираклия Сургуладзе, с которыми я заранее договорился о том, что они будут содействовать в плане размышления над определенными проблемами. Первая позиция, которую я хочу оговорить, это то, что вчера прозвучало, что, возможно, грузино-абхазский конфликт *будет иметь* затяжной характер. Я считаю, что он *уже имеет* затяжной характер и в этом даже не надо сомневаться. Во всяком случае, я в этом не сомневаюсь, и я хочу это аргументировать тем, что существует определенные какие-то базовые противоречия, перспективы разрешимости которых я пока на горизонте не вижу. Эти противоречия как бы создают ту основу неразрешимости или нетрансформируемости конфликта, которая может определять его затяжной, замороженный характер. Каковы же эти противоречия? (Это сугубо мое личное размышление.) В грузино-абхазских отношениях существует три важнейших противоречия, три взаимоисключающих оппозиции, к которым сводятся все остальные. Первая оппозиция (если говорить на языке логики, контрадикция, то есть когда позиции взаимоисключающие) – это стремление Абхазии к суверенитету, независимости, и стремление Грузии к восстановлению территориальной целостности. Эти две позиции, они фактически взаимоисключающие. Я сейчас не хочу вдаваться в какие-то дефиниции, что такое суверенитет, и что такое стремление к территориальной

ной целостности (утром об этом говорилось), давайте предположим, что дефиниции существуют. Если исходить из этого, что дефиниции уже существуют и имеют право на существование, то уже в рамках этих понятий, этих стремлений двух народов, стремление Абхазии к независимости и стремление Грузии к восстановлению территориальной целостности – это полностью взаимоисключающие позиции. Притом это те позиции, отказываться от которых стороны в обозримом будущем не будут: Грузия никак не откажется от своего стремления к территориальной целостности, и Абхазия тоже не откажется от своего стремления к независимости. То есть, шанса какого-то весомого компромисса пока на горизонте не видно. Вторая оппозиция заключается в ориентациях: Грузия декларировала, что она ориентируется на запад, а в моем понимании (может, я ошибаюсь), Абхазия ориентируется на север, на Россию. (Ну, для вас это, видимо, спорный вопрос.) Грузия не откажется никак от своей ориентации на запад, и Абхазия тоже, по всей видимости, как я понимаю проблему, была бы в меньшей степени защищена, если б она отказалась бы от своей ориентации на север. Третий момент оппозиции – это стремление Грузии строить открытое общество, и с другой стороны – стремление Абхазии быть закрытым обществом, хотя бы на этом этапе своего развития или своей жизнедеятельности, в плане построения государственности. То есть открытость грузинского общества, стремление к построению открытого общества со стороны Грузии, и стремление абхазского народа иметь очерченные, четкие границы, я имею в виду не физические, территориальные границы, а границы мышления, границы самосознания и т. д. Такая оборонительная позиция приводит к тому, что общество формируется по типу закрытого общества.

Насколько я понимаю вот эти все оппозиции, они смыкаются на том, что в глубине вот этих оппозиций лежит проблема идентичности. Например, первая оппозиция: если абхазы определяют свою идентичность через понятие независимости, самостоятельности, суверенитета, то Грузия пытается определить свою идентичность через какую-то целостность, где нет разрыва на части. Что касается второй оппозиции, тут тоже проблема идентичности. Грузия пытается определить себя в категориях Запада. Спикер парламента Зураб Жвания, когда он выступал в момент вступления Грузии в Совет Европы, он

себя определил: «Я грузин, значит, я европеец». Это, конечно, анекдотично, но тут выражается стремление к тому, через что себя определить, через какой процесс, через какой географический ареал, через какие цивилизационные процессы. Третья оппозиция: открытость и закрытость общества. Тут тоже проблема идентичности. Грузинское самосознание на современном этапе идет к своей национальной самоидентичности через попытки расширить свое «я». Тогда как Олег Несторович Дамения отметил, что у абхазов путь к самоидентичности проходит через самодостаточность. Что я хочу сказать? Вот эти все оппозиции, они как бы перекликаются с вопросами о том, что такое идентичность, как искать свою идентичность. Так вот, чтобы разобраться во всех этих вопросах и найти пути к диалогу между сторонами, они должны действительно понять друг друга в тех поисках своих идентичности, к которым они стремятся, или в тех поисках построения своего будущего, к которым они стремятся.

Я бы хотел сейчас задать такие вопросы. А что было бы, если Грузия отказалась бы от своего стремления к территориальной целостности и признала бы Абхазию как независимое государство? Это первый вопрос. (Я сейчас ставлю вопрос, и оппонент будут мне помогать.) Второй вопрос такой: что было бы, какой ход событий имел бы место, если Абхазия отказалась бы от своего стремления к независимости и признала территориальную целостность Грузии? Третий вопрос: что было бы, если Абхазия, вслед за Грузией или совместно с Грузией, полностью пошла бы по линии Запада, и что было бы, если бы они обе полностью ориентировались на белорусско-российский союз?

Теперь я хотел бы, чтобы разговор имел дискуссионный характер: я попросил Олега Несторовича Дамения, с абхазской стороны, и батони Ираклия Сургуладзе, с грузинской стороны, чтобы они высказались по возможному ходу событий по первому вопросу: то есть Грузия отказывается от стремления к территориальной целостности и признает суверенитет Абхазии – что случилось бы? Потом пойдем по второму пункту, третьему, четвертому.

Ираклий Сургуладзе. – Раз этот механизм положили передо мной, я хочу заявить, что это, естественно, мои соображения, которые, естественно, неподготовлены. Я буду говорить о том государстве, которое я себе представляю. Возможно, что даже среди моих

коллег не найдется единомышленников. В Грузии определяющим моментом создания правового государства должно быть создание института гражданства: все проживающие в Грузии являются гражданами грузинского государства. Это общее явление, потому что гражданство определяется не национальностью, не вероисповеданием, гражданство – это просто сумма каких-то обязанностей, определенных двусторонних обязанностей: с одной стороны, обязанностей государства по отношению к личности и с другой стороны, обязанностей личности в отношении государства. По-моему, это ясно. Вот это должно быть общим для всех. С другой стороны, должны быть признаны все свободы. Видимо, смысл вопроса заключается в том, что это принесет Грузии и Абхазии в данный момент.

Нодар Сарджвеладзе. – Вопрос таков: какой возможный ход событий будет иметь место в этих регионах, если Грузия откажется от восстановления территориальной целостности и признает абхазскую независимость? Что тогда случится?

Ираклий Сургуладзе. – Речь идет о независимом государстве Абхазии. По моему опыту, настолько я историю знаю, для того, чтоб сохранить определенное политическое долгожительство, необходима определенная критическая масса. Ниже этой критической массы всегда начинаются довольно неприятные события, чему свидетель история Грузии в целом. После того, как она распалась, когда южная Грузия отделилась от тбилисского царя, то есть картлийского царя, он превратился в обыкновенного феодала, который не имел никакого преимущества перед остальными субъектами феодального государства. После этих потерь Грузия никогда не смогла восстановить своих преимуществ, она не смогла восстановить свое единство. Если бы с XII в. продолжалось бы существование единого целого государства, единой культуры, религии и т.д., естественно, эти вопросы сейчас не стояли бы. Сейчас меня интересует, каким ресурсом располагает Абхазия, как Абхазия может гарантировать себе свою независимость в той геополитической среде, в которой она расположена. Допустим, Грузия примирилась. Но Абхазии будет довольно трудно выйти из того положения, в каком она сейчас находится, так же, как и нам, выйти из кланового уклада, создать государственную машину, обеспечивающую экономику, права человека, право гражданства –

это будет довольно трудно, очень трудно: чем меньше государство, тем труднее, потому что ни одна из сторон не может набрать достаточно сил, чтобы одержать победу над другой частью. Что касается Абхазии, в данный момент маленького государства, тут, например, институт старейшин и разные другие народные обычаи, народные институты, которые претендуют еще на определенное место в общественной жизни, они окажутся недолговечными и слабыми, потому что они будут заменяться все новыми структурами. То есть, когда государству трудно все это сделать, вдруг появляется обыкновенное уличное право, которое вот у нас в Грузии очень даже сильно чувствуется. Клань, которые на незаконной основе все больше и больше захватывают, скажем, экономические ресурсы, средства, и чем дальше, тем больше – они будут диктовать свои права. Это внутри, а вот снаружи – никто меня никогда не убедит в том, что Россия будет терпеть рядом с собой независимость, процветание и, так сказать, райское положение будущей Абхазии. В это я не могу поверить. Хотя, может, даст Бог, все изменится, другим путем пойдет.

Олег Дамения. – Сама постановка вопроса мне представляется весьма перспективной. Вот подобного рода постановки – для меня это своеобразный уход от тех идеологем, в мире которых мы долгое время жили и еще продолжаем жить. Я хотел бы по первому вопросу ответить следующим образом. Что может случиться с Грузией, если Абхазия и де-юре станет суверенным государством, а Грузия признает независимость Абхазии в Тбилиси? Я считаю, такая политическая акция и проявление такой политической воли со стороны Грузии – это первый шаг, направленный на их сближение к друг другу. И по существу – я подчеркиваю это слово – по существу, Грузия ничего не проигрывает. Развалится или не развалится грузинское государство – для меня не это важно, более важным мне представляется сохранение государствообразующего фактора, каким является сам грузинский этнос. Те границы, в пределах которых сегодня простирается, скажем, юрисдикция Грузии – это территория, определенная данной историей. У Грузии была другая территория и другие грузинские земли. Она их потеряла, тем не менее грузинский этнос сохранился. В постановке самого вот этого вопроса я усматриваю своеобразный экзистенциальный смысл существования грузинского этноса. Это самое главное, это са-

мое важное, вокруг которого фокусируются все остальные компоненты, в том числе и грузинская государственность. И будет ли Абхазия в составе Грузии или не будет, идентичность и самодостаточность грузинского этноса от этого не пострадают, а напротив, Грузия может еще и выиграть. Вот так я смотрю с точки зрения возможности реальной самоидентификации грузинского общества.

Что произойдет в Абхазии? В Абхазии может в плане, скажем, самосознания абхазского народа, или абхазского общества, произойти некий серьезный перелом в его отношении к Грузии. А что произойдет в конечном итоге, мне, конечно, трудно сказать, но коль скоро мы сегодня рассматриваем взаимоотношения субъектов того или иного сценария, то произойдет перелом во взаимоотношениях Грузии и Абхазии.

Я думаю, что взаимоотношения Абхазии и Грузии вряд ли будет решающим фактором в жизни российской государственности. У России другие проблемы. Несомненно, абхазо-грузинские взаимоотношения – это один из рычагов, один из факторов, но не столь уж значительный для судьбы российской государственности.

Нодар Сарджвеладзе. – Сейчас второй вопрос: Абхазия отказывается от независимости и восстанавливается территориальная целостность Грузии.

Ираклий Сургуладзе. – Это, естественно, цель грузинского варианта разрешения конфликта, но это, конечно, не радужное будущее, ибо сильно усложняется процесс внутреннего устройства. Люди должны определиться в своих правах, особенно в новых условиях возвращения беженцев, скажем, для меня это очень сложный процесс, государство должно максимально обеспечить безболезненность этого процесса. Если вы думаете, что завтра Абхазия захочет принять и откроет двери, и давайте хором возвращаемся домой – это будет хуже войны. Если это произойдет, должна быть очень сложная и сильная организация, и, в общем, определенная система. Кроме того, наверное, появятся уже общие цели самосохранения организации, сосуществования с другими государствами, и этот шаг со стороны Абхазии и Грузии подразумевает их общую заинтересованность двигаться в одном направлении, то есть соответствующие проявления, я бы сказал, максимальной гуманности на этом пути к окончательной доб-

рой цели всех граждан такого будущего возможного государства. Это будет способствовать появлению общей цели и общих интересов, и, между прочим, укрупнению в какой-то степени сил в одном направлении, это тоже очень значимо. Потому что, как говорил Экзюпери: «Камень это камень, но камень от собора – это часть организации, и имеет свою нагрузку, свою значимость. Другую значимость». Значить, каждая часть Грузии в таком государстве приобретает новую, более высокую значимость. Ибо структура становится более сложной, более нагруженной ответственностью перед историей, перед своими гражданами.

Со своей стороны, Россия все сделает, делает и сделает для того, чтобы это не произошло. А если произойдет, что она будет делать? Если это произойдет, конечно, интересы России будут ущемлены, и она должна будет с этим смириться. Она воевать не начнет, это же будет не какая-то Чечня. Россия, по-моему, смирится, с трудом или не с трудом, но смирится.

Олег Дамения. – Вопрос: что если Абхазия возвращается в лоно Грузии? По существу, я ответил на этот вопрос. Если Абхазия войдет в состав грузинского государства или, скажем, как Гия Нодия говорит, в грузинский ареал культурно-исторического пространства, независимо от того, произойдет ли это добровольно, по существу это означает, что она добровольно лишает себя возможности самоидентификации. Если Абхазия войдет в состав грузинского государства или, скажем, будет в объединенной Грузии в составе грузинского государства на каких то независимых началах, но будут единая конституция, единое законодательство, единые нормы правовые и пр., это, по существу, означает, что Абхазия лишает себя идентификации. Государство – не просто какая то крыша, которая создается волей каких то структур, оно создается на базе определенных культурно-исторических структур. Если с этой фундаментальной точки зрения подойти, конечно, Абхазия лишится этой возможности. Вы сколько хотите можете говорить о культурной автономии, федерации или конфедерации, сколько хотите, но, по существу, мы лишаемся правового политического самоопределения. Мы этого лишаемся.

Нодар Сарджвеладзе. – Я хотел бы на этом завершить этот маленький брифинг, и не буду затрагивать третий и четвертый вопро-

сы, потому что я и так очень много времени забрал. Цель моя была – вот в этом сценарии промоделировать возможные варианты недопонимания, то есть те линии, которые разделяют стороны, а не только те противоречия. Но в высказываниях я чувствовал, четко видно было, что мы никак пока не готовы к тому, чтоб прийти к среднему знаменателю, к компромиссу. У меня нет ответов на эти вопросы, как при мерить эти противоречья.

Лиана Кварчелия. – Я хотела бы просто спросить мнение Нодара Сарджвеладзе. Дело в том, что вот здесь обсуждались, я считаю, некие такие идеальные ситуации. В идеале, какая может быть мотивация у Грузии отказаться от своей территориальной целостности или у Абхазии какая может быть мотивация войти в состав Грузии? Может быть пойти от обратного, от реальности, а не от идеальной ситуации? Я бы хотела услышать ваше мнение, вот с вашей точки зрения, почему для Грузии важна территориальная целостность и почему для Абхазии важна независимость. Мне интересно услышать мнение Нодара и обратиться к реальности. С его точки зрения, почему для Грузии важна территориальная целостность и почему для Абхазии так важна независимость? То есть мотивация от реальности, а не от идеала.

Нодар Сарджвеладзе. – На этот вопрос я вроде обозначил свой ответ в той части своего доклада, когда говорил по поводу идентичности: то есть для Абхазии, видимо, самым важным является определить себя через независимость. Почему? Мне сейчас трудно судить. Понимаете, у меня нет на это ответа. Возможно, это отдельно надо анализировать. А Грузия пытается себя определить через целостность.

Батал Кобахия. – Если Грузия откажется от территориальной целостности, то тогда возникнет проблема в Абхазии, потому что, честно говоря, война за независимость в какой-то мере дала абхазам возможность идентифицироваться и осознать, что они хотят отделиться. На сегодняшний день мне даже кажется, что мы не готовы к тому, что Грузия скажет: “Мы признаем вашу независимость” и нас вдруг признают. Что мы будем делать? Вопрос. Второй вопрос: что станет, если мы все-таки откажемся от своей независимости? Я думаю, что для того, чтобы абхазский субэтнос не доминировал в рам-

ках одного государства, не создавал все время проблемы, Грузия пойдет дальше и попытается в процессе интеграции как-то снять эту абхазскую проблему, идя дальше, создавая другие территориальные единицы, как, например, Ахалцихский район, как бы тоже какой-то кантон или что-то. И получится, что Грузия состоит из очень многих таких единиц, которые имеют такие же права, как и абхазы, и тогда вопрос об этничности Абхазии будет как бы уходить, а будет стоять вопрос как бы граждан Грузии, разделенной по каким-то там этническим, земельным принципам. Тогда проблема идентификации абхазского этноса полностью отпадает.

Арда Инал-Ипа. – Я бы хотела поблагодарить Нодара за такую интересную форму обсуждения, я думаю, ее можно использовать и в дальнейшем – предоставлять двум сторонам отвечать на важные вопросы. Мне кажется, мы все-таки рано остановились. Вот очень хотелось бы услышать вопрос об ориентации – если бы мы действительно придерживались одной ориентации. Если у нас есть время это обсудить, мне кажется, это будет очень позитивно.

Михаил Мирзиашвили. – Я тоже хочу подтвердить, что была предложена очень интересная форма дискуссии, но мне показалось, что она пошла не по правильному пути. Мне показалось, что это были какие-то теории, но ведь должны быть какие-то установки. В первом случае, если вот Грузия отказывается от Абхазии, это значит, что и Грузия с этим согласна, и Абхазия с этим согласна, и конфликт снимается. Нам надо говорить о том, в чем состоит конфликт. Мы должны договориться о том, в чем состоит конфликт, потом строить какие-то теории и для того, и для другого случая. Хочу подчеркнуть, что для меня решение проблемы статуса не разрешает конфликта. Вот объявим, что Абхазия независима – так это не решает проблему беженцев, это не решает проблем самой Абхазии, и все такое. Говорить только о статусе – не значит решать проблему.

Нодар Сарджвеладзе. – Дело в том, что мы сейчас смоделировали постконфликтную ситуацию: то есть была война, сейчас затяжной конфликт, и, в моем понимании, есть три главных вопроса, которых я здесь сформулировал, которые стоят за этими оппозициями. Стремление Абхазии к независимости не сводится только к проблеме статуса – это стремление народа к какой-то форме существования.

Ираклий Сургуладзе. – Эти довольно идеального порядка вопросы все же выявили, по-моему, основные ценности, к которым стремится и одна сторона, и другая сторона. Речь идет об абхазской культурной или национальной идентичности, с одной стороны. Вот то, что мы смогли, преимущественно, выделить из самых ценных прав – это культурная идентичность. А из того, что я сказал, нам, по-моему, можно вычленишь то же самое, только гражданское государство – более крупная структура, где все будут стремиться к какой-то одной цели, которая поставлена исторически перед этими народами внутри одного государства. Вот это желание с грузинской стороны, которое суммирует ее претензии и стремления, наверно, если будет удовлетворено, в этом случае, и проблема идентичности... То есть пока удалось выяснить вот эти два момента, пока из четырех вопросов мы два оставшихся не рассмотрели. После рассмотрения этих двух позиций у нас появились две ценности, которые противопоставляются, а я думаю, что не противопоставляются.

Гоги Гвахария. – У меня замечание к Нодару Сарджвеладзе. Я думаю, что на этом семинаре стало очевидным, что никакой ориентации на Север у абхазов нет – это миф, который придумали грузинские политики, а народ до сих пор думает, что это так. И давайте снимем этот вопрос ориентации на Север и, действительно, поговорим как грузины и абхазы – по-моему, это гораздо интереснее. В общем, снимем вопрос Севера, потому что, я еще раз повторяю – я думаю, что это миф.

Вячеслав Чирикба. – Еще до этой войны я читал статью местного политолога в газете “Бзыль”, где он писал, что вот Грузия за многопартийность, а мы, абхазы, за однопартийность. Или там, Грузия за сепаратизм, а мы за объединение. Мне кажется, сама постановка вопроса: Грузия ориентируется на Запад, Абхазия на Россию, Грузия – открытое общество, Абхазия – закрытое общество, мне кажется, все это мифы. Абхазия – закрытое общество, потому что там блокада, если она откроется, то будет открытое общество. Кроме того, я считаю, что между грузинским и абхазским обществами нет никаких ценностных, цивилизационных отличий. Оба они по своим традициям и характеру – евразийские общества. Можно выделить какие-то нюансы, и тем не менее, как бы они ни стремились к западно-

му обществу, они им не станут – в лучшем случае, они будут прозападными. Если поехать в прозападную Турцию – это, по существу, самая азиатская страна, она была, есть и будет азиатская страна, из нее Запада не сделаешь. А вообще постановка вопроса: «Запад хорошо, Север плохо», тоже мне кажется довольно-таки сомнительной. Русское общество – тоже прозападное общество. И мне кажется, что такая вот антитеза, Запад-Восток, Север-Юг, будет толкать нас на создание новых мифов, которые совершенно не нужно создавать. Мы должны анализировать факты и делать какие то выводы, но не создавать мифы о том, что кто-то более коммунистический, кто-то антикоммунистический, кто-то западный, кто-то антизападный – это просто мифология. Мне так кажется. Может, я ошибаюсь.

Георгий Анчабадзе

ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЕ ГОСУДАРСТВО. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

(Полный текст доклада см. на стр. 309)

На данном этапе грузино-абхазских взаимоотношений, после ожесточенной войны, оставившей глубокий след в психологии противостоящих сообществ, позиции сторон в вопросе о государственном статусе Абхазии остаются диаметрально противоположными. Так, если официальная грузинская точка зрения видит будущее Абхазии непременно в составе Грузии – в виде автономного образования или одного из субъектов федерации, то абхазская сторона давно уже объявила о своей независимости, ее официальные представители отказываются рассматривать этот вопрос, объявляя его окончательно решенным. Между тем, на неправительственном уровне можно услышать и заявления о возможности создания общего грузино-абхазского государства, состоящего, соответственно, из двух равноправных или примерно равноправных субъектов – Грузии и Абхазии.

Противников такого “широкого федерирования” можно встретить как на абхазской, так и на грузинской стороне. Причем, как я понимаю, абхазы опасаются, что большая Грузия, с ее многочислен-

ным населением, постепенно проглотит своего партнера по федерации, оставив существующие договоренности только на бумаге, а грузинская сторона боится двуединого государства, потому как считает, что это будет лишь первым этапом для окончательного ухода Абхазии от Грузии. Причем представители грузинской стороны, которые отвергают возможность создания общего грузино-абхазского государства, часто приводят тот аргумент, что такого якобы во всей истории никогда не было и не быть могло – Абхазия всегда была составной частью Грузии, одной из ее территориальных, административных или этнографических единиц, и нельзя противопоставлять часть единого целого этому целому.

Конечно, нельзя утверждать, что когда-либо существовала грузино-абхазская конфедерация в прямом понимании этого слова. Во всей мировой истории трудно найти пример «чистой» конфедерации. Но можно построить приблизительно схожую модель, если нет другого выхода. Грузино-абхазский процесс мирного урегулирования сегодня находится в тупике, и если не найти нестандартный выход из сложившейся ситуации, он явно имеет все шансы пойти по «кипрскому пути», который, я полагаю, никого не устраивает. Одним из вариантов выхода из кризиса мне представляется создание государства из двух субъектов – Грузии и Абхазии. Это, разумеется, компромисс, и, как всякий компромисс, он не может удовлетворять максимальные запросы каждой из сторон. Поэтому у данной модели много противников. Цель моего доклада – показать, что в истории грузино-абхазских взаимоотношений были моменты, которые в определенном смысле можно толковать как общую государственность, и что роль абхазского элемента в истории Грузии была значительно выше той, какой она сегодня представляется многим.

Какое-то время отношения между Грузией и Абхазией строились на фактически федеративной основе даже в XX веке. Так, территория Грузинской ССР, в границах которой мировое сообщество признает современную Грузию, сформировалась в результате заключенного в 1921 г. договора между ССР Абхазией и ССР Грузией, согласно которому первая вошла в состав последней. Причем Абхазия еще в течение десяти лет после этого формально сохраняла такой же статус советской республики, какой был у Грузии. Конечно, могут возразить,

что договор 1921 г. нельзя считать легитимным, так как он был навязан третьей стороной – Советской Россией. Но тогда последует ответ, что низкий удельный вес абхазов среди населения Абхазии (17,8% в 1989 г.), на который постоянно ссылаются противники федеративных отношений между Грузией и Абхазией, также является прямым результатом политики руководящих кругов царской России и СССР.

Однако в своем докладе я хочу показать, как строились грузино-абхазские отношения в феодальную эпоху. Более подробно об этом будет сказано в статье, но в общих чертах можно сказать следующее.

Единая грузинская феодальная монархия складывалась со второй половине X в. по XII в. По летописной традиции, создание этого государства произошло из объединения семи царств. Ведущую роль при этом, фактически, сыграло Абхазское царство, которое до объединения Грузии имело уже двухвековую историю существования. Это было большое политическое объединение, охватывавшее западную часть Закавказья вплоть до Таманского полуострова и определенную часть центрального Закавказья, т.е. значительную часть той территории, которую сегодня занимает Грузия. Население на этой территории, как и культурно-политическая направленность Абхазского царства, уже тогда было, конечно, большей частью грузинским, картвельским. Подчеркиваю — картвельским, потому что именно в этот период, в X-XI вв., происходит окончательное формирование грузинской народности. Абхазы и этнически близкие им племена адыго-абхазского круга занимали северо-западную часть государства.

Ведущую роль в создании Абхазского царства сыграло абхазское княжество, которое было этнически абхазским образованием. Как можно судить по сохранившимся источникам, династия, которая на протяжении большей части существования Абхазского царства правила им, также была абхазского происхождения. Во второй половине X века, в 978 г., на престол Абхазии вступает Баграт III, царевич из рода Багратионов, выходцев из Южной Грузии. Он получил абхазский престол по праву наследования от своей матери – дочери абхазского царя Георгия II, и сам Баграт подчеркивает этот момент в одном из своих актов, где он прямо говорит, что «овладел Абхазией, уделом матери своей», т.е. в этом документе четко представляется, что воцарение Баграта связано с наследованием династии, являющейся абхазской по происхождению.

Дальнейшее объединение Грузии Багратионы уже ведут опираясь на силу Абхазского царства. По мере того, как вокруг абхазских царей из династии Багратионов постепенно объединялись земли других грузинских государств и некоторых негрузинских земель, росла и титулатура Багратионов. Но всегда на первом месте стояла Абхазия: «царь абхазов, картвелов, кахов, ранов, сомехов и т.д.». В более краткой форме этот титул (в летописях он встречается и в полной, и в краткой форме) звучал так: царь абхазов и картвелов. А если еще короче, то говорили просто «царь абхазов» — этим подчеркивалось, что главенствующую роль в создании этого государства сыграло именно абхазское царство.

Традиция, по которой Багратионы считались в первую очередь представителями именно абхазского государства, сохранялась долгое время и после того, как в 1122 г. Давид Строитель перенес столицу из Кутаиси (бывшей столицы абхазских царей) в Тбилиси, в Восточную Грузию. Спустя более чем сто лет после этого события, во время царствования Георгия-Лаша, одного из потомков Давида Строителя, летописец, описывающий грузинское государство, находившееся тогда на вершине своего могущества, отмечает: «А царство их древнее, Абхазия, пребывало в спокойствии». Т.е. даже спустя 100 лет после того, как престол Багратионов был перенесен в Восточную Грузию, еще сохранялось сознание, что их древнее царство — именно Абхазия, а не Тао-Кларджети в Южной Грузии, откуда они были выходцами. Поэтому во многих иноязычных источниках вплоть до XIII-XIV вв. вся Грузия тоже называлась Абхазией.

Батал Кобахия. — Спасибо. Гию можно бы еще полчаса слушать, но, с другой стороны, доклад будет опубликован. Есть ли у вас вопросы?

Каха Беродзе. — Может быть, я не настолько разбираюсь в этом... Вы историк, поэтому я хотел бы услышать ваше мнение: что такое абхазо-адыгский народ? На чем это основывается? Если это абхазо-адыгский народ, то почему важнейшую роль в создании этого общего государства, во всей этой истории, практически играют абхазы, а не адыги?

Георгий Анчабадзе. — Я не говорил «абхазо-адыгский народ», я сказал «племена». Я имею в виду то, что это государство, Абхазское царство, в своей центральной и восточной части было населено картвельскими племенами, а в его северо-западной части, на территории современной Абхазии (где-то, видимо, начиная от Галидзги и

вплоть до Таманского полуострова), жили абхазско-адыгские племена, т.е. собственно абхазы, а дальше уже родственные абхазам другие абхазо-адыгские племена. Я имел в виду этническую характеристику этого населения. Ведь абхазы – они в этническом плане входят в абхазско-адыгскую группу.

Каха Беродзе. – Почему?

Георгий Анчабадзе. – По языку: язык абхазов родственен адыгскому. Считается, что кавказские языки делятся на 3 группы: картвельская, абхазо-адыгская, чечено-дагестанская. Хотя некоторые исследователи отрицают родственную связь между этими группами или отдельно выделяют картвельскую группу и говорят о родстве только между двумя последними группами. Но эта не исторические версии, а языковедческие. Что же касается родства между абхазским и адыгскими языками, оно никем не отрицается. Так что абхазы по своему языку родственны народам северо-западного Кавказа: шапсугам, адыгейцам, абазинам, черкесам и кабардинцам. Поэтому, когда я сказал «абхазо-адыгские племена», я имел в виду проживавших на территории Абхазского царства собственно абхазов и этнически родственные их племена на этом побережье к северо-западу от них.

Каха Беродзе. – Главное, на чем основывается родство, это язык?

Георгий Анчабадзе. – Этническое родство определяется в первую очередь по языку.

Миша Мирзиашвили. – У меня такой расистский вопрос. Когда говорится о языковой группе, это значит, что группы эти генетически одинаковые?

Георгий Анчабадзе. – Да, как правило, народы, говорящие на схожих языках, генетически родственны друг другу, хотя бывают и исключения. Но в данном случае я не придавал этому большого значения. Я просто отметил языковый состав населения Абхазского царства. В культурно-историческом плане языковый фактор зачастую не имеет особенного значения.

Батал Кобахия. (*неразб.*) ...модель двуединого государства как бы в новом измерении. Допустим, что и абхазы, и грузины придут к такой возможности. Как ты считаешь, как к этому отнесутся осетины, аджарцы, я уже не говорю о других народах, населяющих Грузию, какова их роль в этом едином абхазо-грузинском государстве?

Георгий Анчабадзе. – Если опять основываться на исторических традициях, я бы сказал, что в первую очередь на роль равноправного субъекта федерации могут претендовать абхазы. Что касается осетин, тем более аджарцев, это уже другой вопрос. Я думаю, грузинская сторона путем переговоров должна решить осетинскую проблему.

Батал Кобахия. – Ты считаешь, если мы будем готовы к совместному абхазо-грузинскому государству, проблема осетин будет только проблемой грузин, не абхазов?

Георгий Анчабадзе. – Нет, конечно.

Батал Кобахия. – Я думал, если это будет совместное государство, у нас будут и совместные проблемы, и интересы тоже. Трудно себе представить, что абхазы на этом уровне...

Георгий Анчабадзе. – Правильно, но в данном случае я говорил именно о грузино-абхазских проблемах. Осетинскую проблему тоже, конечно, надо как-то решать, но это уже проблема всего государства. Я думаю, что с абхазской стороны особых возражений против принятия осетин в эту федерацию не будет, но это уже будет гораздо труднее для грузин. Я считаю, что грузины (хотя сегодня не все с этим согласны) все-таки скорее могут прийти к общему государству с абхазами, чем с осетинами. Тут есть и определенные психологические моменты.

Батал. – Спасибо. Есть вопросы?

Олег Дамения. – Я думаю, Гия правильно ответил, я полностью согласен с ним. Но я хотел бы дополнить, что родство между абхазами и адыгами не исчерпывается только языковым элементом, или языковой структурой. На самом деле это родство, и наука об этом говорит, гораздо глубже. В частности, об этом свидетельствует эпос. У абхазов и адыгов единый эпос. От этого мы никуда не денемся.

Реплика. – У осетин такой же.

Олег Дамения. – Правильно, и у осетин тоже.

Тамара Шакрыл. – Эпос может быть заимствован, но самый сильный показатель – это родство языков.

Олег Дамения. – Язык тоже может быть заимствованным.

Батал Кобахия. – Спасибо. Марина, давайте, если кто-то хочет высказаться.

Вячеслав Чирикба. – Я согласен с Тamarой Платоновной и с другими выступающими, что языковое родство является главным критерием родственности народов. Хотя языки могут и меняться: допустим, народ забывает свой язык, меняет его на другой, это бывает. Но, в принципе, мы здесь имеем очень консервативную ситуацию, когда, скажем, мегрелы, сваны, лазы и грузины говорят на родственных языках и их объединяют в одну группу, группу не только языков, но и народов. Потому что там не только языки, там еще антропология, культура, история и т. д. Но определяющим является язык. Потому что, если бы сван, допустил, говорит на языке какой-то другой группы, никто бы его к грузинам не относил, т.е. определяющим является язык. То же самое с абхазами. Абхазы говорят на языке абхазском, это язык, родственный адыгейскому, кабардинскому, убыхскому, черкесскому, абазинскому... Т.е. это доказано, поэтому их объединяют в одну группу. Эта группа родственна, с другой стороны, нарто-дагестанским языкам, чечено-ингушско-дагестанским языкам. Есть две теории: иберо-кавказская, которая уже, кажется, устарела, и теория родства северокавказских языков – абхазско-адыгских и нарто-дагестанских, а третья семья языков, картвельская, не связана с ними генетически, но все они являются автохтонными кавказскими языками и народами.

Марина Барцыц. – Только одно слово: плюс ко всем этим аргументам есть еще антропология – в самом деле, анализ крови, форма головы, вообще генетика, т.е. антропология. Да, в чем-то мы близки с левой стороны мегрелам, но на самом деле антропологически подтверждается единство со всеми адыгами.

Батал. – Спасибо.

Михаил Мирзиашвили. – Антропология – это не точная наука, потому что те же антропологи говорят на грузинском примере, что грузины, к примеру, XII века имели форму головы совершенно другую – может быть, правильную или, наоборот, неправильную.

Каха Беродзе. – Попрошу меня извинить, что я, может, лезу в такие дела, в которых я, можно сказать, профан, но у меня свое впечатление. Я говорю это не потому, что хочу отнести абхазов, скажем, ближе к мегрелам или грузинам, чем к адыгам, нет. По-моему, родство с северными народностями – это естественное явление: если эти народы

проживают совместно на протяжении веков, там и языковое родство происходит и т. д. Но я не думаю, что это основание даже по языкам причислять к одной группе народов, потому что исторически и по жизни видна совсем другая картина, я еще раз говорю.

Вопрос. – Что вы имеете в виду, какая картина?

Каха Беродзе. – Мне видится, что абхазы как бы участвуют в формировании государства, где не присутствуют, допустим, те же адыги.

Георгий Анчабадзе. – Почему вдруг разговор перешел на языковедение и антропологию?

Батал Кобахия. – Циркуль есть у кого-нибудь?

Георгий Анчабадзе. – То, что абхазы относятся к абхазо-адыгской группе народов, это прописная истина. Подавляющее большинство живых языков уже классифицированы в лингвистическом отношении и отнесены к тем или иным языковым семьям и группам. Конечно, в этой классификации еще много спорного, особенно в вопросах взаимоотношений между семьями языком. Внутри групп – более ясно. Во всяком случае, на Кавказе очень хорошо известно, кто к какой языковой группе относится.

Каха Беродзе. *(Вопрос о происхождении языков)*

Гия Анчабадзе. – Праязык, на котором говорили общие предки адыгов и абхазов, вероятно, в конце III тысячелетия до н.э. распался на древнеадыгский и древнеабхазский языки. Много времени спустя, уже в поздние средние века, адыгский язык разделился на адыгейский и кабардино-черкесский, а абхазский – на современные абхазский и абазинский языки. Еще был третий – садзско-убыхский язык, занимавший, видимо, промежуточное положение между адыгской и абхазской подгруппами, но сейчас он уже не относится к живым языкам. Схожая история у картвельских языков: примерно 4 тысячи лет назад от общего пракартвельского ствола отделилась сванская ветвь, затем, может быть, через тысячу лет или больше, разделились грузинский и занский языки. Занским называют язык, на котором говорят мегрелы и лазы. Вот, в общих чертах, как это было.

Батал Кобахия. – Прошу прощения, я должен вас прервать. Дело в том...

Реплика. – То есть как? Это важно!

Батал Кобахия. – Ладно, говори.

Гия Анчабадзе. – Ну пожалуйста, просто я думаю, что это совершенно не относится к докладу, а то я с удовольствием могу говорить на эту тему...

Вопрос. – А что было дальше, после Лаша-Георгия, с абхазо-грузинским государством?

Гия Анчабадзе. – Дальше, вообще-то, монголы пришли... Единое грузинское царство окончательно распалось в XV веке. Абхазия некоторое время зависела от Имеретинского царства как вассальное княжество, а к XVII в. стала независимой, если не считать притязаний Османской империи.

Тамара Шакрыл. – «Лаша» по-абхазски – светлейший. Это уже потом оно стало собственным именем. Спасибо.

Лаша Бакрадзе. – Когда мы сейчас говорим о средних веках, не надо, конечно, думать, что те же категории, о которых мы сегодня говорили, имели значение и в средние века. (Ничего, они все это знают.) В средних веках, в феодальных государствах, вот эта этническая принадлежность не играла такой важной роли, как сейчас. Очень многие феодальные государства включали в себя по несколько этнических элементов, и мы не должны понимать это в тех самых категориях, как понимаем сегодня. Это мы должны сказать.

Реплика. – То есть, вы говорите...

Лаша Бакрадзе. – Я говорю, что невозможно говорить одними и теми же категориями о средних веках и сегодняшнем дне, потому что тогда этническая принадлежность не имела такое же значение, какое мы придаем сегодня той этнической принадлежности, которая имеется сегодня. У меня вопрос: можно ли так сказать, что вот абхазы, этническая группа абхазов, принимали участие в строительстве грузинского государства и несмотря на то, что они были этническими абхазами, они были в культурном смысле частью грузинской нации? Я понимаю, что очень трудно говорить о нации...

Георгий Анчабадзе. – В широком смысле, абхазы были тогда частью грузинского культурно-политического мира, но при этом сохраняли этническую индивидуальность. Более подробно об этом будет сказано в моей статье.

Батал Кобахия. – Спасибо. У нас есть еще один доклад,

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ДЕМОКРАТИИ

Прежде всего, я хочу предупредить, что этот доклад является, по сути, как сказал Нодар (мне понравилась это выражение), поиском вопросов, а не поиском ответов. Никаких ответов тут нет, я просто попыталась лично для себя впервые озвучить то, что мне кажется очень актуальным сегодня, на этом этапе становления абхазской государственности.

Как бы к этому ни относился окружающий мир, Абхазия уже семь лет существует как независимое государство – независимое настолько, насколько позволяют внешние и внутренние обстоятельства. И в силу этого абхазской политической и интеллектуальной элите необходимо ответить на следующие вопросы: каким видится это государство, как оно будет функционировать, каковы ценности, объединяющие его граждан. Будущее Абхазии во многом зависит от ответа на эти вопросы.

Одним из самых деликатных и ответственных моментов становления и функционирования этого государства является, на мой взгляд, проблема взаимоотношений титульной и нетитульных наций. В этой связи можно выделить два главных аспекта.

- 1) Уникальность ситуации в современной Абхазии очевидна. Согласно мнению подавляющего большинства абхазского населения, для того, чтобы абхазы смогли избежать трагической участи убыхов, абхазский язык, как и само существование абхазского этноса, нуждается в особой защите. И по глубокому, выстраданному на протяжении последнего века убеждению, такую защиту может предоставить только государственный статус Абхазии. В существующей реальности такой защитой может стать и то, абхазам в этом государстве будет предоставлен статус титульной нации, несмотря на то, что в количественном отношении они могут рассматриваться как меньшинство на своей исторической родине, хотя впрочем, ни одна этническая группа Абхазии не составляет абсолютного большинства.

- 2) И после грузино-абхазской войны, несмотря на многочисленные пропагандистские заявления, грузинская община на территории Абхазии составляет существенную величину как за счет оставшегося здесь во время и после войны грузинского населения, так и за счет возвратившихся жителей Гальского района. Очевидно, что самоощущение и настроение этих людей будет играть важную роль в том, как сложатся отношения между Абхазией к Грузией, вне зависимости от того, какая модель урегулирования взаимоотношений будет в конечном итоге использована. Конечно, негативный опыт прошлого, когда грузинская община Абхазии нередко служила инструментом политического, а затем и военного воздействия на Абхазию, служит для абхазов не слишком обнадеживающим примером. Нельзя не учитывать то обстоятельство, что различные международные институты будут пристально наблюдать за ситуацией в сфере прав человека и прав меньшинств, что далеко небезразлично для руководства Абхазии.

Несмотря на принципиально важное значение данной проблематики для политического будущего Абхазии, приходится констатировать, что пока этот вопрос находится как бы на периферии государственного и общественного внимания. Невосполнимые человеческие и моральные потери в результате войны, сохраняющаяся угроза возобновления боевых действий наряду с продолжающимися экономическими трудностями и множеством социальных проблем заставляют большинство населения сосредоточить свои помыслы и усилия на проблеме физического выживания. Можно сказать, что общество пребывает в состоянии фрустрации.

С другой стороны, продолжающиеся существовать традиции полиэтничности и культурно-конфессионального многообразия, столь характерные для Абхазии на протяжении всего двадцатого века, возможно, позволяют избегать крайних проявлений национализма и нетерпимости, столь характерных для постсоветского пространства и ряда стран Восточной Европы.¹⁰ Однако, поскольку известно, что именно на фоне социально-экономических трудностей и фрустрации

---

¹⁰ Грузино-абхазская война не является, на мой взгляд, межэтническим конфликтом в чистом виде. Начавшись как статусный конфликт, война затем переросла в этно-территориальный конфликт, хотя можно по-разному оценивать происшедшее.

усиливаются негативные стереотипы и предубеждения в отношении людей, принадлежащих к иным этническим группам, сфера межэтнических отношений должна быть объектом неусыпного внимания властей, да и общества в целом.¹¹

Приходится признать, что политики и представители научной и творческой интеллигенции пока не слишком охотно рассуждают на эту тему. Официальная позиция такова – проблемы не существует и не надо ее искусственно создавать. От представителей власти различного уровня часто приходится слышать, что, благодаря взвешенной национальной политике, в сфере межэтнических отношений царит полная гармония. Когда в независимых изданиях Абхазии появляются публикации на тему межнациональных отношений в послевоенной Абхазии, проблем изучения и развития абхазского языка и его взаимоотношений с другими языками, а также положения различных меньшинств, как этнических, так и религиозных, это встречает довольно настороженную (чтобы не сказать больше) реакцию со стороны ряда официальных лиц и части национальной, особенно творческой интеллигенции.

По-видимому, такому нежеланию обсуждать столь деликатную и не вполне «безопасную» тему во многом способствует неопределенность политического статуса Республики Абхазия в глазах мирового сообщества. Стремление не навредить, не дать недругам Абхазии дополнительных рычагов давления на и без того находящуюся в сложном положении республику имеет под собой вполне реальные основания. Любое неординарное событие или острая публикация в абхазских СМИ неизбежно попадает в грузинские официальные издания, причем интерпретируется ими, как правило, в самом неблагоприятном для абхазского руководства ключе. Это, конечно, является раздражающим фактором и не способствует потеплению отношений между властями и пока еще крайне слабыми институтами гражданского общества. В таких условиях находится немного желающих рассуждать на столь деликатную и сложную тему как межэтнические отношения. Кроме того, сегодня в руководстве Абхазии немало

---

¹¹ Хорошо известно усиление негативного отношения к кавказцам в ряде российских регионов, что связано, по мнению многих этнопсихологов, с ростом фрустрационной напряженности в условиях социально-экономической нестабильности и имущественного расслоения.

бывших партаппаратчиков, которые по инерции продолжают рассматривать межэтнические отношения с позиций «пролетарского интернационализма» и дружбы народов, т.е. считают, что никаких конфликтов на этнической почве быть не должно по определению. Многие из этих людей пока еще не осознали, что однородное и бесконфликтное общество – это утопия, поскольку каждое общество состоит из различных групп, интересы которых далеко не всегда и не во всем совпадают, и особенно это касается мультикультурного или мультиэтнического общества. Известно, что именно подобный стиль мышления привел к многочисленным вспышкам насилия в Алма-Ате, Фергане, Сумгаите, Нагорном Карабахе, Абхазии (июль 1989) и т.д. и стал катализатором распада СССР.

На самом деле, межэтнические отношения не являются чем-то застывшим и стабильным. Это динамичная система, и особенно это проявляется в период общественно-политической трансформации. Опыт всех постсоветских стран свидетельствует о том, что с более или менее серьезными межэтническими трениями сталкиваются все полиэтнические государства. А поскольку в мире существует только двенадцать стран, где более 90% граждан принадлежат к преобладающему этносу, ясно, что этих проблем не удастся избежать почти никому. Как указывает бельгийский политолог Мартен Тео Янс, все государства, характеризующиеся этнонациональной сегментацией, в той или иной степени испытали межгрупповую напряженность и конфликты. Стоит только появиться этнонациональной напряженности, как она сразу начнет оказывать влияние на будущие отношения между противостоящими группами. По мнению ученого, стратегии, направленные на ликвидацию конфликтов между группами, нереалистичны.¹² Однако, подчеркивает этот автор, необходимо трансформировать эти конфликты, переводить их в русло цивилизованной состязательности, т.е. осуществлять национальную политику. Следовательно, Абхазии необходимо работать над формулированием своей национальной политики. Пока эта работа еще не началась.

Исходя из накопленного мирового опыта межэтнических конфликтов, можно утверждать, что необходимо тщательно наблюдать,

---

¹² См. Мартен Тео Янс. Теория и опыт регулирования этнонациональных конфликтов. Сб. Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998, стр. 205.

анализировать и реагировать на все, что имеет прямое или косвенное отношение к межэтническим отношениям. Самое плохое, что можно сделать в условиях этнического и культурного многообразия – это ничего не делать.

Особенно серьезным испытанием для межэтнических отношений может стать процесс перехода к демократии. Переход стран, отличающихся этнокультурным разнообразием, от тоталитаризма к демократии почти всегда сопровождается появлением целого ряда проблем. С. Хантингтон указывает на то, что недемократические режимы могут эффективно управлять многонациональными странами, в то время как процесс демократизации и функционирования демократий может усложнить отношения между этническими, религиозными и другими группами общества. Мировая практика предлагает нам немало вполне конкретных примеров того, как это происходит в обществах, разделенных по этнокультурному или религиозному признаку – в Югославии, ряде бывших советских республик и других странах. Осознание того, что демократические преобразования в условиях этнокультурного многообразия таят в себе немало угроз, может подтолкнуть руководство стран, сталкивающихся с такими проблемами, к авторитарному стилю правления, в надежде избежать ослабления единства своей страны или дестабилизации. Однако это не решает проблему достижения долгосрочной стабильности, поскольку подавляемые и сдерживаемые трения и конфликты рано или поздно все равно вырвутся на поверхность, что может привести к гораздо более разрушительным последствиям. На самом деле существуют возможности избежать конфликтов и найти ниши для каждой из этнических общин. Тем более, что в мире есть немало примеров демократических мультиэтнических и мультикультурных стран. Но для того, чтобы выработать и сформулировать национальную политику, общество должно сначала ответить на вопрос: каким хотелось бы оно видеть государство, в котором ему предстоит жить.

Что касается Абхазии, пока, как видно, ни у правящей элиты, ни у общества в целом нет четкого видения пути, по которому пойдет процесс развития межэтнических отношений. Поскольку Конституция Республики Абхазия 1994 г. содержит пункт о том, что носителем суверенитета и единственным источником власти является на-

род Абхазии, рано или поздно возникнет необходимость дать ясный и четкий ответ на вопрос: кто подразумевается под термином «народ». Во всяком случае, можно согласиться с автором одной из публикаций, считающим, что в Абхазии на сегодня есть государство, но нет единого понятия народа, наполненного реальным содержанием.¹³

Надо признать, что этот вопрос неизбежно встает в процессе строительства любого демократического государства. Насколько в случае Абхазии понятие «народ», т.е. «демос» идентично понятию «этнос»? Из этого вопроса логически вытекает следующий: что означает для Абхазии понятие «демократия» или иначе – «народовластие»? Будет ли это правление всего народа Абхазии или только одного (или нескольких) этносов? Вопрос этот совершенно не праздный, поскольку, как правило, в реальной жизни понятия «демос» и «этнос» почти нигде не совпадают.

Конституция Республики Абхазия 1994 г. не делает никаких различий по национальному признаку, следовательно, можно сказать, что в понятие «народ» включаются все граждане Абхазии, независимо от их этнической принадлежности. Согласно ст. 12 Конституции РА, «все равны перед законом и судом независимо от расы, национальности, пола, языка, происхождения». Правда, в некотором противоречии с этим положением находится пункт о выборах президента, согласно которому президентом РА может стать только этический абхаз, что *уже* позволяет говорить о неких особых правах абхазского народа. В период избирательной кампании по выборам президента в 1999 г. этот вопрос дискутировался как в официальной, так и в независимой прессе, причем несколько участников обсуждения – депутаты парламента различных национальностей – выразили некоторое недовольство этим положением Конституции, но серьезного развития эта дискуссия не получила.

Важно учесть, что, согласно Конституции, абхазскому языку принадлежит статус государственного, и автор этих строк принадлежит к числу тех депутатов Парламента Абхазии, которые в 1994 г. решительно настаивали на необходимости такого решения, поскольку были твердо убеждены, что без государственного статуса абхазский язык

---

¹³ Н. Венедиктова. О положении национальных меньшинств в Абхазии. Нужная газета, 10.01.00.

не сможет выстоять в конкурентной борьбе с более сильными языками соседних народов, и в первую очередь – с русским и грузинским. Такая мера представляется вполне оправданной, поскольку абхазский язык на протяжении десятилетий подвергался сильному давлению, а в известный период был вообще запрещен. Да и сама малочисленность абхазов делает абхазский язык весьма уязвимым. Думаю, мало кому придет в голову отрицать, что возрождение абхазского языка является важнейшей задачей Республики Абхазия. Возможно, придание абхазскому языку статуса государственного и может быть расценено кем-то как идущее вразрез с принципом равенства всех этнических общин, однако признание русского языка в качестве официального должно демонстрировать приверженность политике культурного плюрализма. Как указывает Э. Янн, требование национальной государственности в высшей степени современно, поскольку ни один язык, как и ни одна культура, не имеет шансов на выживание без надежной государственно-территориальной защиты.¹⁴

Что же касается языков других этнических групп, то ст. 6 Конституции Республики Абхазия гласит: «Государство гарантирует всем этническим группам, проживающим в Абхазии, их право на свободное использование родного языка», хотя, надо признать, что данный принцип должен получить свое дальнейшее развитие и специальную законодательную базу.

Конечно, государственная поддержка любого языка требует значительных материальных и финансовых затрат, что в послевоенной стране с полуразрушенной экономикой представляется непосильной задачей. На сегодняшний день в Абхазии действуют абхазские, русские и армянские школы, а в ряде населенных пунктов Гальского района – и грузинские. В то же время столь важная проблема, как расширение сферы применения государственного, т.е. абхазского языка и внедрение дифференцированных программ обучения ему иных этнических групп, наталкивается на множество проблем, в основном, вытекающих из отсутствия достаточных финансовых средств и продуманной тактики. Совершенно очевидно, что преподавание государственного языка имеет решающее значение для судьбы абхазского этноса.

---

¹⁴ Э. Янн. Национализм, он же патриотизм. Стр. 30.

Подтверждением существования некоторых противоречащих друг другу принципов в подходах к межэтническим отношениям может служить полемика статья председателя Национальной комиссии по правам человека Вахтанга Хагба, являющаяся откликом на доклад Надежды Венедиктовой «О положении национальных меньшинств в Абхазии». Хотя статья В. Хагба и озаглавлена «По пути интеграции или особой защиты прав?», в ней не содержится ответа на содержащийся в заголовке вопрос, хотя надо признать, это вопрос принципиальный.

Автор данной публикации резко возражает против того, чтобы причислять абхазов к национальным меньшинствам Абхазии, поскольку, по его мнению, это лишает абхазский этнос права на самоопределение. Тут необходимо отметить, что общепризнанного определения этнического меньшинства пока не существует. Иногда во главу угла ставят количественные характеристики, однако вряд ли это оправданно. Что же касается абхазов, то, на мой взгляд, вполне приемлемой является точка зрения В. Чирикба, который отмечает, что, даже являясь меньшинством, абхазы представляют собой «народ» и как таковой имеют право на самоопределение (включая также и внешнее самоопределение).¹⁵

Вообще-то, довольно характерно, что и представители русской и армянской общин Абхазии довольно негативно относятся к попыткам причислить их группу к меньшинствам. Возможно, это – одно из проявлений рецидива советской эпохи, когда объем прав и политический статус того или иного народа напрямую зависел от его численности, что делало невыгодным, а то и бесперспективным оказаться в статусе меньшинства. Кстати, подобные настроения заставляют ученых все чаще использовать по отношению к этническим группам, живущим за пределами территории своей исторической родины, термин «диаспора».

Некоторое противоречие можно усмотреть в следующем пассаже из публикации В. Хагба. Вначале он вполне справедливо отмечает, что «этногенез этого (абхазского – *Н.А.*) народа совершался на данной территории, которая является его исторической родиной и на которой он является коренным народом». Из этого он заключает: «У абхазов в Абхазии отдельный, отличный от других этнических

---

¹⁵ В. Чирикба. Грузия и Абхазия. Предложения к конституционной модели. Сб. Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. М., 1999, стр. 426.

групп населения статус, и с этим никто не спорит». А далее этот же автор приходит к выводу, что не должно быть никаких особых прав как у абхазов, так и у национальных меньшинств.¹⁶ На наш взгляд, в этих двух утверждениях все-таки содержится некоторое противоречие и, возможно, следует более глубоко проработать данный вопрос: могут ли абхазы, не имеющие другого «национального дома», кроме Абхазии, претендовать на какие-то особые права и, в случае положительного ответа – в чем они заключаются? В любом случае, все это должно быть четко сформулировано, поскольку любые двусмысленные заявления, недомолвки могут таить в себе гораздо большую угрозу, чем открытое признание каких-то особых прав. Выше уже говорилось о зафиксированных в Конституции нормах по отношению к языкам различных этнических общин. Однако при всей чувствительности и важности данного аспекта, недостаточно проводить политику языкового плюрализма. Необходимо также создавать механизмы, которые позволят представителям всех этнических групп занимать соответствующее место в системе управления. Для этого существуют различные модели, и необходимо найти наиболее приемлемую для Абхазии. На мой взгляд, такая модель должна отвечать двум требованиям: 1) не акцентировать внимание на этнической идентичности в ущерб другим идентичностям, другим ценностям; 2) обеспечивать и демонстрировать как языковой, культурный и конфессиональный плюрализм, так и присутствие во власти представителей нетитульных наций. Можно отметить, что в этой сфере в Абхазии были неплохие наработки в 20-х – первой половине 30-х годов. Состав органов власти в первое десятилетие отражал демографический состав населения республики. Как пишет один из современников, «Нестор Лакоба правильно проводил национальную политику в Абхазии. В период его деятельности в СНК Абхазии его заместителями были греки, армяне, мингрельцы. Но после «лакобовского процесса» в 1937 г. со стороны Берия стала проводиться такая политика, что армянин, русский, грек не могли найти работу в Абхазии».¹⁷ В то же время нельзя не отметить, что русской и армянской общинам Аб-

---

¹⁶ В. Хагба. По пути интеграции или особой защиты прав? «Нужная газета» (Сухум).

¹⁷ Ст. Лакоба. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990, сс. 130-131.

хазии присущ определенный общественно-политический инфантилизм, сформировавшийся не сегодня, а десятилетия назад. Поскольку ни русские, ни армяне не принадлежали к титульным нациям, перспективы сделать карьеру в Абхазии были для них не слишком велики, поэтому наиболее способные и амбициозные представители армянской и русской молодежи чаще всего вынуждены были выезжать за пределы Абхазии. Это, возможно, способствовало тому, что у данных этнических групп сформировался несколько отстраненный взгляд на происходящее в общественно-политической жизни республики. Однако глубоко ошибочная национальная политика грузинского руководства в конце 80-х – начале 90-х годов способствовала этнической мобилизации буквально всех этнических групп. Тогда абхазское руководство и абхазская интеллигенция сумели противопоставить волне шовинизма, захлестнувшей грузинское общество, некие общие ценности, что обеспечило абхамам поддержку подавляющего большинства негрузинского населения. Сегодня ситуация изменилась, население в основном занято борьбой за выживание, и это никоим образом не способствует включению в общественно-политическую жизнь. В этой связи представляет интерес статья молодого журналиста Микаэла Нерсесяна «Межнациональные отношения: реальность и перспективы». М. Нерсесян, в частности, считает необходимым избавиться от своеобразного «комплекса неполноценности», которым отягощены многие представители национальных меньшинств, и предлагает некоторые шаги, которые могли бы способствовать улучшению ситуации в этой сфере¹⁸

Надо признать, что в обществе нарастает понимание того, что межэтнические отношения нуждаются в регулировании и им надо уделять постоянное внимание. Так, Л. Лакербая (ныне депутат Парламента РА) выражает озабоченность тем, что сегодня во властных структурах мало представителей нетитульных этносов и отмечает, что необходимо сделать все, чтобы каждый человек, считающий эту землю своей Родиной, чувствовал себя полноценным гражданином Абхазии, равным в правах и обязанностях вне зависимости от своей национальности.¹⁹

---

¹⁸ М. Нерсесян. Сб. Перспективы. Сухум, 1999.

¹⁹ «Леонид Лакербая встретился с избирателями». Нужная газета, 27 марта 2000 г.

Процесс осмысления ситуации в сфере межнациональных отношений часто бывает связан с дискуссиями о роли и функциях абхазского языка. В частности, известный абхазский писатель Дж. Ахуба посвятил несколько своих публикаций теме патриотизма и шовинизма. Он предостерегает от повторения трагических уроков Грузии времен правления З. Гамсахурдиа, когда общество оказалось разделенным на «хозяев» и «гостей», на «хороших» и «плохих» грузин, причем в разряд плохих причисляли всех тех, кто не проявлял достаточного патриотического рвения.

В ходе уже упоминавшейся выше довольно острой дискуссии вокруг положения меньшинств в Абхазии отмечалось отсутствие целенаправленной национальной политики со стороны государства. Как писала та же Н. Венедиктова в своей газетной публикации, в республике сосуществуют несколько национальных групп, которые на уровне единой территории проживания и общих экономических тягот, а также общего советского прошлого вроде как бы и считают себя народом Абхазии, но на тонком духовном уровне это понятие не реализуется.²⁰

Вопрос. – Кого она имеет в виду?

Нателла Акаба. – Имеются в виду русские, армянские, греческие общины, грузинские, все общины – каждая как бы в своей скорлупе. Пока не предложены какие-то общие ценности, которые могли бы их объединить на духовном уровне. Хотя это не означает, что они не объединены на каком-то другом уровне. Видимо, необходимо выработать некую общегражданскую идею, которая объединила бы все национальные общины.

Хорошо известно, что в условиях этнокультурного или конфессионального разнообразия любой внутренний конфликт (будь то социально-экономический или политический) обретает особую остроту. В послевоенной Абхазии с ее полуразрушенной экономикой резко возрос уровень безработицы, что, в свою очередь, привело к значительному росту преступности, особенно среди молодежи. Как отмечает А. Лепсая в своей статье «Ситуация в Абхазии как модель замкнутого общества при наличии внешнего конфликта», традиционно прочные у абхазов кровнородственные связи, взаимопомощь и заступничество со стороны фамилии или рода – все это до некоторой

---

²⁰ Н. Венедиктова, там же.

степени компенсирует для этнических абхазов недостаток защиты со стороны государственных структур. Другие же этнические группы чувствуют себя более незащищенными, что может генерировать кризисные ситуации. В этой связи весьма характерна ситуация в армянском селе Аракич, широко освещавшаяся в печати. Пассивность правоохранительных органов и слабость местной власти создали критическую ситуацию, когда межэтническая напряженность возросла. Вмешательство депутатов парламента и острые выступления в печати заставили власти предпринять решительные действия. Задержание преступников позволило стабилизировать ситуацию. И этот случай вновь подтвердил, что в полиэтническом обществе любой внутренний конфликт, какие факторы его бы не спровоцировали, неизбежно обретает этнический оттенок.

Либеральная демократия, основанная на жесткой конкуренции и свободе без границ, ставит нетитульные или слабые группы в положение «вечного» или «замороженного» меньшинства. Основанная на принципе правления большинства, эта форма демократии создает правовую базу для исключения меньшинства из процесса принятия решений. Это чревато опасными последствиями для внутривнутриполитической стабильности государства, поскольку вопрос меньшинств теснейшим образом связан с вопросом легитимности власти вообще. Следовательно, прагматичная государственная национальная политика должна обеспечить сбалансированное соучастие всех национальных общин во власти, что позволит обеспечить им равный социальный статус в обществе. Это – тот путь, который шаг за шагом будет способствовать замене лояльности к своей этнической группе на общегражданскую лояльность.

Я еще раз говорю, что это просто плод моих раздумий и, может быть, каких-то дискуссий, очень пока несмелых. Но я думаю, что, если будет такая возможность, можно было бы провести небольшое социологическое исследование или, по крайней мере, как-то попытаться изучить общественное мнение. Так что прошу меня судить не слишком строго.

Гоги Гвахариа. – Меня интересует реакция западных специалистов по правам человека: согласны ли они с теорией титульной нации, можете ли вы назвать такой аналог в мире, в какойнибудь

стране? Это первый вопрос. Второй – почти такой же. Можете ли вы назвать аналог в конституциях других стран того, что президент должен быть этническим абхазом?

Нателла Акаба. – Я не знаю ничего о реакции западных специалистов, но знаю, что этот термин, «титульная нация», довольно распространен и существовал в Советском Союзе. Мы пока еще не можем сказать, что за семь лет перешли в какую-то абсолютно новую реальность. Я употребляю тот термин, который пока еще на слуху у всех жителей постсоветского пространства. Можно применять и другие термины – «государствообразующий» и т.д., но я использовала этот термин в виде цитаты, потому что так это было названо в той дискуссии, которая шла на страницах прессы. А в отношении аналогии, да? Ну вообще-то, вы знаете, что касается национального вопроса, тут существует такое огромное разнообразие подходов.

Я предлагаю термин «государствообразующий», если он вас больше устраивает. Грузия тоже строит национальное государство, мы это прекрасно знаем. А движущей силой при строительстве национального государства является национализм. Национализм – это движение, процесс строительства национального государства.

Реплика. – Не все так считают.

Нателла. – Вы так не считаете, но, тем не менее, другие грузины так считают и совершенно этого не стесняются, это нормально. Еще о президенте. Я скажу так, я сама была депутатом, я воспринимала это как временную меру. Нужно учесть, когда это принималось – в 1994 году. Абхазия послевоенная, проблема непризнанности, проблема возвращения беженцев – это все, наверно, как бы желание укрепить позиции абхазского этноса. Я воспринимаю это как временную меру и надеюсь, что это не навсегда... Есть ли это где-нибудь еще? Когда мы обсуждали эту статью, покойный Зураб Ачба был одним из сторонников этого принципа. Абхазия – не исключение. Насколько я знаю, такое положение зафиксировано в Финляндии, Германии, Израиле и ряде других государств, вполне демократических.

Багал Кобахия. – Ваши вопросы?

Лаша Бакрадзе. – Нету в Германии такого, точно нет. Могу поклясться на немецкой конституции, что нет. Да, это очень дискутируется в немецком обществе, но вы знаете, что в Германии очень много

неэтнических немцев, которые получают немецкие паспорта, их тоже считают немцами. Тот, кто имеет паспорт, имеет и все права. Правда, паспорт получить труднее, чем во Франции, но это другое дело.

Вячеслав Чирикба. – В Германии это есть, и только немец по крови может стать президентом.

Лаша Бакрадзе. – Это, в принципе, ничего не меняет, просто интересно. Меня очень интересует: какой процент нацменьшинств сейчас в абхазском парламенте и какие посты в правительстве занимают неабхазы?

Нателла Акаба. – Около 35% в парламенте принадлежит депутатам неабхазской национальности. В правительстве министр социальной защиты – осетин.

Реплика. – Заместители министров есть.

Нателла Акаба. – Да, на уровне замминистров. Но я, например, считаю, что этого недостаточно.

Реплика. – Есть также председатели госкомитетов.

Нателла Акаба. – Да. Но если уж на то пошло, давайте мы признаем, что в Грузии положение тоже не лучше, а, скорее, хуже. Это общая проблема, скажем так.

Лаша Бакрадзе. – Я спрашивал не потому, чтобы поставить вас в угол!

Гоги Гвахария. – У нас в конституции не написано, что президентом Грузии должен быть только грузин, но это не значит, что на практике негрузин может стать президентом Грузии.

Батал Кобахия. – Ну ладно, не ругайте своих вы тоже сейчас, чтобы нам понравиться.

Нателла Акаба. – Будем считать, что это болезни роста.

Батал Кобахия. – У кого еще вопросы? Или комментарии – уже можно. Слава, ты хотел?

Вячеслав Чирикба. – Какова, по вашему мнению, динамика внутри этнических групп в Абхазии, динамика развития взаимоотношений? Видите ли вы возможность конфликтных ситуаций? Если они будут, то какие есть механизмы, чтобы снять эту проблему? Я имею в виду прежде всего какие-то балансирующие механизмы, чтобы на таком знаковом, символическом уровне все общины были представлены в органах власти. В частности, армяне, грузины, греки.

Миша Мирзиашвили. – Можно? У меня вопрос в продолжение к этому. Являетесь ли вы сторонницей квотирования?

Нателла Акаба. – Динамика связана с динамикой общей ситуации в республике. Это социальные трудности, это неурегулированность грузино-абхазской проблемы. Я уже сказала о фрустрации. В общем-то, это действительно общество, которое пребывает в состоянии фрустрации, и не по этническому принципу, а вообще. И, естественно, на таком фоне могут возникать такие конфликтные ситуации, особенно это связано с проблемой преступности. Многие слышали о ситуации в селе Аракич, когда слабость правоохранительных органов и их неспособность как-то воздействовать своевременно на ситуацию привели к тому, что армяне почувствовали себя незащищенными, что могло создать почву для межэтнических трений. Как только ситуация была разрешена, положение нормализовалось. Я думаю, что очень опасна вот эта криминогенная ситуация, она может очень существенно подорвать этот процесс. Иногда со стороны некоторых депутатов и других деятелей приходится слышать такое: пусть сами себя защищают. Я считаю, что это просто безответственно.

Реплика. – Зачем тогда государство?

Нателла Акаба. – Да, зачем тогда государство? И если каждая община начнет сама себя защищать, мы можем себе представить, к чему это приведет. Так что, мне кажется, это вопрос слабости власти, особенно, правоохранительных органов, и, конечно, эта ситуация опасна. Я вижу так, это мое субъективное мнение. Иногда говорят, может быть надо создавать какие-то общественно-политические организации армян, русских? Это, по-моему, совершенно ошибочный путь. Наверно, должны существовать национальные какие-то группы, общины. Они у нас и существуют. Есть армянская, есть даже две русских. Но они, наверно, должны решать только сугубо культурные, языковые какие-то проблемы, как раз которые у нас более-менее решаются. Но если говорить о большей вовлеченности этих различных этнических групп в процесс принятия решений на разных уровнях, наверно, нужно просто думать о развитии демократического процесса. Если будут сильные партии, общественно-политические движения не по национальному признаку, а по принципу политических интересов, вот тогда и можно будет добиваться представи-

тельства более или менее сбалансированного. Что касается русских общин, они в самом уязвимом положении, потому что русские нигде не проживают компактно на территории Абхазии. И вот если так просто проводить выборы, ни один русский может не попасть в парламент или в местные органы власти.

Наверно, система квот все-таки на каком-то этапе нужна, чтобы эти люди почувствовали себя более защищенными. Сегодня, надо признать, и сами представители этнических общин признают, что страдают каким-то политическим инфантилизмом. Я помню, сразу после окончания войны мы даже искали армян и русских, которых можно было бы предложить на какие-то правительственные посты, но никто из них не захотел, потому что сегодня, скажем правду, не очень престижно быть министром, потому что зарплаты маленькие и никаких таких привилегий, которые раньше были, это не дает. Так что, нет такого большого желания с их стороны идти во власть. Но в то же время все равно это рождает, наверно, определенное чувство неуверенности у данной этнической группы. Так что, я думаю, что система квот, наверно, все-таки на каком-то этапе будет нужна.

Нодар Сарджвеладзе. – В общем, как сами сказали вначале – поиски вопросов. Вы как-то говорили, что нет среди этнических групп такой группы, которая бы представляла абсолютное большинство. Эта какая-то сбалансированность в какой-то мере, наверно, помогает, но в связи с этим у меня возник вопрос – вы не связываете этнические проблемы с проблемами беженцев, которые, хотите не хотите, все же это стоят и всегда будут стоять, пока мы имеем конфликтную ситуацию и этот вопрос неразрешен.

Нателла Акаба. – Во-первых, я хочу сказать, что и грузинская община – наверно, вы ее имеете в виду – не составляла никогда абсолютного большинства: накануне войны около 46 процентов, так что это тоже своего рода меньшинство.

Нодар Сарджвеладзе. – Я не связываю с большинством, я просто вспомнил об этом.

Нателла Акаба. – Понятно. Конечно, это совершенно очевидно, что пока не будет выработана какая-то модель взаимоотношений, проблема возвращения беженцев не найдет своего решения, до решения этой проблемы очень трудно вообще представить себе про-

цесс возвращения беженцев. В какую Абхазию они возвращаются, как они видят свое место в этой Абхазии? Эта уже не та Абхазия, которая была раньше. Той Абхазии уже никогда не будет.

Батал Кобахия. – Спасибо. Кто еще хотел бы? Алхас...

Алхас Тхагушев. – Не кажется ли вам, что одним из основных, я бы даже, может быть, сказал, основным тормозом в решении этих проблем является непризнанность Абхазии, неопределенность ее политического статуса? Слишком большая концентрация внимания (я не имею в виду сейчас только абхазское общество) на каких-то внешних факторах? Т.е. нам очень трудно взглянуть внутрь себя, мы всегда смотрим – я имею в виду и официальные власти, и неправительственный уровень – на то, какая будет реакция извне – реакция грузинской политической элиты, международных организаций, или ООН, или России и т.д. Не тормозит ли это процесс внутренней дискуссии? Нужно обсуждение, с чего все это начинается.

Нателла Акаба. – Я думаю, что это абсолютно так. Я об этом упоминала – может быть, недостаточно акцентировала, но я считаю, что это главное препятствие: когда любое заявление, любая дискуссия могут быть использованы против Абхазии, которая и так постоянно подвергается политическому и иному давлению. Я и говорила, что желание не навредить и не подорвать шансы Абхазии на признание во многом, конечно, заставляет общество быть более закрытым. Нодар говорил, что есть тенденция к большей закрытости. Это все очень хорошо объясняется тем, что мы живем в условиях неурегулированного конфликта и непризнанного государства. Абхазия никогда не была закрытым обществом, а наоборот, всегда была совершенно открытой, этому способствовало и ее географическое положение. Я не верю в закрытую Абхазию, но сегодня это реальность, хотя и не по нашей вине.

Алхас Тхагушев. – Оправдано ли такие опасения или все-таки преувеличены?

Нателла Акаба. – Думаю, что это немножко завышенные опасения, потому что все равно информация идет, все равно все, что происходит в Абхазии, известно, почти ничего невозможно скрыть. Нам надо отказаться от этого стереотипа. Если мы будем честны перед собой, перед своим обществом, то только выиграем, и мировое сообщество нас поймет.

Аслан Гуажба. – Вы говорите об этнических группах в Абхазии, о беженцах... Я хочу, чтобы мы коснулись немножко другого вопроса, вопроса прошлого века. Потому что я знаю, что свыше трехсот тысяч этнических абхазов раскидано в пределах Ближнего Востока. Эти люди по сей день не имеют статуса беженца, хотя они самые настоящие изгнанники. Это так называемая черкесская проблема.

Нателла Акаба. – Я думаю, мой ответ ясен. Конечно, я считаю, что они имеют полное право на возвращение, но мы должны создать условия для такого возвращения.

Батал Кобахия. – Мне показалось, что сегодня реально во власти очень мало представителей других национальностей, и это увязывается с тем, что трудно было найти кого-то и т.д. В ситуации, если представители других народов захотят напрямую прийти к власти, претендовать на власть, на ресурсы, возможен ли конфликт между абхазами и другими этносами, проживающими сегодня в Абхазии?

Нателла Акаба. – Я не совсем поняла, что значит прийти к власти. Это значит – отстранить абхазов и самим?..

Батал Кобахия. – Нет, но участвовать в принятии решений более активно.

Нателла Акаба. – Я считаю, что это разделение по национальному признаку неправомерно. Мы должны прийти к тому, чтобы во власть пришли наиболее профессионально подготовленные, грамотные люди, а главное, считающие Абхазию своей родиной и желающие видеть ее полноценным государством. Должно настать время, когда национальность не будет играть решающей роли.

Батал Кобахия. – Тогда другой вопрос. В случае положительно-го решения проблемы беженцев, они все возвращаются, все баллотироваться, все попадают во власть и все находятся у власти. Большинство грузинского населения в руководстве – как такая ситуация отразится на других?

Нателла Акаба. – Конечно, это больше всего волнует абхазское общество. Думаю, что абхазы никогда не согласятся опять стать меньшинством на своей родной земле. Поэтому нужно найти какую-то формулу или модель – пока не знаю что, если бы знала, то претендовала бы на статус миротворца. Считаю, что абхазский этнос и абхазский язык должны быть защищены. Сегодня в той Грузии, которую я

знаю, я не вижу никакого механизма защиты. Пусть хоть трижды абхазский язык будет государственным языком Грузии, мы все понимаем, что он никогда не будет конкурентоспособным, в силу численного превосходства грузинского этноса. Значит, мы должны думать о том, что абхазы не хотят раствориться в грузинском этносе и, по моему, грузины должны это прекрасно понимать и не осуждать.

Михаил Чачхунашвили. – Вы сказали, что абхазы никогда не согласятся на то, чтобы оказаться этническим меньшинством на своей территории. Недавно мы обсуждали вопросы возвращения беженцев, и там было сказано, что могут вернуться все, кроме тех, кто принимал участие в войне. Как вы думаете, не связано ли это между собой? Т.е. то, что будет запрещено вернуться боевикам, принимавшим участие в войне, не связано ли с тем, что абхазы не хотят стать меньшинством на своей территории? Не это ли является ведущей причиной, когда мы говорим о том, что те, кто воевали, не могут вернуться? Не будет ли так, что если боевиков окажется мало, придется искать другие причины, чтобы не все могли вернуться?

Нателла Акаба. – Этот вопрос, скорее, из области нравственности. Я согласна с тем, что все, кто совершил преступления, должны быть, конечно, судимы абхазским судом, кто бы то не был. Но давайте будем реалистами – Грузия сегодня ни за что не признает юрисдикцию того абхазского суда, который будет их судить. Мы же прекрасно понимаем, что нужно различать то, что мы говорим о сегодняшнем дне и о возможности сегодняшнего возвращения беженцев, и то, что будет когда-то, когда будет найдена какая-то формула – может быть, вы что-то такое предложите абхазам, что они радостно побегут вам навстречу. Мне кажется, это все гипотетические представления...

Гоги Гвахария. – А если Грузия сама осудит своих боевиков?

Нателла Акаба. – Это немножко не отвечает теме моего выступления. Может быть, мы потом об этом поговорим? Пусть осудят, я не против...

Тата Майсурадзе. – Вы говорили о защите абхазского языка, о том, что такие программы недостаточно финансируются и слабо развиваются, и в то же время русский до сих пор у вас официальный язык. Не считаете ли вы, что это является каким-то регрессом в развитии абхазского языка?

Нателла Акаба. – Нет, не считаю. Хочу сказать, во-первых, что в Абхазии и до войны, до распада Советского Союза, было три государственных языка: грузинский, абхазский и русский. Так что, это не регресс. Может быть, для кого-то регресс, что грузинский теперь не является государственным, но я считаю, что это отвечает сегодняшним реалиям. Потому что все мы прекрасно знаем, что неабхазское население не владеет абхазским языком, и было бы странным, если бы мы пытались за один или два года обучить их ему. Кроме того, будем откровенны: абхазы всегда на протяжении последнего времени, после революции, приобщались к мировой культуре через русский язык.

Тага Майсурадзе. – Будет ли аннулирован русский язык, или он опять останется официальным, и на каком языке производится документация?

Нателла Акаба. – Сегодня идет процесс перехода на абхазское делопроизводство. Есть соответствующее решение на уровне Президента. Но это очень трудно реализовать. Думаю, мои коллеги со мной согласятся, что, в идеале, в Абхазии все должны говорить на абхазском языке и совершенно не обязательно, чтобы русский язык был официальным. Официальным и государственным должен быть абхазский язык. Для меня это совершенно однозначно. Если мы сможем этого достичь, то сможем сказать, что достигли своей главной цели.

Георгий Анчабадзе. – Я шесть лет, с 1992 по 1998 г., не был в Абхазии, и когда приехал, мне бросилось в глаза, что употребление абхазского языка, сфера его употребления, сильно расширились по сравнению с предыдущим периодом.

Аслан Гуажба. – Я не случайно задал вопрос о черкесской проблеме. Потому что, когда говорят «беженцы», это нынешнее, но в прошлом веке шла страшная, ожесточенная война, и, насколько я знаю, семь областей Абхазии – подчеркиваю: семь – были полностью изгнаны. Это называется черкесской проблемой, которая очень остро стоит: есть большое желание людей вернуться на свои исконные земли, но проблема будет остро стоять, пока существует мир, если как-то не разрешится.

Теперь к вопросу. Да, понятно, беженцы. Я тоже родился в Туркмении, но отечество у меня абхазское. Люди, родившиеся за рубе-

жом, третье, четвертое, пятое поколения, считают себя этническими абхазами. Что с ними делать?

Реплика. – Пусть возвращаются.

Паата Закарейшвили. – Почему они не возвращаются?

Аслан Гуажба. – Блокада.

Батал Кобахия. – Два года назад Парламент Республики Абхазия впервые принял постановление о насильственной депортации абхазского населения из Абхазии в конце XIX в. и другое постановление – о необходимости признания потомков махаджиров, насильственно перемещенных лиц, репатриантами. Этот риторический вопрос должен быть обращен не к кому-то, а к нашим властям, потому что, если абхазы сами не заявят этого и не будут требовать, чтобы их признали, другие могут просто не вспомнить. Я не помню ситуации, случая, чтобы какой-то из народов, который был депортирован, признали депортированным, если сами представители этого этноса не ставили данную проблему в течение длительных лет. Мы, к сожалению, сделали это только два года назад.

Лаша Бакрадзе. – Я не ставлю вопрос, я говорю, что никто этому не мешает. Я прекрасно знаю, что абхазы не хотят быть меньшинством в Абхазии и потому очень хотят, чтобы приехали абхазы из Турции или из Ближнего Востока. Никто против этого не выступает. Проблема в том, что они, наверно, сами не хотят приехать в Абхазию.

Аслан Гуажба. – Вопрос стоит очень остро – они хотят вернуться.

Лаша Бакрадзе. – Мы же, грузины, не мешаем этому, и не можем помешать, даже если бы хотели. Как мы можем мешать?

Батал Кобахия. – Это очень интересно: т.е. грузины не мешают и хотят, чтобы абхазы вернулись?

Лаша Бакрадзе. – Да.

Нателла Акаба. – Честно говоря, я вижу в этом что-то немножко неискреннее, когда грузины говорят, что хотят, чтобы вернулись абхазы. Не надо спрашивать, кто мешает. Я скажу кто. Мешают Грузия и Россия, которые держат блокаду в отношении Абхазии. Не только из Турции абхазы не приезжают, многие абхазы вынуждены из Абхазии уезжать – сегодня, вчера и т.д. Так же как, кстати, люди других национальностей. Давайте будем искренними и честными хотя бы здесь, и не будем делать такие заявления. Если Грузия действительно хочет,

чтобы абхазы вернулись, пусть она об этом хоть один раз заявит. И даже не на уровне Шеварднадзе, а заявите вы, группа неправительственных организаций. Заявите, что абхазы имеют право на возвращение на свою родину. Я вас уверяю, абхазы будут вам очень благодарны.

Михаил Мирзиашвили. – Я хочу затронуть тему блокады. Вы знаете, что в Грузии есть люди, которым блокада не нравится, и это обоснованная позиция. Хочу уточнить для себя, спросив у вас: эта блокада касается и тех абхазов, которые были изгнаны и хотят вернуться? По-моему, не касается. Я объясню почему: блокада для меня, по общепринятому определению, это то, что касается экономических отношений. А перемещение людей – это другая проблема, проблема того же паспорта на границе.

Нателла Акаба. – На мой взгляд, здесь два аспекта. Во-первых, это неурегулированность, неопределенность статуса Абхазии и непризнанность паспортов Абхазии, в определенной мере, отсутствие правил выдачи виз – конечно, все это усложняет. Каким образом люди могут возвращаться в Абхазию, в каком качестве, как они будут пересекать границу? Россия, конечно, не жаждет, чтобы они возвращались, а возвращаться они могут только через российскую границу, как вы понимаете.

Пола Гарб. – Хочу добавить один момент: пересечь Псоу с иностранным паспортом ни в ту, ни в другую сторону не может никто. Ни абхаз турецкого происхождения, ни американец американского происхождения не может попасть в Абхазию через границу на Псоу.

Нателла Акаба. – Второй аспект – это экономический. В Абхазии массовая безработица, работают единичные предприятия, хотя бы потому, что невозможно завозить сырье и вывозить готовую продукцию – все это связано с такими поборами на границе, что всякий бизнес теряет смысл, и есть только определенная группа лиц (очень небольшая), которая совершенно спокойно пересекает эту границу и в том, и в другом направлении, а простые, рядовые люди не имеют возможности сегодня заниматься коммерцией. Что мы можем предложить этим турецким абхазам? Они приезжают в Абхазию с большими сложностями, но не могут себя прокормить, так каким тогда образом мы можем их уговаривать остаться? Они же видят, что нет работы, нет совершенно никаких реальных средств к существованию.

Рейчел Клогг. – Хочу на минутку вернуться к вопросу о языке. Вы сказали, что хотите, чтобы абхазский язык стал официальным. Может быть, это обостряет напряжение между этническими общинами, в том числе и отношения с возвращающимися из диаспоры?

Нателла Акаба. – Если сегодня попытаться навязать короткие сроки, это, конечно, обязательно обострит. И я категорически против этого. Это должен быть длительный процесс. Надо начинать с преподавания абхазского языка крошечным детям, начиная с детского сада. Этот процесс растянется на годы, но я мечтаю, чтобы вся Абхазия говорила на абхазском языке. Мне кажется, это никого не ущемляет. Пусть, например, армяне говорят и обучают детей на своем языке, но мне бы хотелось, чтобы все знали абхазский язык настолько, чтобы на нем общаться.

Ираклий Сургуладзе. – Напомню, мы говорили о том, будут ли грузины рады возвращению потомков махаджиров. Будут рады или нет, я не могу сказать, потому что этот вопрос не стоял. Но что наша пресса в свое время очень сильно боролась против мохаджирства, это я наверняка знаю.

Нателла Акаба. – Хочу немножко проинформировать насчет того, будут ли рады грузины. Я сталкивалась с этим, когда работала до войны в Народном форуме «Айдгылара», и помню, что тогда удалось вернуть несколько семей. Один абхаз из Турции женился на местной абхазке, и все радовались. Было несколько подобных случаев, и для нас это было очень обнадеживающим фактом. Помню, как грузинское население страшно негативно это все воспринимало. Когда началась война, появились слухи, что абхазы заселяют Абхазию сирийцами, турками... На самом деле это были не сирийцы и турки, а абхазы из тех стран. Но реакция была ужасной и носила преувеличенный характер, как будто бы происходило массовое заселение. И сейчас мы видим в грузинской прессе, что такие господа, как Надарейшвили, любят подогревать настроение беженцев тем, что говорят о заселении сирийцев, турок и т.д. Этого со счетов мы не можем сбросить. Я не говорю, что такое настроение господствует в грузинском обществе, но спекуляция на этом тоже ведется.

Батал Кобахия. – Нателла, надо сказать, что тогда возвращение тех абхазов, потомков махаджиров, не было законным, это было в

случаях, когда кто-то женился и пр. Фактически – нелегальный заезд. Это нельзя называть моментом репатриации.

Алхас Тхагушев. – Мне доводилось встречаться с грузинскими беженцами, не в массовом, а в частном порядке, с теми, кого я знал, кто жил в Абхазии, бывшими афонскими людьми, вынужденными уехать. Я не скажу, что у всех этих людей есть возможность и у многих есть желание вернуться. Это большая проблема. Если будет признание того, что Грузия, на официальном или неофициальном уровне, согласна с тем, что абхазы-махаджиры могут и имеют право вернуться на свою историческую родину, для нас это было бы очень важно...

Лаша Бакрадзе. – Абхазы тоже должны согласиться, чтобы грузины вернулись. Потому что грузины боятся, что в их дома заселят тех, приезжих... Эта блокада не только вас касается, но и нас. Я очень хочу поехать в Сухуми, но тоже не могу.

Гоги Гвахария. – Нателла, у меня к вам прямолинейный вопрос, который мучит меня уже третий день. Какой вы видите сегодняшнюю Абхазию, если бы не грузино-абхазская война?

Акаба Нателла – Вижу ее процветающей в экономическом смысле. Лучше, чем сейчас Грузия, и Грузия была бы лучше, чем сейчас, если бы не было этой войны. Я думаю, что если бы грузинские политики того времени оказались бы большими реалистами и прагматиками, меньшими демагогами, то не исключено, что мы с вами нашли бы формулу сосуществования, потому что я сама была среди депутатов того парламента, который собирался 14 августа 1992 г. обсуждать проект договора. Фактически это была федерация. Но тогда Грузия не была к ней готова. А сегодня к этому не готова Абхазия.

Паата Закарейшвили. – Я хочу сказать насчет депортации. Я занимаюсь на правовом уровне вопросами депортации и репатриации месхетинского населения. Мне кажется, что возвращение к тем, кто покинули в XIX в. Абхазию, это больше пропагандистский трюк, потому что *на правовом уровне* в Абхазии ничего не делается, чтобы их вернуть. Мы, например, уже шестой месяц пишем всевозможные нормативные акты о том, как вернуть месхетинцев в Грузию. Там тысячи разных нормативных моментов. Где и какие заявления они сдают, проблемы собственности, проблемы гражданства – тысячи, тысячи проблем возникли, как только мы начали об этом думать. И мы стали про-

писывать все в соответствии с международными конвенциями. Если Грузия вдруг снимет блокаду, вы не готовы принимать махаджиров, ничего не сделано, они упадут как снег на голову. Мне кажется, что, кроме заявлений, не делается ничего. Я-то могу сказать, и в прессе всегда говорю, что мы не против, потому что считаем, что каждый человек должен вернуться туда и жить там, где его родина (где, он считает, его родина). У меня нет никакой агрессии, наоборот, я был бы рад, если бы люди могли реализовать все это. Но очень часто бывает, что это просто разговоры, потому что никаких механизмов для их приема нет. Я советовал бы вам уже сейчас начать думать об их возвращении: есть очень много мелких юридических моментов, которые потом будут им мешать, и их возвращение отложится еще на годы.

Нателла Акаба. – Совершенно справедливо. Кое-что делается, но я тоже считаю, что очень мало: парламент принял постановление, создан специальный орган, который этим занимается, какую-то работу они проводят...

Ираклий Сургуладзе. – Аналогичный случай был у нас с возвращением ферейданских грузин: 150 тысяч когда-то приняли. Ничего хорошего из этого не вышло, потому что люди стали совсем другими, наши образы жизни слишком разошлись. У них существует легенда о родине, но когда люди соприкасаются с этой родиной, они уже не могут там жить.

Миша Мирзиашвили. – Нателла, вы затронули вопрос об искренности – насколько искренне хотят грузины, чтобы потомки махаджиров вернулись. Честно говоря, я не могу сказать, что днем и ночью об этом думаю. Тем более, пока есть проблема беженцев, по моему, не стоит ожидать от грузин, чтобы они все время заявляли о махаджирах и об их возвращении. Я не думаю, что грузины должны быть против возвращения махаджиров после урегулирования проблемы беженцев. А сейчас грузины боятся – особенно сейчас, потому что сейчас это может быть предлогом, чтобы сказать: вот, их изгнали, а мы их вернули – а вернули их на ваши места, потому что они были изгнаны раньше вас, их ведь двести лет назад выгнали. Я хочу быть искренним, потому что это говорю.

Марина Барццц. – На самом деле мне нравится искренность Миши. После Кавказской войны целенаправленно очищенные от

абхазов территории заселялись не только грузинами, но и эстонцами, армянами... И перед войной, когда возник вопрос о репатриации, я помню, как в Цабале армяне нервничали, что будут возвращаться хозяева. Конечно, это нормальная ситуация. Вы говорили, что они приедут на ваши места, а может быть, они (репатрианты) так не считают? Вторая часть проблемы – каково им здесь будет. Безусловно, у любой диаспоры есть проблема адаптации. Например, армяне, живущие в Абхазии, если поедут в Ереван, и даже абхазы, которые сто лет живут, допустим, в Москве, или японцы, которые возвращаются в Японию, прожив в Америке десятки лет... Это обычная проблема адаптации, и государства должны разрабатывать механизмы их возвращения. Я согласна с Паатой: действительно, у нас есть государственные структуры, которые плохо работают, в том числе и из-за экономических проблем.

Манана Гургулия. – Был очень интересный доклад о межэтнических отношениях. Мне кажется, что межэтническая напряженность в Абхазии все-таки есть. «Кокасус линкс», кстати, проводил небольшой «круглый стол» по поводу национальных меньшинств, и присутствовавшие там армяне стали очень сильно открещиваться от характеристики их как национального меньшинства, признавая тот факт, что в какой-то степени их права в чем-то ущемляются или нарушаются. Мне кажется, под этим стоит больше социально-экономическая база. И те социально-экономические сложности, которые существуют в Абхазии, приобретают некую национальную окраску, когда речь касается взаимоотношений и взаимодействий между национальными группами. Это один момент. И второй момент, касающийся репатриантов и того, что делается сегодня в Абхазии. Безусловно, делается мало, но делается мало не только в отношении собственно репатриантов, но и самих абхазов. Здесь есть одно «но». Какие бы правовые документы ни разрабатывались и ни прорабатывались сегодня в Абхазии, они все повисают в воздухе без решения проблемы политического статуса и какого-то признания Абхазии. Они оказываются документами внутреннего пользования. Собственно, как и проблема паспорта. Абхазам очень часто с удивлением задают вопрос об отсутствии внутреннего паспорта. На что мы отвечаем: а что мы будем с ним делать? Мы потратим на него много денег, будем

иметь красивую бумажку и будем показывать ее друг другу, не более того. Приблизительно та же ситуация и с репатриантами, хотя есть Комиссия по гражданству, есть Закон о гражданстве в Абхазии, опять-таки никем не признанный, кроме абхазов, и по которому приезжающие репатрианты автоматически получают абхазское гражданство, более того, признается двойное гражданство для репатриантов – этнических абхазов. Мне кажется, что самая сложная проблема – это проблема той изоляции, в которой находится Абхазия. Я не верю, что, как только изоляция будет снята, к нам хлынет поток репатриантов, их сразу станет много и они займут все дома грузинских беженцев, но это будет очень серьезным стимулом, по крайней мере, для активизации экономической деятельности. К примеру, до тех пор, пока не была закрыта морская граница Абхазии, была торговля, уровень жизни был несколько выше. Людям было намного проще посылать три абхазских суденышка в Турцию и что-то там закупать. Просто привозить непосредственно из Турции было дешевле. Люди имели работу, в том числе и репатрианты. Они покупали недвижимость и занимались малым бизнесом. Это было положительным фактором и для них, и для абхазов. Адаптационный период необходим, человек должен привыкнуть, должен почувствовать, что сможет здесь жить, иметь свое дело. Но изоляция, в которой мы сейчас находимся, очень сильно усложняет процесс репатриации.

Батал Кобахия. – Возможно ли заниматься проблемой репатриации в том виде, в каком они хотят? Конечно, я понимаю сочувствие Миши и Пааты, они хорошие люди, но дело в том, что хорошие люди, как правило, не делают политику, тут нужны законы. Даже если мы примем закон о репатриации, что, в общем, у нас уже, скажем, есть, есть комитет по репатриации, есть программа по реадaptации, реинтеграции возвращающихся, но они плохо работают не потому, что абхазы не готовы принять репатриантов или те неготовы, есть психологические проблемы совместимости, данный процесс должен быть урегулирован на уровне международных норм и стандартов. Вы прекрасно знаете, что все ранее депортированные народы признаны в рамках Женевских соглашений послевоенного периода (имеется в виду мировая война). Исключение составляют, пожалуй, только армяне, которые признаны депортированными в связи с геноцидом. Я

тоже часто ставил вопрос, могут ли абхазы-махаджиры попасть под эту категорию – ранее депортированных? Ответ: нет, это было слишком давно. Тогда через 70 лет мы тоже сможем сказать, что грузины уже давно как «изгнаны», так зачем же их возвращать. Т.е. нельзя уповать на время, потому что проблема как таковая существовала и существует. Проблема не в том, мешают грузины или не мешают: вы не можете помешать этому процессу. А в том, что у нас нет механизма возвращения. Для того, чтобы репатриировать какую-то часть населения, должно быть не только желание абхазов, даже если будет ваше сочувствие и желание. Это невозможно, если не будет целой программы, которую поддержат международные организации, фонды. Я общаюсь с теми грузинами, которые, может быть, не выражают точку зрения всей Грузии, но очень хотят, чтобы турки-мехетинцы вернулись. И сорок лет уже как хотят. По этому поводу есть и решения, и Женевские, и международные стандарты, выделено безумное количество денег, в Грузии специально создан фонд, но вернулись, насколько я знаю, около трехсот человек. И сегодня есть несколько очень мощных неправительственных организаций, которые представляют проблемы турок-мехетинцев, но есть еще и турки-мехетинцы, у которых проблема возвращения откладывается на неопределенные сроки. Тут ведь не только желание Грузии. Грузия хочет, но не может, тут целая система механизмов, которые надо урегулировать.

Ираклий Сургуладзе. – Простите, но я не всегда понимаю: когда вы говорите, вы шутите или нет?

Батал Кобахия. – Нет, я серьезно говорю: это не зависит от вашего или нашего желания.

Ираклий Сургуладзе. – Я не понял, что значит: все сделано законно, но почему-то они не приезжают?

Батал Кобахия. – Я говорю, что Грузия вынесла решение о том, что турки-мехетинцы могут вернуться, и выделены деньги, средства, ресурсы, но, тем не менее, этот процесс очень сложный, и процесс возвращения затягивается. А что касается потомков махаджиров, то вопрос об их репатриации еще не существует. Это мы с вами знаем о насильственной депортации абхазов в конце XIX века. А в международном праве нет понятия об абхазах как о насильственно

перемещенных. Потому что мы не признаны и как государство, и как народ, а не потому, что мы не ставили вопрос. Хотя в прошлом у нас и не было таких возможностей. Вы знаете, что в период после махаджирства мы были в колониальной зависимости от России, абхазы были повинным населением и не могли говорить о своих правах. А потом нам сразу повезло с коммунистами, с перманентными изменениями статусов, и тогда мы тем более не могли заявлять о своих правах. Желание возвращения было, но на обсуждение на государственном уровне данный вопрос не выносился. И только последние 7 лет мы можем обсуждать этот вопрос, но решить сами не можем. Мы не можем сказать, чтобы люди вернулись и жили. Нужны деньги, ресурсы, программы. Должно быть решение не только Абхазии. Они проезжают несколько границ, поэтому должно быть межгосударственное решение. Т.е. это международный уровень. Конечно, мы можем говорить о своем сочувствии или несочувствии, но проблема остается. Правильный взгляд на данную проблему важен, кстати, и при осмысливании ситуации и с грузинскими беженцами. Когда грузины ставят вопрос беженцев, почему общественное мнение в Абхазии не воспринимает его в той степени, в которой я бы хотел, чтобы воспринимали? Действительно, они имеют право на возвращение, но не могут абхазы верить в то, что они имеют право на возвращение, и допустить это возвращение, когда такое же право на возвращение не дано потомкам махаджиров. Степень доверия сразу нарушается. Это первое. Второе, как уже говорила Марина, бывает так, что одних выселят, других заселят. Действительно, есть понятие собственности, когда человек двадцать лет живет на одном месте. Греки тоже были насильственно выселены из Абхазии, и их дома в течение одной ночи были заселены грузинами. Но когда через несколько лет они вернулись, им не были возвращены эти дома. Т.е. такие моменты наслаиваются, они как паутина, это очень сложно. Мы можем хотеть вернуть их и вместе с вами сегодня принять решение об их возвращении, но я лично просто боюсь и за них, и за тех, к кому они возвращаются. Что может произойти? Другое дело, если б это решали мы, но ведь это не только от нас зависит.

Нодар Сарджвеладзе. – Очень интересная была дискуссия, но я для себя подчеркнул очень интересную вещь. Во-первых, очень час-

то, когда речь идет о возвращении грузинских беженцев, тут же параллельно всплывает вопрос о репатриации махаджиров или месхетинцев. Я сталкивался с этой ситуацией уже неоднократно. Для себя я это объясняю с позиции обыкновенного феномена. Это страх. Мы живем в обществе страха. Например, Нателла говорила, что абхазы боятся, что грузинские беженцы вернутся и станут большинством, а Миша говорил о том, что грузины будут бояться, что вернутся махаджиры, а люди в этот момент решают вопросы возвращения и т.д., и вопросы, конечно, не решаются. Вот что я хотел подчеркнуть для себя как такой важный момент.

Далила Пилия. – В качестве дополнения хотела бы сказать, что сегодня, когда говорят о возвращении грузинских беженцев, обижаются очень многие абхазы, русские, греки, армяне, евреи, которые тоже были вынуждены выехать во время войны. О них никто не говорит, у них не осталось ничего, точно так же, как у грузинских беженцев, у них все уничтожено. И они оскорбляются, почему их никто не вспоминает, почему речь идет только о грузинских беженцах.

Батал Кобахия. – Как человек, который хочет демократического государства, просто напомню, что это немножко разные категории беженцев. Евреи, армяне, русские – да, были беженцами во время войны, вынужденно перемещенными в связи с боевыми действиями. У них нет проблем с возвращением. Сегодня они имеют право вернуться. Но не могут, потому что им это сложно экономически. Для грузинских же беженцев эта проблема существует не в связи с тем, что нет домов: здесь проблема безопасности, политическая проблема. Те со временем стали экономическими мигрантами, а грузинские беженцы пока еще не имеют ни возможности, ни права возвратиться.

Олег Дамения. – Доклад, который я предлагаю вашему вниманию, называется «**Абхазо-грузинский конфликт: проблемы и перспективы урегулирования**». (Полный текст доклада см. на стр. 324)

Урегулирование я понимаю как процесс. Этот доклад – продолжение предыдущего, с которым я выступал в Конобееве, но не завершение, а лишь какая-то часть той схемы процесса урегулирования, который я пытаюсь на каком-то концептуальном уровне осмыслить. Я хотел бы очень коротко изложить суть того доклада. Суть его сво-

дилась к тому, что конфликт, о котором здесь идет речь, довольно неплохо описывается известной схемой, общепринятой в разных науках. Актуальность разработки этой проблематики, на наш взгляд, обосновывается тем, что переговорный процесс уже пять лет как вступил в тупик не только на высшем уровне – эти наши разговоры, наше общение с вами, тоже показывают, что не только на высшем уровне не так-то просто найти хотя бы теоретический выход из того тупика, в котором мы с вами продолжаем пребывать. Но думаю, что когда возникают такие тупики, по всей вероятности, целесообразно переформулировать задачу или расширить рамки мыслительного поля, чтобы можно было где-то высветить какую-то перспективу, что я и сделал в докладе. Но данный доклад посвящается проблеме раскрытия истоков конфликта. Одна из причин образовавшегося тупика на переговорном процессе, на мой взгляд, как раз в том, что на высшем уровне политики и разные наблюдатели пытаются найти оптимальную форму урегулирования на базе каких-то политических правил игры, что оказалось невозможным. Значит, необходимо осмыслить причину этого конфликта, а также его истоки (я их не смешиваю – истоки и причины.), или, как в конфликтологии в соответствующей литературе пишут, показать актеров этого сценария. В данном случае я, естественно, абстрагируюсь от того, чтобы осмыслить и представить вам мысленный образ – духовный, социальный, культурный или исторический – Грузии и грузинского народа, надеюсь, что мои коллеги сделают это лучше. Я это намеренно не делаю (что, естественно, является слабым местом моего доклада), чтобы не было никакого субъективизма. (Было бы, конечно, хорошо, если бы я нашел какого-то грузинского соавтора, который бы работал параллельно со мной в этом направлении.) Но я позволил себе сделать это в отношении Абхазии и абхазского народа. Итак, любой этнос, любой народ представляет собой определенную социальную систему. Эта общность людей формируется в процессе совместной деятельности по жизнеобеспечению. Жизнеобеспечение – это, прежде всего, поддержание своего существования, то есть адаптация к определенной естественной среде и ее преобразование. Ибо мы с вами знаем, что если на уровне биологических объектов идет, главным образом, адаптация к естественной среде, то на уровне социальной формы жизни

происходят и адаптация к среде, и ее преобразование. Что чрезвычайно важно, данная территория – это как бы экологическая ниша, которая содержит в себе те жизненно необходимые ресурсы, благодаря которым обеспечивается существование данной общности, в нашем случае, скажем, этнической общности, или этноса, или народа. Здесь можно и нужно использовать такое понятие, как «этнический гомеостаз», к которому, в конечном итоге, стремится этнос. Каковы смыслообразующие компоненты его существования? Это поддержание своей жизни, производство жизни, ее воспроизводство, и обеспечение внешней безопасности. Других функций, других конечных целей, социальная общность как нечто органическое не преследует. Это самое главное, что просматривается на уровне любой социальной общности и, более того, даже и на уровне любых сообществ особей. Это, естественно, позволяет нам в конечном итоге определить те цели и задачи, которые преследует любой народ, любой этнос, любая социальная общность в процессе своей жизнедеятельности.

Я пытаюсь также анализировать понятия «абхазы» и «Абхазия». На мой взгляд, это важно, потому что в понимании феномена «Абхазия» и «абхазы» существуют две полярные концепции, просматривающиеся и здесь, то есть в наших рассуждениях на этой встрече: одни понимают Абхазию как часть Грузии, другие же понимают ее как самостоятельное этно-культурное или культурно-историческое образование. При этом я хотел бы сказать, что и те и другие, если взять, скажем, уровень науки, в общем, ссылаются на одни и те же источники. Скажем, грузинские лингвисты, фольклористы, историки, этнологи и т.д., которые считают, что Абхазия – часть Грузии, по существу, не приводят каких-либо других источников, которые не приводят представители противоположной концепции. Фактически материал один тот же. У Абхазии не может быть двух историй. Одна история, одна реальность. Двух и более реальностей не бывает ни у грузин, ни у абхазов. Реальность одна и та же. Вот эта реальность осмысливается, я еще раз повторяю, по-разному. И в конечном итоге имеем две полярные концепции, друг друга исключаящие. Результаты, которые мы с вами пожинаем, кстати. И как это получается? Я пытаюсь осмыслить, но я, к сожалению, не могу изложить всего. В конечном итоге, я усматриваю, что все зависит от тех исходных акси-

ом, которыми мы пользуемся и которые мы зачастую принимаем априори на веру. А важно, на мой взгляд, *осмыслить* вообще те аксиомы, которые лежат в основе нашего рассуждения и мыслительного процесса, важно их критически переосмыслить.

Что такое Абхазия? Я пытаюсь объяснить непротиворечиво. «Абхазия» – это этноним, название местности, определенного географического ландшафта. Как правило, название местности дает тот или иной народ. Причем, это название местности – Абхазия – на протяжении всей обозримой истории одно и то же, с некоторыми модификациями. Других каких-то названий, топонимов, для этой территории мы не знаем. Название, естественно, идет от самоназвания народа, этноса, как и у картвелов, французов, русских и т.д. Для формирования этноса или любой социальной общности необходимы два компонента, без которых этноса нет – это самоназвание и название местности. Если этих компонентов нет, то говорить об этносе или той или иной социальной общности на уровне этноса не приходится. Ибо от самоназвания и формируется самосознание этноса. Если нет самоназвания, то не формируется и самосознание. Отсюда и формируется название той или иной местности, которая осваивается данным этносом. Кроме того, я хочу сказать, что этносы формируются во взаимодействии. Мы, абхазы, выделяем из окружающего мира себя. Вот это – они. Они для себя являются «мы». Для них мы являемся «они». А это зона взаимодействия. Если нет взаимодействия, процесс образования различных этносов не происходит. В процессе взаимодействия формируются различные этносы. Они выделяют себя из окружающего социального мира. Выделяя себя из окружающего мира, они формируют свою территорию, границы своего этнокультурного бытования. А формирование этих границ означает превращение природной среды и жизненных ресурсов в свою собственность. Это не мои изобретения, это то, что говорит социальная наука, то есть та среда, те жизненные ресурсы, которыми обладает данная экологическая ниша, превращаются в собственность данного народа, и защита этих границ – это, по существу, обеспечение безопасности данного этноса. Это тем более важно, что некоторые авторы, которые пишут о грузино-абхазском конфликте, усматривают различные причины и различные истоки, а я думаю, что истоки в конечном итоге сводятся к тем жизненным ресурсам, которыми обладают эти этносы.

В истории человечества мы с вами усматриваем закон неравномерного развития. Этносы могут быть равноценными и равносильными, но благодаря действию этого закона одни этносы могут развиваться быстрее, одни этносы могут расширяться пространственно, и, естественно, вот эта зона взаимодействия – это та самая зона, благодаря которой эти этносы существуют. Они могут взаимно дополнять друг друга и этим обеспечивать свою самодостаточность. Ни один этнос не может быть самодостаточным изолированно от этого контекста. Самодостаточным этнос может быть только во взаимодействии и в контексте этого взаимодействия. Эта зона взаимодействия – источник развития каждого этноса, но эта же зона взаимодействия – источник тех конфликтов, которые мы с вами наблюдаем в истории человечества.

Думаю, что именно жизненные ресурсы, которыми эти этносы обладают, одновременно являются источником существования этих этносов и в то же время – источником того конфликта, с которым мы с вами имеем дело.

Мы можем по-разному объяснять грузино-абхазский конфликт. Грузия одним образом мотивирует, почему она направила свои войска в Абхазию, абхазы могут мотивировать свои действия, свое противостояние, по-другому. На уровне общественного сознания, на уровне обыденного или еще какого-то высшего уровня сознания это по-разному осмысливается, по-разному оценивается, но, в конечном итоге, грузины в Абхазии каких-либо иных целей преследовать не могут, да и абхазы не могут преследовать иных целей, кроме как *сохранения себя*, а это означает — сохранения за собой тех ресурсов, которыми Абхазия располагает в Абхазии.

Вот, если очень коротко (может быть, не совсем корректно), я и изложил суть этого доклада. В конечном итоге мой доклад сводится к этому. Исходя из этого, я продолжаю дальше осмысливать национальные интересы абхазов. Вот мы вчера говорили, и нам было трудно найти какие-то точки соприкосновения. Я думаю, что если мы, абхазская и грузинская стороны, сможем осмыслить это с точки зрения каких-то фундаментальных проблем бытия и Абхазии, и Грузии, тогда мы можем найти точки соприкосновения в том плане, что ни Абхазия, ни Грузия самодостаточными быть сегодня не могут, т.е.

скажем мы, абхазский народ, народ Абхазии, должен для обеспечения своей жизнедеятельности искать какие-то ресурсы вне себя. Это может быть в сфере экономики, это может быть в сфере социальной жизни, в сфере образования, культуры, духовной жизни и т.д. – мы должны общаться и откуда-то питать и удовлетворять свои естественные потребности. И потому, я еще раз повторяю, мы должны искать пути урегулирования как раз в сфере формулирования этих национальных интересов и в каком направлении они будут трансформироваться, эти интересы.

Я намеренно употребляю термин «урегулирование», потому что этот термин немножко отличается от «трансформации». Я мыслю так, что в процессе этого урегулирования должен принимать участие коллективный, социальный субъект, не только политические структуры. Ведь чрезвычайно важно, в каком направлении будет происходить развитие, или эволюция, или трансформация национальных интересов. Насколько развитие наших национальных интересов будет вписываться в общекавказский контекст, а через обще кавказский контекст – и в мировой контекст.

Вот что, примерно, излагается в данном докладе. Я решил изложить это так, чтобы, если у вас будут вопросы, там я более подробно попытаюсь ответить. Спасибо за внимание.

Паата Закарейшвили. – Спасибо большое. Спасибо за интересный доклад и за то, что очень хорошо уложились во времени. Сейчас, пожалуйста, вопросы.

Арда Инал-Ипа. – Мне хотелось бы знать, как вот такой подход помогает в процессе урегулирования и в чем ценность этого подхода – дает ли он какие-то импульсы урегулированию, которое сейчас в тупике?

Олег Дамения. – Спасибо. Я вижу преимущество академического подхода в том, что ни грузинскому, ни абхазскому обществам не будет навязана какая-то схема от правящих политических структур. Преимущество академического подхода я вижу и в том, что необходимо раскрыть, какова историческая эволюция двух этих обществ и насколько возможно осмыслить и совместить их интересы. В какой правовой и политической форме это будет делаться, не входит в рамки моих задач. Важно осмыслить, понять и сбалансировать вот эти

национальные интересы Грузии и Абхазии. Насколько это возможно фундаментально осмыслить. Во всяком случае, любое политическое решение будет перспективно в том случае, если оно опирается на какие-то базовые моменты. А сегодня мне кажется, что те или иные решения, которые могут быть приняты – они не имеют под собой какой-либо такой теоретической базы. Наша задача в выполнении данного проекта, я так себе представляю, насколько это возможно, подготовить такую почву, такую базу.

Далила Пилиа. – К сожалению, из советской действительности мы знаем прекрасно, что теория и действительность, которая вершилась политическими кругами, были совершенно разными. Те теоретические разработки, которые вы делаете и которые делают грузинские исследователи... Кто-то из политических кругов, которые решают нашу судьбу, обращается ли к этим вашим научным изысканиям, к результатам этих работ? Ими кто-нибудь пользуется?

Олег Дамения. – Я хотел бы сказать, что, к великому сожалению, на постсоветском пространстве эти старые родимые пятна в наше время еще чувствуются. Не всякое общество готово использовать те или иные теоретические данные в своей практической деятельности. В этом США сегодня впереди. И те достижения и успехи, которыми они обладают, объясняются тем, что теоретический фундаментальный потенциал, накопленный современной наукой, в США используется гораздо лучше, чем в других обществах. Я располагаю соответствующими цифрами.

Пола Гарб. – Я не согласна. Можно я объясню, почему? Когда я разговариваю там, в Вашингтоне, с людьми, которые имеют доступ к политикам, и когда разговариваю в России с учеными, которые имеют доступ к политикам, я замечаю одно и то же чувство фрустрации. Я, конечно, не знаю, где ее больше – как ее измерить? – но суть одна. И практически я знаю одно – в Вашингтоне мне говорили: «Если напишешь политикам что-нибудь на два абзаца от имени академического мира, может быть, это имеет шанс до них дойти, но увы, вот эти наши многотомные общие рассуждения, мне кажется...»

Олег Дамения. – Я в данном случае имею в виду работы Киссинджера, Хантингтона и Фукуямы. Они приводят такие цифры, данные, они делают анализ, например, в каких странах...

Нателла Акаба. – Олег Несторович, я так поняла, что вы отдаете предпочтение именно урегулированию конфликта и не совсем сторонник трансформации конфликта, но мне кажется, что слово «урегулирование» мы часто употребляем в более широком смысле, что же касается трансформации, она предполагает перевод конфликта в иное русло. Верите ли вы в то, что возможно бесконфликтное существование грузин и абхазов в ближайшем будущем? Может быть, этот конфликт может переместиться в иную плоскость и превратиться в какой-то соревновательный, в таком здоровом плане? Нельзя ли все-таки ставить своей целью именно трансформацию конфликта? Потому что урегулирование – это всегда что-то на бумаге и чего не бывает в реальной жизни.

Олег Дамения. – В том смысле, в каком я употребляю «урегулирование», принципиальной разницы между этими двумя понятиями я не вижу. Для меня урегулирование – не бумажный вариант и не разовый акт, а исторический процесс, протекающий во времени. Поскольку абхазское общество – это небольшое общество, да и грузинское – тоже не великое общество, где коллективный и социальный субъект, его деятельность, его участие в формировании и проведении этой политики более заметно. Скажем, вот если мы возьмем российское общество – там политическая структура более отчуждена от деятельности коллективного социального субъекта, в то время как в абхазском обществе она еще не успела дистанцироваться от жизни коллективного социального субъекта... В принципе, я не возражаю против трансформации, я пользуюсь и этим понятием тоже, а может быть, это так и лучше, но когда мы говорим о трансформации, сквозит какая-то стихийная эволюция. А вот когда мы говорим об урегулировании, здесь сквозит как раз участие каких-то субъектов в политической и социальной жизни общества. В принципе, я не вижу между ними какой-то серьезной разницы. А что касается возможности мирного и взаимозаинтересованного, бесконфликтного сосуществования – я, например, в это верю. И более того, не просто бесконфликтного, а взаимозаинтересованного и взаимодополняющего сосуществования Грузии и Абхазии. Потому что, я еще раз повторяю, на Кавказе этносы были представлены вот таким образом – ни один из этих этносов не был самодостаточным, а без самодостаточности этнос су-

ществовать не может. Самодостаточность достигалась в кавказском контексте. И мы, абхазы, не решим собственных проблем, не выходя за пределы своей границы. Не обращаясь, скажем, на восток, к грузинам, и не обращаясь к своим северным соседям, мы никакие внутренние проблемы не решим. То же самое касается и Грузии. Как бы там политическая элита не меняла свою внешнюю ориентацию – то на Север, то на Запад, но все равно Грузия вне Кавказа и кавказского контекста никакие свои проблемы тоже не решит. Хотя, может быть, она более самодостаточна, чем Абхазия, но все равно она тоже не решит своих проблем. Чем общество больше, тем больше проблем, и потому мы должны понять интересы Грузии в Абхазии, какие интересы у Грузии в Абхазии. И грузины тоже должны понять, какие у нас интересы не только в Грузии, но и на Северном Кавказе. Грузинским обществом это плохо осмысливается, это и вчера было заметно. Грузины это понимают как «абхазскую ориентацию на Север». А я понимаю, что наша ориентация на Север – это, прежде всего, Северный Кавказ. Исторически Абхазия всегда жила в контексте горского общества, горской культуры, кавказской культуры. Политики разделили Кавказ – единый этнокультурный или эко-культурный Кавказ. Политики разделили нас, чего не было в истории. Вот здесь сидят историки, и они подтвердят то, что Кавказ не был разделен.

Манана Гургулия. – Олег Несторович, чтобы говорить о перспективах урегулирования, безусловно, интересно разобраться с тем, что есть «мы», что есть «они». Эта диспозиция интересна. Но вот скажите, пожалуйста, в нескольких предложениях: что, на ваш взгляд, есть «мы» не в плане декларации того, что мы будем, – мы будем демократическое, правовое, суверенное государство, – а вот что есть «мы» на сегодняшний момент?

Олег Дамения. – Это очень важный и очень трудный вопрос. Ответить на него очень трудно. Отвечаем, как правило, чаще всего реконструируя прошлое. Так легче. О пройденном прошлом в нашей памяти более или менее четкие представления имеются. А что собою представляют текущие реалии – нам сказать трудно. Вот как только эти текущие реалии превращаются в нечто пройденное, мы начинаем понимать гораздо лучше. Вот с точки зрения текущих реалий – в них очень трудно четко описать, что собою представляет вот

это «мы». «Мы» с точки зрения теоретической науки – это прежде всего на этническом уровне способ и форма выделения данной социальной общности из окружающего мира. «Мы» – это совокупность людей, коллектив людей, которые совместно обеспечивают свою жизнедеятельность. Без этой совместности, коллективности человеческое существование невыносимо. Причем, что здесь важно? Народы, этносы не выбирают соседей. Между прочим, и люди в обществе. Люди тоже, отдельные индивиды должны вступать в контакты как бы против воли, потому что, когда я вступаю в контакт, я ограничиваю свою свободу, какую-то часть своей свободы и своих интересов, и за счет этих интересов я вступаю с вами в контакт и достигаю какой-то консенсусности. То же самое и на уровне этносов происходит. И потому, отвечая на ваш вопрос, я хочу сказать, что исторический экскурс и историческая реконструкция помогают, но полностью не могут отвечать. Пола вчера или позавчера говорила о том, что это «мы» тоже трансформируется исторически и постоянно меняется. Форма остается. Константы нашего сознания очень консервативны с точки зрения их формы существования. Эти формы существуют исторически. Те средневековые абхазы – скажем, времен Леона II или Абхазского царства – тоже считали себя абхазами, и мы с вами тоже называем себя абхазами. Но что они подразумевали и как они реализовывали это «мы» и как это делаем мы с вами – конечно, дистанция огромная.

Лаша Бакрадзе

АБХАЗИЯ 1918 ГОДА В ДОКУМЕНТАХ ГЕРМАНСКОГО МИДА

(См. также стр. 336)

Добрый день! Мыши бзия!

Я не думаю, что все время оглядываясь назад, мы сможем создать будущее. Вам может показаться, что я противоречу себе, потому что буду сегодня говорить об истории. История мне интересна как совокупность фактов, ее знание нужно, но я не хочу что-либо доказывать с помощью этих фактов. Историзм грузин и абхазов очень

мешает нашим народам, мешает смотреть вперед. Как говорил батони Олег Несторович Дамения, одни и те же факты можно интерпретировать по-разному и это не к чему не приводит. Происходит инструментализация истории и подлаживание ее в сегодняшних корыстных интересах в духе советской патриотической историографии.

Вот, например, калбатони Тамара говорила о гостях. Это всегда очень трудно понимать, ведь с грузинской стороны тоже говорят, что абхазы, например, не автохтонное население, а перешли через Кавказский хребет, скажем, в XVI в. или даже в XVII-XVIII вв. Кто же гости? Те, что пришли вчера, или те, что позавчера? И что это дает? Ничего, я думаю, это не дает. А вот батони Руслан (Аслан Гуажба) гордо сказал, что у абхазов до конца XIX века не было любовной лирики. Мне, например, это, в принципе, говорит лишь об одном – что у абхазов не было абхазского (в этническом смысле этого слова) царского двора и поэтому не было куртуазной поэзии. Был бы царский двор, был бы феодализм, была бы и куртуазная поэзия. Надо определиться, являются ли абхазы наследниками высокоразвитого феодализма в Абхазии или только родового общества.

Выводы можно разные делать. Потому и говорю, что это ни к чему, в принципе, не ведет.

Я рассказываю историю, который произошла в 1918 г., не потому, что хочу что-то доказать, а потому, что нам надо знать свою историю. Это интересная история, и было бы очень хорошо, если было бы сотрудничество между абхазскими и грузинскими историками, чтобы они смогли бы написать совместную историю. Есть какие-то вещи, которые знают только грузины, есть какие-то вещи, которые знают, может быть, только абхазы, и чтобы узнать, как и что происходило, надо, чтобы их представления как-то соответствовали друг другу. И потому очень интересно посмотреть документы третьей стороны и увидеть события ее глазами.

1918 год – это, как вы знаете, очень трудное время для всех кавказских народов, очень специфическое время, и на Кавказе тогда происходило много важных событий. Немцы были настроены в том году, можно сказать, прогрузински. Объявление независимости Грузии в значительной степени зависело от немцев, и грузины очень на них надеялись, когда объявляли независимость. В это время в Абха-

зии, как и во многих частях Кавказа, была такая сложная ситуация, реальную картину которой сегодня очень трудно восстановить. Что там реально происходило, трудно сказать. Тогда тоже, например, тбилисцы не очень представляли, что происходило в Абхазии, и там было очень много разных сил, у которых были разные интересы.

В Абхазии тогда было две тенденции. (Тут много параллелей можно провести с сегодняшними днями, но есть и большая разница.) Одна линия была очень просеверокавказская. Можно сказать, что приверженцы этой линии были к тому же настроены немного протурецки. Турция, как мусульманское государство, имела свои претензии на Северный Кавказ. Они знали, что оккупировать весь Кавказ сами они не смогут, но иметь протекторат на Северном Кавказе они могли, и Турция, поддерживая Северный Кавказ, поддерживала и противогрузинские настроения в Абхазии.

Но тогда еще было и то, чего нет сегодня – часть того же абхазского общества была настроена очень прогрузински, считала, что лучше быть с Грузией, чем с Северным Кавказом. Россия тогда, в 1918 году, не играла такой большой роли. В России после Февральской и Октябрьской революций происходили столкновения между белыми и красными – особенно на Северном Кавказе, где ситуация менялась ежемесячно, чуть ли не ежедневно, то красные приходили, то белые, и у них не было возможности серьезно влиять на Закавказье, хотя и белые, и красные этого хотели. После Февральской революции везде на Кавказе, как и по всей Российской империи, создавались так называемые национальные советы. Такой национальный совет возник в 1917 г. и в Абхазии. В этом национальном совете тоже были прогрузинская и антигрузинская фракции, и расклад сил в нем очень часто менялся. В сентябре состоялся конгресс народов Северного Кавказа, в нем принимали участие и абхазы, и они изъявили желание быть составной частью того будущего государства Северного Кавказа, которое могло тогда сформироваться. Хотя тогда еще никто не говорил о независимости, о независимости начали говорить после Октябрьской революции, а до этого все представляли себя частями, автономными частями, будущей демократической России. И вот этой демократической России не стало, и надо было переориентироваться, кто куда хочет. Все это происходило на фоне большевистских вос-

станий – в начале 1918 г. были восстания и в западной части Абхазии, и в северной части Абхазии, и в Самурзакано, и в Мегрелии. Тут, кстати, можно наблюдать очень интересные параллели. Большевики и пробольшевицкая фракция (конечно, не всех тогдашних крестьян можно назвать большевиками) под руководством Лакоба, с помощью большевиков, приехавших из Адлера и Сочи, взяли власть в Сухуми. И тогда этот национальный совет, Абхазский национальный совет, который не был большевистским, призвал военные части Закавказской Республики (тогда еще не существовало независимой Грузии, а была так называемая Закавказская Республика или Закавказская Федерация), чтобы выгнать большевиков из Сухуми. Одним из самых главных актеров тогда была так называемая Красная Гвардия меньшевиков под командованием Джугели, и она высадилась десантом в Очамчире (потому что в Самурзакано и в Мингрелии тогда тоже было большевистское восстание и они не могли идти через Мингрелию) и 18 мая взяла Сухуми, и в Сухуми возвратился Национальный совет. Примерно с этого времени Германия начинает следить за событиями в Абхазии, потому что немцы принимали участие в конференции по Кавказу, которая проходила сперва в Трапезунде. (Эта конференция длилась очень долго, и делегатов там было очень много. Была такой анекдотическая ситуация, когда один из руководителей турецкой делегации спросил кавказскую делегацию: «Вас так много, что я не могу понять – если это войска, тогда вас чересчур мало, а если это делегация, то чересчур много».) После Трапезунда конференция продолжила работу в Батуми. С этого времени, т.е. с мая месяца 1918 года, в немецких архивах появляются документы, которые касаются Абхазии. Приехали туда и представители Абхазии. Настроены они были очень протурецки, а это означает, что у них были и просеверокавказские настроения. Они до такой степени не хотели как-нибудь огорчать турок, что ни один из них, кроме одного мусульманского представителя Абхазии, с немцами даже не разговаривал, но через представителей Северного Кавказа они передали немцам какие-то декларации.

Одним из представителей Северного Кавказа был министр иностранных дел Северного Кавказа Хайдар Бамат (по-русски Баматов). Этот Баматов был настроен тоже очень антигрузински, а немцы, желая иметь сильные позиции на Кавказе, можно сказать, очень лобби-

ровали грузин и, хоть и были союзниками турок, вовсе не хотели, чтобы турецкое влияние на Кавказе возросло, и там написано очень четко, что турки хотят взять Грузию как бы в клещи, потому что они взяли уже Батуми и хотят взять еще и Абхазию. В это время, как я уже сказал, большевиков из Абхазии выгнали, но в том же мае большевики еще раз подняли восстание в Абхазии, и Национальный совет снова обратился к закавказскому правительству и попросил войска, и тогда в Абхазию пошли закавказские (они так назывались, но фактически они были грузинские) военные части под руководством генерала Мазмиева (по-грузински Мазмишвили), который не только выгнал из Абхазии большевиков, но и дошел до Туапсе. В то же время турки высадили в Абхазию десант, около 600 человек. Турки говорили, что они все абхазы, люди абхазской национальности, которые живут в Турции, то есть мухаджиры. Мазмишвили смог тогда разгромить этот первый десант, но, видя, что он один не сможет, наверное, иметь сильные позиции, он попросил – точнее, грузинское правительство, Грузинский национальный совет попросил – немцев, чтобы они тоже приняли участие в этой экспедиции. А немцы тогда стояли в Сухуми и Туапсе, но в военных действиях не участвовали – по крайней мере, официально не участвовали, как видно по документам. Немцы считали, что раз Национальный совет Абхазии попросил грузинские военные части навести порядок в Абхазии, то их присутствие там легитимно. Все это происходит в конце мая, до объявления независимости Грузии. Интересно, может быть, и то, что министром иностранных дел сперва Закавказской Республики, а потом и Грузии, был Акакий Чхенкели. Он сам был из Сухуми, и он был избран от Сухумского и Батумского округов в Четвертую Думу, а потом в учредительное собрание, тоже от Сухуми. Таким образом, он, по крайней мере в глазах немцев, тоже представлял мнение населения Абхазии.

Немцы не оказывали особенного внимания ни Хайдару Бамату, ни Симону Басария, который был тоже настроен антигрузински, потому что, как видно, в то время в Абхазском национальном совете прогрузинская часть была сильнее. 11 июня между Абхазским национальным советом и грузинским правительством было достигнуто соглашение. Это было дополнение к соглашению, которое было достигнуто в феврале 1918 г. между Абхазским национальным советом и Грузинским нацио-

нальным советом и гласило, что Абхазия имеет свою автономию и что у Абхазии должны быть свои воинские части, которые должны финансироваться и вооружаться грузинским правительством из Тбилиси. Такое состояние продолжалось и летом 1918 года.

Очень интересна еще одна деталь в этой истории, которая тоже имеет параллели с современностью. Для того, чтоб мобилизовать большие массы, огромное значение имеют экономические рычаги, об этих экономических рычагах в нашем конфликте, к сожалению, говорится нечасто. Например, я думаю, что в 70-ых годах в том, что многие абхазы заинтересовались этим вопросом – быть с Грузией или не быть с Грузией, большую роль играли цитрусы, которые они не могли свободно вывозить за пределы Грузии. В 1918 г. очень похожая ситуация была с табаком. Грузины, грузинское правительство, обещали немецкому правительству, что немцы могут скупить абхазский табак, и запретили свободную продажу этого табака, хотя его хотели купить турки. А у немцев уже кончалась война, и к тому времени, когда табак был готов, у немцев ни было ни денег, ни большого интереса его закупить, и представитель Германии в Закавказье Крессенштейнц очень часто пишет в Берлин, что абхазы настроены антигрузински и антинемецки из-за того, что не могут продать табак, когда им нужны деньги. Вот турки, например, предлагают скупить этот табак, а мы его купить все равно уже не сможем. Он пишет, что вынужден будет дать туркам добро, чтоб они скупили этот табак.

Я уже кончаю, там не очень много разных документов о той ситуации, которая была тогда в Абхазии. Сегодня я просто хотел обратить ваше внимание на некоторые пункты, а самые интересные документы я потом переведу и, может быть, опубликую. Как вы знаете, в ноябре немцы капитулировали и вынуждены были оставить Грузию, а потом в Закавказье главной силой оказались уже войска Британии, которая, конечно, имела другую политику и другие цели.

Тамара Шакрыл. – Вы считаете наиболее существенной вот эту часть истории абхазов и грузин, да? Но вы говорили, что история ничего не дает, портит дело, а сейчас вы нам историю 1918 г. рассказываете так обстоятельно. Нет ли здесь у вас противоречия? Почему эту часть истории вы считаете существенной, а более глубокое и древнее – никчемным? Я неправильно вас поняла?

Лаша Бакрадзе. – Просто я, работая над грузино-немецкими отношениями времен первой мировой войны, нашел вот эти документы, которые касаются Абхазии, и подумал, что вам они тоже интересны – ведь, к сожалению, об этом времени мало что известно, особенно мало было известно в Советском Союзе. Конечно, те события нечасто обсуждались в советской истории, а если обсуждались, то очень тенденциозно. И, к сожалению, патриотическая историография до сих пор жива и в Грузии, и в Абхазии, это советская еще традиция. Эта патриотическая историография ничего не дает.

Арслан Гуажба. – Это очень интересная тема, 1918 год. Спасибо за доклад. Дело в том, что когда Мазмиев высадился (это всем известно), за его спиной стояли немцы (это тоже очень известно), дальше они дошли до Туапсе (это тоже всё известно), потом высадился десант абхазских махаджиров, он был дважды, два раза, я это все хорошо знаю. Потом уже в эти дела вмешался Деникин (было обращение Абхазского народного совета к Деникину, у Деникина служило очень много абхазских офицеров), и фактически граница снова дошла до Гагр. Потом, все в том же 1918 г., Симон Басария, Хайдар Бамат и т.д. побывали в Батуми. Два или три года назад в Махачкале вышла книга по Горской Республике, вот там тоже очень много материалов, как раз связанных с Германией и с Турцией. Вы говорите «большевики». Насколько я знаю, в 1918 г. в Абхазии было два большевика. Лакоба никогда не был большевиком. Он не признавал компартию. По крайней мере, так говорят абхазы. Просто дело в том, что в 1918 г. вот это движение было использовано для того, чтоб добиться независимости. Это не абхазская интерпретация, я это знаю из жизни, потому что на Кодоре стоял мой отец, мой дядя стоял, они никакие коммунисты не были, они боролись за Абхазию. Лакоба никогда не был коммунистом, но формально он был коммунистом. Я просто хотел бы, чтоб вы глубже посмотрели вот на этот вопрос. Мое пожелание, когда вы со всех сторон подойдете к вопросу, тогда он будет более выпуклым, более объемным, и мы с удовольствием, с большим вниманием воспримем его.

О куртуазной лирике. Я вот сейчас вспомнил, есть, правда, почти единственная публикация на абхазском языке – есть ода в честь абхазского царя Феодосия, на абхазском языке, которая сохранилась, прошла через столетия, очень большая ода, есть еще несколько вари-

антов... Просто дело в том, что быт у абхазов был настолько военизирован, что последние 450 лет, я извиняюсь, было не до любви.

Вячеслав Чирикба. – У меня небольшие комментарии. Во-первых, тема, конечно, захватывающая, хотя это столько лет между разрушением Российской империи и большевистской империи. Просто потрясающе, и параллели, которые возникают после развала Советского Союза, просто удивительные. История идет как бы по кругам, по спирали – участники другие, но мотивы, цели, позиции очень похожи, действительно. Поэтому очень интересно послушать доклад, и очень интересно, что германские источники, документы МИДа Германии, не были известны, не были опубликованы. В Абхазии они, конечно, были неизвестны, неизвестны и сейчас, и я очень рад, что вы их нашли. Есть еще недавние публикации МИДа Великобритании, Анита Бердет написала книгу, и там огромный материал, и там и Деникин, и лорд Керзон. Вы рассказали о немецком этапе оккупации, или немецко-турецком. Но эта тема, конечно, шире – потом были англичане, потом были французы, итальянцы и т.п. И все вертелось вокруг бакинской нефти, как и сейчас, очень интересная аналогия. Но вот такие маленькие замечания: для научного анализа я бы не употреблял, говоря о позициях сторон, термины «прогрузинские» или «антигрузинские», для научного анализа это, мне кажется, недостаточно. Во-первых, почему они были прогрузинские и антигрузинские? Абхазский национализм зародился в это время. До этого не было абхазского национализма, то есть до этого он был антирусским, по военным причинам, потом он стал антигрузинским. Это было время зарождения абхазского национализма, и очень интересно понять, почему? Сначала Абхазский народный совет спорил, быть нам с Грузией, или быть нам с Россией, или там с Северным Кавказом. Почему он спорил? Сейчас этих споров нет. Ситуация изменилась. Почему? Интересно понять состав национальных советов. Во-первых, их было несколько, были параллельные. Это все очень сложная картина, не такая простая, как может показаться. Верхушка, часть верхушки, была грузинизирована. Варлам Шервашидзе, который был главой этой части, был, видимо, самурзаканский дворянин. Эта часть была прогрузинской, то есть это была их родная культура. Другая часть было более оригинально абхазской, связанной с народом – Аш-

хацава и Басария, и конечно, она была более просеверокавказской, как если бы это были симпатии абхазского общества, а не только части верхушки, это тоже очень интересный момент. Это было не анти-грузинское крыло, потому что не было тогда абхазского национализма, оно было просто просеверокавказское, что не означало про- или антигрузинское – просто был элемент выбора, с кем нам быть, но там не было «анти» или «про». И второе замечание. Я очень много занимаюсь этими вещами, просто как наблюдатель, и интересно, когда историю низводят до фарса, до анекдота, и конечно, интересно написать работу на тему о роли мандаринов в абхазском национальном движении, а теперь оказывается, новая тема возникла: о роли табака в абхазском национальном движении. Вот интересно эту тему разработать и показать, что, как сказал Маркс, в основе всего лежит экономика. Вот нам не дают продавать, а те, кто не дает – они, значит, плохие. И возникает национализм. Для меня это более фарс, чем реальная история. Нельзя как-то сводить экономические интересы к фарсу. Я призываю вас, поскольку вы этим занимаетесь, изучить не только немецкие материалы, которые тоже были предвзятые. Во-первых, немецкий крейсер стоял в сухумской бухте и бомбардировал Сухум, то есть как они могли не участвовать, если они бомбили Сухум? Участвовали. Позиция Деникина тоже очень интересна, и позиция Англии. У лорда Керзона там были свои идеи насчет Абхазии и Грузии. В библиотеке Британского музея и в Foreign Office, как это называется?.. Там есть огромный архив лорда Керзона, и он считал, что Абхазия должна быть независимым, буферным, нейтральным государством между Турцией, Россией, и Грузией. То есть все было не так однозначно, как это явствует из немецких источников. То есть нужно привлечь все источники – российские, турецкие, которые, кстати, нам вообще неизвестны. А доклад очень интересный.

Лаша Бакрадзе. – Я не работаю по Абхазии, я работаю над грузино-немецкими отношениями. Очень важно изучить вопрос со всех сторон, и очень важно, чтобы вот в таких вещах принимали участие грузинские и абхазские историки, как я вначале сказал, потому что таким образом мы, может быть, как-то приблизимся к истине, если вообще можно в истории говорить об истине. Еще такой анекдот могу рассказать. Есть такая история, что когда открыли Америку, какой-то

христианский монах приехал туда и рассказывал о Христе индейцам, и они все с большим вниманием его слушали, и он подумал: как это хорошо, они так хорошо ко мне относятся, они уже христианизировались. И когда он закончил рассказ, индейцы начали говорить о боге ветра, о боге реки, и он очень обиделся, этот монах, и говорит: «Я вам истину рассказываю, а вы мне рассказываете какие-то ваши мифы». А индейцы ему сказали: «Ты нам рассказал твою половину правды, послушай и нашу половину правды». Кстати, в 1918 г. Деникина не было, тогда на Северном Кавказе были другие силы, в этой части Северного Кавказа действовал тогда, главным образом, генерал Алексеев, которого, кстати, убили в 1918 г.

Батал Кобахия. – Слава фактически задал этот вопрос, но я просто еще раз хотел уточнить насчет «прогрузинских» и «протурецких». Там, в этих вот письменных источниках, есть какие-нибудь данные о количестве людей – насколько сильными были позиции прогрузинские, сколько было людей, или протурецкие? Я уж не говорю о мотивации. Я хочу просто сказать, что это очень интересно, но я, правда, не видел там выводов особых таких аналитических, что это все значит – просто какой-то ряд взаимоотношений. Видимо, он еще будет дорабатываться, это было бы очень интересно.

Лаша Бакрадзе. – Я не делал выводов. Просто рассказываю, как это было, выводы можете делать вы или кто-то другой, а это описание. Очень мало об этом известно. А что Слава сказал – тоже очень правильно, конечно, очень трудно сказать, какие силы там участвовали, кто поименно был за что: большая неразбериха была, и не только в Абхазии, вообще с этим неразбериха была, например, с Северокавказской Республикой – когда северокавказская делегация приехала в Трабзон и когда они были в Батуми, все время ставился вопрос, кого они представляют и представляют ли они вообще кого-нибудь. Потому что тогда большие перемены происходили на Северном Кавказе: они то сидели во Владикавказе, потом, когда большевики входили во Владикавказ, они переходили в Темирханшура, и так далее, там тоже все время все менялось... Тогда, в принципе, для абхазов очень нереально было иметь отношения с Северным Кавказом, потому что эта республика была неконсолидированной. Было, конечно, желание какие-то границы иметь, но эти границы они не могли тогда еще контролиро-

вать, и за все время существования этой республики они так и не смогли контролировать эти границы. И, наверное, те люди в Национальном совете Абхазии, которые думали: лучше сейчас оставаться с Грузией, чем, например, иметь дело с Северным Кавказом, у которого, в принципе, нет никаких сил, исходили из-за прагматических соображений, из реальных реалий. Или, например, когда турки высаживались в Абхазии, турецкое правительство отказывалось от них, и они говорили, что эти десанты не турецкого правительства. Например, когда немцы протестовали против того, что десант высадился все-таки с турецких лодок, турки говорили, что это бывшие абхазы, и так далее. Они все время отказывались от прямого участия, говорили, что этих мухаджиров пригласил, например, Шервашидзе. Там было несколько Шервашидзе. Речь идет об Александре Шервашидзе, который тогда был в Батуми, и тоже был очень протурецки настроен, а в Национальном совете было много социал-демократов, и, как видно сейчас, они выступали против этих князей и говорили, что Шервашидзе никого не представляет и не может просить у турок ничего. Немцы тоже об этом все время писали: Шервашидзе не может представлять и не представляет абхазский народ. Потому немцы считали действия грузинских войск против турецкого десанта легитимными.

Гия Анчабадзе. – Во-первых, я поддерживаю то мнение, что в такой ситуации, описывая тот период, оперировать такими понятиями, как «прогрузинский» и, особенно, «антигрузинский», не годится, потому что это как бы показывает какой-то (извините, но так получается) как бы субъективный подход к вопросу. Потому что, вот если взять личности этих деятелей, которые проявили себя таким образом, и давать им такие оценки, «прогрузинские» и «антигрузинские», то окажется, что в личностном плане они сами абсолютно не были скажем, скажем, антигрузинами. Возьмем того же самого Александра Шервашидзе, он как раз был в этом Трапезунде, и потом, когда был этот турецкий десант, как его называют, или абхазский десант (это с какой стороны посмотреть), его имение было сожжено грузинскими войсками, и т.д. Если подходить с такой точки зрения, то его можно назвать антигрузинским деятелем, но, с другой стороны, многие его деяния осмысливаются совсем иначе, и его иногда называют прогрузинским деятелем, например, когда в 1916 г. он приезжает во

главе абхазской делегация в Тифлис, его называют прогрузинским деятелем. Грузинской историографии, например, удастся в течении двух- трех лет видеть в нем то прогрузинского, то антигрузинского деятеля. Что касается антигрузинства, это абсолютно исключено. Взять хотя бы его родственные связи: мать у него была Дадиани, жена его была Тархан-Моурави, он теснейше связан с грузинским дворянством, он просто не мог быть антигрузином. В то же время я скажу, что к той части абхазской политической элиты, которая тогда, вот как мы говорим, занимала прогрузинскую позицию, я думаю, применять этот термин более допустимо, потому что он не несет какой-то негативной нагрузки, и в Абхазии тогда действительно были политики, стоявшие за союз, за единение с Грузией, вот мой дед тоже к ним относился, но и это нельзя объяснять тем, что они были грузинизированы. По своему самосознанию они тоже были прежде всего абхазы, и они считали, что для Абхазии будет так лучше, и поэтому, я думаю, на них не надо вешать такие ярлыки. Еще у меня такой вопрос: абхазские представители в Трапезунде, они входили в состав какойнибудь делегации, грузинской, то есть закавказской, или северокавказской, или представляли отдельную какую-то группу?

Лаша Бакрадзе. – В Трапезунде как таковой абхазской делегации вообще не было. В Батуми приехала часть Национального совета Абхазии. У меня есть их фамилии. Вчера мы хотели их как-нибудь расшифровать, и очень трудно было, очень плохо они транскрибированы, не все можно точно понять, что имелось в этом французском тексте. Эту часть я называл протурецкой, должны же быть какие-то условные названия, иначе невозможно ни о чем говорить. Раз они говорили, что не хотят быть с Грузией, я их называю (может быть, нехорошо) настроенными антигрузински, но скажем так: они были не на грузинской стороне. Просто я не знаю, как иначе это называть – если вы мне предложите, я с удовольствием послушаю. «Не на грузинской стороне», можно так сказать. Мы всегда оперируем какими-то условными названиями, иначе невозможно. Прямого участия в переговорах в Батуми они не принимали. Я должен сказать, тогда никто не мог говорить о том, что Абхазия может быть независимым государством, тогда вообще считалось, что такое маленькое государство и маленький народ не могут быть независимыми. И такого воп-

роса тогда вообще не было. Тогда и грузины, например, тоже боялись декларировать свою независимость, потому что тогда вообще о таких маленьких государствах не шло речи. Можно сказать, там была непрогрузинская часть этого Национального совета, но то, что абхазы не совсем были интегрированы в этот северокавказский союз или конфедерацию горских народов, видно из того, что в горской делегации не было представителя Абхазии, а в правительстве северокавказских горцев никогда, ни разу не было абхаза.

Марина Барцыц. – Во-первых, по поводу истории и современности и роли истории. На самом деле, 1918 год – безумно интересный, это вообще как «Не дай нам бог жить в интересное время», и вот в этот интересный период происходит какой-то разлом, когда может проявиться какой-то сценарий судьбы. Не напрасно нас тянет к 1918 г., в историю наших отношений. Поэтому я бы хотела предложить организаторам нашей конференции: конечно, ваши анализы, ваши выводы очень интересны, но было бы очень интересно, если бы эти материалы, вот найденные вами, были где-то опубликованы в форме приложения. Я допускаю, конечно, что даже документы можно так подобрать, чтобы поменять картину истории, то есть, может быть такая предвзятая выборка, и все-таки было бы очень ценно для нас всех, мне кажется, если бы хоть что-то из этих новых материалов было опубликовано.

Лаша Бакрадзе. – Я вообще первый раз здесь присутствую, у меня не такие частые контакты, а вы контактируете с Паатой Закареишвили, и я очень вас попросил бы, если у вас есть какие-нибудь издания по этому поводу, меня они тоже очень интересуют. Как я уже сказал, вот этот Станислав Лакоба тоже, оказывается, пишет об этом времени, и я с удовольствием бы прочел, очень хочу прочесть. Меня особенно интересуют сами документы, все, какие есть. И, конечно, как здесь говорилось, было бы очень интересно иметь доступ к турецким документам – там, наверно, очень много интересного можно прочесть.

Олег Дамения. – Небольшое уточнение. Даже у тех членов Абхазского национального совета, которые придерживались так называемой прогрузинской ориентации, во всяком случае, у некоторых из них, настроение менялось в зависимости от ситуации. Сама ситуация очень быстро менялась, и потому однозначно оценивать их ориентацию как прогрузинскую, северокавказскую или еще какую-то, видимо, нельзя.

Куда уж более лояльный абхазский деятель, чем Георгий Чачба, Георгий Шервашидзе, и то, если вы помните, перед смертью он обратился с известным письмом к абхазского народу. Я не знаю сейчас, эта рукопись сохранилась у нас после войны или нет, но, во всяком случае, эта рукопись есть. Еще одно небольшое уточнение об абхазском национализме (в положительном смысле слова): здесь я в общем и в целом разделяю точку зрения Гии Нодия. Мне кажется, что абхазский национализм в тот период, т.е. в 1918 г., уже существовал. Другое дело – противостояние, с которым мы имеем дело сегодня: такого противостояния между Абхазией и Грузией в 1918 г., во всяком случае, в начале века, не было. Что касается национализма, или национальной идеи, она еще раньше начала формироваться, и в это время, конечно, уже существовала. В противном случае вообще вряд ли стал бы создаваться вот такой совет, как Абхазский национальный совет.

Лаша Бакрадзе. – Вообще тогда везде создавались такие национальные советы. Был еще и грузинский национальный совет. Кстати, в 1917 г. грузины, жившие в Абхазии, очень часто критиковали грузинский национальный совет, который был в Тбилиси, за то, что они хотели иметь отношения только с Абхазским национальным советом и совсем не советовались с грузинским национальным советом. И таких национальных советов было много. В Тбилиси было огромное количество таких национальных советов: само собой разумеется, были грузинский, армянский и татарский, но был и немецкий национальный совет, был и русский национальный совет, и осетинский, по-моему, тоже был в Тбилиси, и их влияние на свои народы и на свои общества было неодинаковым. Но важно очень еще и то, что, например, Шервашидзе в 1918 г. стал, может быть, не особенно прогрузинским именно потому, что в Грузии была социал-демократическая власть. Эти социал-демократы тогда выступали с очень такими социалистическими лозунгами, они были против таких князей, они хотели национализировать землю. Это тоже большое влияние имело на ориентацию разных политических деятелей. Так же, как, например, из-за того, что они не симпатизировали так называемым «большевикам» или крестьянам, которыми руководил тогда Лакоба, они пригласили на помощь грузинские или закавказские войска, потому что шла социальная война, и это имело огромное значе-

ние. Я думаю, в Абхазии социальный фактор тоже играл огромную роль, и я не думаю, что Лакоба и Шервашидзе вместе стояли в то время. В абхазском обществе было огромное противостояние. Это общество не было таким монолитным, как вы иногда сейчас, наверное, представляете, особенно тогда. История всегда показывает, как мы разнно оцениваем разные вещи и как это все-таки влияет на сегодняшний день, и я думаю, что все время смотря в прошлое, мы ничего в будущем, может быть, и не сможем сделать.

Георгий Гвахария

КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК “ЧУЖОЕ ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО”

Это мое выступление – скорее сообщение, чем доклад. Вообще-то я подготовил для вас и видеоматериал, который хотел предложить показать во время сообщения, но думаю, что это отнимет слишком много времени. Я бы назвал условно свой доклад так: *Кино и телевидение как чужое этническое пространство*. В принципе, это, конечно, теоретическая проблема, но мы проводим не киноведческую конференцию, и я не собираюсь сейчас очень глубоко исследовать эту проблему. Я хочу лишь поделиться своим опытом, заключение вы можете сделать сами. Итак, кино и телевидение как чужое этническое пространство.

Вот уже четвертый год по негосударственному телевизионному каналу “Рустави-2” каждую субботу в эфир выходит ток-шоу “Психо”, автором и ведущим которого являюсь я. В этой передаче зритель получает возможность не только познакомиться с лучшими фильмами мирового киноискусства, но и выразить после фильма свое мнение о проблемах, которые поставлены в картине, интерпретировать позицию авторов. В каждой передаче зритель может, позвонив по телефону, побеседовать в прямом эфире с ее гостем – психологом, политиком, философом. Нам звонят представители разных возрастных и социальных групп.

В Тбилиси, вы, наверное, знаете, работает около десяти телеканалов. Наш канал вот уже четвертый год лидирует по всем рейтин-

гам, а наша передача “Психо” занимает четвертое место – после информационных программ. Вначале передача считалась “элитарной”, но постепенно ее рейтинг начал расти, и несмотря на то, что она имеет много противников (особенно среди священнослужителей и грузинских ультранационалистов), ее уже смотрит большинство телезрителей, и по их звонкам можно сделать вывод, что грузинское общество за это время сильно изменилось.

Еще работая над проектом передачи, я уже был глубоко убежден, что искусство обладает чем-то вроде терапевтического воздействия – это как бы средство уладить конфликт с бессознательным, поскольку инстинкт созерцания живет в каждом человеке. В основу нашей телепередачи мы положили принцип гуманистической психологии, т.н. “эмпатический способ” общения с другой личностью (я бы предложил ввести эту методику и в нашу будущую работу). По словам американского психолога Карла Роджерса, этот метод подразумевает “вхождение в личный мир другого и пребывание в нем как дома, это как бы временная жизнь другой жизнью, деликатное пребывание в ней без оценок и суждения”. Роджерс подчеркивает, что “быть с другими означает на некоторое время оставить в стороне свои точки зрения и свои ценности, чтобы войти в мир другого без предвзятости”. Таким образом, главным принципом нашей телепередачи является сопереживание, а этот принцип, как известно, наиболее эффективно работает в процессе восприятия именно кинофильмов. Естественно, мы выбираем для программы те фильмы, которые дают зрителю возможность, а иногда даже заставляют его, идентифицироваться с персонажами картины.

Идея передачи в том, чтобы зритель понял – если два человека воспринимают одно и то же явление по-разному, это не значит, что один из них обязательно ошибается. Мы сознательно пытаемся создать своеобразный культурный шок – зритель как бы находится в чужом пространстве – скажем так, “в негрузинском этническом пространстве” – и испытывает ощущение дезориентированности. В основном, в фильмах, которые мы показываем и предлагаем для обсуждения, это пространство – мир чужих национальных или религиозных представлений, мир, к которому большинство в нашем мире всегда относилось враждебно.

Некоторые американские социологи считают, что такие передачи в защиту дискриминируемых меньшинств мало действенны, потому что их смотрит только меньшинство, а люди предубежденные не смотрят их совсем – они считают, что это происки врагов. У нас ситуация иная – рейтинг передачи растет каждый месяц. Причина в том, что с одной стороны, все еще нет сильной конкуренции, с другой стороны, в том, что оппоненты программы – агрессивно настроенный зритель – тоже смотрят передачу – смотрят, чтобы обнаружить все те же “происки врагов нации”, но все-таки смотрят. Агрессивность оппонентов передачи возрастает, когда авторы фильмов касаются проблемы сексуальных меньшинств или терпимости к другим религиям, но почти не ощущается, когда фильм, а затем и гость передачи, призывают к толерантности к малым нациям или не скрывают своих пацифистских взглядов.

Вам хорошо известно, что грузинские средства массовой информации, особенно государственная масс-медиа, несут ответственность за обострение межнациональной напряженности. Так вот, в первых же передачах мы напомним зрителю положение устава ЮНЕСКО, которое, вы наверное, знаете – там, где говорится, что “войны начинаются в умах людей”: мы убиваем других мысленно, а затем приобретаем оружие, чтобы убить их физически... Зритель уже понял, что цель передачи – развитие демократического сознания в обществе. Разрешение конфликта и преодоление кризиса невозможно в стране, где не развивается демократическое сознание.

На одной грузино-абхазской встрече Гия Нодия говорил, что для решения конфликта сперва нужно решить проблемы общественного сознания. Я с этим согласен, для этого и существует наша передача, и естественно, что после показа фильмов, посвященных югославской войне, ирландскому кризису, или турецко-курдскому конфликту, у грузинского зрителя сразу возникает ассоциация с гражданской войной в Абхазии (я глубоко убежден, что эта была именно гражданская война). Что касается меня, я всегда любил эту землю (для меня это не территория, а именно земля людей, которые здесь жили), и считал ее моей родиной, людей же, которые здесь жили – и абхазов, и грузин – своими соотечественниками, и, по-моему, у меня есть право по-прежнему считать эту землю своей родиной (тем более, что родина для меня это не определенная территория).

В первых программах, которые вышли в эфир три года назад, когда речь заходила о предубеждениях, большинство зрителей заявляло, что враждебное отношение к какой-либо группе или к т.н. “вражеской нации” естественно, так как вызвано ее дурными качествами или плохим поведением. Психологи, участвовавшие тогда в передаче, уверяли, что этнические предубеждения вырастают из неблагоприятных личных контактов между людьми, принадлежащими к различным группам. Зрители же часто утверждали, что каждая этническая группа обладает своим групповым сознанием: русским свойственны такие-то и такие-то черты, туркам – такие-то, абхазам – такие-то, а грузинам – такие-то (к сожалению, я часто слышал здесь то же самое в течение этих двух дней), и именно эта тенденция порождает враждебную психологическую установку по отношению к другой этнической группе.

На нашей сегодняшней встрече часто говорилось о том, что мы боимся потерять свою идентичность. Именно этот страх, по моему убеждению, и способствует потере этой самой идентичности. Нация не является государственным субъектом, и невозможно построить демократическое государство на фундаменте национальной ментальности. Всякий страх способствует замкнутости, замкнутость – стрессу и агрессии. А агрессивные субъекты не могут построить полноценное гражданское общество. Страх потерять идентичность нации может привести к тому, что чувства идентичности лишится сам человек, который для меня, извините, гораздо важнее, чем нация, гордящаяся своей историей. Грузия уже пережила этот период во время Гамсахурдия, и к чему привели эти процессы, вы тоже хорошо знаете. У нас эта идея титульной нации, которая прозвучала здесь вчера, переросла в параноические страхи и замкнутость. Кстати, именно эта идея обострила грузино-абхазский конфликт, и я бы посоветовал вам не повторять тех ошибок, которые уже допустили мы, грузины. Полное пренебрежение к свободе личности, или якобы охрана нации в ущерб своим же гражданам – вот чем живут, по моему мнению, все националистические власти в постсоветском пространстве.

Позвольте мне сделать отступление. Я согласен, что нельзя главную причину грузинско-абхазской трагедии искать только в третьей силе, поскольку идея третьей силы – столь популярная в Грузии – делает нас как бы невиноватыми, избавляет от необходимости анализи-

ровать и менять свое поведение. Но нельзя отрицать, что коммунистическая власть в Москве, начиная со времен Сталина, играла именно на этих установках: обострить чувство неполноценности в (назовем их так) «средних» народах (я сейчас имею в виду Грузию), которые, как следствие, становятся агрессивными по отношению к малым народам. Я свое детство провел в Гаграх (мы вчера много говорили об этом), и помню, как московские партийные боссы (я видел это своими глазами), отдыхавшие в санатории «17-й партсъезд», натравливали грузин на абхазов и абхазов на грузин. На Кавказе, где, к сожалению, право крови и почвы до сих пор значит больше, чем профессионализм и человеческие качества, это провокация всегда была действенной.

Я глубоко убежден, что каждый конфликт на Кавказе своеобразен, и решение каждого из них требует разных методов. Но национальная нетерпимость имеет и общие психологические черты, и именно о них говорилось в наших телепередачах, посвященных войне. Затрагивая абхазскую тему, и я, и гости моей передачи говорили о том, что грузинская интеллигенция (кстати, до сих пор именно она и пыталась закрыть нашу программу, опираясь на письма трудящихся) повела себя мерзко, когда не осудила войну – и не было ни одного звонка от зрителя, который осудил бы нашу позицию (наверно, еще и потому, что эта самая интеллигенция до сих пор поет в один голос с Шеварднадзе и давно потеряла доверие народа). Не только в социологическом исследовании Марины Элбакидзе, но и в каждой нашей передаче буквально все зрители, которые звонили нам, считали, что война в Абхазии была ошибкой, даже преступлением. Нашлись зрители, которые признавали, что именно просмотр фильма (например, турецкой картины «Дорога», посвященной турецко-курдскому конфликту) заставил их задуматься о том, что в межнациональных конфликтах нет ни правых, ни виноватых – есть только жертвы. Я, конечно, не романтик, который считает, что хороший фильм сделает всех зрителей толерантными, но то, что хорошее искусство производит терапевтический эффект на зрителя, который *готов* к этому – это факт. И я убежден, что мой зритель, раз уж он смотрит передачу (а это примерно 32% от количества потенциальных телезрителей), к этому готов. Мы уже достигли нашей цели – у зрителя обострилось любопытство к чужому (в данном случае, к негрузину),

зритель сам уже говорит: смотри-ка, какие интересные бывают люди; смотри, у каждого своя правда; нельзя разрешить конфликты насильственным путем; дискриминация сама служит фактором, способствующим сплочению дискриминируемых.

Судя по сегодняшним откликам на наши программы, в Грузии постепенно ощущается усталость от войны, но возникает другая проблема, о которой, к сожалению, не говорили мои грузинские друзья. Вы прекрасно знаете, что когда у народа возникают непреодолимые трудности, люди бессознательно ищут, на ком их выместить. Судя по реакции оппонентов нашей программы, к сожалению, козлом отпущения в сегодняшней Грузии постепенно становится Запад – не абхаз, и уже не русский, а Запад – и сейчас мы, люди, делающие эту программу, пытаемся разрушить этот стереотип, поскольку враждебное отношение к западным демократическим ценностям вновь пробудит в Грузии нетерпимость к т.н. инородцам... Хотя это не значит, что тема грузино-абхазского конфликта не является для нас актуальной.

Вчера здесь говорилось, что на этих встречах грузины все время что-то предлагают. Предлагают всё, кроме признания абхазской независимости. Каждый из нас, конечно, предлагают то, в чем может осмыслить свою роль. Независимости я вам дать не могу. Я хочу предложить моим абхазским друзьям подумать о совместной телепередаче: на первом этапе просто показать и грузинскому, и абхазскому зрителю фильм и устроить прямой телемост, в котором никто не будет касаться истории. Постараемся найти общие интересы, которые нас связывают: в конце концов именно искусство является средством общения между людьми. Одна из основных функций искусства – познавательная... Нам же не хватает именно этого: мы должны в первую очередь увидеть друг друга, хотя бы через телеизображение, и убедиться, что мы не дикие народы, что мы можем хотя бы поговорить друг с другом... А потом, я уверен, найдется и компромисс с обеих сторон.

Гия Анчабадзе. – Ваша передача, действительно, очень интересная. Иногда, сознаюсь, если нету времени, я пропускаю кинофильм, но последующие обсуждения стараюсь никогда не пропускать. Действительно, это, пожалуй, одна из самых, даже я бы сказал, самая интересная из всех передач. Вот что я хотел бы сказать. Когда мы слышим, что вот, абхазы, мол, титульная нация и так далее, и

делаем такие сравнения (не только вы, я часто слышу, что вот, у абхазцев так же, как было при Гамсахурдия, в отношении национальной нетерпимости, национализма или какого-то там подхода), я думаю, что это не совсем правильное сравнение. Просто ситуация в Абхазии и сегодня, и все эти последние годы, вот как начались эти движения, и ситуация, которая была в Грузии, качественно разнятся. В Грузии когда были эти страхи и такой настрой, грузинское население составляло 68%. В то же время абхазцев в Абхазии было 18%. И поэтому, если что-то общее и видится, я, например, не вижу *много общего* в этом состоянии Грузии при Гамсахурдия и Абхазии 90-х годов. И даже если можно усмотреть какие-то общие черты, все-таки надо учитывать, что ситуация была качественно иной. Я, например, считаю, что если бы абхазцев было в Абхазии 68%, то там никаких особых политических осложнений не было бы.

Нателла Акаба. – Я бы хотела спросить, считаете ли вы, что Грузия уже преодолела национализм, крайняя форма которого существовала при Гамсахурдия? Считаете ли вы, что с этим покончено и сегодня мы имеем совершенно другую Грузию? Разве не правда, что Грузия строит национальное государство, а нация, грузинская нация – это все еще не гражданская нация, а нация в этническом понимании? И, насколько мне известно, дискуссия по поводу записи в графе «национальность» в паспорте все-таки не привела к победе противников такой записи. И как же вы предлагаете абхазам отказаться от строительства национального государства, когда вокруг абхазов все строят национальные государства (ну, по крайней мере, если говорить о Грузии)?

Гоги Гвахария. – Я коротко очень отвечу. То, что было при Гамсахурдия, я думаю, Грузия действительно преодолела. То, что разговор сейчас идет о гражданском обществе, что идут дискуссии и споры о том, записывать ли в паспорте национальность – это уже говорит о прогрессе, но конечной цели мы не достигли. Иначе я вообще не делал бы передачу и не затрагивал эту проблему. То есть проблема существует, но не так, как во время Гамсахурдия. А Гии Анчабадзе я все-таки хочу сказать, что, оправдывая фразу «титовская нация» (вы ведь начали это оправдывать), я так понимаю, что и всякое зло так можно оправдать. У Гамсахурдия ведь тоже были свои мотивы, мотивы всегда найдутся.

Арда Инал-Ипа. – Гоги Гвахария много говорил а стереотипах. Мне хочется встать на защиту стереотипов, потому что стереотип – это явление, которое не случайно появилось. Если б у него не было бы функции, его бы просто не было, он тоже нужен. Он в чем-то экономит наши силы, когда мы не можем познакомиться с каждым представителем народа, что бы составить о нем впечатление, то есть существует некоторый опыт, некоторая память о взаимодействиях, и так возникают эти стереотипы. Другое дело, что они бывают ложными, скажем, стереотипы по отношению к поведению животных: не обязательно каждая змея укусит, но есть стереотип, что она достаточно агрессивна. У нас есть стереотип по отношению родителей – что они всегда добры к детям. Это стереотип, но мы знаем, что родители бывают и жестокими, и т.д. Нельзя, борясь с этими стереотипами, не видеть разнообразия: вы ведь не можете сказать, что южноамериканцы такие же, как шведы, хотя и среди южноамериканцев могут быть там вполне нордические типы, и т.д. Мне кажется, и бороться с этим не стоит, потому что невозможно с этим справиться. Потому что стереотипы имеют совершенно реальную основу в нашем разнообразии, в нашем многообразии. Это одно. С другой стороны, я как раз вижу в вашем выступлении очень много стереотипов по отношению к абхазам – и вообще о нашем обществе, и о нашей прорусской или просоветской, прокоммунистической ориентации, хотя, на мой взгляд, вот в этом смысле – это, конечно, может быть, мое ошибочное или там уникальное мнение – но я вот в грузинской, ну именно в грузинской ориентации на Запад вижу больше советского, чем в ориентации абхазской. Когда вы истину черпаете только с Запада, может быть, я ошибаюсь, но я вижу в этом последствие советского периода, когда все советское казалось нам неистинным (и для этого были все основания, я и сама воспитывалась на литературе, который с Запада приходила). Мне кажется, что какое-то последствие, какая-та инерция в Грузии остались, что вы истину ищите не у себя, а на Западе, и в этом я вижу очень сильное советское наследие (кстати, в Абхазии этого нет, мы больше ориентированы на себя). Во всяком случае, в вашем выступлении я вижу достаточно много стереотипов.

Гоги Гвахария. – Все то, что вы сейчас говорили, я много раз слышал от своих соотечественников, то есть от грузин в Тбилиси,

для меня это не ново. Может быть, мой ответ многим не понравился, но я искренен. Но здесь Манана Гургулиа задала вопрос, что есть «мы», я записал. Я так думаю: может быть, нам задуматься сначала о том, что есть «я»? «Мы», сказал Олег Несторович, есть способ выделения совокупности людей из остального мира. Извините, но лично я не хочу отделяться от остального мира, лично я, извините, хочу стать частью этого мира. Если хотите, назовите это стереотипом. Честно говоря, я человек непрозападный. Просто иначе и я и моя нация будем загнивать в самих себе.

Марина Элбакидзе

ПРИМЕНЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА

О конфликтах, в частности, о грузино-абхазском конфликте, много пишут не только конфликтологи и политологи, но и социологи, этнографы и т.д.

Мы хотим представить на ваше обсуждение еще одну, *психологическую* версию описания грузино-абхазского конфликта. Мы не утверждаем, что этот конфликт имеет чисто психологические корни и что предлагаемая нами версия – единственное правильное психологическое объяснение, но мы думаем, что еще один взгляд на это явление, с новой точки, может дать толчок, чтобы сдвинуть ригидное мышление в сторону лабильности и толерантности.

Конфликтологи оценивают грузино-абхазский конфликт как конфликт интересов, как политический или этнический конфликт, но каждая их интерпретация подразумевает определенный психологический механизм. Конечно, тут можно подобрать разные психологические теории и по-разному манипулировать научными понятиями, но, на наш взгляд, на общедоступном языке психологические предпосылки (на данном этапе, предположительные) и причины грузино-абхазского конфликта лучше всего описываются теорией личности Эрика Берна и его знаменитой схемой «Родитель-Взрослый-Дитя». Вкратце расскажем, что такое «трансактный анализ» Эрика Берна.

Согласно берновским представлениям, в психике каждого человека соприкасаются и взаимодействуют как бы три «существа» – Родитель, Дитя и Взрослый. Эти три состояния свойственны всем людям, это не просто роли, это и не абстрактные понятия, это психологическая реальность. В каждом человеке как бы сохраняется тот ребенок, та маленькая личность, которой он был в детстве, но рядом с ними в нем живут и его собственные родители – они представлены в психике записями реальных переживаний тех внутренних и внешних событий, которые произошли с ним в детстве. Начиная с десятого месяца, ребенок начинает адекватно реагировать на некоторые внешние стимулы, появляются задатки «Взрослого».

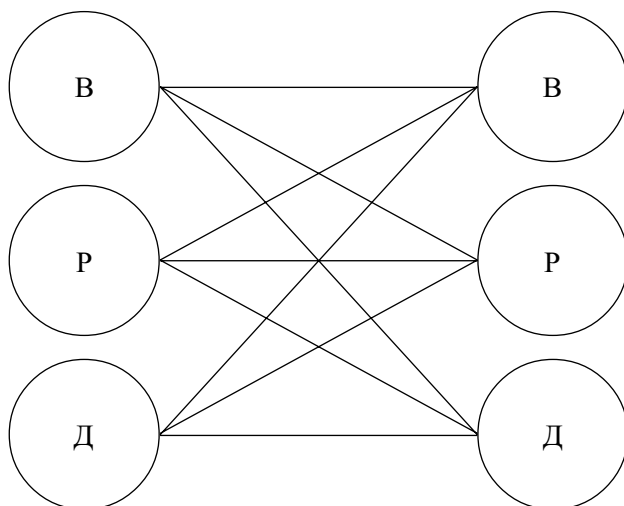
«Взрослый» накапливает информацию в результате осознания ребенком того, что реальная жизнь кое в чем отличается и от «преподанной концепции» Родителя, и от «прочувствованной концепции» Ребенка. Собирая и анализируя эту информацию, «Взрослый» формирует на ее основе «продуманную концепцию» жизни. Всякая активность личности исходит каждый раз от одной из этих трех составляющих личностной структуры.

Если суммировать еще раз коротко: «Родитель» – это собрание незыблемых стереотипных понятий о мире и о самом себе, перенятых от «значимых других» (в основном, от родителей). Это то «существо» в сознании человека, которое говорит ему, что он должен делать, как себя вести, насколько он хорош или плох, насколько лучше или хуже другие люди. «Родитель – это внутренний голос, делающий редакторские замечания, как часто делают реальные родители относительно всего, что предпринимает человек». Этот редактор, конечно, может быть и любящим, и благожелательным, какими действительно бывают родители.

«Дитя» – это «записи» прошлых психических состояний, главным образом, аффективно насыщенных. Когда Ребенок (Дитя) берет верх, человек ведет себя по-детски. Это лучшая часть личности, если Ребенок проявляет себя с хорошей стороны – как творческий, креативный, умный, спонтанный и любящий ребенок, каковы реальные дети. Но дети так же спонтанно и импульсивно бывают требовательными, капризными, агрессивными и жестокими, не считающимися с другими.

«Взрослый» – психическая структура, живущая настоящим и занимающаяся обработкой информации методом «здесь и теперь». Это голос разума. Он собирает информацию из внешнего мира, принимает решения на основе разумно рассмотренных вероятностей и дает рекомендации, что следует предпринять, как и когда.

Исходя из этой структуры личности, Берн предлагает такую схему межличностных взаимоотношений:

То есть, если рассмотреть взаимоотношения индивидов, исходя из того, что каждый из них в каждый момент времени пребывает в каком-то одном из этих состояний, то получается 9 различных сочетаний: взрослые люди могут общаться на разных уровнях – Родитель – Родитель, Взрослый – Взрослый, Родитель – Дитя и т.д.

До того, как мы попытаемся описать конфликт с помощью теории личности Берна, хотелось бы напомнить, что попытки применения психологических теорий для описания или объяснения конфликтов или других социальных явлений – не новость: они предпринимались и в конфликтологии, и в политологии, и в других социальных науках. Еще раз подчеркнем, что не считаем предлагаемое объяснение единственно правильным и неоспоримым.

Мы предлагаем осмыслить эту схему в другом ракурсе, т.е. заметить слово «личность» словом «субъект», что позволит нам рассмат-

ривать не отдельного индивида, а социальную группу, народ или общество. В нашем случае под субъектами мы чаще всего будем подразумевать абхазское и грузинское общество, абхазскую и грузинскую стороны.

Если рассмотреть взаимоотношения грузин и абхазов до конфликта по этой схеме, их можно описать или на уровне Родитель – Дитя, или на уровне Дитя – Дитя. Грузия, или грузинское общество, выступала в роли родителя, который, например, мог дать телевидение или университет, а мог и наказать отрицательной оценкой: ты неблагодарный ребенок. А абхазы вели себя как обиженные, упрямые дети. Система «Родитель – Дитя», само собой, подразумевает неравенство в отношениях (это могут быть отношения двух взрослых людей или двух народов). У некоторых грузин было чувство превосходства, а у абхазов это вызывало раздражение. Неравные отношения порождают агрессивные чувства и импульсы. Напряженное эмоциональное состояние не позволяет субъектам перейти на уровень «Взрослый – Взрослый», когда на сцену выступает рациональное начало, вычисляет, что будет полезно для обеих сторон, и предлагает аргументированные соображения. Вместо этого грузино-абхазские взаимоотношения часто переходили на уровень «Дитя – Дитя» и как бы соперничали в изобретательности, кто лучше и патетичнее докажет свое право на территорию. Обе стороны как бы говорили: я лучше, ты плохой, я прав, ты виноват.

Ни до войны, ни во время войны не появилось четкой позиции взрослого (хотя отдельные личности делали такие попытки), ни одна из сторон не предложила как избежать конфликта. С обеих сторон прорывался в основном отрицательный эмоциональный заряд, постепенно укрепляя образ врага. И сегодня ни одна из сторон не хочет открыто («по-взрослому») заявить, что она в проигрыше, что пока она не получила того, чего хочет – и еще долго не получит, если взаимоотношения и дальше будут строиться таким образом. Факт, что де-факто «независимость» Абхазии – миф, ибо абхазы не могут формально и юридически представлять свою сторону за пределами Абхазии. Факт, что они должны «просить разрешения» на выезд из страны, так как не имеют абхазского паспорта. С другой стороны, Грузия де-юре «владеет» Абхазией, но не может даже пролететь в самолете

над ее территорией и, как бы назло абхазам, осложняет их проблемы в связи выездом за границу. Грузия так же не хочет «по-взрослому» признать, что «контроль» над блокадой Абхазии не в ее власти. И в Грузии сегодня еще существует позиция, что «Абхазию надо взять силой» и что такая сила у грузин есть, хотя никаких убедительных аргументов о военных возможностях Грузии никто не приводит.

Надо отметить, что в последние годы и с грузинской, и с абхазской стороны, как в политических кругах, так и в неправительственном секторе, появились конкретные программы и предложения о новом государственном устройстве. Такие попытки были и до войны, но то, что сегодня общество уже их обсуждает – это симптом того, что появилась потребность во “взрослом”. Правда, часто эти позиции излагаются опять-таки “по-детски” – не до конца аргументировано и без учета актуальных интересов и опасений другой стороны. В качестве примера можно привести фразу очень уважаемой абхазской ученой о том, что “абхазский менталитет – государствообразующий”. Что, кроме комплимента, означает это суждение – трудно сказать, хотя оно, может, и отражает какую-то истину. Но чтобы другие восприняли это как истину, надо аргументировать и объяснить, что же отличает абхазов от других, негосударствообразующих, и кто относится к этой категории.

Такие готовые “родительские” стереотипы приобщают общество (и индивида) к ригидному мышлению, акцент делается на различии между «мы» и «они», описываемыми в противоположных категориях, не остается места для попытки найти общее. Происходит дегуманизация членов чужой группы, поведение строится на воображаемом конфликте интересов. Например, такое готовое клише: «грузины толерантны» мешает увидеть свои ошибки, и вся активность поиска виновника направляется вовне – «они» плохие, «они» начали конфликт.

Исходя из предлагаемой схемы, мы отметили, что абхазы часто выступают по отношению к Родителю-Грузии в роли неблагодарного ребенка. Такая позиция абхазов, само собой, подразумевает, что у них фрустрирована одна из самых базовых потребностей – потребность в значимости и признании, а психологическая реакция ребенка на это – или агрессия, или обида и слезы, или же убежание. Абхазия, как обиженный подросток, убегает из “дома” в знак протеста.

Мы оценили «уход» Абхазии как «детское убежание», но это все – попытка самоидентификации, а в самоидентификации (как личности, так и народа) очень большую роль, наряду с сознанием, играет и эмоциональная самооценка. Но когда самоидентификация проходит через идеализацию («Я самая уникальная, самая древняя, самая культурная, самая государствообразующая и т. д.»), это уже опасно и для личности, и для народа. В этом абхазы и грузины не уступают друг другу (как и многие другие народы). Эмоциональное начало очень важно для народа. Оно создает духовность народа в виде архетипных символов, образов. Но не надо их понимать прямолинейно и абсолютизировать. Интерпретируя историю и ценности, не надо забывать о времени и пространстве. Рациональное начало должен объективно оценивать, что, например, существуют народы древнее нас, язык древнее нашего, ценности не хуже наших и т. д. Конечно, абхазский язык уникален, как и грузинский, и любой из индейских языков. И каждый народ уникален, и каждый народ имеет право на существование и на независимость. И каждая личность уникальна и в то же время имеет что-то общее со всем человечеством, существующим сегодня или когда-то существовавшим на земле. Когда говорим об уникальности, надо тоже уточнить критерии.

Когда самоидентификация происходит только через идеализацию, подчеркивая только уникальность, это создает почву для абсолютизации ценностей и норм социального поведения, существующих внутри одного общества (или одной социальной группы). Такая абсолютизация строго делит людей на наших и чужих, а такое деление порождает конформные личности. Конформные личности – это «послушные» члены общества, но оттого, что их индивидуальность репрессирована, они несут в себе заряд агрессии. Лица с сильными предрассудками более агрессивны.

Абсолютно абсолютных ценностей, наверно, не существует. И проблема субъекта начинается там, когда на уровне Родителя или Ребенка начинается абсолютизация положительных (или отрицательных) качеств.

Пример из недавней истории – нацистская теория об арийской расе.

У нас нет конкретных рецептов, как конфликтующим сторонам избавиться от психической незрелости и стать взрослыми. Это только

попытка поразмыслить – еще раз со стороны взглянуть на проблему в надежде увидеть новую перспективу на пути разрешения конфликта.

Манана Гургулия. – Марина, как все-таки тебе представляются «взрослые» грузино-абхазские отношения, хотя бы в идеале? Я понимаю, что они больше похожи на отношения между детьми или между детьми и родителями. Но все-таки? Спасибо.

Марина Элбакидзе. – В идеале грузино-абхазские отношения... это открытый диалог, когда идут конкретные аргументированные предложения с учетом реальности и политической ситуации. Потому что эти два субъекта никогда не существуют изолированно и среда всегда как бы диктует какие-то определенные условия, которые они должны учесть, а взрослый эти условия учитывает – как бы вычисляет, что в такой ситуации можно сделать полезного и приемлемого для обеих сторон.

Арда Инал-Ипа. – Добавлю только одно слово. В общем, признак взаимоотношений на уровне взрослых – это *искренность вопросов*: когда ты на самом деле хочешь узнать новую информацию, не передать что-то другому, а действительно узнать.

Далила Пилия. – Мой вопрос такого характера: западные теоретики, западные политики считают, что упрекать народ в малочисленности безнравственно. К сожалению, грузинские теоретики считают количественный перевес аргументом в пользу грузин. Как можно прокомментировать это по вашей схеме? Я имею в виду, укладывается ли это в вашу схему? И как вы прокомментируете это явление, если оно не укладывается в вашу схему?

В Грузии сегодня говорят, что грузины имеют больше прав на Абхазию в силу того, что в Абхазии их было 43%. Как это квалифицируется?

Марина Элбакидзе. – Упрекать народ в малочисленности, может быть, безнравственно, но еще более безнравственно пользоваться ею. Если какой-то народ малочислен, это не значит, что он должен быть ущемленным, быть в роли ребенка. Если исходить из модели Берна, даже с ребенком, который по своему возрасту, а значит, и по социальному статусу, и вправду ребенок, тоже можно обращаться по-взрослому, как с полноценным человеком. Реальный взрослый *может* общаться с реальным ребенком на уровне взрослый-взрослый,

они могут обсуждать какие-то моменты как взрослый со взрослым – тем более два народа, которые реально состоят из взрослых. Но если народ психологически себя чувствует ребенком (точно так же, как взрослый индивид может оказаться в роли ребенка; и такое, скорее всего, произойдет с малочисленным народом), всегда найдется другой народ, который захочет им управлять.

Далила Пилия. – К большому сожалению, всех огорчает, что и сегодня, несмотря на то, что этот аргумент осуждается, он по-прежнему превалирует в теоретической науке. К большому сожалению.

Гоги Гвахария. – Где вы таких теоретиков в Грузии нашли?

Далила Пилия. – Вы знаете, я располагаю средствами массовой информации. Общедоступными. Я грузинских источников не читаю, но, по крайней мере, читаю ту литературу, которая поступает в Москву. Теоретиков? Ну, таких академиков и профессоров очень много, мы их и представляем себе как грузинскую научную интеллигенцию.

Марина Элбакидзе. — Вообще-то, эта склонность как бы входить в роль ребенка или взрослого в зависимости от малочисленности или многочисленности народа – это психологически бессознательная тенденция, это как бы само собой происходит, но больше зависит от политических игр и ролей в большой политике: если Грузия себя ведет по отношению к Абхазии иногда как родитель, по отношению к России она себя ведет как ребенок. Например, вела себя как ребенок, когда сама добивалась независимости – устраивались митинги, требовали у Москвы дать независимость, как ребенок просит что-то у родителей методом протеста.

Далила Пилия. – Вопрос, если можно. Он, по-моему, в вашу модель тоже будет вписываться. Вот например, когда в 1989 г. начались события в целом по всем республикам бывшего Союза, и после этого тоже, в общении со своими коллегами, друзьями-грузинами, я часто слышала такое: “Вы подождите, мы сейчас получим то, чего мы хотим, а потом мы вам тоже дадим.” В частности, помните, о демократии очень много говорилось: “Сейчас мы возьмем демократию, потом и вам отдадим немножко.”

Манана Гургулия. – Сколько взяли, столько и дали!

Марина Элбакидзе. – Вот Манана уже ответила! Спасибо, Манана.

Далила Пилия. – Мы можем на любые вопросы прекрасно отшутиться.

Манана Гургулия. – Демократию нельзя получить в подарок – сколько ее взяли, столько и отдали!

Марина Элбакидзе. – Любой субъект берет себе роль, если у него есть партнер. Если кто-то не подыграет, игра не состоится. Ребенок тоже подыгрывает родителю.

Гоги Гвахария. – Т.е. не родитель виноват в том, что он родитель, и не ребенок в том, что он ребенок – тут нужна гармония, т.е. если кто-то берет себе одну из этих ролей, обе эти роли возникают вместе, да?

Марина Элбакидзе. – По этой теории, существуют сценарии, по которым разворачиваются все эти игры. Игра получается, когда есть партнеры и есть сценарий.

Арда Инал-Ипа. – Обычно это звучит так: родитель говорит «так нельзя», но на самом деле так надо. И каждый абсолютно уверен: мои нормы, мои оценки абсолютно верны.

Гоги Гвахария. – Давайте не надо бояться оценочных суждений, т.е. не надо родителя винить за то, что он родитель, когда есть ребенок, который хочет быть ребенком.

Батал Кобахия. – Если человек дурак, его в этом не обвиняют, его только жалеют.

Гоги Гвахария. – Да. Почему родитель хочет быть родителем? Вот дети часто играют в “сахлобана”...

Реплика. – В дочки-матери!

Гоги Гвахария. – Т.е. страсть быть родителем у ребенка возникает тогда, когда действительно есть родитель, которому он подражает, т.е. я сейчас имею в виду Россию. Ты, наверно, думала о таком отношении: Россия старший – не брат, а родитель, Грузия – родитель, который сам играет в “сахлобана”, а Абхазия оказалась в роли ребенка?

Паата Закарейшвили. – Который играет ребенка?

Гоги Гвахария. – Я уверен, что у Абхазии тоже найдется ребенок и Абхазия тоже станет родителем. Это совмещается.

Марина Барцыц. – У меня вопрос с позиции ребенка, который позавчера делал доклад, но который требует к себе уважения, к своему достоинству, С другой стороны, меня утешает, что только в абха-

зо-грузинских отношениях я ребенок. Я знаю, что грузины в отношении с другими – очень часто такие же дети. Это меня утешает. Первый вопрос такой: когда в грузинах умер ребенок в их отношениях с абхазцами? И второй: взрослый – это значит сильный, умный, добрый, это который защитит, который для меня большой авторитет. Когда вот эти качества пропадают, что происходит с моим отношением ко взрослому – отношением ребенка? Два вопроса.

Марина Элбакидзе. – По модели Берна, по отношению к абхазам ребенок в грузинах не умер, он существует, но, скорее всего, это капризный и деструктивный ребенок. И абхазы, и грузины часто говорят с позиции ребенка, который хвастается родителями («мой папа такой сильный» и т.д.) – например, когда говорят: вот у нас такая история! У нас уникальная культура, уникальные традиции, история, это наша земля, а вы, апсуи, спустились с гор. Как будто уникальные традиции дают больше прав на территорию. Обычно это говорят люди, которые историю плохо знают, но говорят с таким пафосом, с такой уверенностью, что это так и есть... (Может, оно так и есть. Я сейчас не говорю, что правда, что неправда. Я говорю, как они это преподносят.) Неаргументированные эмоциональные утверждения – эта позиция ребенка. Аргументов у него нету, книг по истории он не читал, кто-то ему что-то сказал, и он повторяет.

Нодар Сарджвеладзе. – Можно дополнить? Одна из черт ребенка – это отказ от реальности и тенденция выдавать желаемое за действительность. И очень многие грузины отказываются от реальности. Они считают, что Абхазия – всё та же, какой была, и т.д. и т.п.

Реплика. – А почему только грузины? Все люди так!

Нодар Сарджвеладзе. – Нет-нет, вопрос был поставлен по поводу грузино-абхазских отношений, и многие грузины, в том числе и в высших эшелонах власти, очень часто ведут себя как маленькие дети, которые закрывают глаза от реальности и выдают желаемое за действительность, а потом возвращают это желаемое народу, выдавая за действительность, чтобы народ инфантилизировался, и говорят: «Вы знаете, мы завтра возвратимся в Сухуми, послезавтра будет определение статуса, а послепослезавтра это всё будет хорошо». Такое тоже бывало. Так вот такие примеры — тоже поведение ребенка. Это часто бывает.

Марина Элбакидзе. – Когда взрослый как бы отступает на задний план и исчезает совсем, когда активность все время исходит от ребенка или от родителя, это значит, что структура в каком-то смысле разваливается. Например, если это на уровне индивида, то это невроз.

Батал Кобахия. – Т.е. нужно лечение. В качестве психотерапевта выступают оооновские наблюдатели.

Марина Элбакидзе. – Можно, я еще в других терминах добавлю, совсем коротко? Ребенка и взрослого можно рассматривать как эмоциональную и рациональную составляющие нашей личности. Обычно говорят, что кто-то более эмоционален, кто-то менее, а кто-то более рационален. Тут есть какое-то количественное соотношение. Я не знаю, это 50/50 или нет (я имею в виду соотношение эмоционального и рационального). Необязательно, чтобы отношение было 50/50, но есть какая-то черта, граница. И когда эмоциональное присутствует в большом количестве, до какого-то предела это нормально. Но какой этот предел? Условно, скажем, 80/20 или 70/30 – и за этой чертой это уже не совсем «нормально», т.е. человек уже может неадекватно реагировать на окружающую среду. И если говорить о конфликте, я думаю, что на этом этапе и грузины, и абхазы по-прежнему находятся на эмоциональной стадии. Если мы решим вернуться в состояние равновесия, нам надо постепенно перейти к рациональной стадии. Говоря на языке психотерапии, если надолго “застрять” на эмоциональной стадии, это значит, что опять что-то в нас не в порядке, какие-то нездоровые симптомы появились и мы “застряли”, не можем выйти из этой стадии. Может, абхазы и грузины не “застряли”, может, для такого конфликта 7, 10 или 20 лет – небольшое время. Я не знаю, сколько времени надо, и поэтому будем не сейчас говорить, что мы прямо такие “больные” все. Это как бы обязательная стадия. Ее надо пройти, т.е. конфликтующие стороны (большие социальные группы или отдельные индивиды, это неважно) должны как-то освободиться от эмоций, а потом уже перейти на рациональную стадию – от ребенка к взрослому. Но если мы эту стадию никак не пройдем, значит, мы этот конфликт не разрешим. Но проблема даже не в том, что мы не разрешим конфликт в том смысле, что не создадим государства – общего или отдельного. Дело в том, что если проблема остается нерешенной на психологичес-

ком уровне, если нет внутреннего равновесия, структура будет разрушаться изнутри.

Лена Кобахия. – Частично я уже получила ответ на свой вопрос. Мне очень интересна эта плоскость разговора, психологический ракурс: обнаруживаешь для себя чрезвычайно интересные вещи. У меня вопрос такой: говоря о такой иерархической системе взаимоотношений между сторонами, какова вообще перспектива наших взаимоотношений? Означает ли это, что нам пора всем повзрослеть, т.е. изменить статус ребенка на статус взрослого и одновременно, с другой стороны – статус родителя на статус взрослого? Т.е., если мы, обе стороны, повзрослеем, надолго ли можно зафиксировать такие взаимоотношения? Усматриваете ли вы какой-то элемент стабильности в закрепленных отношениях между субъектами? Вот предположим, мы надолго застряли, как вы говорите, в ролях взрослых. Что дальше? Нужно ли нам постоянно манипулировать вот этими ролями, чтобы отношения наши были стабильными, или закреплённость ролей – это тоже стабильность? Я имею в виду – равных ролей, равных позиций.

Арда Инал-Ипа. – Добавлю чуть-чуть, к размышлению Марине. Как ты думаешь, если человек ищет дорогу в горах, которую он не знает, он ведь может реагировать, как ребенок: плакать, пугаться, что ее нет, и т.д. А можно реагировать, как родитель: «Я знаю», и, не разбирая дороги, идти в каком-то направлении. Будет ли здесь опасность, если мы надолго зафиксируемся в роли взрослого и будем исследовать окружающую действительность и принимать решения – мне туда нужно идти или нет? Мне кажется, опасность в ситуации, когда решение нетривиальное, когда его нужно долго искать. В самом застревании на уровне взрослого опасности нет никакой, потому что это единственный путь поиска какого-то решения. Другое дело, если ты находишь что-то, правильный шаг делаешь, то тут же просыпается ребенок, и он радуется. Если ты уже, действительно, можешь нанести путь на карту и там его и фиксируешь, тут же просыпается родитель, и он уже потом всегда говорит: «Вот это, действительно, было правильно. Так и нужно делать всегда». Но пока этого пути нет, взрослый должен быть постоянно в активе, и опасности в этом нет. Наоборот, это единственный путь.

Батал Кобахия. – Если ребенок болен, если он умер, то застревание на уровне взрослого тоже опасно – это такой зануда!

Марина Элбакидзе. – Я, как бы в утешение, опять вернусь в область психотерапии. Если конфликт рассматривать как маленький невроз или невротический симптом (например, на личностном уровне это депрессия, невроз или какие-то личностные проблемы), то это вовсе не однозначно отрицательное явление, в том смысле, что раз у тебя невроз, то всё – жизнь кончилась. Это не так, тут как бы нет худа без добра. В конфликте есть и положительная сторона: он как бы дает нам шанс. Если появились какие-то препятствия, какие-то внутренние барьеры, человек, индивид, должен как бы остановиться и просмотреть свою жизнь, историю своей жизни (как грузины и абхазы часто возвращаются в историю), и поискать, что там происходило – просто посмотреть, чтобы найти причину, а потом уже сделать шаг вперед, т.е. сделать шаг с учетом прошлого опыта. Это как бы шанс личностного роста, это как бы шанс перейти на более высокую ступень, на качественно другой уровень. Но тут есть и риск, что если не хватит внутреннего ресурса, будет не шаг вперед, шаг личностного взросления, а шаг назад, регресс. Если долго застрять на эмоциональном уровне, на уровне ребенка, есть опасность, есть риск, что прогресса не произойдет, а будет регресс, и мы будем все время апеллировать к прошлому, к нашей такой прекрасной истории, и жить прошлым, т.е. потеряем реальность. Так что у нас есть шанс идти вперед в наших взаимоотношениях, учитывая и прекрасные страницы истории, и ошибки, или, наоборот, совсем все испортить и все разрушить.

Арда Инал-Ипа. – Спасибо. Зураб?

Зураб Джапуа. – По-вашему, Марина, грузины постоянно были в роли папы, да?

Реплика. – Старшего брата!

Зураб Джапуа. – А вот сейчас, в поствоенное время, в психике людей эта роль ослабла немножко, как вы считаете? Или, наоборот, усилилась? Вы строите там демократию? Вы ведь еще ничего не построили.

Марина Элбакидзе. – Но в Грузии уже идет полемика по разным вопросам, т.е. в обществе появилась группа, которая уже влияет на остальное общество и хочет быть “взрослой”, т.е. видеть свои ошибки как ошибки детей. Раз уж мы употребляем эту терминологию, можно сказать, что присутствует и взрослый, и позиция ребенка, и позиция родителя. Позиция родителя: мы не дадим абхазам независимость –

она у меня в кармане лежит, но я не дам тебе конфету, ты плохо себя ведешь. Но, с другой стороны, в этом проявляется и поведение ребенка, так как Грузия сама не может решить этот вопрос.

Алан Парастаев. – Вот такой вопрос: если ваша схема представляет собой целостную личность, и она, эта личность, содержит в себе как бы три составляющих, а мы участвуем, скажем, в том же диалоге или в отношениях взрослый-взрослый без учета родительских и детских моментов, не станут ли эти отношения вот немножко ущербными? Т.е., отбросив детскость и отбросив родительские чувства, мы как-то в чем-то теряем. Или такие абсолютные параллели тут нельзя проводить?

Марина Элбакидзе. – Конечно, каждая из этих трех составляющих – и родитель, и ребенок, и взрослый — имеет свою функцию. Когда мы теряем в себе ребенка, мы многое теряем. Эмоциональность должна присутствовать. Еще раз повторяю: если не будет эмоционального, нам просто жить не захочется. Какая разница тогда, как будет построена Абхазия или Грузия? Эмоции толкают нас на какие-то действия.

Алан Парастаев. – И вот еще один такой вопрос. У меня их много. Вот, скажем, схема, когда, говоря примитивно, родитель – это Грузия, грузинская сторона, а ребенок – абхазская сторона. Не наблюдается ли такой момент, что грузинскую сторону роль родителя сейчас может устраивать? Скажем так: Абхазию, как ребенка, эта роль не устраивает, он хочет уйти от этого родителя, стать самостоятельным, стать взрослым, но родитель-то его не отпускает.

Марина Элбакидзе. – Вот это и происходит: Абхазия уходит, а родители ее не отпускают. А может, Абхазия, как обиженный подросток, убегает из “дома” в знак протеста.

Алан Парастаев. – Есть ли механизм как бы параллельного перехода обеих сторон во взрослость?

Марина Элбакидзе. – Этого должны обе стороны хотеть на психологическом уровне. Но даже если обе стороны на психологическом уровне, этого, допустим, захотят, они не смогут перейти, если политические реалии не дают такой возможности.

Миша Мирзиашвили. – Если я правильно понял, эти отношения не могут быть долгосрочными. Я правильно понял?

Марина Элбакидзе. – Могут. Могут быть и долгосрочными. Стороны могут так играть всю жизнь.

Миша Мирзиашвили. – Вот я и хотел спросить: если ребенок согласен всю жизнь быть ребенком...

Марина Элбакидзе. – А родитель – родителем? Если оба индивида этого хотят – они так и будут всю жизнь.

Батал Кобахия. – Это на уровне индивидов, там еще такой вариант возможен. Но мы же говорим сейчас о конфликте. Там же много людей, это не может быть, чтобы очень большая социальная этногруппа могла навсегда согласиться с ролью ребенка или захотела стать взрослой – там все равно будут и дети, и родители. Когда имеется в виду “я” и “ты”, ты просто можешь быть в чем-то только ребенком, что ни делай, взрослым не будешь. Когда это на фазе конфликтов, там немножко другие как бы масштабы.

Манана Гургулия. – Исчезают, как дети, северные народы.

Миша Мирзиашвили. – Я хочу еще раз перепроверить: родитель-родитель, взрослый-взрослый – это долговечные структуры. Родитель-ребенок – недолговечная, но мне кажется, что ребенок-ребенок – это тоже недолговечная.

Марина Элбакидзе. – Ребенок-ребенок тоже недолговечная, потому что ребенок – это неадекватное восприятие реальности. Если считать, что какая-то система, какой-то организм все время неадекватно воспринимает... Не знаю, может быть, случается (так сказать, теоретическая версия), что эта среда такая добрая, такая теплая – все время дает возможность ребенку быть ребенком... Теоретически это возможно, но реально этого не происходит.

Нодар Сарджвеладзе. – При жесткой конкуренции этого не происходит.

Миша Мирзиашвили. – Я хочу что-то плохое сказать!

Марина Элбакидзе. – Говори, мы уже столько сказали: абхазы могут быть ребенком и говорить, что хотят независимость, и грузины могут быть ребенком и говорить, что очень хотят территориальной целостности. А международные организации тоже могут быть ребенком и говорить, что занимаются их примирением. Это может продолжаться очень долго.

Миша Мирзиашвили. – Вот я и хотел сказать: не слишком много детей получается?

Миша Чачхунашвили. – У меня вопрос: какие аргументы вы можете привести, что эта модель применима при описании социальных организмов, как вы их назвали? Ведь если модель не подходит к описанию ситуации, результаты могут получиться совсем наоборот. Можете ли вы назвать какие-то примеры успешного описания с помощью этой модели? Не спорю, к личным отношениям это применимо и многое объясняет, но мы ведь говорим о социальных механизмах, более того – о конфликтах.

Марина Элбакидзе. – Я не могу привести примеров применения модели Берна в политологии или для описания этнических конфликтов, но попытки объяснения поведения больших социальных групп через психологию существуют и в психологии, и в политологии.

Каха Беродзе. – С вашего позволения, мне нужна доска, чтобы нарисовать. Вот это структура человеческой личности, т.е. она состоит из разума – ее разумной части, эмоциональной части и воли человека, того, что составляет его “я”. А здесь у меня как бы утрированная схема вселенной, т.е. всего, с чем соприкасается эта воля, с чем соприкасается это “я”: вот это личность человека, а это – его семья, это его нация, государство, человечество, Галактика, и все это я бы назвал вселенной.

Теперь, почему я все это нарисовал? Разум человека я бы разделил на две части: реактивный разум и аналитический разум. Когда человек принимает какое-нибудь решение и в процесс этого действия не включены все эти три механизма, это действие не направлено на выживание вселенной. Это “я” соприкасается со всеми этими частями вселенной. Они, в свою очередь, тоже связаны между собой как бы взаимонаправленными программами. Поэтому когда человек принимает неправильное решение, то это уже переходит на все эти структуры вселенной. А во вселенной есть такая саморегуляция, где включен, я бы сказал, принцип равновесия. Представьте, что я нарисовал сейчас тут идеальный круг. Это как бы та часть вселенной, где мы находимся и с чем мы соприкасаемся, в форме вот такого круга. Эти векторы могут быть самыми разными. Когда наше решение неправильное, т.е. направлено не на выживание вселенной, а на ее уничтожение, вселенная включает свой механизм саморегуляции, т.е. когда один вектор высовывается сюда, этот круг теряет свою форму, т.е.

нормальное его развитие теряется. И включается та саморегуляция, которая нисходит уже на человека как боль, как катаклизм, как война, как те страшные вещи, с которыми мы встречаемся. У нас часто возникает вопрос, почему Бог ниспослал на нас такие вещи. На самом деле это всего лишь результат неправильного решения, которое человек принял в свое время. Как же человек принимает неправильные решения? (Я говорю в общем, чтобы не отнимать у вас много времени.) Представим себе, что человек сталкивается с какой-то такой ситуацией, когда ему больно: он теряет близкого, или ему по голове кто-то заехал бутылкой шампанского, или кто-то ему морду бьет, извините за выражение. Он чувствует боль, и при этом задействована только его эмоциональная часть и реактивный разум. Он-то думает, что он принимает решение умом, но это ему только кажется. И вот с такими решениями, с болью, связаны такие вещи, как страх, а потом уже и агрессия. Вот тут, в эмоциональном плане, я бы назвал две самые главные вещи: это гордыня человека, которая толкает его на такие действия, и вот эта боль, о которой я уже сказал. Почему я называю эти две вещи? В плане грузино-абхазского конфликта они очень актуальны. В принципе, я бы охарактеризовал этот реактивный разум в таком плане. Допустим, я потерял близкого человека на войне, и что сейчас делает мой реактивный ум? Мой реактивный ум говорит: смерть моего близкого человека, война, т.е. обрисовывает ситуацию, которая была на войне, т.е. внешние факторы. И с кем эта война была? С абхазами. У меня могут возникнуть и еще какие-то ассоциации... И что делает мой реактивный ум? Он сопоставляет все эти понятия, и если я увижу абхаза, я его должен ненавидеть, потому что я испытал боль, и мой реактивный ум мне говорит (это как бы инстинкт самосохранения): «Видишь абхаза? Абхаз – это война, это боль, это смерть моего близкого человека». И все – мое решение в отношении этого человека, оно уже неправильное. Оно уже направлено на уничтожение вселенной. Потому что я буду взаимодействовать только с моей собственной личностью или моей семьей, или, наконец, со своей нацией и государством (вот это сейчас потолок для человеческого разума), не учитывая человечество и Галактику, и сам включу эту саморегуляцию, а это уже связано с болью, с теми же войнами, катаклизмами. Если я смогу убрать этот реактивный разум и вклю-

чить мой аналитический ум, он все это мне расшифрует, и сегодня при встрече с абхазом я уже осознаю те реалии, которые мне говорят, что я не должен ненавидеть абхаза. Если этот человек сможет вот это все с собой проделать, я думаю, что будет очень мало конфликтов и много позитивного.

Арда Инал-Ипа. – Спасибо. Давайте уже начнем обсуждение. У нас нет времени, я очень извиняюсь. Вопросы можно будет потом, в частном порядке. Нателла, пожалуйста!

Нателла Акаба – У меня небольшие комментарии. Кажется, вот эта модель, которую Марина предложила, она очень полезна в том плане, что позволяет нам посмотреть на себя как бы со стороны, может, лучше понять, что нами движет. Но тем не менее, мне кажется, было бы некоторым упрощением думать, что наступит время, когда отношения между абхазами и грузинами будут только отношениями между взрослыми и взрослыми. Мне кажется, этого никогда не будет. Даже когда мы найдем наконец какую-то формулу и не знаю, что это будет, но конфликт будет окончательно урегулирован, все равно между нами останутся вот эти все стереотипы. Может быть, не все, их станет меньше, но определенные стереотипы, определенная какая-та конфликтность, идеализированное представление о прошлом каждого из этих этносов – это все останется. Мне кажется, это является частью нашей этнической самоидентификации. Поэтому было бы наивно ожидать, что мы все очистимся от всех этих наслоений, станем какими-то стерильными людьми. Мне кажется, самое главное – чтобы мы научились жить со всем этим, со всеми нашими какими-то представлениями друг о друге, чтобы это нам не мешало строить нормальные отношения. Я могу сказать, что, наверно, все знают, что даже в Европе, которая интегрируется, тоже есть какие-то стереотипы (например, у французов в отношении немцев, и наоборот) и далеко не такие уж любовные, безоблачные отношения, но это не мешает этим нациям, этим государствам интегрироваться. Я например, знаю, что в Швейцарии, в этой благополучной стране, до сих пор нет единого учебника истории. Там в разных кантонах, в зависимости от того, являются они франкоязычными или италиязычными и т.д., в каждом из них свое представление об истории. Иногда эти представления противоречат друг другу, и предрассудки в отно-

шении той или иной нации продолжает существовать до сих пор. Самое главное – не пытаться избавиться от наших собственных пред-
рассудков (мы, наверно, никогда от них не избавимся), но сделать так, чтобы они нам не мешали нормально жить и строить нормальные отношения.

Ираклий Сургуладзе. – Я очень коротко. Я считаю, что эти аналогии, когда их применяют к историческим процессам – не аналогии, а эти системы достаточно условны. Они могут куда-то завести. Наверно, вся моя позиция заключается в том, что аналогии хороши, но как бы удачно они ни применялись, наверно, вопрос может решаться только специфическими средствами. А так мы просто меняем ракурс, чтобы посмотреть на явление с другой точки зрения. А на самом деле при разрешении, конечно, данные схемы можно только учитывать, но они ни в коей мере не являются решающими. Так что мне показался, что мы увлеклись. У меня кое-что тут записано, но нет необходимости... Мне более интересно дать слово народу. Спасибо.

Нодар Сарджвеладзе. – Я не совсем уверен, что скажу что-то весомое, но я приветствую этот доклад, потому что хоть часто и сам воздерживаюсь от применения психологии к политике и к межгрупповым отношениям, межнациональным, межэтническим, но сегодня, когда я слушал, я немножко переосмыслил многие вещи, и я считаю, что применение таких схем из психологии в области межнациональных отношений, видимо, имеет свое право и даже свою ценность, и даже свои преимущества, да. И это в ответ Мише Чачхунашвили – Миша поставил этот вопрос методологически. Шпенглер, например, взял схему из биологии. Положение о том, что человек, живое существо, рождается, потом растет, потом стареет, потом умирает, он применил к культуре, к цивилизации и т.д., и построил свою циклическую теорию истории. До него еще Спенсер... Фрейд тоже делал блестящие аналогии, тоже умел. Я думаю, подобная схема, схема Берна, она тоже, наверно, имеет свой потенциал. И в чем он может заключаться? Не только в этих вещах, но у того же Берна (я очень советую с этой системой познакомиться) есть еще очень интересные, построенные по этой схеме, сценарии поведения. Марина тут рассказала очень коротко, а он описывает примерно 400 игр. А что такое межгрупповая жизнь, и что такое политика? Она чаще всего

строится по принципу сценария. Есть какие-то события, которые то ли программируются, то ли идут по какому-то сюжету, обязательно имеют какой-то сценарий. И вот на основе такой схемы Берн построил теорию сценария поведения людей, довольно-таки эвристическую. Она может помочь понять многое из нашей жизни. Я почти уверен, что такой подход будет выступать не только в плане аналогии и описания, но и в плане эвристическом, потому что многие вещи из нашей жизни нами не осознаны, до многих вещей мы не можем добраться аналитически: а почему так случилось в той ситуации и почему не случилось именно в грузино-абхазских отношениях? Я считаю, что это начало какого-то интересного пути. Если Марина продолжит в этом направлении, это было бы действительно хорошо и здорово. Хотя это очень трудно, потому что я бы, например, проанализировал, исходя из этой схемы, грузинскую прессу или, например, высказывания политиков – допустим, грузин, и абхазов тоже, если удастся получить побольше материалов. В отличие от таких исследований, когда применяется какой-то контент-анализ с очень примитивными инструментальными понятиями, если приложить вот эту схему – более богатую, более динамичную – она принесет очень интересные результаты и как исследовательская схема. Наверняка, думаю, интуитивно чувствую, что она очень пригодится. Спасибо.

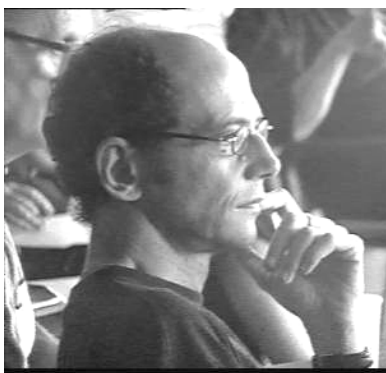
Ираклий Сургуладзе. – Извините, я думал, он скажет то, что мне надо было сказать. Тогда я беру свои слова обратно. Единственное, что мне хочется сказать: в отношении этносов, больших социальных групп, я не считаю, что этот процесс необратим (скажем, ребенок-родитель, или взрослый-взрослый или любая комбинация из них). Видимо, в зависимости от исторической среды, обстоятельств, традиций, и т.д., один и тот же этнос в разное время может проявить себя в разных категориях: сегодня может быть родителем, а в следующий раз ребенком или взрослым. В этом отношении на фоне доклада Лаши и того, что сейчас сказал Каха, у меня появилось такое ощущение, что если это свойство ребенка – приводить малодоказанные или малоаргументированные заявления о своих желаниях, выдавать желаемое за действительность, то... Мы ведь часто меняем свои позиции. О позиции абхазов в 1918 г., когда они были более гибкими, более пластичными, учитывали существующие обстоятель-

ства, я бы не сказал, что это позиция ребенка. Я сегодня слушал об отношениях с разными государствами, с разными политическими силами, о том, что малые народы кто-то упрекает за их малость... Они прекрасно доказали, что никакой это не малый народ – это совершенно взрослая нация. Но, в общем, тенденция такая пошла историческая и развитие пошло в такую сторону, что если сравнить нынешнее положение, тут налицо явное помоложение, тенденция к помоложению этой позиции. Сейчас она более категоричная, с меньшим учетом всего комплекса ситуации. Поэтому эти схемы всегда условны. Они пригодны, только за собой оставляют много чего и все-таки остаются в области аналогий. Спасибо.

Далила Пилия. – «Они так хорошо рассуждают. Они уже не дети!»

Арда Инал-Ипа. – Когда появляется категоричность, это как раз уже не детская, а родительская позиция.

Ираклий Сургуладзе. – Ну хоть бы и родительская. Может быть, я ошибся в определении.

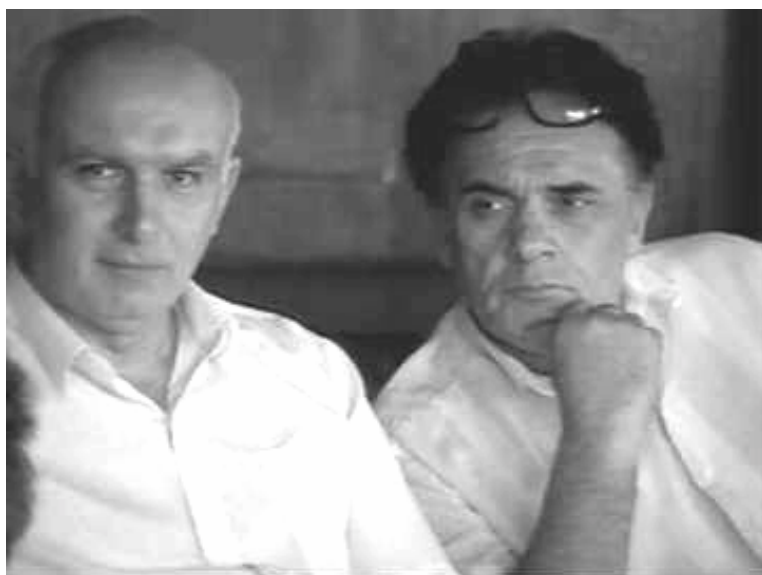

ДОКЛАДЫ

Ниже публикуются тексты тех докладов, чей печатный вариант, представленный после конференции, существенно отличался от устного. Все устные доклады воспроизводятся в основной части сборника, вместе с дискуссиями.

Зураб Джапуа

Абхазский институт гуманитарных исследований

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ ПРИМИРЕНИЯ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ АБХАЗОВ

(тексты и комментарии)

Никто еще, кажется, не выводил традиционные формы примирения непосредственно из разностадиальных и разножанровых фольклорных произведений. При изучении обычного права абхазов этот фольклорный пласт пока еще остается вне поля зрения исследователей.¹

Между тем, абхазский фольклор доносит до нас весьма интересную картину, которая может раскрыть неизведанные формы и возможности народной дипломатии. «Фольклорные модели обладают поразительной живучестью и стойкостью, они живут тысячелетия, и истоки их уходят, как правило, в глубокую архаику, в тайники тех ступеней общественного сознания и практики, которые принято называть примитивными» [Абаев, 1990, с.330]. В этом смысле фольклорные мотивы и сюжеты существенно дополняют не столь многочисленные источники, описывающие обычное право абхазов, поскольку они с присущей им устойчивостью сохраняют самые древние, исконные формы национального менталитета.

Более того, в фольклоре народная дипломатия отражается не просто эпизодично, а в сюжетном развитии, в фабульной событийной цепи, и, глав-

---

¹ Ближе всего к этому А. Гуажба, который в своих разысканиях по обычному праву абхазов, обращает внимание на некоторые исторические сказания и устные рассказы [Гуажба, 1999, с. 41-79; Гуажба, 2000, с. 66-82].

ное, в нем ощущается само отношение народа к различным формам традиционного примирения. Существенно и то, что, по специфике фольклора, народ хранит в своей памяти не всякие факты, а именно те события, которые поразили его своей необычностью.

Хотя, разумеется, к фольклорным данным нельзя относиться как к сугубо историческим письменным источникам. Фольклорный реализм – особый реализм, и в силу специфических черт своей поэтики, отличается от исторической действительности. По В. Проппу, несмотря на то, что фольклор порожден действительностью, историческая основа фольклорных жанров различна. «Есть как бы два вида жанров: в одних историческая действительность отражена лишь в общих чертах помимо воли исполнителей, в других она изображается совершенно конкретно, в них описываются исторические события, положения и персонажи» [Пропп, 1998, с.192]. Для первых (к ним относится нартский эпос и отчасти героико-исторические сказания) характерно такое эпическое условное время, которое воспринималось либо как изначальное время первообразования и упорядочения мира, либо как историческое, поэтически сконструированное, действительно существовавшее. Вторые (в частности, героико-исторические сказания и устные рассказы) отражают историческое время, которое характеризуется преодолением концепции эпического времени, установкой на описание событий в конкретно-эмпирических формах.

Тем более важно выяснить, как изображаются традиционные формы примирения в повествованиях столь разных фольклорных формаций, и в чем заключается историко-культурная неодинаковость, изменимость подобных изображений.

Итак, читателю предлагаются тексты (точнее – текстовые образцы в качестве примеров), чтобы выявить основные естественные формы примирения у абхазов не путем абстрактных умозрений, а путем наглядного показа вербальных форм традиционной культуры.

Тексты сгруппированы по жанрам и даются, с одной стороны, в сокращенной форме (пропуски помечены следующим знаком – <...>), а с другой – с некоторыми аннотациями и уточнениями (они заключены в квадратные скобки). При переводе текстов основное внимание уделялось максимально точной передаче содержания сюжетов.

Выясняется, что тема народной дипломатии находит широкое воплощение в повествовательной традиции абхазов, в ее архаических и более поздних пластах. Конкретно она представлена в трех жанрах: в героико-архаическом нартском эпосе, героико-исторических сказаниях и в устных рассказах.

Очень характерно, что тема традиционного примирения проходит сквозь призму героико-архаических и героико-исторических произведений,

– ведущих жанров абхазского фольклора. Героическая тематика, как установлено, является лейтмотивом почти всей абхазской словесности. «Героикой пронизаны не только эпические жанры, но в значительной степени и все другие разновидности устной поэзии, включая и лирические песни и короткие афористические жанры» [Салакая, 1976, с.25]. Основа тому – беспрерывная борьба абхазов с различного рода противниками на протяжении всей своей истории. Разумеется, народ, прошедший столь глубокий героико-исторический эпический путь, не мог не выработать своего воинского этикета и собственных механизмов миротворчества.

Так, отобранные мною тексты выстраивают следующий ряд традиционных форм примирения или принуждения к миру.

1. Магическая сила слова («адоуха»). Это одна из самых древних (мифоэпических) форм примирения. Она засвидетельствована в контексте архаического эпоса. Мать нартов Сатаней-Гуаца, слова которой сбывались, с помощью слова-заклинания («доухала») положит конец непримиримой вражде между Сасрыкуа и братьями-нартами (текст 1); останавливает поединок Нарджхью и Хуажарпыса (текст 2).

Величественный женский образ кавказской эпической традиции, могущественная чародейка Сатаней-Гуаца предстает в данных сюжетах в роли магического медиатора. И что весьма существенно, сказания эти относятся к древнему слою эпической архаики. Отсюда можно предположить, что у древнего абхазского народа корни традиционного института примирения глубоко архаичны и восходят ко времени зарождения первоначального ядра нартского эпоса – к рубежу III-II тысячелетий до н.э.

Историческое развитие магии слова, слова-заклинания уже в стадии позднем историческом сказании (текст 6) дает более реалистичную форму народной дипломатии – речь оратора. Удачно и умело высказанное слово — золото, оно постоянно сохраняет магическую силу. Искусно выстроенная речь оратора сама по себе подводила враждующие стороны к примирению.

О магической силе слова, об ораторском мастерстве абхазов свидетельствует и наличие в их словесной традиции целого ряда устойчивых словосочетаний, пословиц и поговорок. Ср. например: «Человека успокаивают словом», «Язык (речь) человека – лекарство». Как выразился поэт, слово – «исцелитель и спаситель сердца» (Б. Шинкуба).

2. Хлеб-соль «ачейджика». По одному сюжету генеологических преданий (текст 5), абхазы, оказавшись в опасной ситуации, спаслись с помощью хлеба-соли: по совету ясновидящей старухи, они рассыпали вокруг себя муку и соль, которые не смог переступить конь преследователя. Далее последовали угощения и примирение. Хлеб-соль, словно неприступная

крепость, защищает людей. Так, в традиционной культуре абхазов магические, сакральные функции хлеб-соли весьма значимы и знаковы.

В этой связи ср. абхазские пословицы: «Каменная ограда вокруг Абхазии – это хлеб-соль», «Хлеб-соль абхаза никто не переступал», «Нет ничего такого, что бы не выкупила хлеб-соль», «Хлеб-соль может соблазнить и самого Бога».

3. Молочное родство («акыкацхара» – прикосание к материнской груди). Этот, обряд служил весьма эффективным способом принуждения к миру. «Убийца, стремясь избегнуть мести, мог ворваться в дом убитого или подкараулить с товарищами нужную женщину из потерпевшего рода и насильно коснуться губами ее груди, чтобы прекратить вражду. Мечь прекращалась и в том случае, если мать, сестра или жена убийцы, проникнув незаметно в дом убитого, хватала первого попавшего ребенка и делала вид, что кормит его грудью» [Инал-Ипа, 1965, с.442].

В представленных текстах данный мотив фигурирует в четырех местах – в нартском эпосе, в героико-исторических сказаниях и в устном рассказе. По нартскому сказанию, народ, возбужденный до предела, обращается к всеильной Сатаней-Гуаще с просьбой остановить жаркий поединок Нарджхьюу и Хуажарпыса (текст 2). Женщина могла защитить даже чужого убийцу, если он случайно или сознательно оказывался у нее в доме, заставив его противника коснуться губами ее груди (тексты 7, 13). А по традиционным нормам поведения, уважающий себя абхаз не мог отказаться от предложенной ему материнской груди (от молочного родства), хотя знал, что это означало усмирение. Иногда, когда, например, враждовали представители двух народов, противной стороне предлагалось поцеловать грудь не одной, а нескольких матерей (текст 10).

Об исконности обычая прикосания к материнской груди свидетельствует его распространенность в эпической и сказочной традициях не только абхазов, но и их близкородственных народов – абазин и адыгов. [см. Алиев, 1986, с. 139-142]. Первоначально, вероятно, формула этого обычая относилась к эпическим или сказочным противникам героя – злой старухе или великанше. Ср. в адыгском нартском эпосе: «Наконец, подъехал он к переправе и встретил великаншу; она купалась в реке, груди ее были закинута за спину. Незаметно Куаго подошел к великанше сзади и приложился к ее груди. Обернулась великанша и сказала:

– Пусть ослепнут мои глаза, которые не увидели тебя; как хорошо было бы проглотить тебя, словно ягненка!

– Эй, наша мать, пусть твои глаза принесут тебе счастье, если не съешь меня, тебе найдется что поесть. Я путник. Большая забота у меня, большое дело, – сказал Куаго.

– Что за забота у тебя, мой сын? Скажи мне, ведь теперь ты стал мне молочным сыном, если смогу, помогу, – сказала великанша» [Н.адыг., с.309].

В дальнейшем этот атрибут эпического или сказочного противника переносится и на другие образы – Сатаней-Гуащи (в нартском эпосе) или обычной матери (в героико-исторических сказаниях и устном рассказе).

Своеобразным вариантом обычая молочного родства («акыкацхара») выступает другой способ примирения – разделение материнского молока («агупыххш абжацара»), когда мать, имеющая грудного ребенка, кормила своим молоком и другого (чужого) грудного ребенка. Такая форма молочного родства считалась священной и весьма надежной. Она могла положить конец как личным, так и массовым межплеменным распрям (текст 8). Ср. в абхазской словесности устойчивая традиционная формула-предупреждение, вероятно, восходящая к данному обычаю: «Кровь с молоком не смешивай!» Ср. также абхазскую поговорку: «Нет ничего священнее молока матери».

4. Воспитание и усыновление («ащапсахупха» – букв. «воспитанник за цену крови» или «ценою крови»). Медиаторы, с помощью царя или других мудрецов, брали (или похищали) сына пострадавших и отдавали противнику на воспитание (тексты 11, 15). «Воспитание ребенка, по обычаю аталычества и усыновления («аюнадара»), преграждало путь мести, так как этим способом два различных рода заключали между собой родственный союз, а внутри одной родственной группы, кровная месть не допускалась» [Инал-Ипа, 1965, с.441].

Впоследствии мотив заключения родственного союза редуцируется. Уже без самого обряда, по просьбе пострадавшей стороны, враждующие вступают в братские отношения (тексты 9, 10). Ср. «мужчин он обнял, прижал к груди, как молочных братьев» (текст 10). Или же, по совету мудреца, представитель одной из конфликтующих сторон брал в жены сестру противника, и это приводило к примирению (текст 12). Если убийство происходило не умышленно, а случайно или по вине убитого, то зачастую, по решению мудрого отца последнего, либо по желанию самого раненого, невольного убийцу усыновляли пострадавшие родители (тексты 18, 19, 20). Так, абхазы даже в самых критических ситуациях следовали логике правды и справедливости. Ибо несчастье («амашыр») считалось очень опасным явлением в судьбе человека.

5. Траур – вхождение в состояние скорби. Этот очень эффективный способ умилоствления разгневанного засвидетельствован в нартском сказании и в устном рассказе абхазов (тексты 3, 13).

Жена Нарджхьюу в сопровождении мудрецов, чтобы искупить свою вину, идет к своему разгневанному мужу с распущенными волосами, бо-

сая, и муж милует ее. По этому сказанию, начало обычая распускания волос («ахцпыртлара») и хождения босой («ашапхтра») на похоронах этиологически связывается с женой Нарджхью.

Типологическую параллель к данному древнему мотиву мы находим и в других мифологических традициях, например, в аккадской. «Согласно мифу, Адапа, сын бога Эй, <...> правил в городе Эредуг и рыбачил <...>. Однажды южный ветер опрокинул его лодку, за что Адапа обломал ветру крылья. Бог неба Ану (шумер. Ан), разгневанный отсутствием южного ветра, требует Адапа к ответу. Зия советует ему пойти к Ану, облачившись в траурные одежды <...>. Ану великодушно решает помиловать Адапу» [Мифы, 1987, с.44].

В другом тексте описывается имитация погребения со всей его атрибутикой: облачение в траур, выставление гроба, оглаживание волос (бороды), скорбь с обнаженной головой и с босыми ногами и т.п. (текст 13).

Этот мотив траура, по всей видимости, восходит к предыдущей традиционной форме примирения – воспитание и усыновление. Т.е. имитировались похороны не просто убитого, а как-бы своего воспитанника («ахупха»). Люди, которые имитировали траур, словно давали знать другой стороне конфликта, что были бы готовы взять на воспитание ими же убитого человека. Поэтому, можно сказать, что и их постигло страшное, ни с чем несравнимое горе. А это – сильный аргумент для противников примирения. «Смерть воспитанника — одно из величайших несчастий для того рода, который его воспитал. И потому всякая кормилица-абхазка часто молится: «Да не удостоит меня Бог увидеть смерть моего воспитанника!». И неувидительно: до сих пор ни одна родственная связь в Абхазии не сильна в той степени, как связь воспитанника с воспитавшим его родом» [Джанашиа, 1960, с.81-82].

В этот же контекст вписывается и другая разновидность примирения – посещение могилы («аньшунтра атаара» – букв. «стать гостем могилы») убитого или других родственников пострадавших (текст 14). «В данном случае убийца оказывался под защитой убитого им человека, став его гостем» [Барцыц, 1999, с.36]. Вместе с тем, думается, что данный мотив восходит не столько к обычаю гостеприимства, сколько к имитации скорби по воспитаннику. Ср. описание: «Все родственники убийцы вместе с ним, одетые в глубокий траур (после предварительных переговоров, но иногда и без них), во главе с почтенными старейшинами, приходили на могилу убитого, ведя с собою быка в траурной материи, со свечами на рогах. Старики трижды обходили могилу, остальные, преклонив колени, застывали перед ней. Убийца заходил внутрь ограды и, обнимая могилу, ложился лицом к изголовью, или же, преклонив колени, стоял со своими близкими. После

этого потерпевшие шли на встречу и между бывшими врагами устанавливался прочный мир» [Инал-Ипа, 1956, с.81].

6. Плата за кровь («ашапса»). Обычай этот являлся «одним из важнейших средств примирения» [Инал-Ипа, 1965, с.438]. Он связан и с мотивом воспитанника. «Хотя абхазы отрицательно относились к «ашапса» – плате за кровь, широко распространенной на Северном Кавказе (которая, по словам информантов, достигла в дореволюционный период 500-300 рублей), цена подарков, с которыми возвращали воспитанника, приближалась к этой цифре» [Барцыц, 1999, с.36].

По данным фольклора, ценой крови могла быть и насильственная передача воинов одной стороны конфликта другой (по-видимому, это – первоначальная форма платы за кровь), как в нартском сказании (текст 4), а также в виде предоставления пострадавшей или непримиримой стороне животных – лошадей, быков, коров и т.п. (тексты 10, 11, 16).

Часто в контаминации с данной формой народной дипломатии фигурирует и другой фактор примирения – подача обиженному ляжки (быка) за цену крови – «ашапсамаха» (текст 16). Ср. в нартском сказании слова похитителя Гунды Прекрасной: «Эта ляжка (быка) – ляжка за цену крови («шапсамахоуп»), не забывай, эта ляжка [принадлежит] воспитаннику за цену крови («шапсахупха махоуп»)» [СМС, с. 22].

7. Героическое (рыцарское) поведение медиатора («абжьаказа»). Оно само по себе могло остановить кровопролитие (тексты 4, 9, 21). Здесь важным фактором примирения становится степень известности, авторитета посредника между противоборствующими сторонами.

Вероятно, с этим связан и другой атрибут воинской этики – медиаторы могли заставить противников сложить оружие («абджар аштацара»), и сдать ее виновную сторону пострадавшей стороне (тексты 4, 17).

8. Счастливая случайность. Иной раз даже счастливая случайность, которая зависела от уважительного отношения к врагу (текст 22) или остроумия женщины и т.д. (текст 23), могла стать решающим фактором примирения. Здесь особенно отчетливо проявляются возможности психологического состояния конфликтующих, традиционные психологические приемы примирения.

* * *

Итак, на основе ряда образцов повествовательного фольклора проявляется, что корни народной дипломатии абхазов уходят в глубокую эпическую архаику. Хотя очевидна и связь традиционных форм примирения с классическим патриархальным обычаем кровной мести.

Число традиционных форм примирения строго не ограничено, оно варьируется и зависит от многих факторов: от времени и обстоятельств конфликта, психологического настроя противников, степени возможностей и авторитета медиаторов и т.п. Однако из выделенных выше разновидностей доминируют следующие:

- 1) магическая сила слова;
- 2) хлеб-соль;
- 3) молочное родство;
- 4) воспитание и усыновление;
- 5) траур – вхождение в состояние скорби;
- 6) плата за кровь;
- 7) героическое (рыцарское) поведение медиатора;
- 8) счастливая случайность.

Некоторые из них находят типологические параллели и в других традиционных культурах и могут иметь по несколько вариантов.

Особый интерес представляет инверсия традиционных форм примирения, которые в медиаторской практике очень часто контаминируются, соотносятся между собой. Например, магия слова и молочное родство – в одном сказании (текст 2), молочное родство и плата за кровь – в другом сказании (текст 10), траур – вхождение в состояние скорби и молочное родство – в третьем сказании (текст 13) и т.п.

Некоторые формы примирения строятся по формуле антитезы (3,4,5): состояние вражды заменяется родством. Дело завершалось не просто примирением враждующих, а заключением между ними родственных связей, а среди родственников кровная месть исключалась.

Обращает на себя внимание уважительное отношение виновника к мстителю и его родственникам. Именно поэтому (а не из-за страха) виновник становился абреком, уходил в лес, переселялся как бы в иной мир, вел другой, отчужденный, скитальческий образ жизни.

Примечательно еще одно обстоятельство. Согласно преданиям, в абхазской народной дипломатии роль женщины-матери поистине велика. Почти во всех выделенных формах примирения, наряду с мужчинами-медиаторами, выступают и женщины-медиаторы, начиная с первого текста (с Сатаней-Гуащи) и кончая последним (женой одного из противников).

В представленных текстах, в роли медиаторов фигурируют мудрые старейшины (женщины и мужчины), герои и государи. Отсюда можно полагать, что медиаторство главным образом ассоциировалось с мудростью и ораторскими способностями старейшин, героев и царей. В этом смысле любопытно народное примечание о медиаторских способностях Д. Гулия – просветителя и основоположника абхазской литературы: «Нашу дерев-

ню часто посещал Дырмит Гулиа. Если люди ссорились, то он немедленно мирил их» [АФ, с. 439].

Одна из форм трансмиссии постоянно обновляющейся фольклорной культуры состоит в обращении к ней для постижения живой сути национальных традиции, для связывания поколений непрерывной нитью народной памяти, для «переключки» времен и эпох. И в современном небезопасном мире, в связи с урегулированием локальных вооруженных конфликтов, резко повысилась внимание к национальным духовным и нравственным ценностям, к народной дипломатии. Ибо «законодательство и, в частности, международное право не всегда соответствуют естественному праву, которое основывается на простом чувстве справедливости» [Старовойтова, 1999, с.15].

Опыт абхазской традиционной дипломатии, официально отторгнутый во время советской тоталитарной системы, доходит до нас (далеких потомков) посредством живой народной памяти – в виде устного и историко-этнологического наследия. Изучение традиционного института примирения дает возможность непосредственно ощутить менталитет народа, без которого, кажется, просто невозможно договориться и окончательно выйти из напряженной ситуации, тем более когда речь идет о войне.

Таким образом, думается, что выделенные традиционные формы примирения могут оказаться сегодня чрезвычайно важным контекстом для политического диалога конфликтующих сторон, так как обращение к старине, осознание прошлого необходимо для сохранения и упрочения самой современности, и «как бы ни оценивалось прошлое перед лицом настоящего, остается бесспорным, что «новизна» наших дней не может утвердиться без обращения к старине» [Толстой, 1994, с.2].

Тексты

<Из нартских сказаний>

1. [Все 99 братьев-нартов не приняли, не признали своего чудесно рожденного из камня брата Сасыркуа, назвав его незаконнорожденным. Со временем эта неприязнь переросла в настоящую непримиримую вражду. Однажды нарты, как всегда, без Сасыркуа отправились в поход].

<...> Сасыркуа, <...> обогнав их, <...> крикнул: Здравствуйте, сто нартов!

Однако братья возмутились, дескать как ты, незаконнорожденный, смел нас приветствовать, и прогнали его. <...> Такое отношение обидело его и, возвратившись, он пришел к Сатаней-Гуаще и спросил ее, почему так отнеслись к нему [его братья].

Сатаней-Гуаща обиделась и прокляла нартов: «Вы, сто нартов, да попадете в такую непогоду, чтоб пошел снег невиданный, а если дождь – то невыносимый, чтоб не было вам выхода, чтоб не было вам иного избавления, пока вас не вызволит Сасыркуа!»

После такого проклятья она велела ему поехать за ними. Нарт Сасыркуа на своем коне-араше пустился в путь, настиг их и, действительно видит — сбилось проклятье их матери, все сто [братьев] ни живые, ни мертвые терпят [страшное] бедствие.

– О, нарт Сасыркуа, ты и брат нам, и лучше нас, спаси нас! – взмолились они.

Сасыркуа нацелил стрелу на самую яркую звезду, отпустил тетиву, и самая яркая звезда упала к ногам братьев.

– Идите, погрейте руки, передохните, пока я не раздобуду огня, сказал он и направился в далекий край, над которым был заметен дымок <...>.

Сасыркуа <...> снес <...> голову, [адауы-великану, кольцом сбившемуся вокруг костра], <...> взял огонь и вернулся к братьям. К этому времени они совсем заоченели и были едва живы. Он развел им большой костер, отогрел, накормил и привел их домой.

Таким образом, мать нартов, чьи пророчания сбывались, наказала своих сыновей за то, что они не принимали Сасыркуа за брата, дескать, он незаконнорожденный, сделала так, чтоб попали они в беду и не могли выйти из нее без помощи нарта Сасыркуа.

[Хашба, с. 171-174]

2. [Нарджхью-герой похищает единственную сестру нартов Гунду Прекрасную, уже сосватанную Хуажарпысом; последний, услышав об этом, нагоняет соперника.]

– Эй, эй! – крикнул Хуажарпыс. – Остановись, если на голове у тебя не женский платок! <...> Стой, умыкнувший мою невесту!

– Стою! – ответил Нарджхью.

И остановился.

– Отпусти ее, – сказал Хуажарпыс, – и мы расстанемся без кровопролития!

– Нет, – сказал Нарджхью, – быть бою!

И враги без лишних слов встали друг против друга. Приготовили они луки свои для боя, запаслись стрелами.

– Ты стреляй первым, – сказал Хуажарпыс.

И полетели стрелы от одного к другому. Летели со свистом. Летели целый день!

<...> Вот кончились стрелы.

– Я наготовлю еще, – сказал Нарджхью.

– Нет, – возразил Хуажарпыс, – с тобою женщина. Стрелы наготовлю я сам.

Кончились и эти стрелы. И наготовил их Нарджхью.

И снова полетели стрелы от одного к другому.

<...> Нарджхью пришел в ярость и ускорил стрельбу. И вот его быстролетная стрела попала в голову Хуажарпыса и расколола ее надвое. Хуажарпыс схватился за голову и крикнул:

– Если ты мужчина – устроим передышку. Я тем временем сбегая к [кузнецу нартов] Айнар-жи и скреплю свою голову.

– Хорошо, – согласился Нарджхью. – У меня в бедре застряла твоя стрела. Пока ты вернешься, я вытащу ее.

Придерживая расколотую голову, Хуажарпыс помчался к Айнару. <...>

– Помоги мне, – попросил Хуажарпыс кузнеца. – Я тороплюсь, ибо Нарджхью ждет меня <...>.

Айнар, не мешкая, принялся за работу. Наложил на рану медные заплаты, вбил гвозди, надел железный обруч на голову и расклинил его железными клиньями.

И снова встали друг против друга Нарджхью и Хуажарпыс.

Пустил стрелу Хуажарпыс, и она раздробила руку противника. Пустил стрелу Нарджхью, и она раздробила колено противника.

Вовсе обессилели герои. Хуажарпыс снова был ранен в голову. Не мог уже стрелять и Нарджхью. Он вместе с Гундой двинулся дальше, но уже не мог достичь перевала Хвymiа и лишился сил на перекрестке семи дорог.

Попросил народ Сатаней-Гуашу [матерь нартов]. Все знали, что ее желание сбывается.

– Если можно, разведи их, сотвори чудо!

Но Гуаша сказала: – Посмотрим, кто победит.

Возбужденный до предела народ вновь просит Сатаней-Гуашу, ей целуют подол, дескать, сотвори чудо.

– Оставьте меня, – сказала она и отказалась.

Тогда поцеловали ее в грудь. Отсюда и пошел [обычай] целования материнской груди.

Тогда Сатаней-Гуаша встала, обратилась к народу:

– Вы действительно хотите, чтоб я их разведала!

– Обнимаем твои золотые пяты, Сатаней-Гуаша, умоляем тебя, разведай их и успокой народ!

Тогда Гуаша встала и изрекла: – Нан, Гунда, будь ты покровительницей пчел и меда. <...> Нан, Хуажарпыс, будь ты деревом [рододендрон], пусть плетут из тебя дома, стань прутьями из рододендрона! А ты, Нарджхью, доставивший нам столько [горя], из-за твоего зла, да обратишься

в каменную глыбу! – сказала Сатаней-Гуаца, и только она закончила свои слова, как они сбылись.

[Н.абх., с.331-350; СМС, с. 21-23]

3. [Нарджхьоу и его жена, живущие в разных крепостях, приступая к трапезе, подают об этом знак друг другу. Узнав о том, что жена пообедала, не предупредив его, герой в ярости кидает камень в ее сторону. [Жена Нарджхьоу], в сопровождении достойных людей, с распущенными волосами, босая, пошла к Нарджхьоу просить у него прощения. [Тогда] Нарджхьоу <...> простил [ее невольную ошибку].

[Н.абх., с. 332-333]

4. [Нарт Дыд вступает в бой с похитителями красавицы из рода Лыдзаа]. Дыд вылетел из засады, грозя растоптать врагов.

И враги побросали оружия.

И связал Дыд врагов. Но [предводителя войска] Акулана Акуланкиару не связал, а погнал его впереди себя. <...>

Лыдзаа рубились с врагами. Кровь текла, с обеих сторон падали люди.

Видел все это Дыд с высокого холма и сказал он Акулану Акуланкиаре:

– Если ты хочешь, чтобы ты и войско твое уцелели, – останови своих.

Если словом не остановишь, я убью тебя и переблю твоё войско. Выбери!

Акулан Акуланкиара был не глуп. Он понял, что имеет дело с нартом.

И он сказал:

– Я – в твоих руках и поступлю, как ты хочешь.

А затем вдохнул побольше воздуха в грудь и крикнул, чтобы его слышали все, кто бьется:

– Оставьте оружие! Это говорю я, Акулан Акуланкиара!

Не раз пришлось повторить эти слова похитителю девушки рода Лыдзаа, прежде чем его войско взяло их в толк и побросало оружие.

А люди, из рода Лыдзаа долго не могли понять, что случилось.

Так окончилось сражение. Люди рода Лыдзаа сосчитали, сколько воинов погибло с их стороны, и заставили Акулана Акуланкиару отдать им столько же людей да еще двух в придачу за попытку похитить девушку.

Остальных пленников отпустили, а потом вернулись к своим очагам, устроили пир и с почетом приняли Дыда.

[Н.абх., с. 62-66].

<Из героико-исторических сказаний>

5. <...> [Некоторые] абхазы когда-то жили в Абиссинии. Но они не поладили с тамошним режимом и перебравшись сюда, на берег моря. Послали за ними войско, но оно не догнало их, тогда послали Хазаратли. Абхазы уст-

роили привал для отдыха на огромном поле. Вдруг одной старухе приснилось, что царь отправил за ними Хазаратли. «До этого мы справлялись со всеми преследователями, но теперь нам не суметь этого», – сказала старуха.

Мужчины и так, и этак обсудили, что делать, но ничего не смогли решить. Тогда они обратились к старухе. «Нан, оружием вы его не одолеете, но рассыпьте вокруг муку и соль», – сказала старуха.

И вот утром Хазаратли на коне-араше пришел к месту, где была рассыпана мука, араш остановился. Что он только ни делал, но араш не сдвинулся с места. Потом его приняли в каждой семье, зарезали ему быков. Он уходил из каждой семьи, благодаря за хлеб-соль абхазов. Неделю он находился среди них <...>.

[АФ, с. 65]

6. Был такой по имени Лымхаш Асланыкуа, жил безвылазно в селении Дал. <...> Ему было одиноко, скучно, и, чтобы рассеять скуку, придумал себе такую забаву. Клал в одном месте свой башлык, в другом – душегрейку, представлял, что это два поссорившихся человека, и начинал он их мирить. Ставил свой посох в одном месте, вешал свое ружье в другом месте, представлял, что это два человека, между которыми кровная вражда, начинал их уговаривать забыть обиды <...>.

Царь Абхазии и Дальские Марщаниевцы не смогли поделить Сухум. <...> Началась вражда. <...> Марщаниевцы послали к царю людей для переговоров, но царь убил их. Марщаниевцы тоже убили посланников царя. Так дошло до войны.

Марщаниевцы и днем и ночью сидят в местечке Куакуа-лыдж, решают, кого послать к царю, и никак они не могут найти такого человека.

В один день к ним пришел Асланыкуа <...>.

– Если вы доверяете мне, я готов пойти к царю! – сказал он.

– Если хочешь, иди! – сказали они, особо не настаивая. Он тоже не спросил, что говорить царю.

Асланыкуа собрался идти к царю: хоть и лето было, он одел душегрейку, скатал бурку и повесил за спиной, взял ружье, сумочку для всякой мелочи, привязанную к ремню, словом, ничего не забыл.

Явился он в полдень в Лыхны к царю <...>.

– Уважаемый царь, я пришел от имени Дальских Марщаниевцев, посредник! – сказал он <...>.

Асланыкуа взял свой посох и стал говорить. Царь сразу понял, что перед ним большой оратор <...>.

Лымхашба говорит перед царем, но не только царь, а и все присутствующие слушают его, наострив уши. Из уст этого человека льется золото. <...> Так он помирил царя и Марщаниевцев.

[Шинкуба, с. 420-423]

7. Слава о роде Ахан-ипа шла великая. Во время скачек один крестьянин ударил камчой одного из Ахан-ипа. Разве можно было безнаказанно ударить Ахан-ипа камчой! Ахан-ипа погнался за ним, чтобы отомстить, смыть кровью позор. Бедный крестьянин, увидев, что Ахан-ипа настигает его, забежал в один из домов, а Ахан-ипа – за ним, чтобы убить. В это время из дома вышла мать, встала перед ним на колени и обнажила грудь.

– Хай, чтоб собаки тебя растерзали! Тот пес опозорил меня, но ты, оказывается, хуже! – сказал Ахан-ипа, опустился на колени, поцеловал женщину в грудь, встал и ушел.

[АФ, с. 160]

8. В прошлом абхазы и зихи сильно враждовали <...>. Когда вражда эта стала гибельной для обоих народов, абхазы привели в Цандрыпщ <...> сто женщин с грудными детьми, зихи тоже привели сто женщин с грудными детьми. Обменялись детьми, потом разошлись <...>. Так через материнское молоко породнились два народа, на этом закончилась вражда между ними.

[КЗ, №561]

9. Один русский офицер напал на кабардинцев. Там была крепость, он занял ее своим войском, посылает казаков, те корову приведут, быка, грабят народ.

– Русские напали на нас, убивают, уничтожают нас, мы не в силах, помогите! – сказали кабардинцы.

[Абхазы] сделали сход и сказали Кудж Капыте: – Ты должен пойти к русским.

<...> «Чтобы все живые вернулись!» – дал он обет и пошел в Кабарду. Пришел, а там люди плачут. Вдруг приходят казаки. Они схватили их, казаков, и посадили. Кудж Капыта посадил их, они ведь пришли грабить. Один из казаков стегнул коня и побежал. Кудж Капыта, хоть и был пешком, догнал его, схватил и посадил вместе с конем. Потом он пошел к крепости, окружил ее и стал ждать. Русский офицер со своим войском остался внутри, не может выйти: кто выйдет, тут же падает мертвый, сраженный пулей Кудж Капыта и его людей. Когда кончилась еда, офицер говорит: – Позволь выйти к тебе.

– Выходи, – сказал Кудж Капыта.

– Но я боюсь.

– Я мужчина, а не женщина, слово мое твердое. Выходи, я тебя не трону.

Офицер вышел из крепости, подошел к Кудж Капыте и обнял его.

– Большое спасибо! – сказал он. – Мне не стыдно, что такой мужчина победил меня.

Они помирились. Русские решили уйти, на этот раз ничего у них не вышло.

– Если можно, верни мне моих людей, – сказал офицер.

Кудж Капыта отпустил его людей. Но тот, кто хотел убежать на лошади и кого Кудж Капыта бегом догнал и схватил, отказался возвращаться к своим.

– Я был верхом, он пешком, и все же он схватил меня. С таким позором я не могу появиться среди своих друзей. Если он [Кудж Капыта] позволит, хочу у него остаться, быть ему братом, – сказал он.

Этот русский остался у Капыты.

[АФ, с. 147-148]

10. [Между Данакеем Ашуба и карачаевцами началась настоящая вражда, которая постепенно стала принимать очень жестокий характер. И тогда люди из Карачи, пожелавшие положить конец этому конфликту, приезжают к абхазскому царю].

Три женщины, десять мужчин взяли сто лошадей и быков и пришли в Лыхны, прямо к царю Абхазии.

Царь Хамытбей спросил, откуда они и зачем пришли.

– Мы хотим положить конец разбойничьим нападениям между нами. Первым делом просим тебя остановить Ашуба Данакея. Если ты не сделаешь этого, он вконец разорит нас. Дошло до того, что у нас детей пугают его именем. Еще раз просим тебя, царь, сделай так, чтобы Данакей больше не нападал на Карачы! – сказали они.

Царь принял гостей как положено, выслушал их, одарил их подарками. Когда они ушли, он позвал Данакея. Данакей тут же явился к царю. Царь сказал ему, как пришли карачаевцы, о чем они попросили его.

– Уважаемый царь, – сказал Данакей, выслушав царя. – Между мной и карачаевцем Бакуку была кровная вражда, но я, несмотря на это, послал к нему людей, чтобы он показал, где он захоронил моего брата. Но Бакуку не открыл этого места, но зато сказал много дерзких, оскорбительных слов насчет меня. Я не стерпел и убил его на глазах многих прямо в его дворе. Я не стрелял в него из-за засады, а напал на него в открытую, с саблей в руках. Больше я не держу обиды ни против одного карачаевца. Когда они совершают против нас плохие дела, мы тем же отвечаем. Но если они и вправду хотят помириться с нами, я не буду врать тебе, уважаемый царь, твое слово для меня закон.

На это царь сказал:

– Пятеро женщин, которые пришли, хотят стать тебе названными матерями, а десять мужчин – молочными тебе братьями. Кроме этого, они дарят тебе 50 лошадей и 50 быков.

Данакей согласился, он поцеловал в грудь женщин, и они стали его названными матерями, мужчин он обнял, прижал к груди как молочных братьев.

Потом он взял из стада 10 коров, отдал их слугам царя, чтобы зарезали, созвал народ и устроил пир. Все, кто услышал о примирении абхазов и карачаевцев, были рады, весть эта пришлась им по душе.

[Шинкуба, с. 423-429]

11. [Один человек из рода Смыр убил одного Марщаниевца, и между ними возникла вражда].

<...> – Я сделал так, для братьев будет плохо, ищут меня, я убегу, – сказал [Асмыр] и ушел в Пеху <...>.

– Пойди к Бзыбскому князю, возьми уважаемых людей, пойди и повинись, – сказала [жена].

Он взял <...> уважаемых, достойных людей, взял корову, которая не телилась три года, и пошел к князю <...>. Попросили князя, чтобы он пошел к Марщаниевцам и помирил их. Привели их сына на воспитание к Асмыру <...>.

[АФ, с. 74-76]

12. [Возникла вражда между племянником Гьяргуала Чачба и Марщаниевцами]. <...> Когда вражда эта накалилась до предела, Ачачба пошел к одному Эшба, слышшему человеком мудрым, за советом, как остановить вражду.

– Разведись с женой и женись на сестре Марщаниевцев, сделай их родственниками, только это поможет, – сказал Эшба.

Ачачба так и поступил. После этого они помирились, а то уничтожили бы друг друга <...>.

[АНИГС, с.20-22]

<Из устных рассказов>

13. [Двое братьев из рода Чукуаниа, жившие на Северном Кавказе, убили одного князя из рода Марщан и нашли убежище в Абхазии (в селе Лдзаа) у Агуачуа. Через год Марщаниевцы, преследовавшие братьев, тоже приехали к Агуачуа. И он дал им слово найти их врагов через год].

<...> Стал приближаться срок встречи, <...> а Агуачуа не знает, что делать. <...> Он созвал с каждого села самых уважаемых старых людей. Долго обсуждали, но ни к чему ни пришли. Тогда один старик говорит:

– Дад, есть одна старуха [по фамилии] Ампар, ей около 140 лет, она многое повидала в жизни, в том числе и махаджирство, она много знает. Пойдите и приведите ее, если она в силах, или же пошлем к ней людей, пусть спросят у нее, что нам делать. <...>

Несколько парней поехали за нею и привели. <...> Рассказали ей, в чем дело.

– Это легко решить, нан, – сказала она. <...> – Есть такая материя атаймарык, она белого цвета. Достаньте ее, сделайте отвар из коры ольхи и дуба и выкрасьте ее в нем в черный цвет. Сшейте из нее брюки и рубашку. Сделайте гроб и эту одежду положите в гроб. А ребята пусть отпустят бороды. <...> Когда придут Марщаниевцы, радостно встретьте их. Позовите уважаемых людей, соседей. <...> Хозяйка пусть сядет у изголовья гроба, будто кто умер из семьи, и она оплакивает его. А ребята пусть станут рядом, обнажив головы, босые. После этого заведите Марщаниевцев в дом. Марщаниевцы хорошие люди, они поведут себя как положено. <...>

Сделали, как сказала старуха. Пригласили Марщаниевцев. <...> Когда тот, чьего сына убили, увидел гроб и скорбящих мать и ребят, он подошел к женщине, поцеловал ее в обнаженную грудь и поднял ее. Все присутствующие стали на колени, благодаря их за такой поступок. <...> Агуачуа три дня и три ночи не отпускал гостей, устроил пир.

[ФАФ, к. 2Б, т.31]

14. Один князь и один крестьянин жили неподалеку друг от друга. Князя звали Дадын, крестьянина – Ткучы. <...> Ткучы был богатым и уважаемым крестьянином, семья у него была большая. <...> Как-то раз невдалеке от усадьбы Дадына проходили празднества. <...> Дадын по своему обыкновению стал ругать крестьян, поносить их. <...> Ткучы не вытерпел этих оскорблений, <...> размахнулся кинжалом и ранил Дадына в голову. <...> Родственники спрятали Ткучы. <...> Но сколько можно было прятаться, а люди Дадына ищут его, следят за его домом, ищут возможности, чтобы отомстить за своего хозяина. <...>

Ткучы не знал, что делать, как выйти из этой передраги, и вдруг он вспомнил один обычай, о котором он слышал от своих отцов, и которым можно было помирить кровников. <...> Он взял свою семью и всей семьей они залезли в надмогильное каменное сооружение, где были похоронены отец и мать Дадына. <...> Слуга Чахмат сказал об этом Дадыну. Князь пришел на кладбище и своими глазами увидел, что это так. Дадын вытащил пистолет, показал его Ткучы и сказал:

– Я мог бы пристрелить тебя, но не могу этого сделать, потому что здесь похоронены мои родители. Наши обычаи не позволяют мне так поступить с тобой. Я был тебе врагом до смертного часа, но твой поступок заставил меня одуматься, я не могу нарушить обычай наших отцов, выходи вместе с семьей, я вам теперь не враг. <...>

[Саманба, с.15-16]

15. [Марщан Тада и Лей Гедлач с давних пор враждовали и никак не удавалось их помирить].

Жена Тада <...> родила сына <...>. Люди знающие, достойные посоветались и решили: «Давайте подбросим ребенка Тада Гедлачу, Гедлач его

воспитает и они помиряются». Когда мать спала, они взяли ребенка и положили у дома Гедлача. Заставили Гедлача воспитать ребенка.

Потом толковые люди свели их и помирили, вражда между двумя фамилиями кончилась, не унеся ни одной жизни. И все это благодаря мудрости стариков <...>. Если бы сейчас были такие старики, дела у нас шли бы лучше.

[АНИГС, с. 102-105]

16. [Хуатхуат и Тамщыгу вступили в конфликт].

Ардзын Мамсыр, Хыц Сейдык и Дзкуа Жгери, люди знающие, достойные, оказались здесь.

Эти трое взяли Ханашва [отца Хуатхуата] и пошли к Тамщыгу.

– Просим тебя пойти с нами до Ханашва, – сказали они Тамщыгу.

Тот начал было отказываться, но таким видным людям пришлось уступить, и он пошел с ними к Ханашву. <...>

Зарезали козла, устроили пир, ему [Тамщыгу] дали ляжку [козла], сделали его родственником, подарили скот.

Вот такой случай произошел с Ханашва сыном Хуатхуатом и Хусина сыном Тамщыгуом.

[СМС, с. 77-78]

17. [Акуанба Ращыт три года сватал Зухба Селху, но она не соглашалась. Наконец, он, вопреки ее воле, похитил девушку и отправился в путь].

Три брата Селхы и двое ее дядей вскочили на коней и погнались за умыкателями. На краю селения они настигли их, началась перестрелка, Хуащыта [брата Ращыта] ранило в бедро.

Встало все селение, окружило и умыкателей, и преследователей. В этом селении жил Шапсыг Беслан, человек достойный, знающий, и жену имел такую же <...>. Жена Беслана стала кричать, останавливать воевавших, так она прекратила стрельбу, воевавших поймали <...>.

Решили так: умыкатель ранен, но пусть он выйдет к народу, расстелит перед братьями девушки бурку, положит на нее свое оружие – саблю, кинжал, ружье, мол, я в вашей власти, делайте со мной что хотите, может после этого брата пойдут на примирение.

Ращыт так и сделал: вышел, прихрамывая, расстелил перед братьями Селхы бурку, положил на нее свое оружие, стал на колени.

Родные девушки повыскакивали с мест, но Чача [жена Беслана] взяла оружие Ращыта и преподнесла старшему брату девушки. Но тот не стал брать.

С Азыхубавцами был их дядя Агудзба Джурым, он вскочил, взял у нее оружие:

– Дад, как ты можешь не взять трофей! – сказал он.

На этом и помирились.

[СМС, с. 103-105]

18. У шестерых братьев была единственная сестра. Она с одним парнем полюбили друг друга, но братья не позволили ей выйти за него. <...> Но она, вопреки их воле, вышла за этого парня. Когда братья узнали, они с отцом своим бросились вдогонку за ними. Но в пути конь парня споткнулся, девушка упала, конь наступил на нее и она умерла. <...>

Братья хотели тут же убить парня, <...> но отец не позволил. <...> Он предал дочь земле и на второй день созвал селение.

– Видите, что случилось, – сказал он. – Моя дочь погибла, умыкатель находится здесь. У меня до сегодняшнего дня было шесть сыновей, теперь их будет семь. <...>

[ФМТА, с. 83-84]

19. Таркил Шьяаб имел единственного сына, звали его Ардашин. Почтенный был человек Шьяаб, умный, добрый и справедливый. <...>

Рано лишившись матери, Ардашин был отдан на воспитание родственникам.

Ардашин не знал ни в чем отказа.

Однажды мимо дома Таркила Шьяаба, <...> проезжала группа всадников-бзыбцев. Они возвращались со свадьбы, все были навеселе и распевали задорные песни.

Их поведение разозлило Ардашина: он усмотрел в этом непочтительность к дому своего отца. И хотя старого Таркила Шьяаба дома не было, <...> юноша до того рассвирепел, что встал на дороге и приказал всадникам замолчать. Но бзыбцы не обратили на него внимания и продолжали петь. Тогда Ардашин выхватил пистолет и, недолго думая, выстрелил в бзыбцев. Пуля <...> попала в голову одного из коней, конь рухнул наземь, а разгневанный всадник ответным выстрелом убил Ардашина наповал.

Весть о гибели сына Таркила Шьяаба мгновенно облетела всю округу. Поднялись на ноги все люди из рода Таркил.

Убийца Ардашина принадлежал к роду Цвижба, тоже многочисленному и сильному.

Все Цвиббовцы, способные носить оружие, поднялись на защиту своего сородича. <...>

По обеим сторонам реки расположились, как на войне, друг против друга, люди двух фамилий. <...> Вот-вот должна начаться кровавая схватка.

Но ей помешал возвратившийся Шьяаб.

Он подробно расспросил всех о происшедшем. Потом, после долгого раздумья, старик пригласил на свой двор десять представителей из рода Цвижба и столько же из рода Таркил. <...>

– Мой любимый сын Ардашин сам виноват в своей гибели, – неожиданно для всех сказал старик. – Но не меньше виноваты и мы, уважаемые

мои родственники. Плохо воспитали мы Ардашина. С его характером он все равно не смог бы прожить. <...>

Он помолчал, потом повернулся к убийце:

– Юноша Цвижба, как зовут тебя?

– Ардашин, – проговорил тот упавшим голосом.

– Ардашин? – удивленно переспросил старый Таркил Шьяаб. – Я усыновлю тебя, Ардашин. Был у меня свой Ардашин – и будет. Хочешь ли ты заменить мне погибшего сына!

– Я сирота! – воскликнул бзыбец и бросился к старику. <...> Клянусь любить тебя, как родного отца! Любовью и уважением я искуплю свою огромную вину перед тобою.

И юноша стал целовать руки старика.

Тогда, заключив его в объятия, Таркил Шьяаб прослезился, впервые, быть может, за всю свою долгую жизнь.

[Лакрба М., с. 15-17]

20. У Даута Аршба <...> был сын Андрей, парень умный, ловкий. Андрей любил лошадей, был наездником. <...>

Как-то в Очамчирском районе проходили празднества, по этому поводу устраивались скачки. <...> Андрей на своей лошади был среди других наездников. Скачки идут к концу, и на радостях тот, кто первым достиг финиша, выстрелил два раза.

– Друзья, мне плохо, я упаду, помогите, – сказал Андрей, скрыв что ранен. <...>

Андрей, хотя очень страдал, но как-то узнал, что младший брат собирается мстить. Также он узнал, что его ранил Валериан Зарандиа, что он сам признался в этом.

– Привидите отца, я ему хочу что-то сообщить, – сказал Андрей.

Привели Даута, он стал над умирающим сыном. <...>

– Отец, мне не жить, я это знаю, ты тоже знаешь об этом. <...> Я узнал, что меня случайно ранил Валериан Зарандиа. Молодец он, другой бы не признался. Мы любим друг друга, он не то, чтобы убить меня, убей меня кто-нибудь, отомстил бы за меня. Я хочу, чтобы когда меня не будет, вы приняли бы Валериана вместо меня. Приведите его, пока я жив, – сказал Андрей.

Привели Валериана. <...>

– Валериан, ты не падай духом из-за этого несчастного случая, не согнишь, будь мужчиной. <...> Знай, я оставляю моей семье тебя вместо себя <...>, – сказал Андрей и испустил дух.

[Лакрба К., с. 19-21]

21. [Зять из-за зависти поранил необычного быка своего шурина. И между ними пошла ссора, которая все больше приобретала непримиримый характер].

Тесть посчитал это позором. Он собрал с каждого селения наиболее уважаемых, достойных людей, таких, как Тар Гыд, Мыку Аабыдж, Баби Чичин, Цкуй Рамщых. <...> Три-четыре дня сидели, но никак не смогли помирить их. Разошлись ни с чем. <...>

Когда об этом услышал Цыгыра сын Хусин, <...> он сел на коня и поехал к ним. <...>

– Добро пожаловать, Хусин! – встретил его хозяин. <...>

– Я пришел насчет быка.

– Я прошу тебя, Хусин, не говори об этом! <...>

Хусин ничего не сказал на это. Он расседлал коня, положил на землю седло, <...> расстелил бурку и лег, положив голову на седло, как на подушку. Что могли сделать хозяева, Хусин спит. Стемнело. Приготовили ужин и разбудили Хусина.

– Ну что, согласны вы выслушать меня насчет быка? – сказал Хусин.

– Не говори об этом, Хусин. Лучше поешь с нами, ужин готов.

– Я не есть пришел, а по делу. Если вы согласны поговорить о быке, я поем с вами, если нет, то я не встану с места, – сказал он и повернулся на другой бок. <...>

В те времена люди были особо совестливые, они не могли есть, когда рядом был человек, отказавшийся разделить с ними трапезу, есть без него было равносильно позору. <...> В этот день они не поели, ночью легли также не поевши. Утром опять приготовили завтрак и подошли к Хусину. <...>

– Согласен хозяин или нет поговорить о деле? – спросил Хусин.

– Не говори об этом! – был ответ.

Хусин лег опять спиной к ним.

Прошло три дня и три ночи. Все это время Хусин ни ест, ни пьет воды, лежит на своей бурке. Хозяева тоже ничего не едят. <...> На четвертый день <...> хозяева согласились выслушать Хусина.

– Это по-человечески! – сказал Хусин и вскочил.

Так, благодаря большой человечности Хусина, помирились зять и шурин.

[ФАФ, к.1А, т.2]

22. В старину очень была распространена кровная месть, мало кто думал мириться.

Маан Джавдет был князь, и был у него враг Тамшыгу Гамсаниа. <...> Много лет охотились они друг за другом, и сами они тоже достигли преклонного возраста. Джавдет всегда наготове ходил, Тамшыгу больше сидел дома. В одну ночь Джавдет засел у дома Тамшыгуа. Раздвинув прутья в стене, он просунул ружье и ждет удобного случая. Внутри слабо горела свеча. Тамшыгу и его жена долго не ложились спать, потом загасили свечу

и легли. Селма была уставшая и тут же заснула. Тамщыгу не может заснуть, все курит. Когда табак весь вышел, он встал, зажег свечу, пошел в угол дома, где был табак, <...> взял его и, сев прямо напротив Джавдета, начал резать табак <...>От шума проснулась Селма. Увидев зажженную свечу, она стала ругать мужа: – Унан, несчастный ты! У тебя такой сильный враг, как Джавдет, и если он где-то рядом, убьет же тебя! <...>

– Молчи, глупая. Джавдет мой враг, но он настоящий мужчина и не станет стрелять в меня такого. Я сейчас беззащитен как ребенок, и потом, нахожусь в исподнем [нижнем белье], убийство такого никому не сделает чести. Такие люди, как Джавдет, не станут стрелять сейчас в меня.

Все это слышал Джавдет, и он раздумал убивать Тамщыгуа. Он обошел дом, кликнул хозяина, но когда никто не вышел, <...> сам вошел в дом. <...>

– Пусть отныне мы будем не врагами, а родственниками, – сказал он и обнял Тамщыгуа. – На, бери мое ружье, я вам теперь не враг.

С тех пор Маан Джавдет и Гамсания Тамщыгу стали родственниками. [АНПС, с. 101-103]

23. Прошло четыре года со времени ссоры братьев. <...> В одно утро младший брат взял корзину для сбора винограда, толстую веревку и вместе с женой, которая не хотела и которую заставил, пошел на участок, принадлежащий старшему брату, где росло дерево с виноградом, собрать виноград с этого дерева, чтобы разозлить брата. Он наполнял корзину, спускал на веревке, жена опорожняла корзину. Брат все видит, но слова не говорит. Вдруг младший брат чихнул.

«Чтоб ты лопнул, чтоб ты свалился!» – шепчет Шаиза.

– С кем ты там говоришь, сама с собой что ли? – спросил он с дерева.

– Неужели ты, черствый, не слышал? Твой брат, когда ты чихнул, пожелал тебе здоровья, удачи, чтобы из этого винограда ты получил хорошее вино. Мне это понравилось и сказала про себя, чтобы между вами опять установились братские отношения, – ответила Шаиза. <...>

– Да?! – сказал он и выронил корзину. Он сам тоже спешно слез с дерева и пошел в дом брата. – Дорогой брат, я обидел тебя, виноват перед тобой, прости меня, больше никогда не услышишь от меня плохого слова! – сказал он, обнимая брата и плача. <...>

[Лакрба К., с.3-4]

Литература и условные сокращения

Абаев, 1990 – Абаев В. И. Избранные труды. Владикавказ, 1990.

Алиева, 1986 – Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М., 1986.

АНИГС – Абхазские народные историко-героические сказания / Зап., подгот. текста, предисл. и примеч. С.Л. Зухба. Сухум, 1978 (на абх.яз.).

АНПС – Абхазские народные песни и сказы / Сост. И Кортау. Сухум, 1956 (на абх.яз.).

АФ – Абхазский фольклор (записи Артура Аншба) / Сост., предисл. и примеч. З.Д. Джапуа. Сухум, 1995 (на абх.яз.).

Барцыц, 1999 – Барцыц М.М. Выход из конфликта в традиционном правосознании абхазов // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе (материалы грузино-абхазской конференции). Ирвайн, 1999. С. 28-40.

Гуажба, 1999 – Гуажба А.Х. Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе (материалы грузино-абхазской конференции). Ирвайн, 1999. С. 41-79.

Гуажба, 2000 – Гуажба А.Х. Народная дипломатия и ораторство на Кавказе (абхазы и адыги) // Аспекты грузино-абхазского конфликта (материалы грузино-абхазской конференции). Ирвайн, 2000. С. 66-82.

Джанашиа, 1960 – Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухум, 1960.

Инал-Ипа, 1956 – Инал-Ипа Ш.Д. Социальная сущность агальчества в Абхазии в XIX веке // Труды Абхазского института, в. 27 (Сухум), 1956.

Инал-Ипа, 1965 – Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухум, 1965.

КЗ – Книга записей лаборатории абхазского фольклора АБИГИ.

Лакрба К. – Куча Лакрба. Негаснувший очаг: Старинные рассказы и воспоминания. Сухум, 1985.

Лакрба М. – Михаил Лакрба. Тот, кто убил лань: Новеллы. Сухум, 1982.

Мифы, 1987 – Мифы народов мира: Т.1. М., 1987.

Н.абх. – Приключения нарта Сасрыкуа и его 99 братьев: Абхазский народный эпос / Сост. Ш.Д. Инал-Ипа, К.С. Шакрыл, Б.В. Шинкуба. Сухум, 1962 (на абх.яз.).

Н. адыг. – Нарты: Адыгский героический эпос / Сост. А.И. Алиева, А.М. Гадагатля, З.П. Кардангушев. М., 1974.

Пропп, 1998 – Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М., 1998.

Салакая, 1976 – Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тб., 1976.

Саманба – Сила абхазства / Зап. и публ. Л.Х. Саманба // Амцабз. 1996. №2. (на абх.яз.).

СМС – Сказы Маадана Саканиа / Сост. К.С. Шакрыл. Сухум, 1970 (на абх.яз.).

Старовойтова, 1999 – Старовойтова Г.В. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. СПб, 1999.

Толстой, 1994 – Толстой Н.И. К читателям “Живой старины” // Живая старина. 1994. № 1. С.2-3.

ФАФ – Фонотека абхазского фольклора АБИГИ.

ФМТА – Некоторые фольклорные материалы турецких абхазов / Публ. А.Х. Гуажба и **А.Д. Хециа**// **Алашара**. 1977. № 2. С. 83-84 (на абх.яз.).

Хашба – Хашба А.К. Избранные работы. Сухум, 1972.

Шинкуба – Баграт Шинкуба. Золотые россыпи: Абхазские устные народные сказания и этнографические материалы. Сухум, 1990 (на абх.яз.).

Ираклий Сургуладзе

ВОЗМОЖНАЯ РОЛЬ ТРАДИЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА

Затянувшийся процесс конфликта вынуждает искать все новые исходные точки для оценки грузино-абхазских отношений, чтобы найти оптимальные направления, соответствующие всем интересам обеих сторон. Нет сомнения в том, что сделать это следовало еще до кровопролития, но заинтересованность в войне, видимо, была сильнее. Научные круги, стремившиеся каждый по-своему разрешить задачу, основные усилия направляли в сторону исторического прошлого, на основе которого старались определить настоящее и будущее, не особенно вникая в непригодность подобного подхода для решения проблем, возникших далеко не по научным причинам, а в совершенно специфических условиях современности. Нельзя сказать, что никто ничего не видел и не старался, но под давлением режима “третьего Рима” не так-то легко было что-нибудь изменить. Советский Союз от настоящего Рима взял на вооружение известную формулу в отношении народов и, превратив бывших “друзей Рима” в “младших братьев”, натравил их друг на друга. Была создана целая “наука” по народам, входившим в состав СССР, по специальному рецепту для каждого из них. Естественно, Грузия, как страна, имевшая историческое самосознание, письменность и т. д., в первую очередь превратилась в объект нападения, оспаривались: история, культура, традиционные отношения, этнический состав, язык, даже само право грузин на определенные исторические территории в угоду т. н.

“малым народам” или “этническим меньшинствам”, вооруженным новой “наукой”, в соответствии с интересами СССР в отношении какого-либо отдельного региона. Выросли поколения, подготовленные морально и психологически для конфликтов и владеющие соответствующей, специально разработанной теорией, которая под маской “самоопределения” и защиты “идентичности” прикрывает интересы Российской Империи. Дело дошло до того, что некоторые “защитники” национальной самобытности и идентичности ищут защиту в России, прозванной, слава Богу, самими русскими, “тюрьмой народов”.

Конфликт разыгрался на искусственно подготовленной почве как следствие российско-советской “национальной” политики, и получен результат в образе разорённой страны, пролитой крови, обездоленных людей, этнической чистки... И наконец, после стольких роковых ошибок и превратностей речь идет о трансформации и урегулировании конфликта.! Тем самым появились шансы победы разума над амбициями, но дальнейшие поиски условий, пригодных служить исходной позицией на пути сближения интересов, представляются возможными лишь после того, как мы уясним и согласуем наши понимания терминов “трансформация” и “урегулирование” конфликта. По моему глубокому убеждению, “трансформация” вопроса первым делом заключается в уводе его от конфликта в зону переговоров в условиях истинной заинтересованности с обеих сторон в достижении реальных результатов. Стороны при формулировании своих предложений должны учесть их взаимовыгодность и приемлемость, ибо консенсус достигается только с учетом реальностей. Что касается фактического урегулирования, для этого необходимо глубокое осмысление всех факторов, действующих и определяющих как нынешнее положение, так и будущее региона. Стоит обратить внимание на тот очевидный факт, что такие особенности, как “идентичность”, “самобытность”, “язык”, и пр., подвергающиеся опасности в нынешних условиях со стороны грузин, прекрасно сохранились у абхазов в условиях фактической исторической жизни внутри грузинского государства. Несомненный факт, что интересы этносов оптимально реализовались в условиях общего государственного порядка, даже во времена его распада и феодальных междоусобиц. Следует помнить, что сохранение вышеуказанных признаков этноса возможно только в условиях доброжелательства и бережного отношения к культурным ценностям со стороны государств и обществ, ответственных за их сохранность. Сепаратизм и отчуждение под прикрытием национального “самоспасения” – политическая кустарщина, не имеющая ничего общего с реальными интересами народа.

Если тщательно разобраться в причинах и интересах рядовых людей с обеих сторон, конфликт перестает казаться неразрешимым. Можно сразу

насчитать достаточное количество сфер практической жизни, традиционная однотипность которых раскрывает бесконфликтные зоны в отношениях, пульсирующих как в прошлом, так и в настоящем. Традиционная культурная среда грузин издавна была полиэтническая. Она формировалась под интенсивным взаимодействием жизненных интересов всех этносов, исторически закрепившихся на территории Грузии в тот или иной период, но все они, так называемые “меньшинства”, не потеряли свою идентичность, которая, как доказывает исторический опыт, смогла сохраниться без выделения в отдельные государства по “культурно-национальному” признаку, без анархии и сепаратизма. Так было до сих пор. Нынешнее положение вещей – следствие причин совершенно другого свойства, о которых уже было сказано.

Со стороны грузин Абхазия, по старой доброй памяти, всегда ощущалась как часть собственного культурно-политического мира наравне с другими его частями. Это мироощущение основывалось и на глубокой исторической традиции, и на общности поведенческого типа и разных хозяйственно-культурных реалий на уровне социума и индивида. Слабая взаимосвязь между регионами, соответствующая их экономическому развитию и политическому положению всей страны, определяла слабость информационного поля, которая довольно ярко отражается в словах такого глубоко информированного человека, как Н. Я. Марр, писавшего в 1914 г. “До сих пор мы имели дело всегда с абхазской мифологией или абхазскими верованиями, не дававшими повода подразумевать, что абхаз абхазу рознь, что Абхазия как лингвистически, так и в религиозном отношении делится”... (О религиозном верований абхазов. *Христианский Восток*, т. IV, вып. I, стр. 114). В подобных патриархальных формах информированности застал XX век и абхазов, и грузин, и естественно, отношения между ними опирались на идущие издревле нормы права и хозяйствования в рамках традиционной народной культуры. Происходящие в Абхазии этно-социальные, этно-экономические и прочие процессы, т. е. процессы, протекавшие внутри абхазского этноса, оставались вне поля реальных ощущений грузин. Общие представления об абхазах, положительные и весьма эмоциональные, отражались в грузинской литературе XIX и XX веков (“Воспитатель” А. Церетели, “Похищение луны” К. Гамсахурдиа, “Аки Адзба” Л. Киачели и др.). В этих произведениях абхазский этнос показан как носитель идеальных, патриархально-древних общечеловеческих ценностей, и когда мы впервые столкнулись с фактами отчуждения и неприязни со стороны абхазов, мы были удивлены, ибо это не шло ни в какое касательство с той доброжелательностью, которая воспитывалась в нас с самого детства семьей и окружающей средой. Как оказалось в 50-ых годах, это положение

явилось результатом и отголоском целого направления вековой политики империи, против которого наши научные, общественные и литературные старания казались детской игрой. Наше отношение к Абхазии и к проблеме абхазов являлось продолжением общественного настроения, звучавшего в выступлениях и в трудах общественных деятелей XIX-го и начала XX-го веков, когда грузинская интеллигенция выразила свое возмущение политикой России в отношении всех кавказцев и, в частности, абхазов. По этому поводу существуют публикации, которые помогут заинтересованным лицам разобраться в характере и в духе отношений тех времен. Эти люди не занимались сортировкой жителей Абхазии на “древних” и относительно новых, ибо для каждого специалиста, как и любого человека, практически связанного с проблемами демографии, нет нужды спорить о том, что на протяжении всей истории человечества горские племена стремились к равнинам и спускались столько раз, сколько давали возможность обстоятельства. Так происходило и в Грузии вдоль всего Кавказского хребта, начиная с запада до самых восточных окраин, по соседству с Дагестаном. Но, когда речь идет о политических проблемах, разбор графика переселений, инфильтрации, миграции и т. д. не может служить исходным положением. Трехвековое пребывание на одном месте – достаточный аргумент для того, чтобы считаться с правами какого-либо этноса как местного населения. Научные споры по этому поводу – не для политического урегулирования. Политический процесс не может исходить из научных уточнений графика исторического передвижения народов. Подобные исследования важны, их надо учитывать при создании исторических трудов, но при разрешении политических вопросов они не могут играть решающей роли, ибо преимущество сегодня отдается правовым и экономическим проблемам перед этнодемографическими. Именно такой подход грузинских деятелей XIX и начала XX вв. к данному вопросу определял доброжелательное отношение представителей двух народов друг к другу, хотя все они прекрасно были знакомы как с историей, так и с особенностями движения населения. Подобное положение вещей типично для многих уголков мира, и Грузия – не исключение. Известно, что в каждую эпоху государства располагали достаточным количеством подходов для решения проблем в этой сфере, начиная с силовых решений вопроса до приобщения пришлого населения к местным формам хозяйствования, ремеслу, торговле, праву и т. д. Это – обычный процесс народоформирования, в который были активно включены субстратные племена (такие, как древние грузинские, абхазские и т. д.): в той или иной форме они были вынуждены периодически “обогащаться” этнически, принимая в свою среду новых, инфильтрированных или попавших на данные территории путем миграции людей. Выдвигать этногенетический

подход как исходную позицию для обсуждений в современных условиях, не имея никакой возможности (если бы даже имели моральное право) члениить народы на субстратные и несубстратные части, непродуктивно, если, конечно, мы действительно заинтересованы в эффективном и скорейшем разрешении стоящих перед нами проблем: это скорейшее возвращение беженцев и создание государства, способного в рамках разумного обеспечить интересы всех входящих в него народов. Для того, чтобы доказать разрешимость указанных задач, стоит обратиться к народной традиции, где совершенно очевидно прослеживается общность хозяйственных, социальных, правовых, нравственных комплексов, выработанных в условиях совместного проживания в общей географической среде. Но, к сожалению, такой подход нежелателен для тех, кто в течение долгого времени сознательно и планомерно выдавал деяния коммунистических лидеров за проявление нелюбви грузин исключительно к абхазам, разжигая тем самым ненависть и недоверие между ними.

Совершенно очевидно, что разработанная в советское время “концепция “дружбы народов” была направлена против так называемых “титulyных народов” союзных республик, как средство ослабления всех национальных культур, входящих в СССР, одних – путем ассимиляции, других – противопоставлением т. н. “этнических меньшинств” и “малых народов”. Согласно схеме, СССР или его правонаследник оставался в роли медиатора, контролируя дерущихся “младших братьев”. Надо отдать должное мудрости составителей этого плана: в нашем случае он безотказно сработал и даже имеет последователей.

Но времена изменились, и народам необходимо самим подумать о своих интересах, критически осмыслить всю ситуацию, подведшую людей к кровопролитию, избавиться от искусственной, по чужому наущению взращенной ненависти к ближайшим соседям. Договаривающиеся стороны обязаны подвергнуть реалистической критике позиции как своего оппонента, так и собственные, ибо для грузин немислимо будущее без восстановления территориальной целостности своего государства, а абхазам только пребывание в общем с грузинами государстве может обеспечить необходимые условия для реальной жизнедеятельности своего этноса.

В условиях, когда конфликт стараются обосновать историческим прошлым и объявить его чуть ли не закономерным результатом исторической несовместимости, необходимо правильно оценить традиционные формы отношений, чтобы вычлениить предпосылки, определившие именно такой поворот событий. Если мы сможем их выделить, тогда, наверное, можно и думать об устранении т. н. “неотвратимости”, подведшей нас к войне. И в этом процессе активно применяют т. н. “научный метод”, посредством ко-

того стараются достичь нужной для конкретных целей окраски явлений, что в условиях нынешнего накала страстей, мягко говоря, не способствует сближению позиций сторон и не ведет к взаимопониманию. Когда выводы не могут переубедить стороны, нужно вернуться к исходным позициям и искать новые направления. Полезнее оспаривать сферу причин, чем сферу результатов, ибо многофакторный мир довоенного противостояния, безусловно, содержит предпосылки, в корне исключающие доведение дела до вооруженного столкновения между людьми, достаточно хорошо знающими друг друга в течении долгого времени.

Очень интересные результаты для оценки основной причинной базы возникновения конфликта может дать сравнительное изучение формообразующих процессов в жизни народа с обеих сторон и поведенческого типа людей, в известном смысле определяющих и мирное сотрудничество, и конфликтность в совместной жизни. Данные мифа, ритуала, фольклора, отражающие наиболее самобытные характерные черты и индивидуальность культур, у абхазов и примыкающих к ним грузин почти идентичны, а в масштабе всей Грузии сакральные-позитивные аспекты абхазского быта абсолютно понятны и приемлемы. Весь этот материал давно попал в поле зрения науки, как грузинской, так и абхазской, активно применялся в изысканиях культурно-генетического характера, но, к сожалению, его результаты ярче высветились в процессе разжигания конфликта, чем в его урегулировании. Специфическое толкование фактов с позиции “отечественного абхазоведения”, вкупе с политическими инсинуациями и с заведомо подтасованными “исследованиями” (напр. Крылов А. Б., Религия и традиция абхазов по материалам полевых исследований 1994-1999 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Москва, 2000) можно оценить как помощь в создании идеологической основы сепаратизма, никак не способствующую сближению противоборствующих сторон. Подобная позиция типична для определенной категории русских патриотов, приспособливающих “науку” к политическим целям империи.

Параллельное изучение абхазо-грузинских культур имеет давние традиции. Известный грузинский этнограф А. И. Робакидзе по этому принципу провел несколько конференций, в которых участвовали специалисты с обеих сторон. Не могу сказать, что оценочная фаза конференций проходила в обоюдном согласии, но ситуация всегда удерживалась в рамках научной этики и в допустимых нормах научных споров. Основной чертой указанных встреч можно считать установку со стороны абхазских специалистов на то, чтобы ослабить значение абхазо-грузинских контактов влияния и доказать “особенность” абхазской культуры, выходящей за черты самобытности, что маловероятно в условиях Кавказа, где т. н. “разность” определя-

ется скорее уровнем социального развития, нежели культурогенетической самостоятельностью. Видимо, еще в те годы следовало трезво оценить возможные трагические результаты этих, на первый взгляд, невинных научно-лабораторных выпадов. Но реальное положение вещей для научных кругов Грузии было прикрыто голословными лозунгами коммунистов о братстве и единстве. Если к этому прибавить самый низкий в СССР коэффициент гражданственности и патриотизма грузинских коммунистов и их руководства, нетрудно оценить, что упущения были очень серьезными. С другой стороны, уже в 60-ые годы абхазская интеллигенция и молодежь были окончательно отмежеваны и отделены от Грузии. Молодежь поступала в русские училища, интеллигенция стала русскоязычной, создавались фальсифицированные версии истории, усугубляющие национальную неприязнь. Особенно остро чувствовалось, что абхазская интеллигенция нашла самостоятельный путь к верхним эшелонам советской власти и совершенно не нуждалась в республиканском правительстве. Она уже окончательно отошла от Грузии и все зверства, учиненные коммунистами за эти годы, стала выдавать за следствие грузинского национализма; все ненормальные явления, общехарактерные для периода господства коммунистов, были объявлены проявлением националистических отношений грузин к Абхазии. Тем самым абхазы были противопоставлены ответным чувствам грузин, для которых в силу культурной и исторической действительности, историческая территория Грузии, включая Абхазию, рассматривалась как священный образ Родины, посягательство на который со стороны абхазов, проживающих в той или иной форме внутри этого государственного пространства более двух тысячелетий, оценивалось как святотатство. Апогей всего этого – создание со стороны “друзей” образа “малой империи” грузин, якобы притесняющей “малые народы”... Естественно, никто не задумывался, что “империя” эта никогда не владела ни одной пядью неисторической и ненациональной территории и за последние семь веков площадь занимаемой ею территории последовательно уменьшается, а оставшиеся в ее владении земли заселяются пришлым, не национальным населением. Грузию в нынешних условиях можно величать любыми словами, только никак не “империей”.

Процесс отчуждения сначала интеллигенции, а вслед за ней и большей части абхазского этноса в условиях советского государства происходил так методично, целенаправленно и высокоорганизованно, что народы были абсолютно оторваны от ведения процесса, от самостоятельной оценки происходящего, и представляли собой пассивную почву для внедрения и вынашивания активной агрессии друг против друга. Практическое проявление подобной психологической наработки имело обоюдоострый эф-

факт: абхазы обвиняли грузин в присвоении их древней культуры, в уничтожении национальной интеллигенции и т. д., а грузин возмущало их вероломство. Реальные изменения, требующие оценки и предусмотрения в действиях, остались вне поля зрения заинтересованных сторон. Отходя все дальше от родоплеменного самоощущения, абхазская интеллигенция, получившая в России вместе с образованием и антигрузинскую направленность духовной и политической ориентации, абсолютно перечеркнула все традиционные формы исторической жизни в грузинской культурно-политической среде. Ее политическая миссия кристаллизовалась в исторической задаче оторвать от Грузии абхазский этнос вместе с территорией – органической частью Грузии. Естественно, что Грузия с таким положением дел примириться не может, тем более, что это была позиция определенной части, а не всех этнических абхазов.

Следует признать, что проблем накопилось достаточно, но таких, для разрешения которых необходимо было бы именно вооруженное столкновение, по моему глубокому убеждению – нет. Кому-то очень хотелось, чтобы разрыв стал необратимым, и он постарался на славу. То, что всё это не удалось предотвратить, указывает на недопонимание реальной ситуации и некомпетентность или же на сознательную провокацию со стороны лиц, непосредственно ведущих процесс.

Отчуждение произошло. Это свершившийся факт, но на какой основе? Какие явления были заложены в основу трансформации прочных традиционных отношений в условиях отсутствия рынка и масштабных экономических интересов? Какие эмоции, имеющие общественную и этническую значимость критического масштаба, способные поднять большие массы людей, были задействованы в душах людей, шедших на кровопролитие?

Для выработки ответа на этот весьма серьезный вопрос необходимо хорошо изучить на основе фактического материала предвоенную ситуацию. Это нужно сделать не для выявления аспектов идейного брожения, это и так ясно! Важно выявить интересы всех групп, реальные ценности, лежащие за патриотическими словесами людей, не принадлежащих к абхазскому этносу и не защищавших “землю предков” от грузин – таких, как казаки, армяне и др. (не имею в виду ни наемников, ни братьев из Северного Кавказа – они прозрачны). Какая благородная идея объединила их всех против Грузии? Откуда пришла сразу ко всем этим людям, отличающимся друг от друга по многим параметрам, столь “животрепещущая” боль, требующая немедленного кровопролития? Все поднятые вопросы по своим масштабам не подвластны отдельным личностям, они отражают имперские стремления России, довольно часто действующей против собственных

интересов, ибо всё, что произошло в Грузии за эти годы по милости России, не принесет пользы ее интересам на Кавказе.

Во всем этом очень незначительное, как капля в море, место занимают те этнокультурные и социальные различия, которые можно засвидетельствовать между грузинами и абхазами. Противоречий между ними, кроме надуманных, порой являющимися следствием тактической ошибки, не существует. По моему глубокому убеждению, именно нереальность причин конфликта определяет будущее, являясь надёжной гарантией для восстановления нормальных, традиционных отношений. Что касается миграционных процессов на Кавказе и, в частности, в Абхазии, это – универсальный процесс, исторически протекающий между горцами и жителями примыкающих низменностей. Горцы всегда просачивались в низменные районы и старались закрепиться там. Когда их не встречала сильная государственная организация, социальные устои, интенсивные формы хозяйства и т. д., горцы, естественно, старались навязать свои порядки, значительным образом отличавшиеся от жизни сложного, социально дифференцированного общества низменных районов страны. В основном, после быстрой регуляции конфликтных ситуаций, порождённых разностью социально-культурных характеристик столкнувшихся масс, горцы осваивали нормы социальной и хозяйственной жизни в новой среде, а также религию и язык (если такая необходимость существовала), что означало завершение адаптации одной культуры внутри другой в том объеме, в каком этого требовала растворенная или консолидированная в новой среде жизнь.

Исторические процессы не ощущаются людьми в той форме, в какой они представлены в книгах: абстрактно и отвлеченно. Рядовой человек в личной жизни не способен охватить масштабы происходящего. Он видит только свой кусок горизонта, в который втискивает самого себя, свое племя, с которым идентифицирует себя и все представления о родине и других высоких ценностях. Но в условиях государства как резервуаре собираются чаяния всех участвующих и создается этнокультурная единица, традиционно известная как “народ”, которая почти никогда не бывает моноэтничной. Исходя из вышесказанного, рассмотрение генетических проблем в политических спорах к согласию не приводит. Они всегда оспариваются, и в силу их гетерогенности легко могут быть наведены только на односторонний интерес, которому оппонент сразу противопоставляет свой вариант, “равноправный” в условиях неправильно понятых демократических устоев, где научная достоверность не играет ведущей роли. Рассуждения о первородине, миграции, вероисповедании, отсталости в социальном развитии и т. д. на уровне непосвященной личности вызывают раздражение и противостояние, порой даже возмущение, так как непосвященный человек

требует от науки подтверждения собственных взглядов о нации, истории и т. д., и если научные выводы не совпадают с его взглядами (что и происходит в большинстве случаев), наука уже не внушает ему доверия. И это неудивительно. Наука, из-за уникальности своей информативной базы и сложности возможных выводов, недоступна для основной массы людей, не имеющих ни необходимых знаний, ни необходимой для научного мышления объективности. Она слишком малодоступна для широкого рассуждения, и в невыгодных для себя условиях теряет свою значимость, действенность и достоинство. Она в высокой степени специфична и организована для бытового политического потребления, требующего большей податливости и пластичности, чем на это способна наука. Безусловно, данные науки должны предусматриваться в переговорах, но их не следует делать темой рассуждений, основной целью которой является обнаружение взаимоприемлемых позиций. В условиях грузино-абхазского конфликта отношения между людьми, занятыми наукой с обеих сторон, основываются больше на личных традициях общения, чем на общности научных взглядов. Словом, довольно нормальные отношения между учеными обеспечиваются личными отношениями и мотивами, которые порой способны притупить остроту спорных проблем.

Иное дело традиции и традиционная среда, близкая и более или менее общая для кавказских народов. Разумеется, в соответствии с социальной дифференцированностью обществ, можно выделить характерные спектры жизни, наиболее отличные друг от друга, но подобное мероприятие лишь дополнит общую картину. Кавказские традиции, в основном, совершенно прозрачны и понятны во всех проявлениях. В общениях на соседском, межплеменном и межэтническом уровнях они с успехом заменяют науку, ибо очень высока степень их достоверности и убедительности как следствие совместного исторического опыта. Традиционные формы общений, религиозные празднества, поминки, свадьбы и т. д. всегда служили поприщем для установления и углубления традиционных форм отношений между людьми; традиционная форма застолья сближала людей и создавала обстановку для самовыражения, подчеркивая общественную значимость, престижность и авторитет отдельной личности.

В отличие от традиций, содержащих принципы вежливости, такта, терпимости и т. д., наука категорична и резка в оценках: она резко разграничивает позитив от негатива, строго определяя номинал каждого явления на шкале ценностей. Она, в отличие от традиции, неспособна стоять между политической правдой и неправдой, не потеряв достоинства и функции и превратившись тем самым в фикцию. Резкое разделение света и тени – основная черта науки, а в традициях, пока они живы и действенны, реаль-

ность приглушается полутонами, ибо традиция, в отличие от науки, очерчивает всего лишь контуры допустимых действий, не стремится к абсолютизации и тем самым расширяет возможности достижения консенсуса; опираясь на жизненную практику, она не имеет претензии на единственность, а является всего лишь инструментом для успокоения возмущенного поля интересов. Наука проявляется в стремлении к истине, традиция же – в практической коррекции общепринятых истин.

По природе своей традиция, как социальный инструмент, призвана для разрешения кризисных ситуаций в отношениях между индивидуумами как внутри общества, так и между обществами и между обществом и природой, между культурой и некультурой. Традиционную основу, в условиях Кавказа, следует учитывать на всех уровнях отношений, имеем ли мы дело с этносом или личностью, будет ли контакт выражен в вооруженных стычках или в добрососедстве и сотрудничестве. У кавказцев в арсенале истории можно найти формы традиционного урегулирования для любого случая.

Да, возможности традиционных форм отношений имеют значительные ресурсы, но для их реализации необходим массовый контакт между людьми, что в нынешних политических условиях совершенно исключается. Народным массам всегда навязываются проблемы, суть которых в большей степени им непонятна или понятна в той мере, в какой она уместается в рамках патриархального понимания окружающего. Поэтому слишком велика ответственность той части общества, которая генерирует и проводит в действие идеи сепаратистского толка. Подобная практика совершенно отделена от так называемых “этнических интересов”; на самом деле она не направлена на сохранение культурной идентичности такого малочисленного этноса, как современные абхазы, ибо, вырывая его идентичность и сохранность из исторически привычной среды, где он прекрасно сохранил себя, не гарантирует ничего в будущем даже в той мере, в какой она осуществляется в как бы нежелательных современных условиях. Она и не традиционна по своей сути, так как неминуемо приведет к полному стиранию этнического облика во чреве империи, где варится не одна сотня аналогичных “этнических единиц”. С другой стороны, совершенно очевидно, что исторические контакты абхазов до сих пор никогда не затрагивали ни их идентичности, ни традиционных форм самовыражения. Даже феодальные неурядицы, вооруженные столкновения между отдельными феодальными владениями нисколько не нарушали, а наоборот, способствовали сохранению традиционных форм поведения, рыцарства, взаимного уважения и т. д. Следовательно, политика, направленная на разрыв с грузинским государством, никак не может быть оправданной с позиции этнических интересов абхазов. Она скорее прикрывает истинное лицо и политические

амбиции какой-то одной группы, использующей культурные ценности в определенных целях, не совпадающих с интересами этноса в целом.

Поэтому я считаю, что очень велики как обязанности, так и возможности интеллигенции с обеих сторон. Она лучше, чем какая-либо общественная прослойка, знает традиции и понимает политику (особенно в условиях неимения профессиональных политических кадров) и способна, при соответствующей заинтересованности возглавить процесс урегулирования конфликта. Сейчас уже настал час, когда можно и нужно взяться за дело. Первым делом следует выяснить, с чего начать. Во всяком случае, ясно, что то, чем мы до сих пор занимались, не способно улучшить положение (мягко говоря). С этими идеями мы зашли в тупик, и они нас оттуда не выведут. Надо сменить курс, и кто способен сделать это, если не самая образованная моральная часть общества, когда экономика не ведет политику!

В данной ситуации очень трудно предложить что-то универсальное, ибо раны еще открыты, но для их залечивания следует испробовать средства, доступные всем, так как боль, постигшая нас, всеобщая.

Повторяю, следует определить позицию интеллигенции с обеих сторон: действительно ли мы хотим выйти из кризиса или проблему примирения превратили в ремесло, о котором можно писать и зарабатывать спонсорские деньги?

Если мы действительно искренни, тогда давайте обратимся к собственным народам: мы же сумели их возбудить, когда подняли их на защиту идентификации, давайте испробуем наши возможности еще раз и поведем их к миру.

В течение последних веков Грузия последовательно теряла территории, рушилась государственная структура, происходило разобщение частей страны и отчуждение людей, что и привело к потере самостоятельности и независимости. Конец XX века ознаменовался падением империи, куда нас всех затащила воля истории, и нам было предоставлено право создать и строить нашу свободу, ибо свобода – это структура, и очень сложная; не построишь – ее не будет. Если мы не найдем реальную модель того, что обязательно нужно построить, мы предстанем перед судом истории (многих, может быть, и устраивает чтобы их судила “история”, “Бог”, а не обычный суд!). Одно дело, кому что мерещится, а мы обязаны увидеть реальную картину, с участием реальных людей, а не мультипликацию! Может быть, начало не будет праздничным, но праздник надо выстрадать, до него надо дойти, его надо заслужить! Мы уже идем по этому пути, ибо прошли через страдания и кошмар. Сейчас следует идти дальше через развалины и строить то единственное, что предназначено нам историей и судьбой!

Народы всегда воевали, но в логику войны не входит игнорирование условий, которые возникают после ее окончания. Сейчас абхазская сторо-

на старается нас игнорировать, от нас “ничего не хочет”, но парадокс в том, что это отрицание содержит признание. Видит Бог, что только Грузия и жизнь в общем государстве может обеспечить абхазскому народу то, к чему он так стремится.

Народы были вовлечены в конфликт в силу нетрадиционных интересов, суть которых отражают стремления только третьей стороны, России. В ход были пущены нетрадиционные методы пропаганды, формы воздействия на психику и принесены ужасные, нетрадиционные жертвы. Абхазов уже целое столетие убеждают, что причина всех их бед Грузия и грузины! Это не традиционно, это выдумка, дела коммунистов нельзя выдать за дела какого-либо народа. Убийцы и карьеристы – не народ, они на время навязали нам свою волю и ушли в небытие, покрытые позором. Скоро уйдут и те, которые еще копошатся в потемках истории. Их вина еще жива, но не следует ее перекладывать друг на друга. Надо постараться найти новый подход, надо напрячь духовные силы, проявить волю, чтобы отойти от закостенелых предубеждений и создать новый, взаимообогащающий мир.

Давайте обратимся к традициям, как к самой испытанной форме народных отношений, наиболее общей для всех кавказцев, в частности, для абхазов и грузин. Когда представляю себе старейшин какого-либо кахетинского или картлийского села за общим застольем вместе с абхазскими уважаемыми людьми, обсуждающими наболевшие проблемы, всё глубже убеждаюсь, что они смогут реалистично разобраться в ситуации, рассеют вражду и недоверие и тем самым выполнят свою историческую миссию в создании перспектив будущего мирного Закавказья. Если политики будут способствовать, народы способны выполнить эту посильную им задачу, при содействии интеллигенции, но для этого необходимо, чтобы она искренне захотела трансформацию и урегулирование конфликта.

Давайте обратимся, например, к аталычеству, столь популярному обычаю на Кавказе, посредством которого окончательно затухала вражда и кровная месть! Я верю, что в Грузии и Абхазии найдутся люди, хоть 10 человек, которые пойдут на взаимное воспитание детей и тем самым окажут огромную услугу делу настоящего примирения.

Я глубоко убежден, что примирение необходимо, и, что оно возможно. Для этого первым долгом необходимо всеми средствами способствовать восстановлению традиционных деловых отношений и этим как то приглушить последствия этой необычной, удивительной по своей беспричинности войны. Ведь явления, которые называются в части причин, совершенно не требуют для своего разрешения кровопролития! Основная причина – это ненависть, которая усиленно внедрялась разными советскими институтами в душу народа. Ни экономического, ни политического превосходства война никому не принесла. Единственное положительное, если это слово уместно в дан-

ной ситуации, то, что от него получили обе стороны, это встряска, которая должна нас пробудить и заставить отойти от пропасти безумия и по новому оценить реальность сегодняшнего дня. Если проявим к этому необходимую волю, сами сможем разобраться в наших запутанных делах. Мы обязаны по достоинству оценить заслуги всех, кто способствовал разрешению нашего конфликта, но никто не способен довершить начатое дело, если мы не заинтересованы в его разрешении в рамках разумного и возможного. Понятно, что накопилось столько проблем, что под их тяжестью трудно двинуться с места, но если значительная часть общественности убеждена в необходимости урегулирования конфликта, тогда она и обязана найти новые исходные позиции с учетом интересов всех народов, проживающих в регионе. Если это желание действительно, тогда можно не боясь потери “идентификации” и прочих этнических богатств подготовиться к строительству единственно по своему призванию мира, способного обеспечить будущее народам и культурам, к выработке модели государства, наилучшим образом соответствующего интересам проживающих в нем людей.

Но для этого следует первым делом отказаться от химер: если не будут учтены интересы (а не капризы) одной стороны, тогда никто никогда не удовлетворит интересы противостоящей. Для начала этого процесса считаю необходимым подключение в переговоры возможно большого количества людей, знакомых с традициями и способных найти общий язык. Этого и требуют принципы народной дипломатии.

Аслан Гуажба

Абхазский государственный музей

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ОРАТОРСТВО НА КАВКАЗЕ

(статья вторая)

По древней застольной традиции, у абхазов первый тост поднимают за Всевышнего – «Анца улыпча хат!» – «Боже, дай нам тепло твоих очей!»; вторую здравицу возносят к высшим силам, пророкам, покровительствующим народу; третий тост провозглашают за народ, не конкретно абхазский, а за все народы планеты, причем этот тост произносится с различными вариациями, но при этом всегда звучит одна и та же формула: « Нет больших и малых народов, есть народ. Всевышний, просим тебя, не допусти раздоров и войны, пусть все народы живут в согласии и мире!...»

Аналогичные высказывания мы встречаем и у адыгов. Известный адыгский мыслитель, философ Жабаги Казаноко, еще триста лет тому назад говорил: «Нет маленького человека, и нет малых дел». «Что дороже всего на свете?» – задают ему вопрос. «Человек» – отвечает Жабаги.¹ У абхазов встречается очень много афоризмов по этому поводу. Приведем один из них: «Ауаюра ауп ауаюу дуаюызтъуа» – «Человечным человека делает человечность». В понятии народа очень глубоко сидит уверенность, прошедшая испытания веками, что все народы равны, как и люди. Приведем такой случай: когда абхазы во второй половине XIX века вынуждены были уйти в Турцию, им было очень трудно выжить. Не имея фактически никаких средств к существованию, они оказались в тяжелом положении и им часто помогали те абхазы, которые попали в Турцию раньше них и достигли там довольно высокого положения. Одними из них были четыре брата из рода Атрышба – все четверо генералы, а один из них, маршал Ратип-ипа, был наместником султана в Египте. Они часто приезжали в то село, где жили их однофамильцы (у абхазов все, имеющие одну фамилию, считаются братьями и сестрами, и брачные отношения между таковыми строго запрещены – нарушение смывается кровью виновных). Братья Атрышба приезжали, чтобы оказать помощь своим соотечественникам. Их принимали с большим почетом – во главе стола сажали седобородого казака, который попал к ним в плен еще на Кавказе, и был как бы на более низкой социальной ступени, но так как он был старше всех годами, за столом ему принадлежало самое почетное место; его усаживали на более почетное место, чем генералов и это поражало турок-османов – они никак не могли этого понять. А истина проста, она исходит из того, что в основе абхазского этикета лежит глубочайшее уважение к человеку.²

Молодой абхаз из Турции Бекир Чкуа в своей прекрасной статье «Апсуара нет альтернативы» отмечал следующее: «Апсуара ставит превыше всего человека, а не его идею и религию – в этом наивысшая демократия».³

Известный абхазский поэт, общественный деятель Гьяргь Чачба, приводит такой случай из жизни Абхазии середины XIX в., очевидцем которого был он сам:

«Один из назначенных начальников участка, отправившись в объезд по своему участку, заночевал в доме местного дворянина. Соседи – дворяне и крестьяне (*анхаю* – А.Г.) собрались встречать и приветствовать нового начальника. По обычаю края хозяин в честь гостей устроил большой ужин. Произносились тосты, пили, кто сколько мог, и никто не напивался. Вдруг начальник спрашивает хозяина:

– Вы, собственно, кто, князь или дворянин?

Тот отвечает: «Дворянин».

– А какая у вас разница между князьями и дворянами?

– Никакой, – был ответ.

– Я думал, – продолжал начальник, – никакой разницы нет даже между мужиками вашими и вами; какие же вы князья и дворяне, если вы с вашими мужиками сидите за одним столом!

– Это у нас обычай, – пробормотал оторопевший и несколько сконфуженный хозяин. Тогда один из присутствовавших крестьян, старик, встал и произнес следующее:

- Да, ты прав, г. начальник, разницы между нами нет. Наши князья помнят Бога, и поэтому они знают, что он их создал такими, какими и нас: с парой рук и ног, с двумя глазами и одним носом, с одним ртом и языком, которому дана способность говорить. Если бы Богу было угодно нас отличить особенно, то человеческим языком говорили бы одни князья и дворяне, у них было бы четыре глаза вместо двух и проч., а мы мычали бы, лаяли или хрюкали, и ходили на четвереньках.

При этих словах присутствующие не могли удержаться от взрыва хохота.

– Нет, г. начальник, – продолжал оратор, – ты этого дела не понимаешь. Наши князья старше нас потому, что они всегда были впереди народа, и таковыми мы их любим и почитаем, и они нас любят, как младших братьев, как родных своих, и в беде помогают, и в радости радуются с нами и за нас, и за столом с нами сидят, и мы вместе пируем. Нужда ли какая у нас – рабочий скот, домашняя утварь, никогда ни в чем нам не отказывают, и мы также помогаем и служим, чем кто может... и живем дружно, по-доброму, по-Божьему. Вот, г. начальник, как у нас живут. Я пью за здоровье твое, как за нашего гостя, и все мы желаем, чтобы ты нас понял, и мы тебя полюбили и уважали.

На этом и закончился вечер. Все разошлись по своим углам, но начальник отправился молча и угрюмо». ⁴

Следующий случай произошел в селе Хуап в конце прошлого века.

В село прибыла группа офицеров во главе с командиром – новая военная администрация (в Абхазии тогда было военное управление). Были устроены конные состязания, в которых приняли участие и гости, показали свое мастерство, но всех превзошел известный народный оратор, один из лучших наездников Бзыбского округа – Баба Чычын. Никто не смог сравниться с ним в искусстве джигитовки, а в конце он поразил всех, подняв с земли на полном скаку пятирублевую золотую монету.

Затем в честь гостей был устроен пир. Гостей во главе с их командиром посадили на почетное место. Чычын поднял первый тост за Всевышнего – «Анца улыпха хат!» – «Боже, дай нам тепло твоих очей!» и гости поддержали его. Второй тост глава стола поднял за народ: «Да благословит Всевышний народ! Да сохранил он его от стихии воды и огня!» – после

этого Чычын выпил вино и передал тост новому главе администрации. Последний возмутился:

– Вы, абхазы, всегда были неблагосклонны к государю императору. Как ты мог поднять тост за народ, не произнеся здравицу в честь государя императора?

– Уважаемый гость! – звонко ответил ему Чычын. – Это наш древний обычай, поднимать тост вначале за Всевышнего, а затем за народ. И потом, как мы можем поднимать тост за императора стаканом! Подать сюда рог! – скомандовал он.

Виночерпий принес огромный рог, вмещавший до пятнадцати стаканов. Рог наполнили искрящимся черным вином. Чычын, взяв рог в руки, произнес тост:

– За здоровье императора! – Затем, повернувшись к народу, добавил: – Дай Бог, чтобы те, кто настаивает на произнесении этого тоста, получили то, что заслужили.

Затем, не отрываясь, выпил рог под ладный аккомпанемент «ура». После этого вновь наполнил рог вином и обратился к главе: «За императора пьют без передышки».

Офицер взял рог, произнес тост и затем под мощное «ура» и стрельбу из пистолетов принялся за дело. Но до конца осилить рог так и не сумел, и его пришлось вынести из-за стола.⁵

Подобных примеров неисчислимое множество. Вообще, традиционная абхазская культура несет в себе прежде всего воспитание идеальной личности. О таких людях абхазы говорили: «Шака ауаюбшьа илоузеи!» – «Он весь пронизан человечностью!».

В предыдущей статье мы немного коснулись темы «Апсуара» – этого многогранного кодекса чести и совести традиционной культуры. «Что может быть выше Апсуара на этой земле!» – говорят абхазы. Сложный абхазский этикет, рыцарская военизированная культура, до мельчайших деталей напоминающая военный кодекс самураев, высокая духовная культура, оказывала влияние не только на Кавказе, но и за его пределами. Путешественники называли Кавказ «рассадником пашей». Отсюда вышли сотни и тысячи личностей, имена которых овеяны славой. Кавказцы сумели создать на Ближнем Востоке мамлюкское государство, которое, как считают некоторые специалисты, просуществовало почти тысячу лет.

«В Египте, – пишет Д.И.Кантемир (1715 г.), – черкесы и абазы стоят в два раза дороже, так как только они имеют привилегию наследовать права и имущество своих господ, которые получают после их смерти, имея предпочтение перед законными детьми. Этот обычай противоречит законам Корана, и в то же время он разрешен вследствие одного странного мнения,

точнее сказать, пережитка: Иосиф, бывший некоторое время в рабстве в Египте, просил Бога позволить, чтобы эта нация никогда не покорялась рабам, и эта просьба претворена в действительность по тайному определению Бога». ⁶

Дюбуа де Монпере (первая половина XIX в.) отмечает: «...если бы с большей смелостью мог судить о путях провидения, я бы подумал, что его намерением было воссоздать другие вырождающиеся расы смешением их с прекрасной черкесской нацией». ⁷

В середине XVII в. при султанском дворе Османской империи абхазскими военачальниками был введен стиль «Абаза», т.е. вся знать одевалась и вела себя на абхазский манер. Можно привести немало примеров, когда сыновья султанов овладевали материнским языком (абхазским) и во всем старались придерживаться горского этикета. Эти свидетельства и ряд других говорят о том, насколько выше в духовном плане стояли сыны Кавказа и почему им чаще всего отдавали предпочтение. Здесь надо отметить, что многие представители абхазской диаспоры той эпохи отправляли своих детей на родину, где они до 16-18 лет проходили все постулаты «Апсуара», совершенствуя свой дух и тело. Кавказская, в частности, абхазская, культура, была законсервированной вплоть до конца XIX – нач. XX вв., т.е. до усмирения Кавказа.

Весь XIX век на Кавказе происходила одна из последних схваток рыцарей и буржуа. Империи нужно было освоить новые земли, новые рынки, новые пути, а хозяевам – горцам Кавказа – надо было защищать свою родину. Притом первые применяли все методы, вплоть до биологической войны, против народов Кавказского перешейка. На глазах всего человечества уничтожалась древняя цивилизация, осколки которой их потомки пытаются сейчас склеить и восстановить, подобно художнику-реставратору. Гьярг Чачба в одной из своих полемических статей в защиту своего народа отмечал: «Абхазцы – народ простой, бесхитростный, и по атавизму многовековой свободы у них выработалась прямота в характере: что на душе, то на языке. Они со всяким человеком, независимо от его общественного положения, говорят одинаковым языком, как с равным себе, вежливо, но без всякого подобострастия и приниженности – говорят громко и смело, без обиняков и утайки выражают свои нужды». ⁸

Дело в том, что абхазское общество в массе своей составляли *анхаю* – т.е. вольные жители, которые не были закрепощены ни землей, ни податями; князь или дворянин в общине назывался «ахылавшыю», буквально «присматривающий, смотрящий». Абхазы и к Всевышнему обращались со словом «Иащхылавшхыу» – «К тебе обращаемся смотрящий за нами», люди знали, что перед Богом все равны и на этой земле в течение жизни нельзя

допускать ошибок, ибо «Он все видит и все знает». И поэтому отношения между сословиями в основном были по горизонтали. Отсюда и отношение к другим народам, соседним государствам: «Мы разговариваем со всеми, как равный с равным, ибо нет в доме двух хозяев, хозяин всегда один».

Еще К.Мачавариани в 1878 г. отмечал, что «в пылу увлечений и приведения в исполнение какого-нибудь своего желания, *особенно, когда дело касается народного интереса*, абхазцы забывают себя, и достаточен один шаг вперед одной личности, чтобы потом мгновенно бросилась вся толпа. «Мы правы, мы требуем суда и правды». Вот на чем обыкновенно стоит абхазец. Поэтому, если сильно преградить ему дорогу в его энтузиазме, то он отступит в молчании, но в своем отступлении создаст тысячу обстоятельств для мести и успокоения своего взволнованного сердца».⁹

Здесь мы хотим очень коротко остановиться на земельных отношениях в Абхазии. Вот что гласят документы комиссии, работавшей несколько лет над изучением поземельных отношений в Абхазии: «В отношении поземельного пользования все сословия являются равноправными, с некоторыми только незначительными преимуществами высших сословий в распоряжении свободными общественными землями – преимуществами, вытекающими из первенствующего положения и, так сказать, административного значения их в среде общин».¹⁰ Кстати, земельная реформа в Абхазии была проведена позже всех «горских обществ». Точно такие же поземельные отношения были и в Большой Кабарде (Этнографические предания кабардинцев выводят свой народ из Абхазии.) Абхазский афоризм гласит: «Все войны на земле происходят из-за земли и женщины», и это действительно так; в первом случае – земля священна, здесь покоятся наши предки, она питает нас, кормит, а когда приходит срок – забирает к себе, говорят абхазы, и поэтому наш сыновний долг – беречь и защищать ее. Во втором случае – это отголоски троянских войн, нартского эпоса и одной из последних кровавых трагедий середины XIX в., когда дальские и цабалские Маршаны истребляли друг друга из-за красавицы Инджи-Ханым.

Касаясь вопроса о земле, мы хотим привести реальные факты: они очень характерны и отражают одну из граней войны 1992-93 гг. в Абхазии.

Первый случай произошел в июле 1992 г. в Сухуме. Тогда атмосфера была накалена, в воздухе веяло войной... Актер театра, абхаз С., вошел в автобус, отправляющийся на рынок. В автобусе он увидел, как грузинский священник распекал молодежь за какой-то проступок. С., уже солидный мужчина, поддержал священника (надо отметить, что он хорошо знал грузинский). «Вот видите, что говорит седой человек, вы должны вести себя достойно!» С. понял, что его приняли за грузина. Он решил проверить священника. Когда автобус подошел к рынку, он выскочил первым и вежливо

обратился к священнику, предварительно поцеловав крест: «Святой отец, только говорите правду, ибо вы посредник между Богом и людьми. Я не верю ни прессе, ни телевидению, ни правительству, посмотрите, как я измучен – скажите правду, ибо вы человек от Бога, чья это земля – абхазская или грузинская...?» Священник посмотрел по сторонам, перекрестил С. и тихо ему ответил: «Это их земля, абхазская, но мы должны ее захватить, никому не говори!».

Другой случай произошел в Сухуме весной 1993 г. в т.н. «Комитете спасения». «Участник войны 1941-45 гг., военный в отставке А.Г. обратился к аудитории, где сидели представители грузинской науки: «Вы ученые люди, можно мне задать Вам один вопрос, только отвечайте конкретно. Чья это земля – абхазская или грузинская?»

Тут поднялся один из профессоров и начал витийствовать – надо, мол, призвать ученых, чтобы они доказали, чья это земля, это сложный вопрос и т. д.

А.Г. повысил голос: «Вы ученые люди, а я всего лишь бывший военный! Еще раз прошу вас ответить, чья это земля?»

Снова продолжились те же толкования. Тогда А.Г. встал и заявил: «Хотя вы и ученые – профессоры, академики, но я вижу, что вы ничего не знаете или притворяетесь. Запомните – земля это абхазская и абхазы придут в свою столицу, ибо это их родина. А вот такие, как вы, во всем и виноваты. Мы здесь гости и живем на чужой земле, нужно благодарить абхазов за то, что они нас еще терпели...»

Ответом было молчание...

Через несколько лет после войны А.Г. с почетом похоронили в Западной Грузии; на похоронах присутствовало очень много людей, ибо этот человек прославился своей неподкупной справедливостью. Вечная ему память...».

Почему я остановился на этих примерах (кстати, примеров таких немало)? Есть у абхазов такое понятие «а=ьрйушра» – «человек настолько умный, что, хотя и знает истину, но делает вид, что все иначе». У лжи ноги коротки, говорят древние, но во что вылилась эта идеологическая ложь, мы все видим. Говорят, в древности, между Нартами и их младшим братом Сасрийуа разгорелся спор, который можно было разрешить только поединком. Но во времена Нартов, когда с «их уст слетала только правда», эти могучие витязи не посмели проливать кровь на такой красивой земле, как Апсны.

– Мы будем воевать, – сказали герои, – но не в Абхазии, а в долине Кубани. Ибо они знали древнюю мудрость: «Когда проливается кровь абхазов – земля плачет» У природы есть свои законы, которые мы зачастую не видим или стараемся не видеть, это прекрасно выражено во фразеологизме: «Апсны сама с себя (со своих плеч) сбрасывает недостойных».

В Кабарде и на Западном Кавказе прославился своей мудростью известный адыгский философ Жабаги Казаного, его учение оказало большое влияние и на абхазов (кстати, по преданиям он до отрочества воспитывался у абхазов). И вот князь Асланбек Кайтуко решил объявить войну баксанской партии князя Атажуко. Жабаги был соратником Асланбека. И вот как он предотвратил кровопролитие: «Собрав жителей округа, он отправляется на похороны Кайтуко. Народ входит во двор и принимается выражать домочадцам соболезнование, не обращая при этом внимания на оцепеневшего князя. После окончания первого цикла печальных церемоний, Кайтуко спрашивает Жабаги:

– Что за диво? Я не знаю, чтобы кто-нибудь из нашего рода умер...

– В вашем роду никто не умер, мы слышали, что умер ты сам и пришли тебя хоронить.

– Как же так? Вот я перед вами. Слава богу, жив.

Но Жабаги возражает ему:

– Ума лишившийся все равно, что мертвец!

И разъясняет Асланбеку неразумность принятого им решения. Обескураженному князю ничего не остается, как отменить поход на Баксан.¹¹

Основной упор Жабаги делал на будущее и во многом превзошел своих современников. Он был в составе делегации кабардинцев к Петру I и поразил царя своей прозорливостью и мудростью. Его выражение «Грядущему служащий – настоящий муж», по сей день хорошо знают в Кабарде и Адыгее. И наши встречи должны служить залогом мирных отношений, и для этого, как мы говорили выше, необходимо немного – всего лишь признание того, что каждый народ имеет право самостоятельно решать свои дела и проблемы.

На Западном Кавказе, благодаря богатому опыту народной дипломатии умели приходиться к общему мнению. Мы приведем один из примеров использования народной дипломатии:

«Переговоры с соседними племенами обыкновенно ведутся таким образом: старшины обоих племен съезжаются в одно место, и располагаются одна сторона не в дальнем расстоянии от другой. Заметим здесь, что если переговаривающиеся племена неприязненны и переговоры ведут о заключении мира, то перед их съездом посредничающие лица, совершенно посторонние, вступая сами в посредничество, сближают воюющие стороны. Потом с обеих сторон назначается по одному красноречивому мужу, которых называют пересказателями или послами (*тлько*) (по абх. *аццаражъщцауаюы – А.Г.*), и по одному объяснителю общего дела (*кушьако*). Эти последние, которых знанию дел и силе красноречия поручается судьба соплеменников, ведут переговоры через пересказателей (которые большей частью суть посторонние, не причастные к делу лица), из коих на

одном лежит в особенности обязать пересказывание того, что от обеих сторон ему поручается, другой же есть его помощник. Пересказыватели эти непрестанно ходят (если расстояние большое, то и ездят верхом) от одной партии к другой, и главный из них пересказывает на них возложенное от одного общества к другому. Таким образом продолжаются переговоры до окончания дела. Достойно замечания, что эти пересказыватели владеют такою силой памяти, что ни одного слова не забывают, и в доказательство того главный пересказатель, возвращаясь к каждой партии, повторяет с начала до конца все то, что ему от нее поручено было, по окончании же такого повторения спрашивает объяснителя: так ли ему было от него сказано? И, получив удовлетворительный ответ, объясняет вновь им принесенный от противной стороны ответ или запрос. В продолжение этого объяснения пересказатель спрашивает своего товарища: «Не забыто ли им что-нибудь?» Тогда товарищ напоминает ему, если в самом деле забыто, что, однако ж, случается реже, чем должно бы предполагать.

За неприличное почитается, если объяснители, пересказатели или другие лица, участвующие в переговорах, горячась, приходят в некоторое иступление». ^{1 2}

Очень интересный способ в таких случаях применялся у абхазов: «Между двумя сильными кланами произошло кровопролитие. Вмешались старейшины, целый месяц разбирали дело, но никак не могли примирить враждующих. Жил в те времена Ажанаа, мудрец, медиатор, «он был подобен Ауыбла», - говорили абхазы, знал все. И вот что он сделал. На широкой поляне, на расстоянии голоса, он поставил друг напротив друга враждующие партии. Перед каждой партией он вонзил в землю алабашу, на каждую из них накинуд по бурке, сверху надел по башлык. Это было утром. И вот, представив, что эти два манекена живые люди, он в течение дня ходил между ними и разговаривал, выясняя суть дела до мельчайших подробностей. Спрашивал у одного манекена суть дела, сам же отвечал; затем то же самое проделывал с другим. И этот диалог продолжался до вечера. К вечеру он примирил манекены. Весь этот безупречный диалог (ибо он не допустил в диалоге с бурками ни одного промаха) внимательно слушали враждующие стороны. В конце он, встав в центре, обратился к обеим сторонам: «Вы видите, ваши манекены и то примирились, они поняли, неужто вы, люди, не можете понять того же самого».

Мир был восстановлен. И вот с тех пор у абхазов сложилась пословица: «Ажанаа за что взялся, доведет до конца». (Со слов Котика Ахуба, 70 лет, г. Сухум, 10 июля 2000г.).

Одним из методов подготовки ораторов были игры, вот один из вариантов.

Молодежь разбивалась на две партии, князья и дворяне с одной стороны, вольные жители с другой. Обе партии вступали в борьбу. Первая партия захватывала пленных и приводила в один из дворянских домов. Вторая приводила князей и дворян в один из своих домов. После окончания игры начинались переговоры, дискуссии, где обменивали пленных или отпускали их на определенных условиях. Все это заканчивалось торжественным пиром, где обменивались подарками.¹³

Хан-Гирей дает очень интересные сведения об ораторских школах у черкесов (они полностью тождественны таким же школам в Абхазии):

«Разделяются на две партии, и одна из них объявляет на другую свои претензии под каким-нибудь предлогом. Тут избирают судей, перед которыми ответчики защищаются силой красноречия, а претендующие не щадят могучих выражений для того, чтобы победить своих противников. Таким образом, открывается здесь поле, где старшины и князья, и дворяне показывают могущество своего красноречия и знание существующих указаний народных и феодальных прав древних фамилий своей нации. Забава эта или, лучше, упражнение в словесности, служит у черкесов школою, образующею непреклонных их ораторов».¹⁴

У абхазов, мы этого немного коснулись в первой статье, существовали и по сей день частично существуют тайные языки. В быту и по сей день сохраняется много эзотерики. Эта культура не для посторонних, поэтому зачастую многие исследователи упускали эту область духовной культуры народа. Здесь, конечно, первостепенное значение имеет знание языка. И лишь в работах П. Чарая и Н. Джанашиа, прекрасно владевших абхазским, частично отражена эта сторона быта. По сей день в горах, правда, частично, используют «охотничий язык», в нашем архиве имеется словник «охотничьего языка», в котором насчитывается до тысячи словарных единиц. Недавно мне посчастливилось ознакомиться с работой талантливого историка, убыха Сергея Хамыта, погибшего при освобождении г. Сухума; он составил словарь «тайного садзского языка», которым по сей день пользуются представители старшего поколения в западной части Абхазии. Словарь насчитывает свыше 1200 слов. Имеются также фрагменты «птичьего языка», «языка женщин», «змеиного», языка алабаци, языка жестов и др... В абхазском, исходя из богатства звуков (если учитывать полугласные, их число доходит до 90 и более звуков) возможности языка многогранны. Опосредованные формы общения в абхазском языке как речевые, так и предметные. Но здесь нам хотелось бы отметить еще один пласт – духовный; это обращение ко Всевышнему с просьбой и исполнение обета перед ним. Можно привести много примеров, когда истинное слово, сказанное правильно и в чистом месте, сбывалось. И абхазы в это свято верят.

После окончания войны известный охотник Гуарамия Камщиц дал обет принести в жертву Всевышнему белого быка. Через год он нашел нужную жертву. Утром привели быка. Старец, совершив омовение, вонзил алабашу в землю, повесил на нее башлык и обратился с благодарственной молитвой ко Всевышнему. После молитвы жертвенное животное само легло под заклание, повернувшись головой на восток. Такова сила искренней молитвы»¹⁵ – искренность и чистота как в поведении, так и в Слове всегда достигают цели. Но путь к этому зачастую очень тернист.

Таких примеров очень много, но к данной теме это не относится...

На Кавказе всегда были праведные люди. Одним из таких был Баматгирей Хаджи – чтобы обрести знания, он 13 лет провел в подземелье и мог рассказывать о будущем и предрекать события. Генерал-губернатор Калуги, Горчаков, где Баматгирей находился в ссылке, с почетом доставил его тело (Баматгирей сам предсказал дату своей смерти) в Чечню в спецвагоне и добился, чтобы на месте его захоронения был построен мавзолеей. По сей день это место почитают священным...

Другим выдающимся философом Чечни был Кунта-Хаджи, его учение предшествовало учению Махатмы Ганди. Он призывал свой народ прекратить войну, ибо она довела его до полного физического истощения. «Он проповедовал мир между людьми. Его учение перекликалось с широко распространенной на Востоке идеей непротivления злу насилием. Добро вместо зла, скромность вместо излишеств, чистота помыслов и дел, обращение к Богу – вот основные идеи, которые лежали в основе проповеди Кунта-Хаджи Кишиева».¹⁶

Здесь мы хотим отметить, что у абхазов были блестящие ораторы-женщины. В прошлом веке, в 60-х гг. XIX в., в Лыхны собрался народ, решали важные вопросы. Прибыла царская администрация и вся абхазская знать. Перед собравшимися с блестящей речью выступила Ш. Бганба, супруга Хазгери Гумба (впоследствии он был в числе изгнанников, похоронен в Турции); все присутствующие были поражены ее образной и логичной речью. Представители военной администрации тоже были изумлены ее выступлением и спрашивали: «Кто эта женщина, так мастерски владеющая речью?» Князья обратились к ней с просьбой, чтобы она сказала властям, что она княжеского происхождения; но женщина гордо ответила: «Я из сословия *анхаю*, невестка рода Гумба, сама я Бганба»...

В абхазской устной литературе существует очень много философских новелл о мудрости женщин, об их умении словом и оружием защищать честь рода, страны...

Здесь мы хотим привести один интересный документ, который еще не был в обращении. Это воспоминания А. Мартина – депутата от эстонской

общины в Народном Совете Абхазии (1920 г.): «Казалось бы, что один голос в Народном Совете Абхазии от эстонцев в пользу оппозиции не мог иметь особого значения. Однако грузинские меньшевики думали иначе. В начале 1920-го года, 6 февраля, в Сухум приехал Ной Рамишвили, министр внутр. дел республики Грузия. Когда я пришел на собрание Совета, мне сказал секретарь Совета Королев, что министр Рамишвили желает со мной говорить. Разговор происходил там же, за секретарским столиком, в углу зала. Ной Рамишвили был грузинский аристократ, высокого роста, красив. Разговор наш был ласковый, дружеский.

Министр сказал: «Я учился в Тартуском университете, полюбил Эстонию, считаю ее своей второй родиной. А тут мне говорят, что представитель эстонцев в Народном Совете Абхазии идет против Грузии, как это может быть?» Я ответил, что познакомился с Грузией еще юношей, туристом почти всю ее прошел, полюбил и ее народ. Грузинского языка я не знаю, но в переводе читал ее литературу. Никогда я не действовал против Грузии и никогда не думаю этого делать. Но тут надо стать на принципиальную точку зрения. Самоопределение достигнуто многими народами бывшей царской России, в том числе Грузией и Эстонией. Будучи принципиальными, мы должны поддерживать стремления абхазского народа к такой автономии, которая ему приемлема, ставит его и другие народности, живущие в Абхазии, хозяином своих земель и природных богатств, дает им право самим развивать школы, народное образование, свою культуру. «Вы разве не замечаете, что они смотрят на Север?» – спросил меня министр. «И это, – ответил я, – входит в понятие самоопределения – смотреть каждому туда, куда хочется, куда смотреть выгоднее, а не туда, куда призывают другие, кому это выгодно. Разве это последнее было бы самоопределение, была бы автономия?». Далее я передал самое беспристрастное личное мнение, что считаю тактику Грузии по отношению к Абхазии неразумной, вредной для Грузии самой. По моему убеждению, абхазцы – народ развитый, самолюбивый, храбрый, бескорыстная дружба с ним для Грузии необходима, вражда же может кончиться плачевно. Грубой силой абхаза не покорить, Грузии надо заслужить любовь и доверие абхазцев, они тогда будут смотреть на Юг.

Этим и кончилась наша беседа». ¹⁷

В те же годы, 1918-20, в Сухуме произошел съезд абхазских крестьян. Вот как говорит об этом событии очевидец-грузин в своих довольно объективных воспоминаниях:

«У меня был случай посетить еще один съезд тоже в Сухуме, это был уже съезд абхазских крестьян. Присутствовало на нем большое количество народу. Председательствовал на собрании гурийский социал-демократ, он произнес длинную речь о революции и пролетариате. Так же много гово-

рили соц. демократы, соц. революционеры, члены Совета рабочих и солдатских депутатов. Говорили по-русски и переводили на абхазский. Разгорелся горячий спор по вопросу о земле, о социализме, о пролетаризации, о концентрации, о моменте и тактике, об углублении революции и т.д.

Абхазы не понимали, о чем идет речь, и сидели тихо. В конце попросил слова один крестьянин. Этого крестьянина в Абхазии называли мудрым, и он действительно славился умом и красноречием. Вообще я слышал от старых людей, что абхазы – народ очень умный и красноречивый, я хорошо помню его слова и должен признаться, что его слова запали мне в душу, тронули. Я ясно видел разницу между его мудрыми мыслями и болтовней драных интеллигентов.

– Господа, – сказал старик, – вы тут все имеете разные мнения и указываете нам совершенно разные пути. Не требуйте от нас, невежественных, простых сельских жителей, чтобы мы разобрались во всех этих делах. Я уверен, что и в ваших уголках дело обстоит так же. Поговорите между собой, придите к согласию, к единому мнению и нас научите, будьте нашими пастырями. Россия пала, слава Богу, к нам пришла свобода, но что это за свобода, она только для вас, а нам вы не даете возможности ее почувствовать. С русскими мы по возможности боролись, противостояли им, но если на вас посмотреть хорошенько, то среди ваших отцов и дядьев много найдется таких, чья грудь украшена медалями за покорение Абхазии. И о том можно сказать, что русские пришли к нам через Дарьяльское ущелье (подразумевается Грузия). Вы заслужили доверие России, а мы до нынешних дней объявлены «неблагонадежной нацией». Нас никто не может научить любить свободу. Абхазия – наш край. И разве мы не имеем права самим решать наши дела, разве не можем мы сами обсудить наши нужды, то, что необходимо для нашего края? Да мы ничего и не предпринимали без вашего совета, людей просвещенных и знающих. Вы здесь много говорили, но мы откровенно заявляем, что ничего не поняли. У нас ведь нет никого безземельного, несчастного. Ну-ка, покажите нам в Абхазии хоть одного нищего (и вправду не существует). Конечно, работающий на земле должен иметь землю. Земли у нас много, слава Богу, и, кроме абхазов, многие хорошо устроены на этих землях. Ну и ладно, мы рады, и будем хорошими соседями для всех. Но между этими есть все-таки маленькая разница: те, которые поселились здесь издавна и навсегда покинули свои края, этих мы считаем своими братьями, и они пользуются такими же правами, как и мы, и они должны оставаться здесь. У нас есть еще люди, которые приехали на заработки, временно, которые возвращаются домой, как только соберут урожай. Если они по-прежнему хотят работать, пусть приезжают, и мы окажем им дружеский прием, как и прежде. И если кто-нибудь

недоволен нашим к нему отношением, покажите нам хоть один пример этого. Напротив, мы оказываем уважение, чем можем, и никогда ничем им не вредили. Что касается того, чтобы отобрать землю у помещиков, то это наше дело, мы сами знаем, и там видно будет, что понадобится дальше. А тем чужакам, которые захватили большую часть наших земель и заселились на ней насильно, мы скажем: идите туда, откуда пришли, ваша страна, Россия, намного больше нашей.

Вот что сказал старый крестьянин».¹⁸

То, что говорил старец-оратор, практически не изменилось и по сей день. Хорошо зная психологию народа, можно увидеть, что абхаз и по сей день не может понять: как на земле Апсны, которая в сознании народа дарована ему Всевышним, может быть иной хозяин. Приведу небольшой пример: семь поколений моих предков свыше двухсот лет живут в селе Хуап Гудаутского района, и, несмотря на коллективизацию, репрессии, войну и т.д., по сей день владеют большими участками земли у подножия гор, в местности «Тропа оленей» и на равнине. Если кто-то из односельчан попросит землю (в основном по причине многодетности), то они уступают часть земли на определенный срок – естественно, безвозмездно. В понятии народа вопрос о земле один из наиглавнейших, если не самый главный. При царизме очень большие споры и конфликты возникали между анухвскими и новоафонскими абхазами и монастырем по поводу земель, оккупированных монахами. Этот вопрос был положительно решен при Н. Лакоба. Как подчеркивал Георгий Чачба в своем «Предсмертном обращении к Абхазскому народу» в 1918 году: «Чтобы сохранить Абхазию в целостности, нам нужно держаться традиций нашей страны, ибо всякий народ, который пожелает жить без традиций, погибнет!»¹⁹

Очень своевременным представляется нам письмо Георгия Дмитриевича Чачба к Георгию Михайловичу Чачба, «Письмо брату». Хотя оно написано в прошлом веке, мысли очень современные:

«...Но если несправедливость и неравенство определены не природой самого человека или общества в целом, а законами людей или этим обществом, разве люди не должны устранять их? Должны. Должны потому, что люди по своей природе равны, неравными их делают законы. Это не мои слова, а слова Томаса Мора. Я верю ему, как юрист, как мыслитель, как человек...

И вообще, если законы несовершенны, не отвечают интересам человека, то надо менять не самого человека, а его законы.

Однако когда силой логики ума, силой слова, силой здравого смысла не удастся это сделать, война, хотим мы этого или не хотим – неизбежна. Вот что я хотел сказать. Она неизбежна потому, что она порождена данным

обществом и, прежде всего, его неудовлетворенностью, несправедливостью и неравенством...

Война в грязном обществе – великий лекарь, говорил еще Аристотель. Она очищает человеческое общество от нароста грязи и шелухи... Поэтому, чем раньше мы осознаем наше положение в нашем обществе, тем быстрее и без кровавых столкновений перешагнем этот «природный рубеж» войны. *Без подлинного равенства не бывает подлинного мира.*

Даже наша маленькая Абхазия существовала как страна в период византийской или османской империи или в период от вхождения ее в Российскую до окончания Русско-Кавказской войны. Почему теперь нельзя вернуть ей свое название и быть такой, какой ее природа сама пожелала? Так можно или нет? Можно и нужно. Кто против? Кто хочет жить за счет других. Но это разве черты человеческие? Увы, нет. Это черты животного мира, когда силой доказывает сильный свое недоказуемое...

Как известно, пытались это сделать еще Александр Македонский, Чингисхан, Тамерлан. Но им не удалось изменить природу и естественные законы человеческого общества. Дело в том, что *природа стремится к симметрии, а человеческое общество к равенству. И пока не будет социальное или национальное равенство, не будет мира,* – вот что я хотел добавить... Война в большом обществе – закон жизни, учил еще Макиавелли.

...Когда война грянет, поздно будет уже думать. А она вот-вот, вижу, на пороге. Надо не допустить ее, и это в силе ума человека, в его воле, в его желаниях. Мы все-таки люди, а не звери. Коли мы создаем законы, то мы, люди, должны их исправлять. И чем раньше, тем лучше. А нет – она нас исправит, но уже согласно закону войны...

Это все, что касается философии войны и мира. Но тебя интересует другой вопрос, конкретный: что для абхазов сегодня лучше – война или мир? Отвечаю, не отходя от вопроса – только мир. Правильно ли поступил Ираклий II или наш Келешбей, что взяли ориентацию на Россию? Отвечаю так же прямо: для Грузии – да, для Абхазии – нет. Доказательства? Пожалуйста. Враг номер один для Грузии – Персия и Турция. Благодаря России, грузины сохранили свою нацию от неминуемого истребления... Из 630 тысяч до исторического акта присоединения Грузии к России, сегодня их более миллиона человек. В то время как абхазов из 437 тысяч Большой Абхазии до исторического акта присоединения к его императорскому величеству Александру I осталось сегодня менее 60 тысяч человек. У грузин выросла своя, можно сказать, национальная младогрузинская интеллигенция. А наших абхазов по пальцам посчитать... Надо сказать, что мы хотим... Политика Александра II порочна, она, именно она, привела к войне абхазов, и она погубила добрые начинания его императорского величества

Александра I. Вот если эти факты рассмотреть в их единении, тогда я согласен не только с Демосфеном, но и с князем Багратионом-Мухранским: «Лучше худой мир, нежели добрая война».²⁰

Очень точно отразил политику великих держав небезызвестный генерал Ермолов. Эти слова также очень современны: «Горские народы примером независимости своей в самих подданных русского императора порождают дух мятежный и любовь к независимости».²¹

В заключение я хочу сказать: мы должны уметь правильно понимать, что происходит на самом деле, как с одной, так и с другой стороны. Везде есть люди, которые могут слышать, но при этом надо говорить на равных, ибо все мы ходим под Богом. Земля общая и, как говорится, всем хватит места под солнцем, но Отечество одно. Хотим в конце привести два примера из русско-абхазской войны. Первый случай произошел в Сухуме, в августе 1992 г. «Один из абхазов был взят в заложники. Его охранял грузинский гвардеец, как выяснилось потом, участник войны в Афганистане. На второй день он начал спрашивать пленного, в чем причина войны (парень этот был из Грузии). После нескольких часов беседы он сдал пост и ушел в задумчивости. На следующий день гвардеец продолжил свои расспросы. В конце концов, он сказал: «Я понял все: вы, абхазы, правы, это ваша родина и вы должны ее защищать. Даю тебе слово, что не подниму оружие и уеду домой». Он сумел переправить заложника в Сочи, а сам вернулся домой и больше не взялся за оружие».²²

Другой случай произошел в селе Тамшь. Абхазы контролировали высоту Ануаа-рхуы, внизу на трассе ими был взорван мост. Беженцы-грузины доезжали на автобусе из Сухума до взорванного моста, переходили речку вброд, а затем садились в автобус, который в это время прибывал из Очамчира. Беженцы знали, что высоту контролируют абхазы, и поэтому переход из одного автобуса в другой занимал считанные минуты. Правда, по мирным гражданам никто не стрелял, но на войне всякое бывает...

И вот в один из дней подошел автобус из Сухума, переполненный стариками, женщинами, детьми. За несколько минут люди перебрались в другой. Среди беженцев был старик с тремя внуками. Взяв одну внучку и нехитрый скарб, он перенес их в автобус, быстро пошел за второй внучкой, перенес и ее в автобус. Третья внучка стояла на другом берегу речки, ожидая дедушку. Но в это время автобус с беженцами, где был дед с двумя внуками, рванул вперед. Видимо, водитель, забыв от страха о совести, бросил девочку на произвол судьбы. Все это наблюдали воины с абхазской и грузинской стороны. У абхазов был единственный гранатомет с тремя снарядами, его держали на крайний случай. И вдруг впереди уходящего автобуса, на безопасном расстоянии, разрывается снаряд гранатомета. Во-

дителя предупредили – остановись, забери ребенка, но автобус продолжал мчаться. И вновь перед автобусом разорвался снаряд, и опять автобус продолжает движение. Раздался третий выстрел, и вновь снаряд взорвался перед автобусом – он остановился, из него вышел пожилой мужчина и медленно, неспешно пошел по дороге, перешел речку, взял внучку на руки и снова спокойно, медленным шагом направился к автобусу. Посадив девочку в автобус, он опять вышел из него, встал на колени лицом в сторону Ануаархуы, искренне помолился и снова спокойно вошел в автобус, тот тронулся с места и скоро исчез из виду. И тут раздался салют – так грузины приветствовали человеколюбие абхазов.²³

Абхазы говорят, что с противником надо вести себя так, чтобы враг сказал тебе спасибо.

У кавказских народов, благодаря их историческому опыту, традициям, накопился большой духовный потенциал, который необходимо использовать в конфликтных ситуациях. Мир от этого только выиграет.

По понятиям абхаза, все народы равны и имеют свою землю, язык и обычаи, и все равны перед Богом и законом. «Неравными людей делают законы», – подчеркивал еще в прошлом веке Г.Д.Чачба. И чем больше мы узнаем друг о друге, о нашем богатом духовном наследии, и чем быстрее это станет достоянием широкой общественности, тем больше будет надежды, что мосты взаимного доверия между абхазским и грузинским народами будут восстановлены.

В заключение еще раз хочу подчеркнуть, что надо шире и глубже исследовать опыт народной дипломатии кавказских народов и внедрять его на практике. Несомненно, это принесет в дом каждого из нас мир и спокойствие, надо только приложить небольшое усилие.

Сухум, 2000 г.

Примечания

¹ Бгажноков Б.Х. Этика Ж.Казанок и духовная атмосфера Кабарды в XVIII столетии. – В кн.: «Жабаги Казанок (300 лет). Материалы региональной научной конференции (30-31 октября 1985 г.)». Нальчик, 1987. С.23.

² Рассказал Кафкас Атрышба 7 октября 1993 г., г. Гудаута.

³ Чкуа Бекир. Апсуара нет альтернативы. Газ. «Гагра», №29, 24-28 июля 1995 г.

⁴ Шервашидзе Г.М. Так пишется история (письмо в редакцию). «Закавказье» (Тифлис), 1910, №№125-126.

⁵ Со слов Мирода Гуажба, село Хуап Гудаутского района. Октябрь 1990 г.

⁶ Кантемир Д.К. История роста и упадка Османской империи. В кн.: Аталиков В.И., Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 142.

⁷ Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и Крым. В кн.: «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв.» (сост. Гарданов В.К.). Нальчик, 1974. С. 445.

⁸ Шервашидзе Г. М. «Закавказье», 1910, №125.

⁹ Мачавариани К. Народные смуты в Абхазии. «Голос», 1878, №198.

¹⁰ Главный Штаб. Азиатская часть. 21 октября 1870 г. С представлением проекта сословно-поземельной реформы в Сухумском округе. ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. I, №234, л.81.

¹¹ Бгажноков Б.Х. «Жабаги Казаноко (300 лет)». С.40.

¹² Хан Гирей, Записки о Черкессии. Нальчик, 1978. С.133-134.

¹³ Там же. С.283.

¹⁴ Унарокова Р.Б. Формы общения адыгов. Майкоп, 1998. С. 80.

¹⁵ Рассказал внук Камшица Гуарамия, Аслан Адлейба. Сухум, 12 апреля 2000 г.

¹⁶ Нунуев С.Х. Нахи и священная история. Ч. I, Ярославль, 1998. С.272.

¹⁷ Мартин А. Из моих воспоминаний об Абхазии. Абгосмузей, ф. 3, оп. I, д. 89, лл. 58-59.

¹⁸ Друг. Начало отчуждения: Абхазия, 1917 –1920 гг. «Кавказский акцент» (Тбилиси), 2000, №5. С. 2. Пер. с грузинского Тамары Гайдаровой.

¹⁹ Чачба Г.М. Предсмертное завещание Абхазскому народу. Абгосмузей, ф.3, оп. I, д. 42, лл. I-2.

²⁰ Чачба Г.Д. Рукописи неопубликованных статей. Центральный государственный архив Абхазии, ф. 60, д. 10. Приложение к реферату «Макиавелли. Жизнь его и сочинения». 10.14. (Рукопись «Письма к собрату» взята из общего труда «Правило бытия, или дерево жизни». Копию снял Михаил Лолуа).

²¹ Ермолов А.П. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6209, лл.15-16.

²² Записано со слов Славика Амичба. Сухум, октябрь 1999 г.

²³ Рассказали Даур Воуба и Рудик Делба. Сухум, апрель 2000 г.

Далила Пилия

Абхазский государственный университет

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ АБХАЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Почему речь идет о становлении абхазской государственности, а не об образовании абхазского государства? Дело в том, что нам представляется корректной именно такая постановка вопроса, поскольку на сегодняшний день мы можем говорить лишь об интенсивном становлении в Абхазии тех

атрибутивных признаков, которые в дальнейшем в своем развитии и взаимосвязи образуют в своей системе полноценное государство на абхазской земле. Однако в современном мире даже достижение страной системного качества, которое образует полную государственную институциональную волю, недостаточно. Оно является необходимым, но не единственным условием образования государства. Чтобы Абхазия, как и любая другая страна, стала государством, она должна быть признана таковым международным сообществом и получить свой статус полноценного государства со стороны международных институтов и других государств.

Политические процессы, которые происходят в Абхазии в настоящее время, являются продолжением и развитием длительной эволюции становления государственности на абхазской земле. Как и в целом ряде других стран, одним из первых политических институтов, созданных в Абхазии, были организованные вооруженные силы, выполнявшие функцию защиты от внешних врагов.

С древнейших времен абхазам приходилось с оружием в руках защищать свою страну. Нередко борьба за самосохранение приводила ее на край гибели. Нескончаемые войны за выживание предопределили характер народа – болезненную любовь к родной земле и максимализм: «все или ничего». Не случайно в абхазском языке понятие «герой» переводится как «ахаца» – мужчина. Исторически так сложилась судьба народа, что каждый мужчина должен был становиться его героем, спасителем.

Вторым атрибутивным признаком абхазской государственности было образование того, что в литературе называют единством территории. Абхазская государственность четко обозначена в территориях-границах, существовавших в течение последних трех столетий. Различные формы правления (протекторат Турции, затем России) не оказывали особого влияния на внутривнутриполитическую жизнь. Наместник Абхазии (как правило, им был владетельный князь из рода Чачба-Шервашидзе) вел самостоятельную, независимую политику. Относительно независимой оставалась она и в годы упразднения государственной самостоятельности (за участие в Кавказской войне, против царской России, абхазам был вынесен вердикт «виновный народ», и в 1864 г. Абхазия превратилась в Сухумский округ Кутаисской губернии, входившей в Российскую империю, и была им до 1918 г.). В годы Советской власти страна, оставаясь автономией в рамках Грузии, вновь получила относительную самостоятельность, имела свою конституцию и на ее основе строила свою внутривнутриполитическую жизнь.

Одной из отличительных особенностей становления абхазской государственности почти на всем протяжении ее истории было стремление ее свободолюбивого народа к независимости. Хотя способ государственного уст-

ройства и форма правления зачастую диктовались абхамам извне, тем не менее, навязанный режим не мог устояться, если не проходил проверку на легитимацию снизу со стороны народа. Он либо принимал, либо отвергал, либо совершенствовал на свой лад навязанные ему институты и формы правления. Иными словами, легальное качество политических институтов почти всегда подвергалось ревизии со стороны народной воли. Там, где легальность и легитимность не совпадали между собой, первая подвергалась существенным изменениям или вообще ставилась под вопрос. Это особенно очевидно на примере становления институтов местного самоуправления.

В Абхазии не сложилась и не могла сложиться стройная система бюрократической власти именно потому, что все решения чиновников подвергались оценке и филътрации со стороны народных собраний, сходок, с мнением которых чиновничеству приходилось считаться. В истории Абхазии ни одна государственная реформа или важное, судьбоносное решение не принимались, если они не прошли «обкатку» со стороны Совета старейшин, где каждый его представитель, к какому бы сословию он ни принадлежал, мог наложить вето даже на предложения царя.

Именно поэтому форма Советов как института коллективного правления была так широко и одобрительно воспринята после Октября 1917 г., и именно поэтому Абхазия оказалась одной из немногих республик бывшего Союза, население которой высказалось почти единогласно за сохранение Советского Союза.

Абхазы понимали, что распад Советского Союза вызовет негативные последствия для их судеб, привычного образа жизни и, в особенности, повлечет за собой угрозу потери той относительной самостоятельности, которую они имели в советское время. Так это могло и произойти, если бы вооруженная экспансия Грузии в пределы страны удалась. Имперский тоталитарный дух, которым была пронизана центральная власть в Москве, не исчез, а переместился в столицы ряда бывших ее республик, которые стремились навязать своим автономиям и, так сказать, нетитулованным народам, государственную волю некоего основного народа.

Концепция развития современной абхазской государственности начинается сравнительно недавно – с принятием Декларации о государственном суверенитете Абхазии. После распада СССР и получения Грузией статуса самостоятельного государства до сих пор не прекращаются усилия по аннулированию итогов многолетней борьбы абхазов за свою относительную независимость. Грузия после распада Советского Союза взяла политический курс на ее превращение в унитарное государство. Стремление Абхазии предложить проект договора федеративного устройства Грузии окончилось грузино-абхазской войной. Послевоенный период (с октября

1993 г.) был периодом интенсивной подготовки концептуального документа новой Абхазии, завершившимся принятием в 1994 г. Конституции Республики Абхазия.

Анализ этого документа позволяет нам выделить следующие государствообразующие принципы.

Абхазия – суверенное государство.

Абхазия – демократическое, правовое государство.

Абхазия – социальное государство.

Абхазия – светское государство. Все конфессии самостоятельны, свободны и отделены от государства. Государство соблюдает свободу совести.

Полнота осуществления власти в Абхазии предоставляется ее президенту, который является главой государства.

Как известно, важнейшим признаком государства является государственный суверенитет (от лат. *super* – *сверх*, *над*), первоначально означавший всю полноту власти, верховенство суверена над объектом властвования. Со временем под суверенитетом стали понимать полную независимость государства от других государств, а также его верховенство над субъектами государства.

Две составные части суверенитета – независимость и верховенство общей государственной воли – демонстрируют диалектическое сочетание прав и свобод. Согласно Конституции Республики Абхазия, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Абхазия является ее народ – граждане Республики Абхазия. Народ осуществляет свою власть непосредственно или через своих представителей».¹ Показателем суверенитета является совокупность культурных признаков: государственного языка и государственной символики. Согласно Конституции Абхазии, «государственный язык Республики Абхазия – абхазский. Русский язык наряду с абхазским признается языком государственных и других учреждений. Государство гарантирует всем этническим группам, проживающим в Абхазии, их право на свободное использование родного языка».²

Государственная символика Абхазии – герб, гимн и флаг. Государственная геральдика абхазов, сохраненная соотечественниками за рубежом, берет свое начало с раннего средневековья. Одна из этих эмблем – изображение открытой ладони, символизирующей открытость и миролюбие, в 1989 г. стала частью государственного флага. Самым молодым атрибутом абхазской государственной символики является гимн, в основе которого лежит народно-патриотическая песня, призывающая народ к объединению в дни испытаний.

Хотя на сегодняшний день Абхазия располагает всеми необходимыми формальными признаками суверенитета, в содержательном плане существо-

вание суверенной Абхазии подвергается испытаниям как со стороны ее еще слабых государственных институтов, так и со стороны Грузии, которая на протяжении всего послевоенного времени не только отказывается признать Абхазию таковой, но и развернула политическую кампанию во всем мире, целью которой является недопущение признания суверенитета Республики Абхазия.

В современной Абхазии среди ее населения, к сожалению, еще распространено ошибочное представление, что с завоеванием независимости это системное качество гарантировано само собой. Проблема новой абхазской государственности как раз и состоит в том, что формального провозглашения суверенитета недостаточно. Он должен постоянно наполняться не только усилиями по защите от новой военной экспансии со стороны Грузии, но и повседневными, поистине титаническими усилиями по созданию собственной, относительно независимой экономики и дееспособных органов исполнительной, представительной и судебной власти, обеспечивающей национальные интересы. Собственно говоря, для становления новой государственности степень и результаты наполнения содержательными признаками ее суверенитета имеют в настоящее время ключевое значение.

Приверженность идеям правового государства формально объявили все постсоветские государства, однако, достижение намеченной цели – длительный и тяжелый путь. Западные страны шли к нему пять-семь столетий и смогли переломить тенденцию к обнищанию широких народных масс, весьма характерную для экономики раннего капитализма, добиться относительного материального благополучия для большинства населения. Основой западной демократии стало социальное равновесие. Это стало возможным благодаря переосмыслению функции государства (отход от либеральной теории). Государство вынуждено было взять на себя социальную и экономическую ответственность.

В результате взаимных уступок стал возможным компромисс между либеральными и демократическими принципами. Современная практика становления новых государств демонстрирует тот факт, что становление правового государства – несравненно более тяжелая задача, чем формирование демократических институтов³.

Чтобы продемонстрировать, насколько тяжела ноша, которую Абхазия взяла на себя, взявшись выполнять действующую Конституцию, обратимся к классическому определению характера современного правового демократического государства и выделим следующие его принципы.

Суверенитет народа – независимое от каких-либо сил, обстоятельств и лиц верховенство. Суверенитет – это «высшая, абсолютная и постоянная власть над гражданами и подданными в политическом сообществе» (Ж. Боден, 1576 г.). Суверенитет народа означает, что народ является источни-

ком власти. «Народоправие» (Ж. Ж. Руссо) в наше время не означает отчуждения от власти, оно смягчается прямой и представительной демократией (участие в референдумах по различным вопросам государственной политики, выборы депутатов в парламент и т.д.).

Принцип большинства должен гарантировать юридически закрепленные права и свободы меньшинства наравне с большинством, чтобы демократия не выродилась в охлократию (власть толпы).

Принцип равенства, провозглашенный великой Французской революцией (XVIII в.), в XX веке получил свое воплощение во Всеобщей декларации прав человека, провозгласившей его «в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства...» Равенство понималось как предоставление всем гражданам равных возможностей.

Принцип выборности – свободные выборы при наличии всеобщего избирательного права, равного для всех категорий граждан.

Признание приоритета прав и свобод личности – они гарантируются Конституцией и должны быть защищены от вмешательства государства.

Принцип разделения властей необходим, чтоб предотвратить чрезмерную концентрацию власти в руках государства и обеспечить равновесие ветвей власти.

Принцип конкуренции при формировании власти является следствием плюрализма (множественности) интересов в обществе и плюрализма политических сил, представляющих эти интересы.

Перечисление принципов демократического правового государства будет неполным, если не сказать о разветвленной и эффективной *судебной системе, которая выносит свои вердикты, действуя строго по закону.*

В государстве, где заявлено о строительстве правового общества, *ответственность высших должностных лиц* должна стать необходимостью. А президент страны несет конституционную ответственность (самостоятельный вид юридической ответственности) за правовое состояние общества. Ответственность – один из основных социальных институтов современного общества: чем выше уровень ответственности всех субъектов социального общения, тем выше его потенциальные возможности. Следует отметить, что чрезвычайный прагматизм в политике пореформенных лет, доведенная до абсурда «деидеологизация» и, как следствие этого, отсутствие четкой программы проводимых в стране преобразований создают в стране ситуацию, обозначенную в печати как «безответственное государство». К сожалению, этот феномен имеет место почти во всех постсоветских государствах (Абхазия не исключение), в которых всегда находится немало паразитических групп, греющих руки на слабости и безответственности государства по отношению к гражданам и к обществу в целом.

В условиях социализма политическая власть стояла над правом, а в постсоциалистических, тем более постконфликтных, государствах ее структура не претерпела каких-либо значительных изменений, т.е. введение демократических институтов не сопровождается установлением правового государства. Фактически, появился новый облик авторитарного режима, опирающийся на демократическую легитимацию. В условиях социализма авторитарный режим на местах мог быть подвергнут контролю со стороны центра. В постсоциалистических государствах режим авторитаризма свободен, неподотчетен и неподконтролен, т.к. «центра» нет, а внутривластные институты не совершенны, нет традиции развития гражданского общества. И сегодня в большинстве постсоветских государств нет четкого правового регулирования организации государственной власти, с учетом возложенной именно на государство монополии на применение насилия, гарантирующей и эффективно обеспечивающей права индивида через принцип неотвратимости закона.

В настоящее время в Абхазии существует как бы два непримиримых лагеря, позиции которых существенно влияют на формирование правового государства. Согласно одной из них, создание правового государства на абхазской земле – недостижимая и совершенно абстрактная цель, и именно поэтому не следует даже и ставить ее перед собой. В прошлом, настоящим и будущем, утверждают сторонники этой позиции, все будут решать сила обычая и личные взаимоотношения. Фактор права никогда не одолеет фактора народной молвы и фактора «человеческих отношений». Поскольку в современной Абхазии нормы гражданского права действуют слабо, а их исполнение не гарантирует правовой защиты, значительная часть населения Абхазии еще не верит в возможность создания правового государства на абхазской земле.

Но есть и другая позиция, по которой создание правового государства является делом, не требующим никаких особых усилий и вполне возможно уже в настоящее время, коль скоро созданы и функционируют формальные институты права. Эту точку зрения разделяет большинство чиновников, формально демонстрирующих свою якобы приверженность правовым нормам и считающих, что правовое государство можно и дальше строить путем законотворчества, издавая указы и многочисленные инструкции.

В разрыве между этими позициями мы видим основное, если не фундаментальное препятствие в создании новой государственности и абхазского государства в целом.

Перейдем к другому государствообразующему принципу – принципу развития социального государства. Социальное государство – понятие, возникшее в политической и общественной теории после второй мировой вой-

ны для обозначения государства современного демократического типа. Социальное государство предполагает движение к утверждению социальной справедливости: предоставление каждому человеку работы или иного источника существования; сохранение мира и согласия в обществе; формирование благоприятной для человека жизненной среды. Для этого государство должно стремиться достичь высокого уровня экономического развития, демократизма политической системы, компромисса основных политических сил относительно целей и путей развития общества. Приоритетным направлением должно быть планирование и регулирование социально-экономических процессов, а также создание системы социального партнерства.

Развитие социального государства в Абхазии сталкивается со множеством проблем объективного и субъективного характера. Постконфликтная ситуация разрухи и разрыва прежних хозяйственных связей, не в последнюю очередь вызванная экономической блокадой республики со стороны России, не позволяет быстро воссоздать довоенный уровень производства, в результате чего нарушается конституционное право индивида – право на труд. Глобальной проблемой республики стало отсутствие рабочих мест, безработица широкого круга людей. Все это вместе создает огромные сложности в наведении правового порядка в республике.

Но нужно отметить, что общественно-политическая обстановка в стране, которая скорее саморегулируется в силу традиционных ценностей, установок народа, чем регулируется государственными органами, предсказуема и относительно спокойна. Несмотря на дефицит во всем, нет организованного, преступного сращивания криминала с властью, в результате чего не произошло сильного расслоения общества на крайне бедных и крайне богатых.

Но нет и сколько-нибудь заметного экономического прогресса. Образ жизни народов Абхазии свидетельствует о том, что идет люмпенизация, имущественная дифференциация. Если за черту бедности брать доход 4 доллара в день (общепринятый стандарт), то количество бедных в Абхазии будет крайне большим. Особенно страдает наиболее социально незащищенная часть населения: престарелые, инвалиды войны, вдовы, многодетные и молодые семьи, одинокие матери, потерявшие единственных сыновей в грузино-абхазской войне. Количество лиц и семей, живущих за чертой бедности, особенно велико среди этих групп. Крайне минимизирован размер заработной платы, пенсий, пособий. Почти все население потеряло жилье, личное имущество, материальные ценности, однако ни о какой компенсации пока и речи не может быть, поскольку само государство находится в жесткой изоляции и блокаде. Безработица, крайне низкая заработная

плата, нерегулируемый рост цен вызвали вынужденную миграцию из Абхазии огромного количества людей, причем людей всех национальностей. Такое состояние общества, хотя и вызванное постконфликтной ситуацией, свидетельствует о том, что государство, по сути, самоотстранилось от ответственности за состояние дел в республике и переложило всю вину на грузино-абхазскую войну.

Сохранение мира и согласия, особенно в таком полиэтническом обществе, как абхазское – важнейший принцип развития социального государства. Сложность процесса заключается в том, что за последние десятилетия дружное сосуществование различных народов на абхазской земле постоянно омрачалось ставшим почти традиционным противостоянием грузин и абхазов. Именно поэтому политика абхазского руководства должна быть предельно чуткой к гражданам любой национальности и вестись с учетом трагических ошибок, имевших место в недавнем прошлом.

В разработке концепции государственной политики сосуществования всех этносов акцент следует делать на работе по предотвращению конфликтов, поскольку постконфликтное восстановление требует значительно больших затрат и менее эффективно, чем превентивные меры.

Концепция миростроительства применительно к внутривнутриполитической жизни Абхазии должна гарантировать обеспечение безопасности в государстве: каждый гражданин республики должен быть уверен в индивидуальной и коллективной безопасности, в гарантированной свободе слова, собраний, печати, вероисповедания, верить в гарантии справедливого суда, равенства перед законом, участия в выборах и т.д. В социальном государстве все это должно быть не только теоретически закреплено, но и реально соблюдено. Исполнителями перечисленного, наравне с государственными институтами, должны быть неправительственные организации, общественно-политические движения, национальные объединения и т.д.

Активизация деятельности национальных общин должна проводиться через их лидеров, с помощью юридически определенного правового механизма. На договорно-консенсусной основе разрабатываются квоты-участия представителей крупных этносов в деятельности всех ветвей власти, в том числе и в формировании кадровой политики (такая модель работы в полиэтническом обществе оправдала себя в мировой практике: в Бельгии, Швейцарии и т.д.). Государство предоставляет всем этносам, независимо от их количественного состава, равные возможности для формирования этнической культуры и сохранения традиций. Государство должно также создавать условия для их свободного общения с исторической родиной.

Создание социального государства или движение к нему невозможно без создания гражданского общества, вне которого немислимо общее со-

циальное, экономическое, культурное развитие общества, его новых цивилизационных, технических и научных основ. Гражданское общество существует и функционирует в диалектическом, противоречивом единстве с государством. При демократическом режиме оно тесно взаимодействует с государством, при авторитарном и тоталитарном режимах пребывает в пассивной или активной оппозиции к режиму. Государство может значительно ограничить жизнедеятельность гражданского общества, но разрушить, «отменить» его не способно, ибо оно является первичным по отношению к государству, фундаментом государства. В свою очередь, гражданское общество тоже может существенно ограничить функции государства, но подменить, а тем более упразднить государство на современном этапе развития общества оно неспособно.

В странах с развитым гражданским обществом и высоким социальным уровнем государства граждане редко напрямую общаются с государственными институтами и учреждениями. Нормальную, хорошо отлаженную государственную машину часто сравнивают с ночным сторожем, которого замечаешь только тогда, когда что-то происходит. В странах, где уровень правового государства не так высок, граждане вынуждены постоянно общаться с государством, так как оно всегда что-то запрещает, регламентирует, всегда создает какие-то помехи людям, которые мешают их деловым связям, их бизнесу, да и в целом их повседневной жизни.

Новая абхазская государственность, несмотря на всестороннюю блокаду, пытается создавать определенные условия для формирования демократических процессов: сняты многие ограничения прав и свобод человека и гражданина, развиваются различные формы собственности и предпринимательства, растет многообразие социальной структуры общества, провозглашен и частично реализован принцип разделения властей. Однако на ее становление все еще оказывают влияние «родимые пятна» прошлого – власть болезненно воспринимает инакомыслие, возникновение оппозиции, политический плюрализм. Например, не так давно власть смогла навязать обществу через референдум сменяемость судей, тем самым ограничив независимость судебных органов. Все это не способствует повышению роли гражданского общества в жизни людей, а значит, и формированию правового, социального государства.

Гражданское общество Абхазии зиждется в основном на традиционной культуре народа, основанной на обычном праве. Общество саморегулируется, контролируется благодаря таким социальным институтам, как *аламыс*, *апсуара*, которые через тысячелетия пронесли нравственные принципы абхазского народа. К сожалению, государство со своими институтами оказалось оторванным от народа, оно не смогло использовать прекрас-

ные национальные особенности в строительстве правового демократического государства.

Опыт строительства нового абхазского государства показывает, что по менталитету абхазы – государствообразующий народ. Традиционная культура народа легко вписывается в требования современных политических систем, однако власть крайне слабо внедряет цивилизационные методы строительства государства.

Новое абхазское государство провозгласило в Основном Законе свободу совести и вероисповедания. Несмотря на то, что Абхазия одной из первых приняла христианство (IV в.), она никогда не была религиозным государством. На протяжении многих столетий никакая религия, никакая конфессия из тех, что имели место в Абхазии, не определяли политическую судьбу страны. В принципе, Абхазия всегда была светской страной, в которой все конфессии самостоятельны, свободны и отделены от государства. Однако с первого дня грузино-абхазской войны, политические лидеры Грузии, средства массовой информации свободно манипулировали сознанием широкого круга людей, представляя вооруженный конфликт как наступление абхазского ислама фундаменталистского толка.

Потомки махаджиров, проживающие в основном на Ближнем Востоке и Европе, действительно, исповедуют ислам. Но религия в жизни абхазов не выступала и не выступает связующим фактором. Религиозный фактор, принадлежность к разным конфессиям никогда не были источниками конфликтов на абхазской земле и вряд ли когда-нибудь станут в будущем. Ибо всех абхазов (независимо от вероисповедания, достатка, социального положения, знания родного языка) объединяло и объединяет больше, чем их разъединяет – принадлежность к абхазскому этносу, *ансуара* (абхазство).

Особое место в нашем исследовании занимает последний из обозначенных выше принципов абхазской государственности – полнота осуществления власти в Абхазии предоставляется ее президенту, который является главой государства.

Как известно, война вынуждает сосредоточить всю полноту политической власти в одних руках. По инерции это положение продолжается и после войны. Оно получает свое логическое завершение в новой конституции, где вводится президентская форма правления. Институт президентства оказался закономерностью не только для постконфликтных государств, но и для всех постсоветских, где имелись длительные авторитарные традиции.

В любой президентской стране глава государства обладает значительной реальной властью. В Абхазии эти права чрезвычайно велики (26 статей в Конституции Абхазии посвящены права Президента Республики Абхазии). Президент Абхазии, являясь главой государства, фактически вклю-

чен в систему исполнительной власти в качестве ее структурообразующего элемента. Велики также его полномочия в международных делах.

Специалисты по транзитологии (исследованиям переходного периода становления новых государств) отмечают, что президентская форма правления создает благоприятную почву для злоупотреблений в отношении исполнения формально провозглашенных демократических принципов. Для народов Абхазии их Президент (лидер-харизма) – олицетворение победы в грузино-абхазской войне, непрекаемый авторитет, он и в мирное время сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Но и такое положение можно было бы признать нормальным, если бы другие ветви власти не самоустраивались от ответственности за государственные дела: «Нам ничего не позволено, за все отвечает президент». Такая постановка вопроса устраивает многих госчиновников, которые при сложившейся системе безраздельного господства единого центра власти вполне благополучно реализуют свои личные интересы.

Появление суперпрезидентской власти в Абхазии можно объяснить следующими явлениями: неразвитость гражданского общества, отсутствие сильных политических партий и общественно-политических движений, в результате чего создается послушное парламентское большинство. При таком раскладе политических сил общества доминирующую роль играет Президент, его клан, семья, пытающаяся за кулисами событий использовать свое влияние, легитимную власть. Такое состояние общества характерно не только для Абхазии, но и для многих восточноевропейских и постсоветских президентских государств.

В развитых демократических государствах центральное место отводится парламенту. Парламент – орган, который способен продвигать вперед процесс формирования плюрализма мнений различных групп, партий и т.д. Опыт европейского парламентаризма свидетельствует, что институты, объединившие различные социальные группы и образующие костяк гражданского общества, тем быстрее оказывают непосредственное влияние на политические процессы, чем прочнее органы законодательной власти объединяют, переплетают государственных и негосударственных политических актеров. Кроме того, процесс деятельности парламента – принятие решений, побуждает как отдельных депутатов, так и депутатские фракции, группы, стремящиеся получить большинство в парламенте, постепенно вырабатывать в себе принципы компромисса, терпимости к чужому мнению, готовность к сотрудничеству, одновременно обучаясь основным правилам демократической игры.

Каким же должен быть исходный образец демократического парламента? За образец обычно берут разработку исследователя британской кон-

ституции сэра Уолтера Бэйдчхото, хотя написана она в 1867 г. Он выделяет следующие классические функции парламента:

- орган законодательной власти служит форумом выражения интересов и политического волеизъявления;
- парламент должен брать на себя функцию избрания носителей важных государственных обязанностей;
- в системах парламентского правления он должен брать на себя также избрание глав правительств, верховных судей, и т.д.;
- законодательный орган осуществляет функции политического контроля по отношению к органам исполнительной власти и другим государственным ведомствам и принимает законы ⁴.

Народное собрание (парламент) Республики Абхазия – общенациональный, представительный политический институт, осуществляющий законодательные функции. Институт парламентаризма в Абхазии, как и в других постсоветских странах, переживает переходный, болезненный процесс становления. Он начинается с демонтажа авторитарных и тоталитарных политических режимов.

В условиях становления новой абхазской государственности парламент должен стать «школой демократии» по отношению к исполнительной власти, он должен находить демократические пути решения встающих проблем и противостоять авторитарным методам правления. Этого, к сожалению, не происходит, поскольку и по Конституции, и по существу народные избранники лишены возможности определять государственную политику. Но, думается, дело не только в этом. Сами парламентарии нередко проявляют неопытность и некомпетентность и тем самым лишают себя и той ограниченной возможности влиять на социальные и экономические процессы, которые им предоставляет Конституция.

Но главное, они недостаточно пользуются доверием большинства населения. Исследования показывают, что народные избранники в постсоветских, постсоциалистических странах в глазах общественного мнения имеют крайне невысокий рейтинг по сравнению с другими политическими институтами.

Несмотря на позитивную роль парламента и огромное желание политических элит совершенствоваться и осваивать демократическую культуру будет сложно, и процесс учебы будет длительным и болезненным во всех постконфликтных и постсоветских государствах.

При всей сложности становления института парламентаризма, коллективный разум более удачно вписывается в менталитет абхазского народа там, где речь идет о решении судьбоносных вопросов.

Парламентская власть для Абхазии более приемлема не только для того, чтобы избежать диктатуры, к которой неуклонно идет безраздельное уси-

ление президентской власти со всеми вытекающими отсюда последствиями. Она необходима для развития государственности на местах. Именно она будет способствовать укреплению местного самоуправления, в котором будут возобладать коллективный разум и коллективное мнение. Традиции местного самоуправления, базирующиеся на обычном праве абхазов, при их обогащении цивилизованными нормами права, станут основой формирования в Абхазии полноценного гражданского общества.

В становлении новой абхазской государственности было бы желательно проследить феномен процветания двух государств (Германия, Япония), которые после второй мировой войны начинали с нуля, как и постконфликтная Абхазия. Можно возразить, что здесь слишком велики количественно-пространственные различия. Но, опустив эту особенность, обратимся к национальной идеологии, которая позволила им сотворить чудо XX века. Это, прежде всего, упорный и честный труд свободных и защищенных законом и государством людей, примат прав личности и собственности над государством.

¹ Конституция Республики Абхазия. Сухум, 1994. Глава 1, ст.2.

² Там же, глава 1, ст.6.

³ Ненад Закошек. Правовое государство и демократия в условиях постсоциализма. Загреб, 1997. С. 79.

⁴ Парламентская демократия и федерализм в России и Германии. Опыт совместного исследования российских и германских ученых. Москва-Мюнхен-Вюрцбург 1999. С.20.

Георгий Анчабадзе

ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На современном этапе грузино-абхазских взаимоотношений, спустя семь лет после окончания ожесточенной войны, оставившей глубокий след в психологии противостоящих сообществ, позиции сторон в вопросе о государственном статусе Абхазии остаются спорными и диаметрально про-

тивоположными. Так, если официальная грузинская точка зрения непременно видит будущую Абхазию в составе Грузии, как одну из ее автономных единиц, то абхазская сторона давно уже в одностороннем порядке провозгласила независимость и ее официальные представители отказываются рассматривать вопрос статуса, объявляя его окончательно решенным. Такая полярность мнений фактически завела переговорный процесс в тупик, выход из которого без существенного сближения позиций сторон затянется надолго, ибо в обозримом будущем признания мировым сообществом односторонне провозглашенной независимости Абхазии ожидать нельзя. Что же касается Грузии, то хоть она и пользуется дипломатической поддержкой ведущих государств мира, однако не имеет действенных механизмов для реального обеспечения своей территориальной целостности в рамках международно признанных границ. Бесконечное затягивание переговорного процесса в такой ситуации не только продлевает мучительное состояние «ни войны, ни мира», но и отрицательно влияет на перспективы окончательного и мирного урегулирования конфликта, ставит под вопрос возвращение беженцев в Абхазию, севернее Гальского района.

В отличие от официальных позиций, на неправительственном уровне можно услышать и предложения о возможности создания союзного государства, состоящего, соответственно, из двух равноправных субъектов – Грузии и Абхазии. В частности, еще до абхазо-грузинской войны это предлагали видные абхазские общественные и политические деятели З.Ачба, Т.Шамба, а в последнее время модель «общего» государства обсуждали В.Чирикба, Н.Акаба, Д.Бердзенишвили, И.Хаиндрава, П.Закареишвили и другие представители Абхазии и Грузии.

Такое «широкое» федерирование имеет как на абхазской, так и на грузинской стороне немало противников, которые полагают, что общее государство не будет жизнеспособным. Эти опасения большей частью диктуются страхом и взаимным недоверием, возникшими в результате войны 1992-1993 годов и предшествующих событий. Так, абхазы опасаются, что гораздо более многочисленные грузины станут доминировать в объединении и низведут до нуля суверенитет Абхазии, вместе с гарантиями безопасности для абхазского народа. Грузины же, со своей стороны, полагают, что двуединое государство принесет только юридическое закрепление независимого положения Абхазии, после чего она на вполне законных основаниях выйдет из союза. Кроме того, высказываются опасения, что в суверенной Абхазии должным образом не будут обеспечены права грузинской общины.

Как видим, перспектива общей государственности у многих рождает серьезные и часто взаимоисключающие сомнения. Это вполне объяснимо при том психологическом настрое, в каком оказались грузины и абхазы в

результате продолжающегося годами военно-политического противостояния. Однако к решению такого стержневого вопроса, как определение статуса, надо подходить трезво, шире смотря на проблему и скрупулезно взвешивая все аргументы «за» и «против». Это очень трудно в настоящий момент, пока в общественных настроениях господствуют негативные стереотипы, сложившиеся в результате конфликта. Поэтому, чтобы сдвинуть процесс полномасштабного урегулирования с мертвой точки, нужно сначала главные усилия направить на преодоление поствоенного синдрома в мышлении — убрать психологические барьеры, мешающие трансформации общественного мнения, приступить к восстановлению доверия между двумя народами¹.

Результатом систематической работы в этом направлении станет снижение уровня враждебности в отношениях сторон, что даст политикам возможность найти взаимоприемлемые решения по спорным вопросам. В вопросе политического статуса, в частности, таким решением может быть именно двуединое государство. Что это будет – федерация, конфедерация или нечто среднее – предмет особых переговоров после достижения сторонами принципиального согласия, итог которых должен быть договорно закреплён под международные гарантии. Возможно, эта модель сегодня не вызывает особого энтузиазма у большинства грузин и абхазов, но если вдуматься, такое решение проблемы может стать реальным компромиссом по статусу, без нарушения единого политического пространства Грузии-Абхазии или территориальной целостности последней.

Опасения каждой из сторон, что в результате федеративного/конфедеративного союза она будет обманута, вызваны, как указывалось, стойким недоверием, царящим между грузинами и абхазами, которое сохраняется благодаря продолжающейся информационно-психологической войне и угрозе новой вспышки насилия. Те грузины, которые считают, что Абхазия, получив право свободного выбора, постарается немедленно «выскользнуть» из общего государства, видимо, собираются вечно удерживать ее силой, что совершенно нереально. С другой стороны, абхазы, думающие, что численное превосходство грузин обязательно обернется в ущерб их интересам, по-видимому, не полностью учитывают те механизмы защиты, которые можно будет заложить в союзный договор в целях обеспечения интересов меньшинства.

В настоящей статье мне хочется тоже обратиться к прошлому и показать, что общее грузино-абхазское государство (с известными оговорками, разумеется, ибо нельзя напрямую сравнивать современное положение вещей с реалиями феодальной эпохи) существовало в средние века и сыграло значительную роль во всей последующей истории обоих народов. Об-

ращение к исторической теме я считаю необходимым еще и потому, что в грузино-абхазском конфликте она все еще играет определенную роль и участники информационного противоборства как с одной, так и с другой стороны, апеллируют к ней, часто пытаясь при этом переписать историю заново. За последнее десятилетие, на фоне эскалации конфликта, этот процесс привел к резкой поляризации мнений в трактовке всех кардинальных вопросов истории Абхазии и грузино-абхазских взаимоотношений. В частности, некоторые абхазские авторы в своих последних работах сводят исторические связи между абхазами и грузинами до минимума, грузинские же наоборот — рассматривают Абхазию как одну из рядовых провинций Грузии, фактически, игнорируя роль абхазского народа как субъекта исторического процесса (я уже не говорю о сторонниках ненаучной теории П. Ингороква, отрицающей присутствие абхазского этноса на территории Абхазии до XVII в. н.э.). Общее, что характеризует авторов, представляющих полярно противоположные позиции — это попытки затушевать позитивные моменты в истории абхазо-грузинских взаимоотношений.

Кроме того, я полагаю, предлагаемый материал должен представлять интерес и для конфликтологов, занятых изучением грузино-абхазского конфликта. Поскольку для углубленного исследования проблемы нужно иметь представление о вопросах, которые, хоть и не связаны непосредственно с предметом исследования, но связаны с этнополитическими взаимоотношениями в целом и часто используются участниками конфликта в информационном противоборстве.

* * *

Абхазские и западнокартвельские (западногрузинские)² этнические группы с глубокой древности входили в состав различных местных государственных образований. В данном случае особый интерес для нас представляет т.н. Абхазское царство, сложившееся в конце VIII в. н.э. и вскоре охватившее территорию всей современной Западной Грузии с Абхазией, вплоть до устья р. Кубани. В создании этого государства раннефеодальное абхазское княжество сыграло ведущую роль, а абхазский князь Леон II, объединивший в борьбе против иноземных захватчиков абхазские и картвельские племена, проживавшие западнее Лихских гор, принял титул «царя абхазов» (груз. *მეფე აბხაზთა*). В дальнейшем его потомки («Леониды»³) продолжали править под этим титулом, хотя среди подданных абхазских царей было больше картвелов, нежели собственно абхазов. Из-за происхождения правящей династии Абхазского царства и роли абхазов в его образовании, Западную Грузию с конца VIII в. стали преимущественно име-

новать Абхазией, о чем свидетельствуют как грузинские, так и иноязычные (византийские, армянские, арабские и др.) письменные источники. Абхазский язык в средние века не имел письменности⁴, следовательно, нет и древних письменных памятников на этом языке, но устные предания абхазов сохранили глухие воспоминания об абхазских царях – *апсха*, что переводится как «владыка абхазов». Вероятно, так именовались еще предшественники Леона II, правители древнеабхазского княжества (византийские и грузинские источники называют их, соответственно, на греческий и грузинский лад – «архонтами» и «эриставами»). Но начиная с Леона, возглавившего независимое, довольно значительное по кавказским масштабам объединение, титул *апсха* стал восприниматься как царский. Во всяком случае, выбор новыми правителями Западной Грузии титула «царь абхазов» должен означать, что они представляли свое государство правопреемником абхазского княжества. На это указывает и грузинский источник XI в. – «Диван абхазских царей», о котором речь пойдет ниже.

Вместе с тем, необходимо отметить, что с самого начала своего возникновения Абхазское царство вступило в общую систему грузинских политических образований. Причина этого явления крылась не только в тесной геополитической связи Абхазии с Западной Грузией, но и в составе населения Абхазского царства, в котором картвельский элемент составлял значительное большинство. Кроме того, по сравнению с Абхазией, центральные области Западной Грузии были более развитыми в социально-экономическом и культурном отношении. В частности, грузинский (восточнокартвельский) язык, распространенный к тому времени на значительной части современной Западной Грузии и единственный в регионе, обладавший своей письменностью, постепенно получает всеобщее распространение в Абхазском царстве в качестве основного языка богослужения, письменности и культуры, вытеснив греческий, который в этом отношении доминировал здесь до IX-X веков. Абхазские цари, заинтересованные в сокращении византийского влияния, способствовали этому процессу. Тем более, что для большей части населения царства грузинский язык был более доступным, нежели греческий, абсолютно чуждый по своему строю и лексике кавказским языкам⁵.

Одним из проявлений общегрузинской политики абхазских царей уже при Леона II было избрание столицей государства города Кутаиси – географического центра Западной Грузии и, надо полагать, города преимущественно грузиноязычной культуры.

Как отмечалось, в период Абхазского царства расширяется значение термина «Абхазия», который обозначает уже всю Западную Грузию. Соответственно с этим, новое понятие приобретает и термин «абхазы», кото-

рый стал обозначать и все разнородное население Абхазского царства. Вместе с тем, термины «Абхазия» и «абхазы» сохранили и свое первоначальное значение — собственно Абхазия и абхазская народность⁶.

В начале IX в. Абхазское царство активно включается в борьбу между образовавшимися на территории Закавказья феодальными государствами. В этой борьбе абхазские цари овладели значительной частью Восточной и некоторыми областями Южной Грузии, что фактически вело к объединению страны. Таким образом, объединительная политика абхазских царей объективно способствовала собиранию значительной части грузинских земель вокруг единого центра и консолидации картвельских племен, а также этнических групп, тяготевших к картвелам в культурно-политическом отношении, в грузинскую феодальную народность.

Распространение грузинского языка на территории современной Западной Грузии, ускорило процесс сближения местных картвельских групп (эгров, сванов) с картлийцами. Не случайно в середине X в. (вершина могущества Абхазского царства) грузинский автор Георгий Мерчуле выдвинул формулу, которая свидетельствовала о возникновении нового понимания термина «Картли», которым он означал не только Восточную Грузию, но и Западную, не исключая территорию собственно Абхазии. «Картли называется обширная страна, — писал Мерчуле, — в которой церковную службу совершают и все молитвы творят на грузинском языке»⁷.

В связи с этим расширяется и значение термина «грузин» (*картвели*), который распространяется не только на родственные западнокартвельские группы, но и на всех тех православных христиан на Кавказе, кто слушал богослужение на грузинском языке. Такое понимание термина «грузин» вовсе не исключало этническую индивидуальность того или иного «грузина» по вере, но негрузина по своей национальной принадлежности — скажем, абхаза, осетина, албанца (ранца), лека и др. Таким образом, термин *картвели* в X в. наряду с этнополитическим, получил также культурно-политическое значение. Вскоре после этого появляется и термин *Сакартвело* (страна картвелов), а хороним *Картли* стал обозначать уже только одну из областей Восточной Грузии.

Как видим, Абхазское царство было создано при ведущей роли Абхазского княжества, но поскольку картвелы составляли большую часть его населения и политика государства в силу исторически сложившихся обстоятельств была общегрузинской, то и абхазы, которые обитали на своей исконной территории, также являлись активными проводниками этой политики и ближайшими союзниками картвелов. Власть Леонидов в одинаковой степени опиралась как на собственно абхазов, так и на картвелов Западной Грузии. Таким образом, Абхазское царство в равной мере при-

надлежит истории как абхазского, так и грузинского народов. Оно сыграло огромную роль в их истории. Чего стоит, например, только факт национальной консолидации западнокартвельских этно-языковых групп с восточными картвелами в единую грузинскую общность, которая в основном произошла во время существования Абхазского царства, на его территории и в значительной степени благодаря целенаправленной политике его правящих кругов.

Дальше мы увидим, что Абхазское царство явилось также тем ядром, вокруг которого сложилось единое грузинское государство.

* * *

В конце 60-х гг. X в. между представителями дома Леонидов началась кровавая борьба за престол, в результате которой царствующая семья, фактически, пресеклась по мужской линии. Абхазия потеряла гегемонию в борьбе за объединение Грузии, которая перешла к таойскому (Южная Грузия) царю Давиду III Куропалату, из династии Багратионов⁸. Давид Куропалат при поддержке влиятельных феодальных кругов Абхазского царства выдвинул на абхазский престол своего приемного сына Баграта, происходившего из другой ветви рода Багратионов, владевшей титулом «царь картвелов» (*картвелта мене*). В 978 году юный Баграт вззошел на престол абхазских царей. За время своего долгого правления (до 1014 г.) он сумел распространить свою власть на большую часть феодальной Грузии и вошел в историю, как ее первый объединитель – Баграт III Великий.

Следует отметить, что на абхазский престол Баграт вступил в качестве наследника абхазских царей – Леонидов. Легитимность ему давало происхождение его матери, царицы Гурандухт, дочери могущественного абхазского царя Георгия II и сестры последнего царя из рода Леонидов — Феодосия Выжженный Глаз. Этот момент специально оттеняется в одном из актов Баграта III, т. н. «Диване абхазских царей», который составлен между 1008 и 1014 годами и, по определению С.Н. Джанашиа, «представляет собой нечто вроде исторического меморандума, в котором Баграт III подчеркнул свою связь с абхазской династией и свои наследственные права»⁹. В «Диване» перечислены 22 правителя Абхазии, начиная от Аноса и кончая Багратом III. Леон II значится в списке одиннадцатым. Интересно, что все правители, в том числе и предшественники Леона – абхазские «архонты» – названы царями. Видимо, потому, что по-абхазски все они титуловались *апсха* (термин, который по своей семантике вначале, может, и не был полностью равнозначен грузинскому *мене* (царь), но с VIII в. приобрел этот смысловой оттенок). В конце документа, где список правителей доходит до

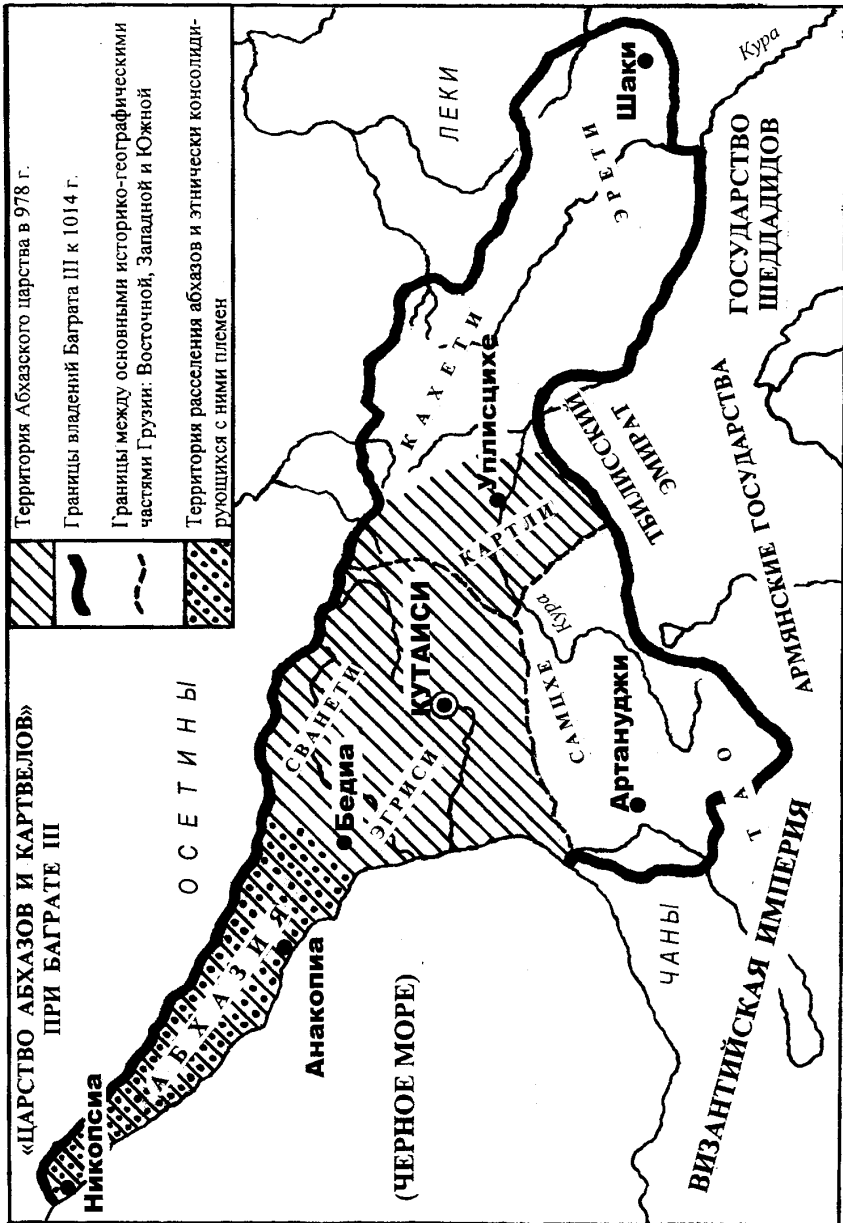
Баграта, сказано: «И после сих царей, по воле Бога, я, Багра́т Баграго́ниани (Багра́тиони – Г.А.), сын блаженной памяти Гургена и сын дочери Георгия, царя абхазов, завладел страной Абхазией, материнским своим наследством, и сколько лет я проживу в своем царствовании, то ведает Бог»¹⁰.

Как видим, Багра́т III счел необходимым подчеркнуть свое происхождение от деда — отца матери, Георгия Абхазского, а не другого деда, «царя картвелов» Баграта Регуени, титулом которого, кстати, к моменту составления документа он также пользовался. К моменту составления «Дивана» Багра́т III практически уже был всегрузинским царем, и его стремление четко показать свою связь с Леонидами можно объяснить тем, что Грузией он владел в первую очередь как царь Абхазии (имеется в виду «Абхазия» в широком смысле).

В историографии существует мнение, что история Абхазского царства кончается в 978 г. с восшествием на его престол Баграта III, после чего начинается история государства «Грузия» («Сакартвело»). Однако исторические источники не дают повода для столь однозначной трактовки. «Вырастание» единого грузинского государства из Абхазского (Западногрузинского) царства было не единовременным актом. Это был долгий процесс, который начался при Баграте Великом и завершился только при царе Давиде IV Строителе (1089-1125), после перенесения столицы Грузии из Кутаиси в Тбилиси¹¹. Нет оснований полагать, что правящие круги Абхазского царства, посадившие Баграта III на трон, собирались тем самым создавать новое государство. Скорее они пытались возродить могущество «Абхазии», которая еще относительно недавно лидировала в Грузии, но в результате междоусобных войн пришла в упадок. («Пошли неурядицы по всей стране, и изменились законы и распорядки, установленные первыми царями. Видя все это, были все вельможи страны той в большой печали» – говорится об этом в летописи¹².)

Вероятно, абхазские и западногрузинские феодалы готовились во главе с молодым и энергичным царем продолжить борьбу за первенство в Закавказье, что объективно вело к объединению Грузии. Акад. Г.А.Меликишвили даже допускает, что избранием Баграта на абхазский трон правящие круги Абхазского царства рассчитывали «присоединить к Абхазии... часть владений Багра́тионов в Южной Грузии (в Тао), которая полагалась Багра́ту по наследству по отцовской линии»¹³.

Действительно, укрепившись на абхазском престоле Багра́т начал присоединять (силой оружия или по праву наследства) к своему государству другие грузинские земли. При этом, он продолжал именоваться царем абхазов, ибо Абхазское царство являлось тем политическим организмом, вокруг которого происходило собирание грузинских земель. Во второй половине

своего правления Багра́т III, присоединивший к своим владениям большую часть наследственных земель Багратионов, берет себе также титул своих предков по отцовской линии – «царь картвелов» и, таким образом, именуется уже как «Царь абхазов и картвелов»¹⁴. Однако главная составляющая титула – его первая часть, и поэтому в сокращенном виде Багра́т по-прежнему именуется просто «абхазским царем». Например, грузинская надпись на монете Багра́та III гласит: «Христе, возвеличь Багра́та, царя абхазов»¹⁵.

Ближайшие преемники Багра́та в исторических источниках (грузинских, византийских, армянских, арабских и др.) также упоминаются главным образом под именем абхазских царей. В их титулатуре, которая удлиняется и усложняется по мере расширения государства, составляющая «царь абхазов» стоит непременно на первом месте. Это не было простой данью традиции. В объединительных войнах конца X-XI в. именно исконная территория Абхазского царства (Западная Грузия с Абхазией) являлась главной опорой царской власти, и именно она поставляла военные силы («Внутреннее войско»), составлявшие основу царского войска.

Собирание грузинских земель абхазскими царями из династии Багратионов, очевидно, воспринималось современниками как расширение Абхазского царства. Поэтому в XI-XIII вв. еще больше расширяется значение терминов «Абхазия» и «абхазы». В этот период они уже употреблялись в трех смыслах, которые обозначали: 1) собственно Абхазию и абхазскую народность¹⁶; 2) Западную Грузию и ее обитателей (включая этническую Абхазию); 3) всю Грузию и ее население в целом (в последнем смысле в Грузии обычно употреблялись термины *Сакартвело* и *картвели*¹⁷.)

Распространение терминов «Абхазия» и «абхазы» на всю Грузию и ее население являлось, в конечном итоге, отражением той выдающейся роли, которую сыграло Абхазское царство в борьбе за объединение феодальной Грузии¹⁸.

* * *

Единое грузинское государство достигло апогея своего могущества во второй половине XII и первой четверти XIII в. Центр этой многонациональной державы с 1122 г. находился в Восточной Грузии (в Тбилиси), а территория охватывала почти все Закавказье, но память о том, что формирование государства начиналось с Абхазии, четко сохранялась. Грузинские цари, гордо именовавшие себя государями всего Запада и Востока и повелителями семи царств, считали, что исконный их удел — Абхазское царство. Например, в 20-х годах XIII в. анонимный царский летописец, описывая положение дел в государстве Багратионов, замечает: «Древнее цар-

ство их, Абхазия, пребывало в спокойствии»¹⁹. Тенденция к сохранению традиций, идущих от Абхазского царства, проявляется в придворной обрядности всегрузинских царей. Так, их пышный титул по-прежнему начинался словами «царь абхазов...», почивших государей хоронили в монастырях Западной Грузии, а торжественное венчание на царство нового монарха (возложение венца и опоясывание мечом) являлось опять-таки прерогативой духовных и светских феодалов Западной Грузии (Абхазии). При этом, следует отметить, что ведущую политическую роль в государстве они уже не играли.

Что касается собственно абхазов, в период расцвета грузинской феодальной монархии они играли существенную роль в этом многонациональном государстве. Ни одно важное государственное мероприятие не проводилось без участия представителей Абхазии. Так, абхазы активно участвовали во всех внешних войнах, которые вела в то время феодальная Грузия, присутствовали на придворных церемониях государственной важности. В источниках имеются об этом конкретные указания.

Одним из свидетельств заметной роли абхазов в Грузинском царстве и, возможно, отголоском родственной связи династии Багратионов с Абхазией (через Леонидов), является тот факт, что единственный сын и наследник знаменитой грузинской царицы Тамар, Георгий, был наречен при рождении вторым, абхазским именем – Лаша, которое, по словам летописца, переводится с языка *апсаров* как «светоч вселенной» (солнце)²⁰. Под «языком апсаров» летописец имеет в виду абхазский язык (по-абхазски *лаша* означает «светлый», «светоч»). Георгий-Лаша царствовал в Грузии в 1213-1223 гг.

Собственно Абхазия в Грузинском царстве составляла две военно-административные единицы (эриставства). Эти округа пользовались высокой степенью внутренней самостоятельности, а феодальная верхушка общества была местного, абхазского происхождения. В эпоху единого царства, и позднее, абхазская знать, составляя в социально-политическом плане одно целое с грузинским феодальным классом, пользуясь грузинским языком в качестве языка письменности, государственного делопроизводства и церковного богослужения, в то же время сохраняла этнокультурные черты, связывающие ее с абхазским этносом. Это хорошо видно из материалов XVII-XIX вв., и нет оснований предполагать, что в средние века дело обстояло иначе. В частности, известные нам имена абхазских феодалов XI-XVII вв. большей частью нехарактерны для грузин. Например: Отаго (Ади-агу?), Дардын (Дадын?), Рабиа, Сетеман, Сустар, Сарек, Зегнак, Зупуар и др. Интересно также, что в тех редких сообщениях грузинских источников, где речь идет о конкретных представителях абхазской знати, действующих в неабхазской среде, кроме имени и фамилии встречается также оп-

ределение – «абхаз», подчеркивающее этническую принадлежность данного лица. Например, полководец сельджукского султана Малой Азии — Дардын Шервашидзе-Абхаз (XIII в.) или приближенный восточногрузинского царя Ростом — Георгий Анчабадзе-Абхаз (XVII в.). Приходится писать об этом потому, что в некоторых публикациях с грузинской стороны настойчиво проводится мысль, будто господствующее сословие Абхазии было полностью грузинизированным или даже этнически грузинским, что не соответствует действительности²¹.

Другая крайность видна в абхазских публикациях последнего времени. Тут есть тенденция представить историю абхазо-грузинских отношений, как перманентное противостояние отчужденных сообществ. Например, М. Гунба считает, что в XI-XIII вв. Абхазия была полностью зависимой от Грузии страной и освободилась от нее в результате постоянной борьбы за свободу и этническую независимость²².

Однако весь массив исторических источников однозначно показывает, что ни в указанный период, ни позднее, вплоть до начала XX века, в грузино-абхазских взаимоотношениях не было моментов противостояния на этнической почве. В эпоху единого царства Абхазия была не зависимой от Грузии страной, а органической частью государства, одной из опор ее центральной власти. Образование Абхазского княжества (вначале вассального, а затем независимого) во главе с династией Шервашидзе (Чачба), произошло не в результате борьбы абхазского, или какого-либо другого народа, за этническое освобождение, а вследствие феодального распада единого грузинского государства (XV в.). При этом главную роль сыграл феодальный партикуляризм грузинских князей. Войны между Абхазским княжеством и западногрузинскими государствами (особенно Мегрельским княжеством и Имеретинским царством) в XV-XVIII вв. были вызваны не этнической рознью, а столкновениями феодальных интересов господствующих элит. Это видно уже из природы этих войн, носивших преимущественно коалиционный характер, причем Абхазия чаще выступала то в союзе с Мегрелией против Имеретии, то вместе с Имеретией против Мегрелии. Реже, но бывало и так, что Имеретия с Мегрелией объединялись против Абхазского княжества.

Грузинские и абхазские авторы, усматривающие этническое противоборство в этих столкновениях, механически переносят современную политическую атмосферу в средние века, хотя, как известно, национализм в современном понимании относительно недавнее явление в истории человечества. Этим авторам представляется, что во времена единого грузинского царства, абхазы (как этническая единица) находились в зависимости от грузин (грузинского народа). Однако в многонациональном Грузинском

царстве, являвшемся, разумеется, картвельским государством в культурно-политическом отношении, не было верховенства одного этноса над другим. Господствующий феодальный класс здесь по своей этнической принадлежности состоял из грузин, а также из социально интегрированной с грузинским дворянством знати абхазов, курдов, армян, албанцев (ранцев), кыпчаков и др. Податные, непривилегированные, слои населения составляли те же этнические грузины, абхазы, армяне, албанцы и т.д. В истории Грузинского царства нет фактов этнической дискриминации, что впрочем характерно для большинства феодальных государств. Только в начале XIII в. известны попытки обратить в православие армяно-григориан, но это было вызвано конфессиональным, а не этническим моментом.

Тем более не могло быть грузино-абхазской этнической розни в период единого царства, ибо абхазы, как видим, издавна сотрудничали с грузинами в государственном строительстве, пользовались полной автономией на своей исконной территории и достойным положением при царском дворе. Грузинское государство, как правопреемник Абхазского царства, должно было восприниматься ими (естественно, вместе с картвелами), как свое собственное государство. На это указывает ряд косвенных данных. Например, абхазы, как отмечалось, вместе с западнокартвельским населением составляли в период объединительных войн конца X-XI в. главную опору династии Багратионов, в отличие от феодалов Восточной Грузии, не раз выступавших с оружием в руках против центральной власти (как до этого боролись они с гегемонией Леонидов), или таойских дворян, порой склонявшихся к Византийской империи.

В периоды сельджукских нашествий конца XI в. или монгольского завоевания в XIII в., когда единое Грузинское царство буквально находилось на краю гибели, абхазы, которым непосредственно не угрожали набег кочевников, не только не делали попыток выйти из его состава, но и активно помогали грузинам в борьбе с внешними врагами. Например, летописец XIV в., описывая заговор грузинской знати с целью свержения власти монголов в 1247 г., в числе активных заговорщиков упоминает и «далеко живущих абхазов»²³.

То, что единое государство XI-XIII вв. воспринималось абхазами как продолжение абхазского царства, можно заключить также из того, что в цикле сказаний об *апсха* прототипами некоторых «абхазских царей» выступают явно всегрузинские государи, в частности Давид Строитель («апсха Даут») и царица Тамар («Дадупал Тамар») ²⁴. Как видно, правителей единого царства, которые по-грузински именовались «царями абхазов» (*мене абхазта*), абхазы на своем языке продолжали называть *апсха* («владыка абхазов»), также как и их предшественников, царей из династии Леонидов.

Как видим, абхазы сыграли значительную роль в истории Грузии, строительстве ее феодальной государственности, расцвет которой принято называть «золотым веком» Грузии. Но целью настоящей статьи не является стремление доказать кому-нибудь, что грузино-абхазские взаимоотношения в перспективе обязательно должны строиться по апробированным в раннем или классическом средневековье схемам. Сегодня уже налицо другие факторы, способные внести серьезные коррективы в наши расклады. Однако полагаю, что при проектировании будущих отношений, нужно помнить и об этой стороне исторических связей. Примечательно, что после начала открытого конфликта (конец 1980-х гг.), ученые, активно представляющие соперничающие лагеря, как правило, обходят стороной вышеизложенные моменты грузино-абхазских взаимоотношений, хотя в информационной борьбе часто обращаются к периоду VIII-XIII веков – одному из важнейших периодов в истории обоих народов.

Примечания

¹ Подробнее см.: Г. Анчабадзе. Преодолевая поствоенный синдром // Абхазия-Грузия. Препятствия на пути к миру. Сухум, 2000. С.13-15.

² К началу VIII в. н.э. племена картвельского корня еще не были консолидированы в одно этническое образование. Существовали две развитые для того времени народности, имевшие длительный опыт государственности; это – картлийская, или восточнокартвельская народность (собственно картвелы), и эгрисская, или западнокартвельская народность. Кроме того, преимущественно в горных областях проживали картвельские племенные группы (сваны, чаны и др.), находившиеся на стадии разложения родового строя и пока еще сравнительно мало вовлеченные в процессы этнической консолидации с другими родственными группами. Что же касается слияния отдельных групп эгров (эгрисцев) с собственно картвелами, то в некоторых областях современной Западной Грузии этот процесс протекал уже довольно интенсивно.

³ В научной литературе этот абхазский династический род иногда именуют также «Аносидами», по имени ее основателя, князя Аноса (VI в. ?).

⁴ Некоторые грузинские авторы в последнее время считают отсутствие у абхазов древней письменной традиции на родном языке достаточным основанием для отрицания исторического существования абхазской государственности. Однако можно привести немало примеров, когда возникновение государств у народов предшествовало созданию письменности. Так, письменность у грузин и армян, как известно, появилась в V в. н.э., тогда как грузинская государственность существует по крайней мере с IV в. до н.э., а армянские государства добились независимости в

189 г. до н.э. Тут нелишне напомнить, что известный грузинский историк акад. С. Джанашиа относил появление первых государственных образований у предков современных абхазов к II в. н.э. [С.Н.Джанашиа. История Грузии с древнейших времен до XIII века (конспект) // Он же. Труды, II. Тбилиси, 1952. С.419. (На груз. яз.)].

⁵ См.: З.В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми, 1959. С.144-159.

⁶ Существует концепция, согласно которой процесс образования абхазской феодальной народности завершился в основном в VIII в. (З.В.Анчабадзе. Указ.соч. С.62-70). Абхазские ученые придерживаются этого мнения, но некоторые грузинские ученые во главе с акад. Н. Бердзенишвили его оспаривают. По мнению этого автора, в Закавказье сформировались только грузинская и армянская феодальные народности и даже такая относительно развитая этническая общность как эгрисская, не оказалась готовой к этому (Н.А.Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1990. С.591). Однако, на наш взгляд, «неготовность» эгров недостаточный повод для отрицания абхазской феодальной народности, находившейся на подъеме в VIII в., когда со страниц письменных источников исчезают названия мелких этнополитических единиц – Апсилии, Мисиминии, Санигии, и вся их территория, вместе с землей абазгов, или абхазов, — ведущей политической силы в регионе, — получает название «Абхазии», а ее население –«абхазов». После этого, вплоть до второй половины XIX в., на территории известной в исторических источниках как «Абхазия» (а в научной литературе по периоду VIII-XIII вв. как «собственно Абхазия») основную часть населения составляли абхазы, делившиеся на ряд субэтнических групп.

⁷ Георгий Мерчуле. Житие Григола Ханцтели // Грузинская классическая литература, т.I. Тбилиси, 1987. С.591. (На груз. яз.)

⁸ Багратионы – древний грузинский княжеский род, принявший царский титул ок. 888 г. Владения Багратионов в IX-сер.X в. охватывали в основном историческую Южную Грузию и ряд соседних земель.

⁹ С.Н. Джанашиа. О времени и условиях возникновения Абхазского царства // Он же. Труды, II. С. 325.

¹⁰ Э. Такайшвили. Так называемая История Абхазии царя Баграта // Древняя Грузия, т. II, раздел 3. Тифлис, 1913. С.46-47. (На груз. яз.)

¹¹ В «промежуточный» период от 978 г. до начала XII в., пока столица царства находилась в Кутаиси, и не был завершён процесс политического объединения Грузии, государство Багратионов можно условно называть по титулатуре монархов – царством абхазов и картвелов.

¹² Матиане Картлиса (Перевод, введение и примечания М.Д. Лордкипанидзе). Тбилиси, 1976. С. 39.

¹³ Г.А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973. С. 135.

¹⁴ В данном случае термины «абхазы» и «картвель» носят политическую, а не этническую окраску, подразумевая соответственно жителей Абхазского царства и владений «царей картвелов».

¹⁵ Е.А. Пахомов. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970. С.56.

¹⁶ Только в одном случае, видимо, с целью особо подчеркнуть, что речь идет о собственно абхазах, их языке, абхазы названы в грузинской летописи «апсарями» (от *апсуа* – самоназвания абхазов).

¹⁷ В указанный период термин *картвели* также имел три значения: 1) картлиец; 2) «карт», или представитель одной из территориально-племенных групп, говорящих на грузинском языке (картлийцы, хахи, месхи, аргветцы и др.); 3) «картвели» в конфессионально-политическом смысле, или житель Грузинского царства, последователь грузинского православия (в эту группу входила вся паства грузинской церкви, включая, западнокартвельские племена – эгров и сванов, а также абхазов, осетин, двалов, православных армян, албанцев, вайнахов, леков и др.). Есть основание полагать, что в XI-XIII вв. вышеперечисленные народности воспринимались в этническом плане равноудаленными от «картов» [См.: К.Кекелидзе. Классификация народов и вопросы географического порядка в древнегрузинской литературе // Труды Тбилисского гос. Университета, VII. 1938. С.4,12 (На груз.яз.)].

¹⁸ З.В. Анчабадзе. Указ.соч. С. 177.

¹⁹ Картлис Цховреба, т. I. Издание С. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. С.369. (На груз.яз.)

²⁰ Картлис Цховреба, т. II. Издание С. Каухчишвили. Тбилиси, 1959. С. 58. (На груз.яз.)

²¹ См., например: Т. Мибчуани. Цари и князья Абхазии. Тбилиси, 1997. С. 6, 32 и др. (На груз. яз.)

²² М.М. Гунба. Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI-XIII вв.). Сухум. С. 5, 6.

²³ Картлис Цховреба, т.II. С.215.

²⁴ Ш.Д.Инал-Ипа. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971. С. 238-240. «Дадупал» – от груз. *дедопали* (царица).

О. Н. Дамения

Институт экологии горных территорий Кабардино-Балкарского научного центра РАН при Адыгейском госуниверситете

АБХАЗО-ГРУЗИНСКИЙ КОНФЛИКТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

(продолжение)

Образование этнической общности, как и любой другой формы социальной генерации – это плод исторической эволюции, результат длительной совместной деятельности определенной группы людей, такой деятельности, которая направлена на производство и воспроизводство своей жизни. Производство (воспроизводство) жизни возможно, как известно, по-

средством освоения определенной географической территории – природной среды обитания. Осваивая среду обитания, этнос не только адаптируется к ее условиям, как это делает сообщество особей, но и изменяет их, преобразовывает эти условия, приспособляя их к своим потребностям. Изменяя среду обитания, этническая общность изменяет также и саму себя – формирует свою модель социального устройства.

Эта модель может быть дееспособной в том случае, если она достаточно органично привязана к условиям среды обитания. Никакая система социальной организации не может эффективно функционировать вне своей естественной среды. Когда этнос или его часть оказывается вне своей этнической среды, ему (ей) приходится переделывать свою систему социальной организации с учетом условий новой среды обитания. Такая сращенность социальной общности с условиями среды обитания характерна, особенно, для тех этносов, которые ведут оседлый образ жизни.

Это важно учитывать, когда идет речь об урегулировании этнополитических, в том числе и абхазо-грузинского, конфликтов на Кавказе, где каждый этнос достаточно четко, порой обостренно, осознает свою идентичность, видит возможность, перспективу своего существования лишь в границах своей этнической территории. Более того, здесь следует помнить, что в прошлом на кавказских народах вообще было чуждо стремление к расширению своего социального пространства, к завоеванию чужих территорий и порабощению их населения. Кавказские народы были довольно жестко привязаны к условиям своей среды – горного и предгорного ландшафта, и им было трудно поддерживать свое существование, обеспечивать свою безопасность в иных природных, скажем, степных, равнинных условиях.¹ Им приходилось строить свою жизнь с учетом дефицита земли, в соответствии с принципами и нормами антропогеоценоза (этнический геоэкологический домостроительный тип), т.е. в соответствии с тем георесурсным потенциалом экологических ниш, которые они занимали.

Немаловажный интерес в этом плане представляет сам тип расселения этнических общностей на Кавказе. На своей территории каждая из этих общностей была моноэтничной. Границы этнической территории и занятой этносом экологической ниши на Кавказе, как правило, совпадали. Этому способствовала сама природа – своеобразие (биоразнообразие) Кавказа, где так много экологически разнообразных ниш. Причем межэтнические границы здесь достаточно устойчивы. Следует обратить внимание также и на факт немногочисленности кавказских этносов, т.е. немногочисленность каждого этноса в отдельности; допускалось лишь простое воспроизводство численности этноса, такое воспроизводство, которое не нарушало норм биогеоценоза и соответствовало ресурсному потенциалу занятой им

экологической ниши. В рамках этих природных возможностей развивались и социальные потребности населения, которые, по существу, лишь повторялись от поколения к поколению в силу традиционализма, консервативности кавказского общества.

В таких условиях сложилось определенное отношение этноса к природной среде своего обитания, отношение, при котором естественная среда выступает не только, да и не столько, как средство существования, сколько как духовная ценность. Каждая этническая общность достаточно четко осознавала свою естественную, изначальную сращенность с данной территорией (средой), вне которой она себя не мыслила. Отношение этнической общности к природе было сакральным²; для нее (общности) природная среда ее обитания – это не только и не столько кормилица, сколько усыпальница предков, память о которых здесь всегда была священна. Поэтому на Кавказе было недопустимо претендовать на чужую территорию или покидать, тем более предавать, свою.

Такие межэтнические границы отнюдь не мешали тесным контактам, разнонаправленным взаимодействиям народов сообщества и не вызывали этнополитических конфликтов, которыми сейчас кишит Кавказ. Более того, эти границы не стали помехой формированию на Кавказе единого социокультурного пространства, внутри которого каждая его составляющая этническая общность могла быть самодостаточной. Причем каждая из этих общностей, будучи частью целого, могла сохранять и развивать свою идентичность. Социальное целое здесь не подавляло составлявших его частей и не растворяло их в себе; оно существовало как бы во благо последних, взаимоотношения которых строились по горизонтали, но не по вертикали. Кавказской культуре чужда сама идея подчинения одного народа другому или зависимости одного народа от другого. Разумеется, внутри кавказского социокультурного пространства не могли не иметь места разного рода противоречия, коллизии, конфликты, но они, повторяю, в целом не носили этнополитического характера.

Есть основание думать, что в прошлом на Кавказе был накоплен уникальный культурно-исторический опыт: на сравнительно небольшом географическом пространстве сосредоточилось большое количество немногочисленных различных этносов, которые, интенсивно взаимодействуя друг с другом, формировали единое социокультурное пространство. При этом они (этносы) не смешивались, не растворялись друг в друге и не образовали новых более крупных, многочисленных этнических общностей, как это происходило в других регионах, особенно в равнинных и степных условиях. Здесь каждый из них сохранил свою идентичность, сохраняя тем самым и этноразнообразие Кавказа³.

Хотя целостность кавказской культуры уже разрушена, но память о ней все еще жива в сознании народов сообщества. Более того, элементы этой культуры, ее ценности и стандарты во многом определяют и мотивируют еще в наше время поведенческие действия человека на Кавказе. Поэтому важно учитывать характер и динамику взаимодействия социально-психологических и культурно-исторических реалий, в условиях которых решаются задачи урегулирования.

Учитывать своеобразие, особенности культурно-исторических реалий Кавказа важно еще и потому, что только в их контексте можно адекватно осмыслить и понять суть феномена Абхазии. Последовательно и непротиворечиво истолковать этот феномен в контексте культурно-исторической жизни Грузии, как видно, оказалось невозможным. Тезис о том, что "Абхазия – это часть Грузии", содержит в себе такие неразрешимые противоречия, которые делают его принципиально недоказуемым. Вся та аргументация этого тезиса, которая предлагается грузинской стороной, создает лишь видимость его обоснования, но никак не может раскрыть и доказать, каким образом Абхазия составляет часть Грузии, если абхазцы не являются частью грузинского этноса.

Суть этого противоречия состоит в следующем: абхазы по самосознанию грузинской стороны – это отдельный народ и не являются частью грузинского этноса, но Абхазия (территория) – это часть Грузии. Грузинская сторона вынуждена признавать, что абхазы – аборигены на этой территории, но сама территория – грузинская! Но почему же грузинскую территорию абхазы (негрузины) нарекли своим именем (этнонимом) и где же при этом находились грузины – грузинская сторона ответить не может. Тем не менее тезис: "Абхазия – это часть Грузии" занимает доминантное место в грузинском самосознании, но квалифицировать его (тезис) следует, на мой взгляд, как идеологему, основанную на вере. Но из этого отнюдь не следует, будто с нею (идеологемой) можно не считаться. Грузинскому самосознанию не так-то просто будет избавиться от нее, тем более что она по-прежнему широко используется официальными структурами и элитными кругами в формировании массового сознания Грузии.

Непротиворечивое и адекватное понимание феномена Абхазии может быть достигнуто лишь при условии, если он (феномен) берется в качестве самоопределяющегося, самоидентифицирующегося, самодостаточного и суверенного субъекта культурно-исторической жизни. Только при таком подходе становится возможным понять и объяснить социальные истоки и смысл абхазского социокультурного формирования, понять и раскрыть национальные интересы Абхазии, которые она отстаивала на протяжении всей своей политической истории. Именно при таком подходе становится возможным понять и истоки абхазо-грузинского противоречия.

Вместе с тем проведенный выше анализ показывает, что Абхазия и в самом деле является частью какой-то другой более крупной общности, но не Грузии, – а общекавказского социокультурного пространства. Впрочем, такою же частью этого пространства является и сама Грузия. Как бы радикально не изменяла свою историческую и ценностную ориентацию элитная часть грузинского общества (что вполне объяснимо с точки зрения политической конъюнктуры), грузины, как и другие кавказские народы, относят себя не только к самому себе, но и к кавказской идентичности.⁴ С точки зрения базовых констант своего самосознания грузины считают себя кавказским народом. Кавказским народом считают себя и абхазы. То есть и абхазы, и грузины идентифицируют себя как на собственно этническом уровне, так и на уровне общекавказской социокультурной общности, осознавая себя, они относят себя к самому себе и кавказскому сообществу народов. Но абхазы никогда не осознавали себя через грузинскую социокультурную общность. Даже в советское время, когда Абхазия была включена в состав Грузии, абхазы продолжали определять свою идентичность в соответствии с исторически выработанной традицией. Существовавшая тогда политическая конъюнктура не только не способствовала духовному, психологическому сближению абхазского и грузинского народов, напротив, ее установки укрепляли отношения взаимоотноужденности и подозрительности между ними. Именно в это время сложились те мифологемы, через которые абхазы стали воспринимать грузин в образе врага, а грузины абхазов – как агентов московского Кремля. Эти мифологемы, паразитирующие на базе этнической идентичности, продолжают еще служить мощным идеологическим фактором сохраняющегося противостояния между Абхазией и Грузией.

Об истоках конфликта и национальных интересах Абхазии

Проделанный выше анализ дает достаточное основание считать, что понимание сути феномена Абхазии достигается лишь в том случае, когда он (феномен) рассматривается как суверенный субъект культурно-исторической жизни, как самоидентифицирующуюся социокультурную общность. Такая социокультурная общность, как уже отмечалось, может образоваться только в условиях определенной природной среды (территории) и в процессе совместной деятельности людей, направленной на поддержание своей жизни и обеспечение безопасности.

При этом важно заметить: в процессе формирования социальной общности происходит освоение ею определенной экологической ниши (единицы территории) и превращение ее в свою собственность, ибо люди не только

и не просто адаптируются к условиям среды обитания, но и преобразовывают их своим трудом.

Приходится подчеркивать эту мысль, поскольку именно территория, занимаемая Абхазией, стала яблоком раздора, основным вопросом абхазо-грузинского противостояния на протяжении уходящего столетия. Несмотря на несостоятельность той позиции, которую отстаивает грузинская сторона в этом вопросе, последняя не может отступить от нее, ибо для нее это означало бы лишиться всех своих оснований претендовать на Абхазию. Для абхазской же стороны этот вопрос имеет поистине экзистенциальный смысл: быть или не быть ей вообще? Уступить грузинской стороне означает для абхазской стороны этническую катастрофу: лишиться земли предков, своей идентичности, т. е. исчезнуть как отдельный народ.

Превращение определенной единицы пространства в собственность той или иной социальной общности означает установление границы этой территории (этническая территория). Граница, которая разделяет социальные общности (этносы, народы, государства и т.д.) – это зона контактов и общения между ними, что разумеется, служит взаимообогащению и культурно-историческому прогрессу соприкасающихся друг с другом социальных единиц.

Но в то же время такая зона может стать и часто становится источником межэтнических (межнациональных) конфликтов, в том числе и войн, которые, в конечном итоге, ведутся из-за перераспределения природных ресурсов. История человечества, к сожалению, не выработала таких социально-правовых механизмов (институтов), которые могли бы раз и навсегда, справедливо распределить ресурсы планеты между населяющими ее народами и странами. Присвоение (освоение) этих ресурсов различными социальными общностями происходит спонтанно, стихийно.

По существу, и на социальном уровне продолжается внутривидовая борьба, борьба между различными народами и странами за существование (выживание), за самосохранение, являющееся конечной целью любой социальной общности. Для достижения этой цели каждая социальная общность выработала специальные механизмы и навыки нападения и самозащиты, которые постоянно совершенствуются. Война как социальное явление оставалась постоянной спутницей всей человеческой истории, и нет основания думать, что в будущем, как бы не совершенствовать структурную организацию мирового устройства, человечеству удастся избавиться от этого социального недуга. Уж слишком велика роль ресурсного фактора в жизни общества: степень ресурсной обеспеченности народов и стран еще долго будет весьма существенным образом влиять на характер и динамику развития взаимоотношений между ними. Пока будет разделение собствен-

ности на жизненные ресурсы – сохраняются истоки социальных коллизий, конфликтов и войн.

Однако из этого отнюдь не следует, будто ресурсный фактор неизбежно приводит к вооруженному конфликту. Ведь жили же абхазы и грузины без войн бок о бок на протяжении не одного столетия. Ресурсный фактор содержит в себе лишь возможность возникновения конфликтной ситуации, возможность, которая может быть реализована только при соответствующих условиях, при наличии и других факторов. Потому ресурсная концепция не может быть рассмотрена в качестве универсальной схемы, способной дать целостное объяснение феномена войны. Она позволяет раскрыть лишь первоисточники войны и конечные цели ее непосредственных участников. Воюющие между собой стороны, как бы они не декларировали свои намерения и мотивы, в конечном итоге преследуют альтернативные цели: одна из них защищает себя, свои исторически унаследованные жизненные ресурсы, другая же пытается их себе присвоить. Конструирование такой модели важно здесь потому, что в ее контекст органично вписывается и абхазо-грузинский конфликт. Вряд ли Грузия могла и может преследовать в Абхазии какие-то иные цели, кроме как овладение ее природными ресурсами. Мотивирование войны грузинской стороной интересами сохранения государственной (территориальной) целостности есть ничто иное, как попытка подвести правовую базу для достижения своей конечной цели.

И у Абхазии не было и не могло быть в этой войне иных целей, кроме как самосохранения, сохранения в качестве своей собственности того ресурсного потенциала, которым она располагает, ибо без жизненных ресурсов, повторяю, общность не может сохранить себя. Иных социально-политических стратегий вынашивать Абхазия просто не могла. Это настолько очевидно, что доказывать его здесь не приходится.⁵

Исходя из ресурсной концепции, а так же сформулированной выше модели феномена Абхазии как самоидентифицирующейся социокультурной общности, нетрудно понять и такой фактор, как национальные интересы Абхазии – фактор, который весьма существенным образом влиял и влияет на трансформацию абхазо-грузинских взаимоотношений. Здесь нет возможности (быть может, и надобности) подробно и последовательно описывать эти интересы (это отдельная и самостоятельная тема, и она заняла бы слишком много места). Вполне достаточно в этой связи констатировать сам факт существования таких интересов Абхазии.

Постановка такой проблемы тем более важна, что грузинская сторона о ней намеренно умалчивает, а абхазская сторона еще не осмыслила ее должным образом. Не потому ли среди вопросов, обсуждаемых на переговорах, этой проблемы нет? А между тем, без оптимального балансирования

национальных интересов Абхазии и Грузии вряд ли возможно добиться полномасштабного и ненасильственного урегулирования конфликта между ними. Стало быть, эта проблема должна быть не только поставлена, но четко и глубоко осмыслена.

Правящая элита Грузии, как уже отмечалось, не признает национальных интересов Абхазии; она признает лишь ее культурные интересы. Потому она (элита) не раз заявляла уже о своей готовности предоставить Абхазии широкие автономные (культурные) права в составе Грузии и защищать интересы развития абхазской культуры, хотя грузинская сторона до сих пор так и не осудила актов вандализма, в результате чего преднамеренно были уничтожены бесценные памятники культурно- исторической жизни Абхазии.

Что касается национальных интересов Абхазии, то грузинская сторона считает их придуманными "третьей силой" против Грузии. Разумеется, восстановление абхазской государственности в начале XX века вряд ли могло произойти без поддержки "третьей силы", если под последней понимать внешнеполитические факторы, в данном случае, Россию. Но восстановление абхазской государственности происходило не вопреки воле абхазского народа, а как результат его активной борьбы. Да и сама идея советского федерализма, предписывавшая учет национального фактора, была не изобретением большевистских теоретиков, а выражением определенных, не только российских, культурно-исторических реалий.

Впрочем, "третья сила" играла не меньшую роль при восстановлении и грузинской государственности в начале уходящего столетия. Более того, она, понимаемая таким образом, продолжает играть весьма важную роль и сегодня в судьбе грузинской государственности, которая во многом обусловлена ее геополитическим положением. В последние столетия на нее возложено выполнение роли форпоста на Южном Кавказе, потому весьма настороженно относится "третья сила" (не только Россия) к двусторонним абхазо-грузинским встречам и контактам. Вряд ли она ("третья сила") согласится с тем, чтобы урегулирование абхазо-грузинского конфликта было достигнуто без учета ее интересов.

Выше уже отмечалось, что адекватным пониманием своих национальных интересов не обладает и абхазская сторона. Суть этих интересов зачастую сводится здесь к созданию независимой абхазской государственности. Идея создания своей государственности из средства превращается в абхазском самосознании в некую самодовлеющую цель. Потому позиция абхазской стороны на переговорах, в противостоянии Грузии, не всегда выглядит достаточно убедительно. Стремление абхазского народа к политическому самоопределению порой воспринимается не только гру-

зинской стороной как попытки элитной части абхазского общества удовлетворить свои субъективные амбиции. Такой различный подход и понимание участниками переговорного процесса сути национальных интересов Абхазии служит серьезной помехой на пути урегулирования конфликта. Устранение этой помехи возможно путем выработки участниками переговоров общей и единой позиции в понимании национальных интересов не только Абхазии, но и Грузии, а также моделирования их сбалансированного развития.

В этой связи здесь можно было бы наметить лишь общий подход, без которого трудно описать и понять феномен национальных интересов. Суть этих интересов мы связываем с той конечной целью, которую преследует каждая социокультурная общность. Конечная цель, как уже отмечалось, – это производство и воспроизводство социокультурной общностью своей формы жизни, а также обеспечение безопасности своему существованию. Производство жизни – это адаптивно-преобразующая деятельность социального организма, направленная на его жизнеобеспечение, а воспроизводство формы жизни – это повторение в потоке времени исторически выработанного данным организмом своего образа жизни или, иначе говоря, продолжение жизни исторически сложившейся социальной модели. Воспроизводство жизни может происходить через активное функционирование определенных социально-правовых механизмов, системы социализации, посредством которой действует и реализует себя закон социального наследования (социокод). Самообеспечение социокультурной общности жизненными ресурсами, поддержания созданной ею системы социальной организации (модели) и ее воспроизводства обуславливают собой необходимость самоуправления.

Полнокровная жизнедеятельность социального организма (социокультурной общности) возможна при обеспечении ее безопасности, предполагающей постоянное проведение комплекса специальных, целенаправленных мероприятий. Эти мероприятия должны быть направлены на нейтрализацию тех внутренних и внешних сил и факторов, которые угрожают существованию данной социокультурной общности. Такие факторы могут образоваться из экологических, экономических, внутрисоциальных, внешних и др. условий, при которых происходит жизнедеятельность социальной общности.

Нет необходимости доказывать здесь, сколь остро дают о себе знать эти базисные потребности и интересы и в условиях послевоенной Абхазии. При стечении соответствующих обстоятельств каждый из них может парализовать жизнь общества. Из них здесь можно было бы выделить систему социализации (социальной адаптации), посредством которой соци-

альная общность сохраняет преемственную связь и воспроизводит (повторяет) себя. Выделить этот фактор тем более важно, что в понимании его в абхазском обществе нет еще целостности и системности. А между тем система социализации в абхазском обществе серьезно нарушена, что может привести, а в ряде случаев уже привело, к его деформации. Любая социокультурная общность, которая лишилась способности формировать каждое новое поколение "по образу и подобию своему", деформируется, разлагается и превращается в структурный элемент другого социального организма. Это значит, что в наших условиях лишь та социокультурная общность может считаться дееспособной, которая осмысленно и конструктивно влияет на характер и направление развития происходящих в нее структурных процессов, и поддерживает безопасность своего существования, самоорганизуется и самоуправляется.

Такой подход позволяет понять суть национальных интересов Абхазии как совокупности таких ее базовых потребностей, удовлетворение которых служит достижению преследуемой ею цели. Национальным интересам Абхазии служит также совокупность защитительных механизмов, обеспечивающих ее безопасность. Причем эта безопасность не должна сводиться только к внешней угрозе. Важно это подчеркнуть в условиях Абхазии, где независимость от Грузии воспринимается как панацея от всех других возможных бед.

Данный выше анализ социокультурных реалий, в условиях которых формировались истоки конфликта, позволяет сделать здесь некоторые предварительные выводы:

1. Непротиворечивое и адекватное понимание феномена Абхазии достигается лишь при рассмотрении его (феномена) как самостоятельно функционирующую социокультурную общность в контексте общекавказского культурно-исторического пространства. Иначе говоря, логически корректно и последовательно осмыслить Абхазию возможно в том случае, когда она понимается как отдельная социокультурная общность, исторически образовавшаяся как часть экоккультурной системы не Грузии, – а Кавказа. Более полной своей самостоятельности Абхазия (как, впрочем, и Грузия) достигала посредством взаимодействия с другими аналогичными общностями внутри общекавказского социокультурного пространства. Абхазы не осознавали себя никогда через грузинскую культуру: они самоопределялись через свою этничность и кавказскую идентичность.
2. Сам факт существования Абхазии как самостоятельной социокультурной общности является подтверждением того, что она обладала своей

территорией (георесурсами), своей системой социальной организации и преследовала свои смыслообразующие цели, удовлетворяющие ее потребности и определявшие ее национальные интересы. Очевидно, что без необходимых предпосылок и условий (природных и социальных) образование отдельной социокультурной общности просто невозможно.

3. Истоки конфликта, видимо, следует искать в самом факте существования Абхазии как самостоятельной социокультурной общности и взаимодействии ее с сопредельными аналогичными образованиями. Ни одна социокультурная общность не может существовать изолированно, сама по себе; она может существовать лишь в контакте с другими. Взаимодействие социокультурных общностей есть необходимое условие возможности существования каждой из них в отдельности. Но в тоже время оно (взаимодействие) несет в себе возможность конфликта, ибо интересы взаимодействующих общностей и преследуемые ими цели не совпадают, порой, как в нашем случае, исключают друг друга. Это тот случай, который И. Кант описывал как "недоброжелательное общение". То есть социокультурные общности вступают во взаимные отношения и связи не по своему свободному волеизъявлению, а в силу необходимости, что ограничивает свободу и интересы каждой из них в отдельности и делает их взаимозависимыми.

Примечания

¹ Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Так, например: в ходе русско-кавказской войны царизм, как известно, не раз предлагал горцам, упорно защищавшим свою территорию, переселиться с родных горных мест на равнину, вглубь территории России, однако последние не приняли этих "мирных инициатив" империи. Они хорошо понимали, что в условиях равнины оказались бы беззащитными, легко покоримыми, да и поддерживать свой образ жизни тоже не смогли бы. В горных условиях они весьма искусно оборонялись и наносили каждый раз ощутимые потери наступающей русской армии. Горный ландшафт служил им (горцам) своеобразной оборонительной фортификацией, в связи с чем военному командованию империи пришлось изменить тактику ведения войны. Перед русской армией была поставлена новая задача – задача разрушения, в первую очередь, экологической структуры гор, вырубки лесов и т. д.

С проблемой переселения горцев на равнину столкнулась и советская власть, которая приложила немало усилий для ее решения. Правда, на этот раз преследовались иные цели – более эффективное использование трудовых резервов. Лишь в

последнее время, когда процессы урбанизации и модернизации стали ведущей тенденцией развития кавказского общества, горцы стали активно осваивать равнину, стандарты и ценности техногенной цивилизации.

² Сакральный характер отношения горцев к природе достаточно подробно описан в этнологической литературе. Тем не менее уместно в этой связи вспомнить: во время и после русско-кавказской войны при изгнании горцев последние брали с собой вместе с уносимым скарбом горсть родной земли, которую они сыпали в могилу при захоронении умершего на новом месте их поселения. Или же: у горцев еще и сегодня наблюдается обычай захоронения умершего на земле предков, на родовом, семейном кладбище, где бы он ни жил в последние годы своей жизни. Вечный покой здесь мыслится только на родной земле.

³ Важно подчеркнуть эту мысль, поскольку политическая конъюнктура в России еще в наше время продолжает насаждать разного рода мифологемы, посредством которых она формирует негативный образ кавказских народов как несовместимых друг с другом и неспособных к мирной жизни. Такой образ Кавказа, как якобы изначально конфликтогенного в силу его полиэтничности (этноразнообразия), служит обоснованию надуманного тезиса о необходимости насильственного принуждения кавказских народов к миру, обоснованию присутствия в регионе внешних сил в качестве миротворцев и т.д., и т.п. Между тем специальное изучение опыта совместной жизни народов сообщества в условиях традиционной кавказской модели могло бы помочь сегодня найти ключ к решению проблем урегулирования этнополитических конфликтов, инициируемых зачастую извне.

⁴ Рассуждения Г.Нодиа по этому поводу представляются малоубедительными. Разумеется, у отдельных людей или даже в каких-то элитных кругах может бытовать мнение, что грузины – "это западный народ", но вряд ли стоит всерьез воспринимать это в таком контексте, в каком автор проводит свой анализ. Ориентация элитной части грузинского общества на западный мир мотивирована скорее конъюнктурными соображениями, нежели культурной идентичностью. Ведь совсем недавно, видимо, не один только Э.Шеварднадзе придерживался северной ориентации. Кстати, сам Э.Шеварднадзе в одном из последних своих телеинтервью на этот столь частый упрек в его адрес ответил так: "Тогда так надо было в интересах моего народа". И он прав, конечно же, с точки зрения логики и цели политической конъюнктуры. Идентичность константна, гораздо более устойчива и не может так часто менять свою ценностную ориентацию, как это может делать политическая конъюнктура. Правда, самоидентифицирующийся субъект вправе самому определить, к какой социокультурной общности себя относить, но при этом важно учитывать также и мнение соседних народов: считают ли они его (субъекта) таковым, с каковым он себя идентифицирует?

⁵ Тем не менее грузинская сторона выдвинула немало различных версий, призванных раскрыть подлинные мотивы абхазского противостояния Грузии. Если попытаться свести суть этих версий к какому-то обобщающему понятию, то это так называемая "третья сила" -- российский, северокавказский, мусульманский и другие факторы, которая использует Абхазию в антигрузинских целях. На самом деле такие факторы существуют, и они, разумеется, влияют на ситуацию в абхазо-гру-

зинских отношениях. Однако здесь важно другое: грузинская сторона намеренно умалчивает о существовании противоречий в собственно абхазо-грузинских отношениях. Когда же ей приходится признаваться в существовании таких противоречий, то она создает видимость, будто их разрешение возможно и в рамках грузинской государственности. Причем действие этих противоречий локализуется грузинской стороной лишь в сфере культуры – в сфере потребностей абхазской стороны сохранить свой язык, свою культуру и т. д., чтобы не затронуть при этом проблем собственности на природные ресурсы Абхазии. А это ведь ключевые проблемы в жизни любой социокультурной общности. Хорошо понимая жизненную значимость природных ресурсов Абхазии, грузинская сторона пытается таким путем подкрасться к ним и овладеть ими, ибо кто владеет природными ресурсами – тот и хозяин территории! Что касается проблем развития абхазской национальной культуры, то грузинская сторона на самом деле могла бы сделать немало для их разрешения, лишь бы вернуть абхазскую территорию. О важности ресурсного фактора говорит и наш современный опыт борьбы за политическую свободу: государственный суверенитет может быть достигнут лишь на базе экономической независимости, когда общество производит и воспроизводит не менее 60% потребляемых ресурсов.

Лаша Бакрадзе

АБХАЗИЯ 1918 ГОДА В ДОКУМЕНТАХ ГЕРМАНСКОГО МИДА

Как вы знаете, 1918 г. был судьбоносным в истории кавказских народов. В 1917 г., в феврале, пал русский царизм. До Октябрьской революции все народы Кавказа, по крайней мере на словах, были верны российской демократии и возлагали на нее большие надежды. Даже после Октябрьской революции население Кавказа принимало самое активное участие в выборах Учредительного собрания. До ноября 1917 г. грузинские меньшевики тянули даже с созданием Грузинского национального совета. До этого в их среде вопрос о территориальном устройстве Грузии и Кавказа все-речь не поднимался. Они верили в будущее демократической России.

Но водоворот анархии затягивал и Кавказ, и перед его народами встал вопрос о будущей политической ориентации.

В ноябре того же года на первом Съезде абхазского народа был создан Абхазский народный совет, который представлял абхазский народ и был ответственен только перед ним. Съезд под председательством Симона Басария постановил, что абхазский народ входит в Союз Горцев Кавказа. Тогда не говорилось о территориальном устройстве, и каким образом Абхазия

входила в Союз Горцев Кавказа, было совершенно непонятно. В то же время, например, самураканцы выступали за союз с Грузией. Еще до того, в октябре 1917 г., был создан Юго-восточный Союз Казачьих Войск, Горцев Кавказа и Вольных Народов Степей, и представители абхазов изъявили желание быть в этом союзе. Этот союз оказался неспособным проводить какую-либо политику, так как на Северном Кавказе шла борьба с большевиками. Поскольку вопрос о независимости такой маленькой территории, как Абхазия, в то время даже не стоял, Абхазскому народному совету пришлось переориентироваться и 8 февраля было заключено соглашение с Грузинским национальным советом. В таком же духе проходит и второй Крестьянский съезд Сухумского округа в марте 1918 г.

Но вскоре произошло большевистское восстание, и с 8 апреля до 17 мая на часть Абхазии распространялась советская власть. (Такие восстания и переход власти из рук в руки становились на Кавказе частым явлением.) Абхазское общество не было таким гомогенным и монолитным, каким его иногда представляют абхазские историки, и именно Абхазский народный совет, чтобы очистить Абхазию от большевиков, пригласил войска Закавказского сейма, который незадолго до этого объявил независимость Закавказья. Туда была послана т.н. Красная гвардия, которую создали меньшевики и которую возглавлял Валико Джугели (кстати, уроженец Абхазии).

Незадолго до объявления Грузией независимости абхазская делегация прибыла на Батумскую конференцию. В те дни в Батуми собралось огромное количество всяких „политиков“ со всех концов Кавказа, стремившихся обратить на себя внимание великих держав – Османской или Германской империи, представители которых уже тогда задавались вопросом, кого представляют эти “политики” и имеют ли они какой-нибудь мандат.

С этого момента в немецких архивах и появляются документы, касающиеся Абхазии. Это, например, декларация, обращенная к министру иностранных дел северокавказских горцев и председателю северокавказской делегации Гайдару Баматову от части абхазских делегатов – это Киагуа Киута, Хичина Хишба или Гицба, Хаки Авидзба, Меджид Багба или Багапша (тексты написаны на французском, и имена и фамилии транскрибированы так, что иногда их истинное написание трудно определить) и знаменосец антигрузинской идеологии Симон Басария. (С. Басария писал и отдельные петиции, и статьи, бичуя в них политику Грузии в Абхазии и настаивая на том, что Абхазия является частью Северного Кавказа.)

В Батуми находились и другие представители Абхазии, например, В. Шервашидзе, Г. Зухба, А. Чочуа, А. Чукбар, которые не подписали декларацию, из чего видно, что они не разделяли, по крайней мере, в тот момент, просеверокавказских настроений.

Уже на Багумской конференции председатель закавказской делегации – министр иностранных дел Закавказья, а после 26 мая министр иностранных дел Грузии Акакий Чхенкели – кстати, тоже уроженец города Сухуми и бывший делегат (в том числе и от Сухумского округа) российской Государственной думы – опровергал необоснованные притязания Северного Кавказа на Абхазию.

Немецкие источники с сожалением отмечают, что абхазские делегаты до такой степени находились под турецким влиянием, что даже не подходили к немецкой делегации.

Можно сказать, что тогда у абхазов были просеверокавказские, протурецкие, пророссийские (все равно, большевистская ли это Россия или белогвардейская) настроения, которые можно, в принципе, объединить в одно – антигрузинское, но, в отличие от сегодняшнего дня, были и прогрузинские настроения. Большинство абхазов, принимавших активное участие в политике, колебались между этими настроениями, что и понятно – они желали добра своему народу. К сожалению, надо сказать, что из-за недалёковидной политики грузинских меньшевиков привереженцев Грузии среди абхазов становилось все меньше. Кстати, в связи с этим интересна критическая точка зрения с грузинской стороны. Это воспоминания, опубликованные под псевдонимом „Мегобари“ („Друг“) в 1931 г. в Берлине в газете грузинских националистов „Тетри Гиорги“ (№№ 42-44), которые в 1997 г. перепечатал журнал „Апра“ (№ 1).

6-го июня граф Везендонк в качестве эксперта по Кавказу дал справку немецкому правительству, в которой приводил данные об Абхазии и отмечал: то, что Абхазия воспринимается сегодня как часть Грузии – это пожелание большинства населения Абхазии. „А в данный момент это самое лучшее решение.“ Как Абхазия будет относиться к Закавказской или Всекавказской конфедерации – покажет будущее, писал Везендонк.

Специальные немецкие журналы уже тогда обращали внимание на тенденциозность и неточность данных о численности народонаселения Кавказа в русских источниках. Например, в журнале „Дер нойе Ориент“ (1918 г., стр. 435) Альтдорфер отмечает, что по сравнению с переписью 1897 г. в 1916 г. грузинское население в Сухумском округе сократилось на 0,3 тыс. душ, а в Закагальском округе – на несколько тысяч, и непонятно, как можно интерпретировать эти цифры.

Было бы очень интересно составить кривую, например, по данным «Кавказского календаря», о перепадах численности населения Абхазии, чтобы увидеть, насколько лишено смысла оперирование этой тенденциозной информацией. Кроме того, наверное, надо учесть, что на этнических границах между грузинами и абхазами самоопределение большей части населения, к какому бы этносу оно не относилось, никогда не было чем-то само собой разумеющимся. Пример тому – самурзаканцы. Грузины, живу-

щие в Абхазии, считали себя абхазами, подобно тому, как грузины, живущие в Кахетии, считают себя кахетинцами. Быть абхазом и быть грузином не исключало друг друга.

Вернемся к июню 1918 года. Усилиями Шервашидзе турки забросили в Абхазию десант махаджиров, который без особых усилий был разогнан грузинской армией. Позже был разгромлен и второй турецкий десант.

Германская сторона несколько раз запрашивала у турецкой, стоит ли за этими людьми Османская империя или они являются дезертирами из турецкой армии. Турки, как отмечают и немецкие источники, хотели зажечь Грузию в тиски – через Сухуми и Северный Кавказ сверху и Батуми и Южную Грузию – снизу. Это не входило в интересы Германии, у которой насчет Грузии имелись собственные планы. В это время в Сухуми уже находилась немецкая воинская часть, которая была сформирована из бывших военнопленных под руководством бывшего офицера русской армии, лейтенанта барона Палена. (Между прочим, там произошла забавная история: немцы протестовали, что грузины поют революционную песню „Марсельезу“. Грузинские гвардейцы посчитали это вмешательством во внутренние дела Грузии и отправили возмущенный запрос в Тифлис (газета „Сахалхо сакме“ от 8 июня). Интернационалистско-революционное правительство Грузии считало пение „Марсельезы“ само собой разумеющимся.) В докладной от 9 сентября 1918 г. представитель Германии в Грузии генерал Кресс фон Крессенштайн описывал своему правительству состояние дел в Абхазии и подчеркивал неправомочность турецких притязаний на Абхазию, ссылаясь на договор от 11-го июня между Абхазским народным советом и грузинским правительством. Он писал: „Против этих безупречных правовых положений Эсад-паша не может ссылаться на приглашение некоторых высокопоставленных персон.“ Далее в докладной сказано: „Даже если бы не существовало абхазско-грузинского договора и можно бы было отказать Абхазскому народному совету в его правомочиях, посылка войск Эсад-паши была бы неправомерной. Поскольку на основании Батумского договора Турция и Грузия живут в мире, из этого логически следует, что на еще спорных территориях до окончательного решения об их принадлежности должна была уважаться военная оккупация той страны, которая первой ввела войска с целью наведения порядка. Отступление от этого принципа дало бы Грузии право послать войска на те территории, которые оспариваются Грузией и Азербайджаном и находятся сейчас под турецкой оккупацией.“

Договор от 11-го июня является одним из спорных для абхазских и грузинских историков и требует дальнейшего исследования. Я не хочу об этом больше распространяться и лишь приведу его дословный обратный перевод с немецкого на русский.

Договор

Копия

Абхазский народный совет постановил уполномочить своих представителей Какуба (*в документе везде сказано «Какупа»*), Туманова, Гурджуа и Аджамова заключить следующий договор:

Правительство Грузинской Демократической Республики в лице своих уполномоченных министра юстиции Алексеева-Месхиева, министра сельского хозяйства Хомерики и Абхазский народный совет в лице своих уполномоченных Какуба, Туманова, Гурджуа и Аджамова заключают для расширения и дополнения соглашения между Грузинским национальным советом и Абхазским национальным советом (*в документе одним и тем же термином обозначаются и Народный, и Национальный советы*) от 9-го февраля 1918 года следующий договор:

1. Заключенный договор будет пересмотрен Абхазским национальным собранием, причем будут окончательно установлены как политическое устройство и судьба Абхазии, так и двусторонние отношения между Грузией и Абхазией.

2. При правительстве Грузинской Демократической Республики состоит уполномоченный представитель Абхазского народного совета, с которым грузинское правительство сносится по делам Абхазии.

3. Внутреннее управление в Абхазии принадлежит Абхазскому народному совету.

4. В вопросах внешней политики Грузии, являясь официальным представителем обеих договаривающихся сторон, фактически выступает совместно с Абхазией.

5. Кредиты и деньги, необходимые на управление Абхазией, отпускаются Абхазскому народному совету из средств Грузинской Демократической Республики.

6. Для скорейшего установления революционного порядка и организации твердой власти в Абхазии правительство Грузинской Демократической Республики посылает на необходимый срок в помощь Абхазскому народному совету и в его распоряжение отряд Красной армии.

7. Абхазский народный совет организует воинские части, а необходимые для этих частей снаряжение, обмундирование и средства отпускаются в распоряжение Совета Грузинской Демократической Республикой.

8. Социальные реформы будут претворяться в жизнь Абхазским национальным советом на основе общих законов, изданных Закавказским сеймом в соответствии с местными условиями.

Этот документ будет принят к сведению и приобщен к договорам, заключенным между Грузинским национальным советом и Грузинской Республикой, с одной стороны, и Абхазским народным советом, с другой.

Тифлис, 11 июня 1918 г.

Оригинал подписан:

Представители грузинского правительства: *Хомерики, Алексеев-Месхиев*

*Какуба
Аджамов
Туманов*

С оригиналом сверено: и.о. секретаря Министерства по делам Абхазии
/подпись/

(Перевод с немецкого сверен с переводом, опубликованным в книге Джемала Гамахария и Бадри Гогия „Абхазия – историческая область Грузии“, Тб., 1997, стр. 414 и 751).

Я не считаю правильным мнение Станислава Лакобы, что этот договор был „подменен“ злыми грузинами, но сам факт существования двух немного различающихся текстов должен быть предметом дальнейших исследований.

Есть еще несколько интересных немецких документов, касающихся Абхазии, и я бы хотел обратить ваше внимание на затронутые в них экономические вопросы, которыми пренебрегают наши патриотически настроенные историки. Например, очень интересно сравнить, как в 70-х годах для мобилизации антибиллисских настроений инструментализировался фактический запрет частного вывоза цитрусовых из Абхазии за пределы Грузии.

Дело в том, что 1918 г. для населения Абазии был столь же важен вопрос о табаке: поскольку грузинское правительство обещало немцам дать им возможность закупить абхазский табак, производители табака в Абхазии не могли свободно продавать свой урожай, к примеру, туркам, которые предлагали им большие суммы. Немецкие представители часто обращались в Берлин с просьбой прислать закупщиков, чтобы предотвратить попадание табака в турецкие руки. Но к осени 1918 г. Германии было уже не до того: война шла к неблагоприятному для Германии концу, и в ноябре Германия капитулировала. Естественно, с этого времени материалы, касающиеся Абхазии, в немецких архивах не встречаются.

В этом кратком докладе я постарался нетенденциозно обрисовать картину состояния дел в Абхазии, как это виделось „немецким глазом“.

Было бы хорошо, если бы абхазские и грузинские ученые, сотрудничая друг с другом, постарались воссоздать по возможности объективную картину нашей с вами совместной истории.

Марина Пагава

ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ

(Доклад не зачитывался на конференции. Публикуется по просьбе автора.)

Около семи лет прошло с тех пор, как грузинское население Абхазии было вынуждено покинуть ее территорию. Политики так и не нашли взаимоприемлемого решения проблемы, и конфликт, как сейчас принято говорить, «заморожен», надежды на быстрое возвращение к родным очагам не оправдались.

В последнее время правительство Грузии и международные организации все чаще говорят о необходимости интеграции этих людей в новую жизнь. «Для ... лиц, перемещенных внутри страны, интеграция может рассматриваться как долгосрочное решение их проблем в тех случаях, когда становится ясно, что ни добровольная репатриация (возвращение в места прежнего проживания), ни переселение не представляются возможными в ближайшем будущем», – говорится в «Программе действий», разработанной «Региональной конференцией по рассмотрению вопросов беженцев, недобровольно перемещенных лиц, других форм недобровольных перемещений и возвращающихся лиц в странах СНГ и соответствующих соседних государствах». Далее в этом документе говорится: «Интеграцию не следует рассматривать как замену возвращения лиц, перемещенных в результате вооруженного конфликта».

«Возвращение» (заветное и дорогое сердцу любого перемещенного из Абхазии слово) **и (или) «интеграция»?**

Возвращения пока нет, поговорим об интеграции.

Наверное, «интеграция» в переводе на житейский язык означает, что в обществе происходят процессы, в результате которых оно (общество) воспринимает перемещенных как «своих», а перемещенные, в свою очередь, воспринимают «как свое» общество, в котором они оказались. А это, кроме фактического равенства в гражданских, политических, экономических и социальных правах, означает и самоощущение, осознание себя членом этого

общества. Ясно, что процесс интеграции для людей, так и не получивших долгожданного возвращения, не регулируется программными документами, а становится потребностью и естественным процессом для достойной и нормальной (насколько это возможно в нашем обществе) человеческой жизни.

Для перемещенных из Абхазии новая среда не представляла сложностей в культурном и языковом планах, и потому процесс интеграции не должен был быть таким загорженным, более того, регрессивным, каким он оказался в действительности. В действительности же происходит все большее отчуждение, изоляция, или, как мы говорим, «оторванность» перемещенных от общества, и этот процесс имеет тенденцию к усилению.

На самом деле, в первые годы, а особенно месяцы, вынужденного перемещения наша изолированность-«оторванность» от общества не чувствовалась нами как фактор, препятствующий развитию среды. Ее и не было. В это время, несмотря на то, что местное население само испытывало большие проблемы, в обществе доминировали переживания общей беды, сочувствия и понимания. Многие (если не большинство) перемещенные жили у родственников, друзей, знакомых. Важно и то, что как у перемещенных, так и у местного населения было ощущение временности происходящего... Но время шло, проблема не решалась, уставшее от собственных нужд местное население многие свои беды стало связывать с беженцами. Постепенно накапливались и усиливались взаимное раздражение, отчуждение. Начался процесс перехода людей в т. н. компактные центры – гостиницы, общежития, детские сады, дома отдыха, больницы, государственные учреждения, заброшенные здания что, с одной стороны, хоть как-то решало для людей проблему «крыши над головой», но с другой – специфическая, связанная с многочисленными проблемами — бытовыми и психологическими, жизнь в компактных центрах и явилась тем фактором, который ускорил процесс отчуждения и «оторванности» среды перемещенных от общества – от его политической, гражданской и экономической жизни.

В нашей среде всеобщий характер приняли такие психологические проблемы, как чувство неопределенности, дезориентированность, страх перед будущим, ощущение людей, которых годами «заставили сидеть на чемоданах» и «подвешенных между небом и землей», чувство одиночества, «ненужности» – обществу и правительству.

Почему? Этот вопрос мы задаем все чаще по разным причинам. В данном случае: почему – когда в Грузии функционирует так много правительственных, неправительственных и международных организаций, занятых проблемами перемещенных, когда задействованы значительные человеческие и материальные ресурсы, положение людей остается тяжелым и про-

должает неуклонно ухудшаться? Почему – при этих усилиях и затратах среда перемещенных все больше отдаляется, изолируется от общества? Почему – изолированность – «оторванность» нашей среды стала системной проблемой, тормозящей процессы внутреннего и интеграционного развития?

Проблема сложна и многогранна, и полноценный ответ на этот вопрос требует очень серьезного изучения и анализа. Мы лишь хотим обратить внимание читателей на несколько взаимосвязанных и, на наш взгляд, важных проблем, формирующих проблему «оторванности» и препятствующих процессам интеграции в новую жизнь. (Перечисляются по мере повышения значимости, по нашему мнению, проблемы).

Информационная недостаточность. Люди не знают своих прав и практически не информированы о существующей в обществе системе помощи. Проблемами перемещенных лиц заняты многие из функционирующих в Грузии организаций (правительственных, международных, неправительственных). Так например, есть организации, предоставляющие бесплатные консультации в разных областях (право, бизнес, медицина), предлагающие образовательные программы для детей и молодежи, предоставляющие небольшие кредиты или гранты для начала малого бизнеса. Проблема в том, что у людей нет информации об этом. Тот факт, что люди не знают, куда можно обратиться, чтобы «помочь себе», еще больше отдаляет их от общества, затрудняет ориентацию и адаптацию людей.

Летом 1996 года вышел «Закон Грузии о насильственно перемещенных – преследуемых лицах». Несмотря на всю свою размытость и популистскую общую ноту (закон явно нуждается в доработке, конкретизации и приближении к реальным возможностям общества), он закрепляет, по крайней мере, на бумаге, основные политические, гражданские и экономические права перемещенных. Для того, чтобы определить, насколько люди знакомы с этим законом, мы провели небольшой экспресс-опрос. Было опрошено 47 человек. Респондентами стали люди всех социальных и возрастных групп и различной степени адаптации. Первый вопрос звучал так: «Что вы знаете о Законе?». Из общего числа опрошенных 46 ответили, что не слышали о его существовании (кроме прочих, опрашивались также работающие в государственных структурах), и один респондент ответил, что слышал, но не читал. На вопрос: «Считаете ли Вы знание собственных прав важным, если – да, то почему?» 11 человек ответили, что не считают, поскольку «все равно ничего не добьешься». Остальные 36 человек считают, что должны знать свои права, это даст им «возможность требовать по закону, а не быть просителями». Этот опрос еще раз убедил нас, что необходимо активнее заниматься информационно-просветительской работой, чтобы помочь людям лучше ориентироваться в обществе.

Отсутствие систематической координации, или т.н. “обратной связи” между средой перемещенных и организациями, занятыми их проблемами – правительственными и международными неправительственными. Отсюда две беды: во-первых, недостаточно изучаются меняющиеся со временем проблемы и потребности перемещенных из Абхазии и отсутствует необходимая гибкость со стороны организаций, занятых их проблемами (за все эти годы в обществе не сложилась система, позволяющая этим организациям держать «руку на пульсе» жизни и проблем перемещенных); и во-вторых, все эти годы изменения курса и стратегий в отношении перемещенных лиц со стороны правительства и международных организаций страдали отсутствием гласности и открытости, происходили «сверху», без участия тех, кого принято называть простыми людьми, без учета их мнения, интересов и потребностей. Примером тому может служить резкое прекращение программ помощи в связи с провозглашением перехода к программам развития (но где они?), что еще больше ухудшило и без того бедственное положение людей. Предварительно не было изучено, насколько наша среда готова к столь резкому переходу (по мнению экспертов, этот процесс должен носить постепенный, многоступенчатый характер), как мы его воспримем и как будем развиваться дальше. Отсутствие влияния «снизу» на разработку новых подходов в отношении перемещенных – одна из причин недостаточной эффективности (в сравнении с затрачиваемыми ресурсами) работы международных организаций. С этой же проблемой увязывается и отсутствие действенного дифференцированного подхода к перемещенным со стороны правительства и международных организаций. Среда перемещенных, какие бы сложности и препятствия для своего развития она не испытывала, не статична. За эти годы произошла дифференциация, часть сравнительно адаптировалась. Но на этом фоне есть крайне тяжелые, иногда трагические случаи, связанные с сильной нуждой, неспособностью хоть как-то приспособиться в новой жизни, и семьи, оказавшиеся в подобной ситуации, нуждаются в продуманных и дифференцированных подходах.

Экономическая. Понятно, что лучший путь для интеграции в новой жизни – работа, в лучшем случае – по специальности, а вообще – любая работа, обеспечивающая хотя бы минимальный прожиточный уровень семье. Однако кризис экономики, безработица, особенно мужская, смена гендерных ролей блокируют этот действенный путь интеграции и усиливают изолированность перемещенных от общества.

Политическая. Когда государство, в каком бы кризисе оно не находилось, сталкивается с такой глобальной проблемой, как 300 тысяч перемещенных людей, от него ожидается разработка конструктивной и жизнеспособной

собной долгосрочной политики в отношении этих людей. В нашем случае этого не произошло. Правительство не предложило (не захотело? не смогло?) обществу свою «Программу действий», которая послужила бы опорой и стержневым ориентиром для перемещенных и помогла разработке созвучной общему направлению стратегии в отношении перемещенных со стороны международных и неправительственных организаций. Тогда, возможно, работа этих организаций (это наши сладкие грезы), объединенная основополагающей идеей и ясными целями, на деле оказалась бы мощным потоком помощи с ощутимыми для перемещенных результатами. Подобная «Программа действий» помогла бы нам ответить на становящиеся все более трудными вопросы: «Кто мы в этом обществе?» «Кто мы для этого общества?» «Куда мы идем?» и «Что нам делать?». Сказалось извечное недоверие правительства к людям, к их способности принимать правду, как она есть. «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало» — и правительство выбрало самую хрупкую и нереальную для того времени формулу для “ублажения” перемещенных под названием – «надежда на возвращение». В жертву пресловутой стабильности был принесен искренний, правдивый и честный диалог с людьми.

«Скоро вернемся домой», – говорили люди. Раз скоро, то можно: не обосновываясь основательно, жить в одной крохотной комнате 7-ым; быть безработным и потерять квалификацию, которую нарабатывал годами; взвалить ответственность за семью на потерявшую женское лицо жену (у «беженства», как и у войны, совсем не женское лицо). Пустое ожидание, не наполненное мыслью, напряжением воли и трудом, привело людей к психологическому состоянию как бы «подвешенных между небом и землей», развитию «чемоданного настроения», особенно это касается и наиболее болезненно сказалось на мужской работоспособной части перемещенных. Сегодня можно с печальной уверенностью констатировать, что в нашей среде происходит нравственная, гражданская, интеллектуальная и профессиональная деградация. Результаты такой «ублажающей» позиции со временем могут оказаться еще более тяжелыми. «Я ненавижу надежду», – сказал Мераб Мамардашвили. Соизмеряя эти слова с нашими проблемами, мы начинаем понимать, что имел в виду великий философ.

С осени этого года дискуссия о плюсах и минусах временной интеграции перемещенных, о возможных последствиях этого процесса приобрела в грузинском обществе особенно острый характер в связи с «Новым подходом» («New Approach») – экспериментальной программой, предложенной правительством Грузии, Программой развития ООН, Верховным комиссариатом по делам беженцев ООН и Координационным офисом ООН. Цель этой программы – улучшение положения перемещенных посредством раз-

вития среды. Начат первый этап программы, рассчитанный на НПО, работающие по проблемам перемещенных. Бюджет проекта – от 25 до 100 тыс. долларов США, всего для первого этапа отводится 800 тыс. долларов. Предложено несколько основных направлений: 1) альтернативные пути обеспечения перемещенных жильем; 2) выявление и развитие устойчивых источников дохода, что включает профессиональные тренинги, программы по занятости, бизнес-тренинги, доступ к земельным участкам (но не приобретение земли в частную собственность) и сельскохозяйственной технике; 3) преодоление изолированности и информационной недостаточности среды перемещенных, что включает создание институтов общественных фасилитаторов/социальных работников, тренинги для лидеров, кампанию по распространению информации; 4) усиление социального капитала посредством общественного развития среды перемещенных и принимающего их общества, что подразумевает более активное участие перемещенных в выявлении их проблем и разработке стратегий для их разрешения; 5) повышение возможностей посреднических институтов, что подразумевает предложения по более эффективному сотрудничеству НПО с органами местного самоуправления.

НПО, в целом, поддерживают идею программы, но высказали ряд критических замечаний, связанных с процедурной стороной дела. Нашлись в обществе и противники этой идеи, основной аргумент которых сводится к тому, что «люди не захотят вернуться, если будут жить лучше». У многих же сторонников программы, в том числе и у автора этих строк, одно опасение – чтобы это не оказался «новый подход со старыми черными дырами», в которых пропадали немалые фонды, выделяемые мировым сообществом для облегчения тяжелой участи перемещенных из Абхазии.

SUMMARIES

Natella Akaba. Interethnic Relations in Transition to Democracy (pp. 156-167)

Interethnic relations are among the most important in forming any multiethnic state. According to the vast majority of the Abkhaz, in order to avoid the tragic fate of the Ubykhs, it is necessary to have special protection of the Abkhaz language and the existence of the Abkhaz ethnic group. In this context the issue of relations between the Abkhaz ethnic group and other ethnic communities in Abkhazia is fundamentally important.

Despite the significance of this problem to the political future of Abkhazia, the issue is not of central interest to the state and the public. It is possible that this unwillingness to discuss the issue is largely because the political status of the Republic of Abkhazia in the eyes of the world community is still unresolved. The fear is justified that Abkhazia's enemies will gain additional levers of pressure against the republic whose situation is already complex enough. This limits all controversy, including about interethnic relations.

Interethnic relations can suffer in the transition to democracy, which almost always is attended by a whole host of new problems. Therefore it is necessary to use special mechanisms to ensure that all ethnic groups feel included.

It is encouraging that the continuing traditions of multiethnicity, cultural and religious diversity, characteristic of Abkhazia throughout the 20th century, can help avoid extreme manifestations of nationalism.

George Anchabadze. The Georgian-Abkhaz State: Historical Traditions and Prospects (pp. 147-150, 309-324)

Until the public is able to overcome its enemy image that resulted from the conflict, it is unlikely that Georgians will find common ground with the Abkhaz in discussing the future status of Abkhazia within one state. This does not mean that our people can never live in peace together. The author recalls that Abkhaz coexisted peacefully with Georgians in the Abkhaz kingdom that developed in the late 8th century. In the early part of the next century the Abkhaz kings of the Leonide dynasty actively fought with other feudal states for hegemony in the region, thus becoming the first unifiers of the Georgian lands. Abkhaz also lived in peace with Georgians in the same kingdom after 978, when young Bagrat, from the Georgian dynasty of the Bagrations, came to the Abkhaz throne. After he brought under his rule almost all of Georgia, written sources for three centuries (11th-13th centuries) used the words "Abkhazia" and "Abkhaz" to describe not only Abkhazia proper and the Abkhaz ethnic group, but also all of Western

Georgia, including Abkhazia proper, and all its residents, as well as all of Georgia and its population. (Within Georgia proper, however, the dominant terms were "Sakartvelo" and "Kartveli.") During this period the Georgian kings ruled Georgia as the successors of King Bagrat of Abkhazia. A chronicler describing the affairs of the Bagration state in the 1220s wrote: "Their ancient state, Abkhazia, was peaceful." The author points out that King George who ruled Georgia from 1213-1223 was given a second, Abkhaz name, Lasha.

It is erroneous that the medieval Abkhaz noblemen were ethnic Georgians, or at any rate, adhered to only Georgian cultural norms. In the 17th-19th centuries, Abkhaz nobility wrote in the Georgian language but did not abandon their Abkhaz culture, and there is no reason to believe otherwise in the period before the 17th century.

Lasha Bakradze. Abkhazia of 1918 in Documents of the German Foreign Ministry (pp. 194-199, 336-342)

It is time to stop arguing about who came to Abkhazia first, the Abkhaz or Georgians. (Many Georgian historians and ethnologists maintain that the Abkhaz came to Abkhazia in the 16th century or even later, in the 17th and 18th centuries. The Abkhaz believe that the Russian czar and Lavrenty Beria populated that territory with Megreles, people of Georgian ethnicity.) These disputes can only impede settlement of the conflict. Perhaps Abkhaz and Georgian academics working together could develop an objective picture of their joint history.

Right up until its surrender in 1918, Germany was active in South Caucasian politics, and therefore has interesting archival material on Georgian-Abkhaz relations in 1917-1918, for instance, about the Abkhaz-Georgian treaty signed on June 11, 1918 which is a subject of much controversy between Abkhaz and Georgians. The author presents the text of the treaty in his article on p. 340.

Separatist movements in the Caucasus were a reaction to the November 1917 revolution in Russia. As early as November 1917, the Abkhaz declared their desire to enter the newly created Southeast Alliance of Cossacks, Mountain Peoples of the Caucasus and Free Peoples of the Steppelands. This alliance could not provide the Abkhaz with any tangible support and so the Abkhaz National Council had to change its orientation. On February 8, 1918, it signed an agreement with its Georgian counterpart. The second Peasant Congress of the Sukhum Okrug (March 1918) was held in the spirit of this treaty. On the other hand, S. Basaria, in his articles and appeals, strongly criticized Georgia's policy toward Abkhazia, arguing that Abkhazia was part of the North Caucasus. At the Batumi conference held not long before Georgia declared its independence, the Abkhaz delegation became divided. Some delegates led by Basaria signed the call for an alliance of mountain peoples. Others, including V. Shervashidze

and G. Zukhba, did not. Even in those difficult times the Abkhaz were split on the issue of an alliance with the mountain peoples.

Marina Bartsyts. The Culture of Peace in Abkhaz Traditions (pp. 58-69)

Caucasus culture, including Abkhaz culture, is militaristic. The question arises, how can such cultures, in which all the people are armed and uphold militaristic ideals, avoid destroying themselves and others on this relatively small territory?

The strict adherence to etiquette is the other side of this coin. It may seem paradoxical, but a militaristic culture also contains mechanisms to decrease aggression and ensure order. That is why it is important to closely examine the Caucasus culture of peace and nonviolence.

Abkhaz culture has strong traditions of negotiation. There are special cultural norms that function to sustain peace. In traditional society there were prescribed ways to reduce aggression;

- The culture of nonviolent resolution of conflict situations: the institution of mediation (today these are called Reconciliation Commissions and Councils of Elders), negotiations, and reconciliation procedures.
- The institution of hospitality and the institution of kinship that is not based on blood relations.
- Education from early childhood in the norms of etiquette (verbal and behavioral), diplomacy, control over emotions, and skills to prevent provocation of physical or psychological violence.
- Training boys to be strong, clever, capable of defending their honor, the honor of their sisters and kinship group. After all, weakness provokes violence.
- The inadmissibility of violence against women, children and elders.
- Training girls not to be conflictual, to be patient and diplomatic. After all women are considered to be sources of conflict. Girls are also taught to stand up for themselves and to use weapons.
- Local and temporary limitation of conflict.
- Rules of behavior in times of conflict and war.

Cultural models limit aggressive behavior. The culture of peace is clearly visible in the models of relations between men and women, adults and children, elders and the young.

- This may be a controversial opinion, but the Caucasus is neither the West or the East. The Caucasus is the Caucasus. In building a state and a law-governed system we should draw on our normative culture and value system. The term "mentality" should not be considered a bad word or atavistic. It exists and should not be ignored.
- We must know and use the potential of our own culture. We must teach the younger generation the culture of peace and nonviolence, the culture of tolerance, including religious tolerance which is traditional and has always been characteristic throughout the Caucasus.
- Peace is labor and process. If we do not work for peace we will lose even the little that we can still remember and still possess.
- Today we must work to de-escalate and build peace in which all forms of violence are absent, including the threat of violence. All of us, from children to the politicians need to learn to defend ourselves and our interests without resorting to aggression.

Oleg Damenia. The Abkhaz-Georgian Conflict: Problems and Prospects for Settlement (pp. 185-190, 324-336)

1. In Georgia the concept that Abkhazia as part of Georgia contains basic contradictions and cannot be proven. There is only the appearance of evidence. There is no adequate explanation for even the existence of Abkhazia.
2. It is only possible to understand the phenomenon of Abkhazia if it is seen as a sovereign subject of cultural and historical life. This means that it is a community of people who have developed a distinct social world and ethnic and cultural identity. Due to its ability to sustain itself it has created a distinct sociocultural system, its own values, and reproduces them while interacting with other ethnocultural formations similar themselves, developing attitudes of "We" and "They." Only in this way is it possible to understand and explain the social sources and meaning of Abkhaz ethnocultural formation, to understand Abkhazia's national interests (its national project) which it has defended throughout its political history. The essence of these interests is ultimately the preservation and reproduction of its national identity.
3. The concept of Abkhazia as a subject of cultural and historical life assumes that the people have developed certain social skills and survival mechanisms. One important survival mechanism is self defense. This includes protection

of the natural environment (vital resources) of a given social (ethnic) community against external assaults. Vital resources are the cause of war and conflicts between social, ethnic and other communities whose spaces (resources) are adjacent to one another. A common border between different ethnic groups and other forms of social communities is a zone of contact between them, which can be mutually beneficial and promote the cultural and historical progress of each group. This zone can also be, and often is, a source of interethnic conflicts and wars that are ultimately fought over these same resources. In this case each side has a different goal. One side is protecting itself and its historically inherited vital resources, and the other side is trying to acquire these resources. The amount of resources that neighbors possess impacts the nature and dynamics of the relationship. The Abkhaz-Georgian war was not an exception to this rule.

4. We can find a nonviolent solution if we understand Abkhazia's cultural and historical status as a self-identifying and self-organizing collective social subject, and understand the source of the conflict as a form of struggle for vital resources. The best solution is for each side to preserve its conditions for survival and free self-reproduction. Settlement is a cultural and historical process that has a certain trend of development (the formation of a joint model of sociocultural organization, values, and technology of survival) which brings about a convergence of the national interests of the conflicting parties and their mutual benefit in terms of adequate resources for each side. Determination of a common direction is possible only in the context of the processes of civilized interaction occurring worldwide and especially in the Caucasus. It is also necessary to take into account the future social and political structure of the whole Caucasus in the transitional period. This means that nonviolent settlement of the Abkhaz-Georgian conflict is possible.

Marina Elbakidze. Using a Psychological Model to Describe the Georgian-Abkhaz Conflict (pp. 216-222)

According to E. Bern's model, the psyche contains three "beings" - Parent, Child and Adult. So far the Child dominates in relations between the Abkhaz and Georgians. Neither side wants to admit fault. This would be Adult behavior. (She admits that there has been some progress toward adult-like behavior on both sides in recent years, both in political circles as well as in the nongovernmental sector: some concrete programs and suggestions for new state structures have been put forth.)

What we see is an attempt at collective self-identification. Emotional self-assessment usually plays a major role in self-identification as a person or as an

ethnic group. In this respect Abkhaz and Georgians are similar in their insistence on the uniqueness of their cultures. The author warns against going too far with the idea of uniqueness and blindly following traditions in this changing world. Every person and every ethnic group is unique and at the same time shares something in common with all of humankind. Every person and every ethnic group has an equal right to exist and to enjoy independence.

Aslan Guazhba. Citizen Diplomacy and the Culture of Oratory in the Caucasus (pp. 82-85, 279-296)

The ancient traditions of Abkhaz toasting provide rich insights into attitudes toward supernatural powers, the universe, the land and the peoples who populate the earth.

Abkhaz traditions and customs reflect belief in the equality of all ethnic groups. Respect for all people naturally leads to respect of the individual, regardless of social status, religion or nationality. This is the essence of ultimate democracy.

Traditional Abkhaz culture strives to develop an ideal individual.

Respect for ethnic groups, ability to empathize with the problems of others and eloquence (special schools in the Caucasus taught the art of oratory and diplomacy) helped develop talented mediators capable of resolving the most complicated disputes and preventing military conflicts.

The spiritual culture of the Abkhaz included esoteric knowledge, i.e., knowledge of secret languages, such as the language of hunters, birds, snakes, women, and gestures. There were also superb women orators. Unfortunately most of this knowledge has been forgotten, although there are still some people who know secret languages.

There were pure and pious people in the Caucasus. One such person was Kunta-Khadji from Chechnya, whose teachings of nonviolence preceded those of Mahatma Ghandhi. Kunta-Khadji taught peace between people. His teachings involved nonviolent resistance to evil.

The Abkhaz have a special relationship with the land. They believe that God gave it to them and no one has the right to take it away.

In the 19th century George Chachba wrote the following: "...if the laws are inadequate and are not in the interests of man, the laws not the man must be changed. Nature strives for symmetry and human society strives for equality. Until there is social and ethnic equality there will be no peace."

George Gvakharia. Film and TV as "Alien Ethnic Space" (pp. 208-214)

The author describes his experience as the host of a Georgian TV show whose goal is to help overcome stereotypes, aggressive attitudes to whatever is

different or alien. The program is called "Psikho" and is on the most popular channel in Georgia. The films shown on the programs provoke live discussions on important social issues, including the Georgian-Abkhaz conflict. When the subject discussed was the conflict, all those who called in said that the introduction of troops in Abkhazia had been either a mistake or a crime. This coincides with the results of Marina Elbakidze's focus group discussions (see vol. 1).

The programs are based on the principles of the "humanistic psychology" of Carl Rogers and the principle of empathy. The audience is given the opportunity to see the world from the perspective of another culture, to forget about their own passions and biases. This helps to overcome stereotypes and promote democratic and pacifist values. In one of the first programs the UNESCO motto was quoted: War begins in the mind: we kill others in our minds, then we get weapons to kill them physically. The author argues that an ethnocentric society cannot cope with crises and conflicts.

The author proposes that the project participants organize a satellite TV program so that audiences can watch and discuss issues together.

Zurab Japua. Traditional Forms of Reconciliation in Abkhaz Narrative Folklore (pp. 51-58, 243-266)

Citizen diplomacy is a frequent theme in Abkhaz narrative tradition, in both ancient and more recent folklore. It can be found in three genres--the heroic-archaic Nart epos, heroic-historical tales and oral stories.

The theme of traditional reconciliation is throughout heroic-archaic and heroic-historical narratives, which are the leading genres of Abkhaz folklore. The theme of heroism is the dominant idea in almost all Abkhaz oral tradition. This is because of the constant struggle of the Abkhaz against various enemies throughout their entire history. A people that survived such a profoundly heroic history had to develop a militaristic etiquette and their own peacebuilding mechanisms.

Studies of the traditional institution of reconciliation provide insights into the mentality of the people without which it would be impossible to come to agreement and resolve tensions, especially in the face of war.

Therefore traditional forms of reconciliation can be an extremely important context for the political dialogue of the conflicting parties since understanding the past is necessary to preserve and sustain contemporary society.

Marina Pagava. The Displaced (pp. 342-349)

In the first few months after the internally displaced people (IDPs) arrived from Abkhazia they did not feel alienated in their new environment. The sympathy shown them compensated for the inefficient aid that they received. Today the

IDPs feel quite alienated. Why is aid to these people so inefficient? Why do they feel alienated from the rest of the society? The answers to these questions require serious analysis. Meanwhile it is possible to point out the most obvious reasons. One factor is poor information. They do not know their rights or what aid they are eligible to receive. Another reason for their frustration is the lack of any prospects for improvement. The government has not been able to develop a consistent action program that could be a guideline for local nongovernmental organizations and international organizations. There are no answers to the questions, "What lies ahead?" and "What can we do?" As a result, they feel like social outcasts.

Dalila Pilia. Development of a New Abkhaz State (pp. 120-126, 296-309)

1. Since the fall of the Soviet Union and Georgia's subsequent independent status as a state it has pursued a policy to become a unitary state. Abkhazia's proposal for a Georgian federation resulted in the Georgian-Abkhaz war.
2. The concept of developing a modern Abkhaz state began with the adoption of the Declaration of

Abkhazia's State Sovereignty and the adoption of the Constitution of the Republic of Abkhazia in 1994. The constitution asserts the following principles: Abkhazia is a sovereign state; Abkhazia is a democratic, law-governed state; the president of Abkhazia is the head of state and has full power.

3. Positive transformations are occurring in the development of the new Abkhaz state. Abkhazia, however, faces substantive obstacles from Russia which has declared a comprehensive blockade, and from Georgia which has launched a political campaign around the world in order to prevent recognition of the Republic of Abkhazia.
4. Development of the new Abkhaz state is a painful and contradictory process. Civil rights standards are weak and are not guaranteed. A large percentage of the population does not believe it is possible to create a law-governed state. Another section of the population believes that it is not so difficult to ensure the rule of law since formal legal institutions are functioning. Most officials have declared their adherence to law governed norms and believe that it is possible to build a law-governed state through legislation, decrees and directives. The gap between these positions is the main obstacle to creating a new Abkhaz state.
5. As in many other post-socialist states, a weak civil society and the absence of strong political parties have resulted in excessive presidential power. Another factor was the Georgian-Abkhaz war.

6. As the Abkhaz state develops the parliament should become a "school of democracy" with regard to the executive branch of government. It should find democratic solutions to problems and oppose authoritarian rule. Despite the difficulties in developing the institution of parliamentarianism, collective reason in resolving critical issues is part of the mentality of the Abkhaz people.

Nodar Surguladze. Instead of a presentation (pp. 137-144)

The conflict will be very protracted since the two sides have fundamental differences. Abkhazia aspires for independence and Georgia for restoring its territorial integrity. Abkhazia's orientation is toward Russia and Georgia's is toward the West. Georgia is building an open society and Abkhazia wants to preserve a closed society. So far we do not see any prospects for resolution of these differences. Each side regards the rejection of these principles as the rejection of its own identity.

Instead of making a presentation the author posed four questions to two participants: (1) What would happen if Georgia gave up trying to restore its territorial integrity and recognized Abkhazia's independence? (2) What would happen if Abkhazia returned to Georgia? (3) What would happen if Abkhazia changed its orientation toward the West, following Georgia or together with Georgia? (4) What would happen if they both changed their orientation toward the Byelorussian-Russian alliance?

Due to lack of time only the first two questions were answered. Here are the responses to the first question.

Irakli Surguladze (Georgian)

- (1) Abkhazia is too small to solve its own problems and would be consumed by intertribal rivalry.
- (2) No one can ever convince me that Russia will allow on its borders an independent and prosperous Abkhazia of the future.

Oleg Damenia (Abkhaz)

- (1) It would not be a tragedy for Georgia. The Georgian ethnic group is able to maintain a Georgian state. The identity and survival of the Georgian ethnic group does not depend on whether Abkhazia is part of Georgia.
- (2) Georgia stands to gain by recognizing Abkhazia's independence. This would be the first step to bring the two people closer together. This could be an important breakthrough in terms of the Abkhaz people's attitude toward Georgia.
- (3) Russia is unlikely to be seriously concerned about Abkhaz or Georgian affairs.

Here are the responses to the second question.

Irakli Surguladze

- (1) This would help promote shared interests and goals and strengthen efforts to reach those goals.
- (2) The state would have to establish a complex and strong organization to ensure the safe return of refugees.

Oleg Damenia

This would mean that Abkhazia would voluntarily give up its opportunity for self-identity.

Tamara Shakryl. The Problem of Clarity of Language in Official and Unofficial Diplomacy in the Process of Settling the Conflict (pp. 99-119)

1. One obstacle to settling the conflict is the absence of clear definitions of a number of basic terms used in both official and unofficial diplomacy. The confusion that arises from this leads to lack of understanding between the negotiators since each side interprets the terms in distinctly different ways.
2. One such term is "territorial integrity." Political, encyclopedic and legal dictionaries do not contain this term, even though the concept is fundamental to a number of basic issues in the negotiations.
3. Another related term, "ethnic minorities," is not defined in any dictionary or manual.
4. This enables some diplomats and participants in the talks to manipulate these very important terms, defining them as they like. Another such term is "indigenous population," the source of numerous debates.
5. As N. I. Kondakov has written, "when people begin to discuss any issue they should begin, said Aristotle, by first agreeing on the terms they use so that they understand them in the same way during the process of the discussion." (Dictionary of Logic, Moscow, 1971, p. 527.)
6. Unfortunately, all these contradictions appear not to be accidental in the language of these crucial pacts of international law, such as the laws of human rights and group rights. This is intended to benefit the powerful. This is why double standards are so common. (See L. V. Kvarchelia. The International Politics of Double Standards that Encourage Human Rights Violations. A paper presented on June 22, 1999, at a conference on "Abkhazia: Two Centuries of Undeclared War," sponsored by the Abkhaz National Commission on Human Rights.)
7. These statements above may not seem important at first sight, but they are significant factors that require resolution both for the sake of objective

analysis of the situation and for the sake of mutual understanding in the dialogue.

8. Language is not only a means of communication, but also thinking. As Academician P.V. Kopnin noted, "modern scientific theory [including political science--T.S.] is language, that is, the means used to express thoughts." (P.V. Kopnin, *The Nature of Thoughts and Forms of Expression in Language--Thought and Language*, Moscow, 1957, p. 199.)
9. The above shows that if terms are not clearly defined language does not fulfill its function and mutual understanding is not possible.
10. Academics stress the importance of clarity in the elements of the language of science, including clarity of terminology.

Irakli Surguladze. The Role of Traditions in Settling the Georgian-Abkhaz Conflict (pp. 77-82, 266-279)

As recently as at the beginning of the 20th century Abkhaz and Georgian mentalities were patriarchal and relations between the two peoples were based on ancient norms of law and economics. Since Abkhaz and Georgians share similar traditions, behavior patterns and economic-cultural realities, they should base their discussions not on a scientific approach, but on all-Caucasus traditions. This is because the masses are not yet able to think scientifically, and also because science is categorical, while traditions are tolerant. Science, contrary to tradition, is "incapable of standing between political truth and falsehoods without losing its dignity and function."

The conflict between Abkhaz and Georgians is a conflict between the cultural differences of people from the mountains and the plains. Usually mountain people who move to the valleys ultimately find common ground with locals. In the case of the Abkhaz conflict outside forces pit the Abkhaz against the Georgians with the help of assassins and careerists who should not be identified with their ethnic group. Many of them who imposed their will on the rest of us have already disappeared into a shroud of shame. Soon those who are still cloaked in the darkness of history will also disappear from the scene.

